

ISSN: 2074-1944

ВОЕННОЕ ПРАВО

<http://www.voennoepravo.ru>

№ 3 (91) 2025

Редакционный совет

1. **Бараненков Вячеслав Вячеславович**, доктор юридических наук, профессор
2. **Глухов Евгений Александрович**, кандидат юридических наук, доцент
3. **Ермолович Ярослав Николаевич**, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева
4. **Корякин Виктор Михайлович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры военной администрации, административного и финансового права Военного университета имени князя Александра Невского Минобороны России
5. **Маликов Сергей Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, председатель диссертационного совета по специальности «Военное право», профессор кафедры криминалистики Военного университета имени князя Александра Невского Минобороны России
6. **Свининых Евгений Анатольевич**, доктор юридических наук, доцент
7. **Сморчкова Лариса Николаевна**, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН
8. **Туганов Юрий Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор Российской таможенной академии
9. **Холиков Иван Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Издается с 2001 г.
Научные направления
периодического издания:
— Военные науки
— Юридические науки

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
Эл 77-4305 от 16.01.2001 г.
Номер ISSN: 2074-1944

Издание включено в систему Российского
индекса научного цитирования (РИНЦ)

Решением президиума Высшей аттестационной
комиссии при Минобрнауки России включено в
**Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук,
ученой степени доктора наук по группе
научных специальностей
6.0.0 — Военные науки**
(№ 923 Перечня по состоянию на 18.03.2025)

Главный редактор —
КОРЯКИН
Виктор Михайлович,
доктор юридических наук,
профессор
e-mail: Korjakinmiit@rambler.ru

Ведущий редактор —
ГУСЕЙНОВА
Альбина Джабаровна

Адрес в интернете
<http://www.voennoepravo.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Указатель сокращений	6
Правовое обеспечение национальной безопасности	
1. Закомолдин Р.В. Гражданская оборона и безопасность гражданского населения как элементы военной (оборонной) безопасности	9
2. Землин А.И., Колоколова Д.А. Обеспечение информационной безопасности в условиях специальной военной операции	13
3. Корякин В.М. Правовые позиции высших судебных органов Российской Федерации по вопросам правового обеспечения специальной военной операции.....	38
Теория и история военного права	
4. Ащеулов А.Е., Петухова М.В., Шалькова В.А. Помощь союзников СССР по ленд-лизу в годы Второй мировой войны (историко-правовой анализ)	33
5. Бутов С.В. Особенности продовольственного обеспечения военнослужащих войск НКВД СССР, входивших в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны	38
6. Докучаев О.О. Социально-гуманитарная интерпретация некоторых положений общей кибернетики и оценка возможности их использования в теоретико-правовом исследовании	46
7. Плакса В.Н. Источники права военно-космической деятельности.....	55
8. Сынков Н.В. Вина как обязательный признак субъективной стороны коррупционных правонарушений, совершаемых военнослужащими.....	68
9. Углицких Д.В., Раненкова Е.В. К вопросу об иностранных военнопленных и интернированных в СССР	74
Военно-административное право	
10. Кайнов В.И., Попков Д.В. Административная ответственность за управление транспортным средством военнослужащим-водителем, находящимся в состоянии опьянения: практика Верховного Суда Российской Федерации	82
11. Кукушкин М.В. Постоянное проживание за границей близких родственников кандидата на должность судьи может явиться препятствием для назначения на должность судьи	89
12. Минтягов С.А. Содержание деятельности военной полиции Вооружённых Сил Российской Федерации по обеспечению законности: научный анализ.....	93
13. Потяев П.Ю. Правовое обеспечение боевой подготовки войск (сил) в Арктической зоне: исторический и современный аспекты	98
14. Смирнов С.В. Правовая регламентация противодействия терроризму силами и средствами войск национальной гвардии России	106

Военная служба. Социальные гарантии

15. Малкова Н.В.

Сравнительный анализ систем страхования и медицинского обеспечения военнослужащих в США и Российской Федерации: вызовы, адаптация и перспективы развития 113

Военные аспекты гражданского права

16. Морозова Д.В., Степовик В.И., Матвичук Д.В.

Проблематика формирования типового положения о закупке товаров, работ, услуг на примере Министерства обороны Российской Федерации 122

Уголовное право и криминология

17. Александрова Н.Г., Вотченко И.А.

О некоторых вопросах освобождения от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время 129

18. Глухов Е.А.

Причины и условия, способствующие должностной и коррупционной преступности в военной среде 134

19. Ермолович Я.Н.

Совершенствование уголовно-правовой охраны несовершеннолетних (научно-практический комментарий к Федеральному закону от 28 декабря 2024 г. № 514-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»)..... 147

20. Иванов А.Л., Ермолович Я.Н.

Сложные вопросы субъективной стороны «корыстного» убийства..... 154

21. Шмелев И.Р., Коршунов Ю.А.

Уголовная ответственность за оставление погибающего военного корабля 162

Уголовный процесс и криминалистика

22. Корчагина И.В.

Наложение военным судом денежного взыскания за нарушение порядка в судебном заседании 166

23. Некрасов А.А.

Криминалистические методы отождествления личности при проверке документов у лиц, следующих через государственную границу 171

24. Селюков В.А.

О некоторых вопросах реализации конституционных прав военнослужащих при проведении специальной военной операции и контртеррористической операции 179

25. Харченко С.В., Гирько С.И., Скиба А.П.

Преступления, совершенные в прошлые годы: некоторые факторы, влияющие на их раскрытие 186

Зарубежное военное законодательство.

Военные проблемы международного права

26. Кахкцян А.С.

Военное право Республики Армения на современном этапе развития (с 1991 г. по настоящее время) 194

27. Редкоус В.М. О необходимости учета законодательства об обороне сопредельных государств в российских условиях	203
28. Синяева Н.А. Общее состояние договорных обязательств Российской Федерации в области методов и средств ведения войны	217
2 Шестак В.Н., Нахатакян В.Т. Нюрнбергский процесс: историческое значение и влияние на международное уголовное право	231

Указатель сокращений

абз. — абзац

АО — акционерное общество

БРИКС (англ. BRICS — сокращение от Brazil, Russia, India, China, South Africa) — объединение десяти государств: Бразилии, России, Индии, КНР, ЮАР, ОАЭ, Ирана, Египта, Эфиопии и Индонезии, основанное в июне 2009 г.

БСЭ — Большая советская энциклопедия

ВКС — Воздушно-космические силы

ВМФ — Военно-Морской Флот

ВСУ — Вооруженные силы Украины

ВУ — Военный университет имени князя Александра Невского Минобороны России

ГА — Генеральная Ассамблея

ГИБДД — Государственная инспекция безопасности дорожного движения

ГКО — Государственный комитет обороны

гл. — глава

ГПК РФ — Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации

ГУПВИ — Главное управление по делам военнопленных и интернированных

ДНР — Донецкая Народная Республика

ЕАЭС — Евразийский экономический союз

КНР — Китайская Народная Республика

КоАП РФ — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях

КПП — контрольно-пропускной пункт

ЛНР — Луганская Народная Республика

МВД России — Министерство внутренних дел Российской Федерации

МГБ — Министерство государственной безопасности

Минздрав России — Министерство здравоохранения Российской Федерации

Минобороны России — Министерство обороны Российской Федерации

Минэкономразвития России — Министерство экономического развития Российской Федерации

Минюст России — Министерство юстиции Российской Федерации

млн. — миллион

млрд. — миллиард

МПВО — местная противовоздушная оборона

МУС — Международный уголовный суд

МЧС России — Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий

НАТО — Организация Североатлантического Договора (англ. North Atlantic Treaty Organization, NATO)

НИИ — научно-исследовательский институт

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел

НКО — Народный комиссариат обороны

ОАЭ — Объединенные Арабские Эмираты

ОБСЕ — Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе

ОВД — органы внутренних дел

ОДКБ — Организация договора о коллективной безопасности

ООН — Организация Объединенных Наций

ООО — общество с ограниченной ответственностью

ОРД — оперативно-розыскная деятельность

п. — пункт

ПВО — противовоздушная оборона

ПРО — противоракетная оборона

ПДД — Правила дорожного движения

подп. — подпункт

РАН — Российская Академия Наук

РА — Республика Армения

РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия

Росгвардия — Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации

Роскомнадзор — Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

руб. — рубль, рублей

СВО — специальная военная операция

СК России — Следственный комитет Российской Федерации

СК РФ — Семейный кодекс Российской Федерации

СМИ — средства массовой информации

СНГ — Содружество Независимых Государств

СНК — Совет Народных Комиссаров

СПС — справочная правовая система

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

ст. — статья

США — Соединенные Штаты Америки

тыс. — тысяча

УВП ВС РФ — Устав военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации

УВС ВС РФ — Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации

УК РФ — Уголовный кодекс Российской Федерации

УПК РФ — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

ФГБОУ ВО — федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

ФГКВОУ ВО — федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования

ФСБ России — Федеральная служба безопасности Российской Федерации

ФСИН России — Федеральная служба исполнения наказаний Российской Федерации

ФССП России — Федеральная служба судебных приставов Российской Федерации

ЦК ВКП(б) — Центральный комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)

ч. — часть

ШОС — Шанхайская организация сотрудничества

ЮАР — Южно-Африканская Республика

Правовое обеспечение национальной безопасности

© **Закомолдин Руслан Валериевич**, кандидат юридических наук, доцент, научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений и противодействия экстремизму НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации

Аннотация. Статья посвящена анализу таких категорий как «гражданская оборона» и «безопасность гражданского населения» применительно к военной сфере. Отмечается, что они также являются элементами военной (оборонной) безопасности, а их надлежащее обеспечение является залогом обеспечения военной (оборонной) и национальной безопасности страны.

Ключевые слова: военная безопасность, оборонная безопасность, оборона, гражданская оборона, гражданское население, безопасность гражданского населения, военные угрозы, специальная военная операция.

Для цитирования: Закомолдин Р.В. Гражданская оборона и безопасность гражданского населения как элементы военной (оборонной) безопасности // Военное право. 2025. № 3. С. 9—12.

Статья поступила в редакцию 13 марта 2025 г.

Проведение специальной военной операции и участие России в боевых действиях обнажило целый ряд проблем, заставило по-новому взглянуть на многие привычные категории и институты, выявило пробелы и рассогласованность действующего законодательства в регулировании соответствующей сферы и смежных с ней направлений.

Так, в Военной доктрине Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976, военная безопасность определяется как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения (военных угроз или угроз военного характера), характеризующееся отсутствием таких угроз

либо наличием способности им противостоять (подп. «а» п. 8).

При этом ключевым субъектом военной безопасности является государственная военная организация (Вооруженные Силы, иные войска, воинские формирования и органы), которой присущи такие качества, как боеготовность и обороноспособность в целях противодействия военным угрозам и обеспечения военной безопасности¹.

Исходя из определения военной безопасности, она представляет собой сложное, составное, структурированное явление, включающее ряд элементов — безопасность военной службы, воинский порядок, воинскую дисциплину, порядок прохождения военной службы, уставной порядок, боеготовность, боеспособность, обороноспособность и др.²

¹ Закомолдин Р.В. О состоянии и перспективах уголовно-правового обеспечения военной безопасности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. XVIII Междунар. науч.-практ. конф. М.: РГ Пресс, 2021. С. 270—274.

² Закомолдин Р.В. Уголовно-правовая охрана и обеспечение военной безопасности // Современные глобальные вызовы и их нейтрализация уголовно-правовыми, криминологическими и уголовно-процессуальными средствами: сб. тр. по матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч. в рамках III Сарат.

Российская Федерация проводит не агрессивную, а оборонительную внешнюю политику, поэтому обеспечение военной безопасности имеет, по своей сути, оборонительный характер. Соответственно, в контексте военной безопасности уместно вести речь именно об обороне, то есть оборонной безопасности¹.

При этом оборону уместно подразделять на военную (Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне») и гражданскую (Федеральный закон от 12 февраля 1998 г. № 28-ФЗ «О гражданской обороне»). При этом эти направления (формы, разновидности) обороны взаимосвязаны и взаимообусловлены применительно к военной сфере.

Поскольку речь идет в том числе о военных угрозах, создающих опасность для жизненно важных интересов общества, то в качестве элементов военной (оборонной) безопасности следует рассматривать также гражданскую оборону и безопасность гражданского населения в военной сфере.

В соответствии с ст. 1 Закона о гражданской обороне, гражданская оборона в военной сфере представляет собой систему мероприятий по подготовке к защите и по защите населения на территории Российской Федерации от опасностей, возникающих при военных конфликтах или вследствие этих конфликтов. В соответствии со ст. 2 данного закона, основными задачами в области гражданской обороны в военной сфере являются:

- подготовка населения в области гражданской обороны;
- оповещение населения об опасностях, возникающих при военных конфликтах или вследствие этих конфликтов;
- эвакуация населения в безопасные районы;
- предоставление населению средств индивидуальной и коллективной защиты;

- проведение мероприятий по световой маскировке и другим видам маскировки;

- проведение аварийно-спасательных и других неотложных работ в случае возникновения опасностей для населения при военных конфликтах или вследствие этих конфликтов;

- первоочередное жизнеобеспечение населения, пострадавшего при военных конфликтах или вследствие этих конфликтов;

- борьба с пожарами, возникшими при военных конфликтах или вследствие этих конфликтов;

- обнаружение и обозначение районов, подвергшихся радиоактивному, химическому, биологическому или иному заражению;

- санитарная обработка населения, обеззараживание зданий и сооружений, специальная обработка техники и территорий;

- восстановление и поддержание порядка в районах, пострадавших при военных конфликтах или вследствие этих конфликтов;

- срочное восстановление функционирования необходимых коммунальных служб в военное время;

- срочное захоронение трупов в военное время;

- обеспечение устойчивости функционирования организаций, необходимых для выживания населения при военных конфликтах или вследствие этих конфликтов;

- обеспечение постоянной готовности сил и средств гражданской обороны.

В Российской Федерации сформированы система управления гражданской обороной во главе с МЧС России и группировка сил гражданской обороны, состоящая из спасательных воинских формирований МЧС России, подразделений Государственной противопожарной службы, аварийно-спасательных и поисково-спасательных

юрид. форума «Законотворческая политика и правоприменение в современной России» (9 июня 2023 г.) / под общ. ред. А.Г. Блинова, Е.В. Кобзевой, Н.С. Мановой. Саратов: Изд. СГЮА, 2023. С. 140—148.

¹ Васильев И.В. Оборонная безопасность России в системе национальной безопасности // Власть. 2017. № 6. С. 44—51; Ласария О.А. Вопросы обороны

страны в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Вестник военного права. 2021. № 4. С. 60—67; Шнякина Т.С., Сливков А.С. Оборона страны как важнейшее направление обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации // Военное право. 2022. № 1(71). С. 42—50.

формирований, нештатных формирований по обеспечению выполнения мероприятий по гражданской обороне, а также специальных формирований, которые создаются на военное время в целях решения задач в области гражданской обороны. Именно данные органы управления и силы гражданской обороны решают перечисленные задачи по подготовке к защите и по защите населения от опасностей, возникающих при военных конфликтах или вследствие этих конфликтов¹.

При этом под гражданским населением понимается та его часть, которая не участвует в активных боевых действиях и не входит в состав воинских и иных специальных структур. Это так называемое мирное население, которое находится на территории воюющих сторон, но при этом не входит в состав комбатантов². Таким образом, это категория, которая имеет прямое отношение к обществу, в то время как армия имеет прямое отношение к государству, является государственной военной организацией, представителями которой выступают военнослужащие и приравненные к ним лица (добровольцы, мобилизованные, запасники и др.). Понятие «гражданское население» как в законодательстве, так и научной доктрине применяется исключительно к условиям военной сферы, когда имеют место военные конфликты, боевые действия, военное время, военное положение, специальная военная операция и т.п.³

В таких условиях органы военной обороны и гражданской обороны призваны обеспечить безопасность гражданского населения на территории боестолкновений, на прилегающей территории, в целом на территории воюющих стран. Это касается в том числе и гражданского населения

страны-противника, что соответствует нормам и принципам международного публичного права.

Таким образом, надлежащее обеспечение гражданской обороны и безопасности гражданского населения является залогом надлежащего обеспечения военной (оборонной) и национальной безопасности страны.

В данной публикации мы ставили перед собой задачу обозначить эту проблему в целях ее дальнейшего более глубокого системного комплексного анализа.

Список источников

1. Васильев И.В. Оборонная безопасность России в системе национальной безопасности // *Власть*. 2017. № 6. С. 44—51.
2. Грищенко Л.Л., Шукин В.М. Теоретические и правовые аспекты обеспечения безопасности населения России от вызовов и угроз современности // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. 2022. № 5. С. 20—28.
3. Закомолдин Р.В. О состоянии и перспективах уголовно-правового обеспечения военной безопасности // *Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. XVIII Междунар. науч.-практ. конф.* Москва: РГ Пресс, 2021. С. 270—274.
4. Закомолдин Р.В. Уголовно-правовая охрана и обеспечение военной безопасности // *Современные глобальные вызовы и их нейтрализация уголовно-правовыми, криминологическими и уголовно-процессуальными средствами: сб. тр. по матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч. в рамках III Саратов. юрид. форума «Законотворческая политика и правоприменение в современной России» (9 июня 2023 г.) / под общ. ред. А.Г. Блинова, Е.В. Кобзевой, Н.С. Мановой. Саратов: Изд. СГЮА, 2023. С. 140—148.*
5. Ласария О.А. Вопросы обороны страны в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // *Вестник военного права*. 2021. № 4. С. 60—67.
6. Шнякина Т.С., Сливков А.С. Оборона страны как важнейшее направление обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации // *Военное право*. 2022. № 1(71). С. 42—50.

¹ См., напр.: Стратегия в области развития гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах на период до 2030 года, утв. Указом Президента Российской Федерации от 16 октября 2019 г. № 501.

² Грищенко Л.Л., Шукин В.М. Теоретические и правовые аспекты обеспечения безопасности населения России от вызовов и угроз современности // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. 2022. № 5. С. 26.

³ Там же.

Civil defense and the safety of the civilian population as elements of military (defense) security

© **Zakomoldin R.V.**,

candidate of legal sciences, associate professor, research fellow of the department of scientific support of prosecutorial supervision and strengthening of the rule of law in the sphere of federal security, interethnic relations and counteraction of extremism of the Research Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the analysis of such categories as "civil defense" and "civilian population safety" in relation to the military sphere. It is noted that they are also elements of military (defense) security, and their proper provision is the key to ensuring military (defense) and national security of the country.

Keywords: military security, defense security, defense, civil defense, civilian population, civilian safety, military threats, special military operation.

For citation: Zakomoldin R.V. Civil Defense and the Safety of the Civilian Population as elements of Military (Defense) security // Military law. 2025. No. 3. pp. 9-12.

The article was received by the editorial office on March 13, 2025.

Отдельные правовые вопросы обеспечения информационной безопасности в условиях специальной военной операции

© Землин Александр Игоревич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой прав человека ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет», научный сотрудник ФГВКОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации

© Колоколова Дарья Александровна,
магистр права, студент факультета политических и социальных технологий, направление «42.04.02 Журналистика. Управление современными медиапроектами», ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»

Аннотация. В статье на основе применения формально-догматического анализа рассматриваются определения таких правовых категорий, как «информационная безопасность», «информационная война», «кибервойна»; с использованием системно-правового подхода раскрываются цели, задачи и основные черты информационной войны; анализируются кейсы психоэмоционального воздействия на население Российской Федерации в условиях специальной военной операции; раскрываются способы и методы, применяемые в целях обеспечения информационной безопасности в условиях специальной военной операции; приводятся статистические данные Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций в рамках темы настоящей научной статьи; дается краткая характеристика нормативно-правового пласта рассматриваемой сферы правоотношений.

Ключевые слова: информационная безопасность, информационная война, специальная военная операция, агитация, фейк, дезинформация, законодательство.

Для цитирования: Колоколова Д.А., Землин А.И. Обеспечение информационной безопасности в условиях специальной военной операции // Военное право. 2025. № 3. С. 13—17.

Статья поступила в редакцию 8 марта 2025 г.

Информационная безопасность страны является одной из первоочередных образующих безопасности страны в целом. И именно сейчас, в первой четверти XXI в., такая составляющая превосходит по своему значению многие другие.

Информация — это тот фактор, который позволяет в условиях специальной

военной операции (СВО) манипулировать человеческим сознанием наиболее искусно.

В целом, под *информационной войной* принято понимать такой способ взаимодействия с информацией, который приведет к исполнению целей противоборствующих сторон.¹ При этом не обязательно,

¹ Лободенко Л.К. Информационная война в цифровом медиапространстве : монография. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ. 2023. С. 128.

чтобы та или иная информация безусловно была истинной.

Ведущей характеристикой данного вида военных конфликтов выступает, прежде всего, психоэмоциональное воздействие. Оно направлено на подавление воли вражеской стороны посредством дезинформации и дезориентации, искажения действительности, пропаганды и другое.

Помимо термина «информационная война», следует выделить так называемую *кибервойну*. Специфика данной дефиниции близка к определениям киберпреступности в целом, включая кибертерроризм.

Однако, в современном мире границы между приведенными определениями становятся едва различимыми, поскольку все чаще и чаще ключевым вопросом является вопрос способа получения преимущественного положения над противником.

Тем не менее, относительно СВО многие специалисты утверждают о существовании *гибридной (иначе, сетевцентрической) войны*. Определение говорит само за себя: гибриды подразумевают смешение полярных составляющих, в нашем случае — военного орудия и инструментария, не относящегося напрямую к войне.

Современный человек под информационным пространством подразумевает информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет». Однако, информация существует не только в сети, она повсеместна. Ввиду этого угроза безопасности информации может существовать и в форме террористических или экстремистских организаций, митингов, протестов и т.д.

Так, с 2022 г. в разных городах нашей страны (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург и другие) были зафиксированы случаи массовых протестов в связи

с ведением СВО. Подобные акции выражались в следующем:

- сбор подписей петиции;
- массовые обращения в открытых источниках, на платформах общего доступа;
- проведение флешмобов в социальных сетях;
- организация одиночных пикетов;
- подрывные акции в день празднования Великой Победы и прочее¹.

Ряд антиправительственно настроенных граждан во время СВО не просто проводит митинги, но организуют целые проекты. Так, весьма известен проект «Ковчег», преследующий своей целью объединение лиц, настроенных против порядков, существующих в России в настоящее время. «Ковчег» организует учебные курсы в формате семинаров и лекций для большей идеологической обработки населения.

Кроме того, многие проекты и журналы оказались задействованными в издании методических пособий по обучению антиправительственному курсу в отношении Российской Федерации в условиях ведения СВО, например: «Популярная Политика», «Холод», «Дождь».

Безусловно, спонсирование получалось от представителей стран, порицающих курс России в отношениях с Украиной. Не стоит забывать и о самых громких попытках иностранных государств оказать давление на население: в частности, призывы В. Зеленского к сопротивлению мобилизации народами Северного Кавказа, Сибири, Поволжья.

В действительности, информационную войну, ведущуюся против России, можно назвать достаточно агрессивной. Активной линией, выбранной противниками страны, стали распространение фейков и дискредитация Вооруженных Сил Российской Федерации.

Так, например, в начале 2022 г. гражданам России направлялся шокирующий

¹ Венцель С.В., Волощук А.В., Гаас А.А., Калашкина Т.В. Краткий аналитический обзор информационных угроз в период специальной военной операции // Обзор. НЦПТИ. 2023. № 2 (33). С. 49.

контент, содержащий фото- и видеоматериалы с издевательствами над российскими солдатами. Кроме того, очень активно распространялся фейковый материал о преступлениях, совершаемых бойцами Вооруженных Сил Российской Федерации. Его целью было пробудить еще большую ненависть к России на международной арене.

Запугивание населения нашей страны происходило и происходит посредством звонков мошенников, смс- и e-mail-рассылок, спама в социальных мессенджерах. Зачастую в таких звонках и текстовых сообщениях злоумышленники заставляют совершить противоправные действия путем угроз и обмана. Через чаты в мессенджерах преступники вербуют молодежь, зазывая вступить в их ряды. Наиболее распространенными диверсионными актами стали:

— теракты в отношении личностей, играющих особую роль в обществе (журналисты, лидеры мнений);

— поджоги военкоматов, иных административных зданий;

— разрушение железнодорожных путей и значимых промышленных объектов путем подрывов.

Отдельного упоминания требует и угроза персональным данным российских военнослужащих. В частности, распространение сведений о личном составе является разглашением государственной тайны, что в свою очередь, образует состав преступления в соответствии со ст. 275 и ст. 283 УК РФ.

Все вышеобозначенное в значительной степени подрывает информационную безопасность страны. Во избежание

негативных последствий органы государственной власти Российской Федерации прикладывают все усилия и активизируют все имеющиеся ресурсы в целях обеспечения информационной безопасности страны и населения в целом¹.

Наиболее активные действия в части противодействия терроризму и экстремизму в сети были предприняты Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) в активном взаимодействии с компетентными органами². В частности, службой был представлен отчет, по результатам которого с 2022 г. по апрель 2023 г. состоялась блокировка порядка ста шестидесяти тысяч ресурсов с фейковой информацией, а также четырех тысяч трехсот дискредитирующих Российскую Федерацию видеоплатформ³.

Стоит отметить, что успех в противостоянии информационным атакам зависит не только от конкретных действий органов власти, но и от умения граждан отличить ложную информацию от реального положения вещей. В этих целях в детских садах, школах, учреждениях среднего и высшего образования проводятся мероприятия, имеющие профилактическую направленность, а также способствующие поднятию патриотического духа подрастающего поколения⁴.

Психологическое давление со стороны противника непосредственно оказывается и на наших солдат. В целях противодействия атакам такого рода организуется защита личного состава по следующим направлениям⁵:

¹ Корякин В.М. Социальные гарантии, предоставляемые участникам специальной военной операции : учебник и практикум. М.: Русайнс, 2024. С.115.

² Землин А.И. Организационно-правовые основы противодействия терроризму и экстремизму : Учебник / А.И. Землин, Ю.В. Берладир, И.М. Жиленко, О.М. Землина, В.В. Козлов, О.А. Овчаров, И.К. Харичкин. М: КноРус, 2023. С. 67.

³ В Роскомнадзоре рассказали о количестве заблокированных ресурсов с фейками // Портал «РИА Новости». URL: <https://ria.ru/20230609/>

roskomnadzor-1877118432.html (дата обращения: 03.03.2025).

⁴ Петрий П.В. Традиционные российские духовно-нравственные ценности в контексте формирования правовой культуры военнослужащих: социально-философский и системно-правовой аспекты : монография / П.В. Петрий, А.И. Землин, О.М. Землина, А.Н. Каньшин. М.: КноРус, 2024. С. 26.

⁵ Социальные гарантии участникам специальной военной операции: виды и механизмы реализации: учебное пособие со справочником / под ред.

1) прогноз и анализ психологического воздействия со стороны противника;

2) профилактические меры по отражению информационной угрозы личному составу;

3) срыв планов противника;

4) ликвидация последствий.

Кроме того, неустанно работает команда специалистов, оказывающих психологическую помощь и поддержку лицам, подвергнутым информационно-психологическому воздействию¹.

Согласно действующему законодательству, а именно: Указу Президента Российской Федерации «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации», а также Федеральному закону «О статусе военнослужащих», лица, получившие при несении военной службы травму, могут претендовать на медицинское вмешательство. Такое вмешательство подразумевает под собой, в том числе, и психологическую реабилитацию. При этом оказание помощи производится на безвозмездной основе и длится до 30 суток включительно.

Кроме того, чтобы добраться до места лечения такие лица вправе претендовать на бесплатный проезд. Военнослужащему либо выдаются необходимые перевозочные документы, либо он имеет право осуществить возврат денежных средств, потраченных на дорогу из личных средств.

Также, после медико-психологической реабилитации военнослужащих, по решению военно-врачебной комиссии может быть направлен в санаторий, получив бесплатную путевку.

Помимо практической подоплеку исследуемого вопроса, стоит сказать и о материальной составляющей, под которой подразумевается нормативно правовое регулирование описываемых явлений.

Прежде всего, правовые основы и начала категории «информационная безопасность» содержит Конституция Российской Федерации².

Далее стоит обозначить ряд законов, закрепляющих специальные нормы:

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»;

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»;

Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» и другие.

Нарушение обозначенных норм ведет к соответствующему виду ответственности, санкционная часть которых содержится в большинстве своем в УК РФ.

Безусловно, огромную роль для обеспечения любого вида безопасности, в том числе и информационной, играет политика, проводимая государством. Однако, как правило, именно воля и мужество отдельной личности и народа способны противостоять информационно-психологическим атакам недоброжелателей.

Именно духовно-нравственные начала народа и единый подход со стороны органов государственной власти в совокупности увеличивают шансы на большую информационную безопасность в условиях СВО в нашей стране.

Список источников

1. Венцель С.В., Волошук А.В., Гаас А.А., Калашкина Т.В. Краткий аналитический обзор информационных угроз в период специальной военной операции // Обзор НЦПТИ. 2023. № 2 (33). С. 49—56.

2. Корякин В.М. Социальное обеспечение участников специальной военной операции: проблемные вопросы // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 4(297). С. 85—93. EDN: UBPXSH

О.Г. Безбабнова, А.И. Землина, В.М. Корякина. М.: Изд-во «Красная звезда», 2024. С. 176.

¹ Землин А.И. Рекомендации по организации и оказанию правовой помощи участникам специальной военной операции в учреждениях здравоохранения: учебно-методическое пособие / под ред. А.И. Землина. М.: РУСАЙНС, 2024. С. 110.

² Корякин В.М. Социальное обеспечение участников специальной военной операции: проблемные вопросы // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 4(297). С. 85.

3. Корякин В.М. Социальные гарантии, предоставляемые участникам специальной военной операции : учебник и практикум. Москва: Русайнс, 2024. 294 с. EDN: POZSSN

4. Лободенко Л.К. Информационная война в цифровом медиaprостранстве : монография. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ. 2023. С. 128.

5. Организационно-правовые основы противодействия терроризму и экстремизму : учебник / А.И. Землин, Ю.В. Берладир, И.М. Жиленко, О.М. Землина, В.В. Козлов, О.А. Овчаров, И.К. Харичкин. Москва: КноРус, 2023. EDN: KFUSYS

6. Рекомендации по организации и оказанию правовой помощи участникам специальной

военной операции в учреждениях здравоохранения: учебно-методическое пособие / под ред. А.И. Землина. М.: РУСАЙНС. 2024.

7. Социальные гарантии участникам специальной военной операции: виды и механизмы реализации: учебное пособие со справочником / под ред. О.Г. Безбабнова, А.И. Землина, В.М. Корякина. Москва: Изд-во «Красная звезда», 2024. EDN: WFOLBF.

8. Традиционные российские духовно-нравственные ценности в контексте формирования правовой культуры военнослужащих: социально-философский и системно-правовой аспекты : монография / П.В. Петрий, А.И. Землин, О.М. Землина, А.Н. Каньшин. Москва: КноРус, 2024. EDN: VIYZOQ

Ensuring information security in the context of a special military operation

© **Zemlin A. I.**,

Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Human Rights, Russian State Social University

© **Kolokolova D. A.**,

student of the Faculty of Political and Social Technologies, direction "42.04.02 Journalism. Management of Modern Media Projects", Russian State Social University

Annotation. The article defines such legal categories as "information security", "information warfare", "cyberwar"; reveals the goals, objectives and main features of information warfare; analyzes cases of psychoemotional impact on the population of the Russian Federation in the context of a special military operation in Ukraine; reveals the methods and methods used to ensure information security in the context of a special military operation; the statistical data of the Federal Service for Supervision in the Field of Communications, Information Technology and Mass Communications are presented within the framework of the topic of this scientific article; a brief description of the regulatory layer of the considered sphere of legal relations is given.

Keywords: information security, information warfare, special military operation, agitation, fake, disinformation, legislation.

For citation: Kolokolova D.A., Zemlin A.I. Ensuring Information Security in the context of a Special military operation // Military law. 2025. No. 3. pp. 13-17.

The article was received by the editorial office on March 8, 2025.

Правовые позиции высших судебных органов Российской Федерации по вопросам правового обеспечения специальной военной операции

© **Корякин Виктор Михайлович**,
доктор юридических наук, профессор,
профессор 25 кафедры ФГКВОУ ВО
«Военный университет имени князя
Александра Невского» Министерства
обороны Российской Федерации

Аннотация. В статье обобщены и проанализированы положения некоторых актов Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, касающиеся различных аспектов правового обеспечения специальной военной операции. Приведены правовые позиции Конституционного Суда по вопросу легитимности специальной военной операции, причин и условий ее возникновения, ее целей и задач, соответствия нормам международного права. Показаны примеры судебного толкования высшими судебными органами особенностей правового регулирования прохождения военной службы в условиях мобилизации, предоставления социальных гарантий участникам боевых действий и их семьям, юридической ответственности за дискредитацию деятельности Вооруженных Сил и добровольческих формирований и др. На основании обобщения судебной практики сформулированы некоторые предложения по совершенствованию правового регулирования общественных отношений в условиях специальной военной операции.

Ключевые слова: правовые позиции судов; судебное толкование норм права; специальная военная операция; мобилизация; военная служба; социальные гарантии участникам боевых действий; ответственность за дискредитацию Вооруженных Сил.

Для цитирования: Корякин В.М. Правовые позиции высших судебных органов Российской Федерации по вопросам правового обеспечения специальной военной операции // Военное право. 2025. № 3. С. 18—32.

Статья поступила в редакцию 30 апреля 2025 г.

1. Теоретико-правовые аспекты правового обеспечения СВО и судебного толкования норм права.

Практика специальной военной операции (СВО), которую Россия проводит с 24 февраля 2022 г. в целях денацификации и демилитаризации Украины, убедительно свидетельствует, что обязательным условием успешного решения военных и специальных задач, стоящих перед Вооруженными Силами Российской Федерации, иными войсками, воинскими формированиями и органами, вовлеченными в операцию, является надежное, всестороннее и непротиворечивое правовое обеспечение деятельности указанных субъектов по разгрому противника и достижению военных и политических целей СВО. Посредством применения комплекса средств правового

обеспечения политическим решениям органов государственной власти и управленческим решениям органов военного управления придается юридическая сила, формальная определенность, свойство общеобязательности исполнения.

В условиях продолжающейся СВО происходит качественное переосмысление многих вопросов внутренней и внешней политики России, в том числе — в сфере нормотворческой деятельности. Высшим законодательным органом нашей страны за данный период принято весьма значительное число новых законодательных и иных правовых актов, направленных на правовое регулирование разнообразных общественных отношений, складывающихся в условиях СВО. Под правовым обеспечением специальной военной

операции мы предлагаем понимать деятельность различных субъектов по созданию и практической реализации норм права, позволяющих сделать достижимыми, реально выполнимыми цели и задачи СВО, поставленные высшими органами государственной власти и управления, путем их закрепления в нормативных правовых актах в виде общеобязательных для исполнения и соблюдения правил поведения¹.

Для того, чтобы субъекты, реализующие задачи СВО, действовали успешно и достигали поставленных целей и задач, их нужно «снабдить» соответствующими законами и иными правовыми актами в необходимом количестве и качестве (точно так же, как они снабжаются, например, вооружением и военной техникой, материальными средствами и т.п.). Наличие нормативной основы боевой деятельности войск и отдельных военнослужащих создает необходимые условия легитимности их действий, порождает в них уверенность в том, что, реализуя правовые предписания, они действуют в правовом поле, от имени государства, что они находятся под надежной защитой закона.

Несмотря на весьма активную нормотворческую деятельность в сфере правового обеспечения СВО, ввиду динамично меняющейся обстановки и внезапно возникающих новых задач, а также несовершенства некоторых правовых норм, в правоприменительной практике нередко возникают спорные, конфликтные ситуации, разрешение которых требует вмешательства судебных органов. Нередко образуются и пробелы в праве, нормотворчество не всегда успевает своевременного реагировать на изменения общественных отношений. Судебное толкование правовых норм, судебное правотворчество, восполнение пробелов в правовом регулирова-

нии являются неотъемлемой составной частью правового обеспечения СВО. Это находит свое официальное отражение в правовых позициях судебных органов различного уровня.

В теории права под правовой позицией понимается оценка фактической реальности и система аргументов, выводов и предложений по ее правовому урегулированию. Это своего рода логико-юридическая конструкция, выражающая отношение к праву, правовому регулированию и его нормам. Разновидностями правовых позиций являются правотворческие, правоприменительные и доктринальные².

В полной мере эти теоретические положения имеют отношение и к правовому обеспечению СВО. Судебные правовые позиции представляют собой результат аналитической деятельности высших судебных инстанций, имеющий целью конкретизацию и устранение пробельности действующего законодательства о различных аспектах СВО, носящий обобщающий характер, обладающий особой правовой природой, образованный при помощи языковых, аргументационных и логических средств. В свою очередь, под судебным нормотворчеством в научных публикациях понимается выработка высшими судебными органами общих норм правового регулирования, толкование и конкретизация норм и принципов права в процессе своей деятельности с закреплением этих результатов в судебном акте³.

За период после февраля 2022 г. судебными органами различного уровня принят весьма значительный массив правоприменительных актов, прямо или опосредованно затрагивающих разнообразные, многоаспектные общественные отношения, складывающиеся в связи с проведением специальной военной операции. Наиболее важными из них являются акты

¹ Корякин В.М. Правовое обеспечение специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины : монография. М.: Юрлитинформ, 2025. С. 46.

² Власенко Н.А. Правовые позиции: понятие и виды // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 77—86.

³ Грибкова К.В. Правовые позиции и положения судебной практики: понятие, особенности, значение // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 165—166.

высших судебных инстанций — Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации.

Рассмотрим некоторые из них более подробно.

2. О причинах и условиях, вызвавших необходимость проведения Российской Федерацией специальной военной операции, и ее легитимность с точки зрения международного права.

Осенью 2022 г. произошло без преувеличения эпохальное событие новейшей истории России — включение в состав Российской Федерации четырех новых субъектов: Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей. Основанием такого приращения территории нашей страны стали двусторонние договоры, заключенные 30 сентября 2022 г. между Российской Федерацией и каждым из названных государственных образований.

Федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» обязывает Президента Российской Федерации направлять в Конституционный Суд Российской Федерации запрос о проверке соответствия Конституции Российской Федерации международных договоров о принятии в состав Российской Федерации новых субъектов. Такого рода запросы направляются после подписания договоров и до их внесения в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации на ратификацию в порядке,

предусмотренном Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации».

В полном соответствии с названными законодательными нормами Президент Российской Федерации после подписания договоров о принятии в Российскую Федерацию ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей направил запросы в Конституционный Суд Российской Федерации о проверке конституционности этих договоров. По результатам проведенного конституционного контроля Конституционный Суд Российской Федерации принял постановления от 2 октября 2022 г. № 36-П, № 37-П, № 38-П и 39-П¹, которыми признал эти договоры не противоречащими Конституции Российской Федерации. Это явилось основанием для их последующей ратификации и вступления в законную силу.

В названных актах Конституционного Суда Российской Федерации наряду с иными положениями сформулированы очень важные правовые позиции относительно причин, приведших к вынужденному началу Россией специальной военной операции. В данных судебных актах указывается, что вследствие произвольных решений советских органов власти территория Украинской ССР была в значительной степени сформирована из земель с преобладающим русским населением, без волеизъявления самих граждан. Если в едином государстве, каковым по сути был СССР, это само по себе практически не влекло нарушения прав граждан,

¹ Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 октября 2022 г. № 36-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта»; № 37-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового

субъекта»; № 38-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Запорожской областью о принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта»; № 39-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Херсонской областью о принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта».

проживающих на соответствующих территориях, то в связи с распадом Союза их фактическое и правовое положение стало изменяться к худшему.

Ситуация особенно усугубилась после вооруженного антиконституционного переворота в Киеве в 2014 г. В условиях острого социально-экономического и политического кризиса, а также установления фактически внешнего управления со стороны коллективного Запада власти Украины проводили и продолжают проводить целенаправленную политику, препятствующую тем гражданам, которые идентифицируют себя как принадлежащих к русскому народу, сохранять свою национальную, языковую, религиозную и культурную идентичности. Это проявилось в дискриминационных нормативных актах и соответствующей правоприменительной практике государственных органов Украины, которые поощряли деятельность структур (нередко до степени фактического сращивания с ними), насаждавших идеологию и практику агрессивного национализма и антирусского неонацизма.

В указанных обстоятельствах население соответствующих территорий получило правомерное основание следовать принципу равноправия и самоопределения народов (п. 2 ст. 1 Устава ООН) и реализовать право на самоопределение (п. 1 ст. 1 Международного пакта о гражданских и политических правах). Формами осуществления данного права согласно Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (24 октября 1970 г.), являются создание независимого суверенного государства, свободное присоединение к другому независимому государству или объединение с ним либо установление другого политического статуса, свободно определенного народом.

В 2014 г. в результате народного волеизъявления, выраженного посредством референдума, в состав Российской Федерации в качестве ее субъектов вошли Крым и Севастополь. Население Донбасса на референдумах приняло решение о независимости Донецкой и Луганской народных республик, а затем оказало вооруженное сопротивление украинским силам, правящему киевскому режиму. Республики в ходе возникшего конфликта подвергались постоянным артиллерийским обстрелам, в том числе по гражданским объектам; погибли тысячи мирных граждан, среди которых много детей. В целом ряде регионов Украины состоялись акции протеста против антиконституционного переворота, которые были жестоко подавлены, что сопровождалось человеческими жертвами.

Попытки мирного урегулирования фактически были сорваны киевским режимом (указами Президента Российской Федерации от 21 февраля 2022 г. № 71 и № 72¹ констатирован, в частности, отказ Украины от мирного урегулирования конфликта в соответствии с Минскими соглашениями). Сохранялась и нарастала угроза для жизни и здоровья людей, для прав и свобод значительной части населения. Военная политика Украины, концентрированно выраженная в ее Военной стратегии, принятой в 2021 г., проявилась в подготовке к очередному наступлению на Донецкую и Луганскую народные республики с использованием полученных от ряда стран вооружений и военных советников. Это свидетельствовало об утрате возможностей мирного разрешения ситуации, а также позволило констатировать возникновение непосредственных угроз для Российской Федерации, жизни и безопасности ее граждан, неприкосновенности ее территории, причем неминуемо нарастающих с учетом стремления Украины вступить в НАТО и при явном поощрении антироссийской политики киевского режима со стороны коллективного

¹ Указ Президента Российской Федерации от 21 февраля 2022 г. № 71 «О признании Донецкой

Народной Республики»; Указ Президента Российской Федерации от 21 февраля 2022 г. № 72 «О признании Луганской Народной Республики».

Запада. При этом подготовленное киевским режимом вооруженное вторжение на территории, контролируемые органами власти Донецкой и Луганской народных республик, с неизбежностью повлекло бы массовые жертвы среди мирного населения, а также расправы над защитниками их независимости.

В сложившихся обстоятельствах Российская Федерация 24 февраля 2022 г. — после официальной просьбы о помощи со стороны Донецкой и Луганской народных республик и на основании заключенных с ними и ратифицированных Федеральным Собранием договоров о дружбе и взаимной помощи — была вынуждена начать упреждающую специальную военную операцию, которая с учетом неотвратимости угрозы фактически представляет собой также реализацию Россией ее неотъемлемого права на самооборону (ст. 51 Устава ООН). В ходе этой операции освобождены значительные территории, население которых в силу вышесказанного настроено на реализацию права на самоопределение вне Украины.

3. О конституционности и соответствии международному праву вхождения в состав Российской Федерации ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлениях от 2 октября 2022 г. № 36-П, № 37-П, № 38-П и 39-П отмечает, что перед лицом нарастающих угроз жизненным интересам граждан со стороны политики Украины Народный Совет ДНР и Народный Совет ЛНР, военно-гражданские администрации Запорожской и Херсонской областей приняли решение о проведении референдумов. На референдуме был вынесен вопрос о вхождении соответственно ДНР, ЛНР, а также самостоятельных государств, образованных Запорожской областью и Херсонской областью, в состав Российской Федерации на правах субъектов Российской Федерации (в Херсонской и Запорожской областях, кроме того, на референдум были вынесены вопросы о выходе из состава Украины и образовании самостоятельного гос-

ударства как о предпосылках для вхождения в состав Российской Федерации). Результаты референдумов послужили основанием для подписания Договора между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта, Договора между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта, Договора между Российской Федерацией и Запорожской областью о принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта, Договора между Российской Федерацией и Херсонской областью о принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта.

Конституционный Суд Российской Федерации констатировал, что принятие в Российскую Федерацию указанных регионов является прежде всего основанием для реализации необходимых мер по прекращению антиправовых действий внешних сил, причиняющих смерть, увечья и ранения гражданам на указанных территориях и в соседних с ними субъектах Российской Федерации, и для налаживания мирной жизни. В экстраординарной ситуации, созданной политикой властей Украины при поддержке коллективного Запада, такое решение является, по существу, необходимым и единственно доступным правовым средством достижения указанных конституционно предопределенных целей, даже если вынужденно будет сопровождаться задействованием сил и средств другого рода.

Согласно Конституции Российской Федерации (ст. 2, 7, 20 и 41) жизнь и здоровье человека — высшее благо, без которого утрачивают свое значение многие другие блага и ценности, а потому забота об их сохранении и укреплении образует одну из первейших и основополагающих

конституционных обязанностей государства, чья степень дискреции в выборе правовых средств, направленных на защиту этого блага, чрезвычайно высока. Бездействие же в ситуации реальной угрозы для жизни и здоровья людей означало бы устранение государства от исполнения его важнейшей конституционной обязанности, вытекающей из ст. 2 и 18 Конституции Российской Федерации и состоящей в признании, соблюдении и защите прав и свобод человека и гражданина, и, по сути, приводило бы к игнорированию этой обязанности в силу сугубо формальной интерпретации конституционного принципа верховенства закона (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2020 г. № 49-П).

В ситуации, когда народ ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей, осуществляя право на самоопределение, выразил намерение на установление государственно-правовой связи с Российской Федерацией, проголосовав на референдуме за вхождение в ее состав, неисполнение по отношению к нему в конкретно-исторических условиях обязанности защищать жизнь и здоровье, устранять угрозы безопасности граждан было бы нарушением конституционного принципа поддержания доверия к действиям государства. Признавая одной из основополагающих ценностей многонационального народа Российской Федерации веру в добро и справедливость и будучи правовым социальным государством (преамбула; ст. 1, ч. 1; ст. 7 Конституции Российской Федерации), Российская Федерация не может игнорировать факты массового нарушения права на жизнь и дискриминации людей по признакам, основанным на их национальной и языковой принадлежности, тем более если они происходят на территории, с жителями которой население России имеет прочные исторические, культурные и человеческие связи.

Имея целью в конечном итоге достижение на соответствующей территории мира как важнейшего условия сохранения жизни и здоровья, обеспечения безопасности людей, договоры о принятии в состав

Российской Федерации не вступают в коллизию с конституционным ориентиром на принятие Российской Федерацией мер по поддержанию и укреплению международного мира и безопасности, обеспечению мирного сосуществования государств и народов, недопущению вмешательства во внутренние дела государства (ст. 79.1 Конституции Российской Федерации).

Данные цели рассматриваемых договоров при изложенных обстоятельствах согласуется и с целью ООН по предотвращению и устранению угрозы миру (п. 1 ст. 1 Устава ООН). Эти договоры во всяком случае не выступают в качестве средства разрешения международных споров, в том числе территориальных, и вопросов, касающихся государственных границ, и поэтому не вступают в противоречие с принципом воздержания от угрозы силой или ее применения (п. 4 ст. 2 Устава ООН), как он конкретизирован в Декларации 1970 г. о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН. То обстоятельство, что его заключение вызвало у ряда стран упреки в нарушении существующих международных границ другого государства, не может оцениваться вне учета его цели и обстоятельств заключения, а также вне известной в международно-правовой практике конкуренции этого принципа с принципом равноправия и самоопределения народов и с правом на самооборону.

Уполномоченные органы государственной власти Российской Федерации, заключая и в дальнейшем ратифицируя рассматриваемые договоры и соглашаясь тем самым на вхождение новых субъектов в Российскую Федерацию, вправе исходить из того, что в указанных обстоятельствах бездействие в определении правовой судьбы ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей либо промедление в решении этого вопроса сохраняет чрезвычайную угрозу для жизни, здоровья и безопасности жителей этих регионов и граждан России в целом и поэтому недопу-

стимо с точки зрения признаваемых и защищаемых Российской Федерацией конституционных ценностей.

По смыслу ст. 4 рассматриваемых договоров во взаимосвязи со ст. 67 и 71 (п. «н») Конституции Российской Федерации регулирование вопросов государственной границы Российской Федерации после принятия новых субъектов в Российскую Федерацию направлено на обеспечение целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации (ст. 4, ч. 3 Конституции Российской Федерации) и на защиту этих и других конституционных ценностей на всей территории Российской Федерации, включая вновь образованные субъекты Российской Федерации.

4. Об особенностях увольнения военнослужащих с военной службы в период мобилизации.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 на всей территории Российской Федерации с 22 сентября 2022 г. действует режим частичной мобилизации, в период которого действуют иные, чем в мирное время, правила прохождения военной службы, в частности, существенно сокращено число оснований увольнения граждан с военной службы. Согласно п. 5 данного Указа в период частичной мобилизации действуют следующие основания увольнения с военной службы военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, а также граждан Российской Федерации, призванных на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации:

а) по возрасту — по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе;

б) по состоянию здоровья — в связи с признанием их военно-врачебной комиссией не годными к военной службе, за исключением военнослужащих, изъявивших

желание продолжить военную службу на воинских должностях, которые могут замещаться указанными военнослужащими;

в) в связи с вступлением в законную силу приговора суда о назначении наказания в виде лишения свободы¹.

Складывающаяся судебная практика подтверждает законность ограничения права военнослужащих на увольнение с военной службы в период мобилизации. Показательным в этом плане является правовая позиция, изложенная в Определении Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 28 января 2025 г. по делу № 224-КАД24-20-К10.

Из материалов рассмотренного дела следует, что Романов Д.В., проходивший военную службу по контракту на лётной воинской должности, заключением военно-лётной комиссии от 16 декабря 2021 г. признан негодным к лётной работе, годным к военной службе с незначительными ограничениями. От предложенных в ноябре 2023 г. высших и низших должностей он отказался и обратился с рапортом об увольнении в связи с организационно-штатными мероприятиями.

Приказом командующего Черноморским флотом от 30 ноября 2023 г. Романов Д.В. назначен без его согласия на равную воинскую должность инженера группы обслуживания авиационного оборудования. Не согласившись с таким решением, Романов Д.В. обжаловал данный приказ в военном суде и просил его отменить.

Суд первой инстанции удовлетворил заявленные требования и указал в решении, что увольнение административного истца предметом рассмотрения аттестационной комиссии воинской части не являлось, его рапорт об увольнении по существу рассмотрен не был, согласия с назначением на другие должности он не давал.

¹ Проблемные вопросы, связанные с особенностями прохождения военной службы в период СВО, нашли достаточно широкое освещение на страницах военно-правовых изданий (см., например: Калашников В.В., Харитонов С.С. Проблемы практического применения норм военного законодательства об увольнении с военной службы (по

материалам военных судов) // Военное право. 2024. № 1. С. 35—48; Калашников В.В., Харитонов С.С. О правовом регулировании военной службы в период мобилизации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 7. С. 16—20 и др.).

Суд апелляционной инстанции отменил данное решение и принял новое — об отказе в удовлетворении административного искового заявления. При этом суд исходил из того, что безусловных оснований для увольнения Романова Д.В. не имелось, его увольнение зависело от усмотрения командования, а назначение на равную воинскую должность его согласия не требовало. Кассационная инстанция отменила решение апелляционного суда и оставила в силе решение суда первой инстанции.

Как указала Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации, согласно материалам дела, вопросы служебного назначения Романова Д.В. после признания его военно-летной комиссией негодным к летной работе и годным к военной службе с незначительными ограничениями решались в период объявленной Президентом Российской Федерации частичной мобилизации. Это обстоятельство имеет существенное значение для дела, поскольку согласно п. 4 Указа Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» контракты о прохождении военной службы, заключенные военнослужащими, продолжают свое действие до окончания периода частичной мобилизации, за исключением случаев увольнения военнослужащих с военной службы по основаниям, установленным п. 5 названного Указа (эти основания перечислены в начале настоящего раздела). Иные основания увольнения с военной службы в период мобилизации установлены Указами Президента Российской Федерации от 24 октября 2022 г. № 767дсп, от 21 ноября 2022 г. № 842дсп.

Увольнение военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, признанных негодными к военной службе по военно-учетной специальности, в связи с организационно-штатными мероприятиями названными указами Президента Российской Федерации не предусмотрено.

Вместе с тем Указом Президента Российской Федерации от 3 августа 2023 г. № 580 установлено, что военнослужащие могут быть уволены с военной

службы по основаниям, указанным в том числе в подп. «а» п. 2 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (в связи с организационно-штатными мероприятиями). Решение об увольнении таких военнослужащих принимается в исключительных случаях в соответствии с заключением аттестационной комиссии и с учетом необходимости эффективного выполнения задач, возложенных на федеральные органы исполнительной власти (федеральные государственные органы), в которых предусмотрена военная служба.

Из изложенного следует, что в период мобилизации военнослужащих, в данном случае административный истец, может быть уволен с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями по решению командования лишь в исключительных случаях и с учетом необходимости эффективного выполнения задач, возложенных на Минобороны России. Решение вопроса о возможности увольнения военнослужащего с военной службы в зависимости от эффективного выполнения Министерством обороны задач возложено на командование, которое в случае принятия такого решения устанавливает на основании заключения аттестационной комиссии наличие исключительных для увольнения военнослужащего случаев.

В суде установлено, что в условиях проведения Вооруженными Силами Российской Федерации специальной военной операции на Черноморском флоте имеются необходимые для заполнения вакантные должности, соответствующие состоянию здоровья и уровню образования административного истца. При этом исключительных случаев, которые могли бы указывать на необходимость увольнения Романова Д.В., признанного годным к военной службе с незначительными ограничениями, по делу не установлено.

Таким образом, применение судом кассационной инстанции к спорным правоотношениям предписаний Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г.

№ 1237, которое в силу п. 1 ст. 1 названного Положения, определяет порядок прохождения военной службы в мирное время, повлекло неприменение закона, подлежащего применению в данном деле, и привело к ошибочному выводу о незаконности приказа командующего Черноморским флотом о назначении Романова Д.В. на равную воинскую должность.

5. О возможности ограничения кругом лиц, претендующих на получение денежных выплат, предусмотренных законодательством в случае гибели военнослужащего-участника СВО.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, военная служба представляет собой особый вид государственной службы, непосредственно связанной с обеспечением обороны страны и безопасности государства и, следовательно, осуществляемой в публичных интересах; лица, несущие такого рода службу, выполняют конституционно значимые функции: военнослужащий принимает на себя бремя неукоснительно, в режиме жесткой военной дисциплины исполнять обязанности военной службы, которые предполагают необходимость выполнения поставленных задач в любых условиях, в том числе сопряженных со значительным риском для жизни и здоровья.

В случае гибели военнослужащего при исполнении воинского долга или смерти вследствие ранения, травмы, контузии, полученных при исполнении обязанностей военной службы, Российская Федерация как социальное государство принимает на себя обязательства по оказанию социальной поддержки членам его семьи, исходя из того, что их правовой статус произведен от правового статуса самого военнослужащего и обусловлен спецификой его служебной деятельности¹.

¹ Вопросы предоставления социальных гарантий семьям погибших участников СВО являются предметом постоянного внимания многих научных публикаций (см., например: Лобода А.Б. Проблемы реализации Указа Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 98 в Вооруженных Силах Российской Федерации // Военное право.

Таким образом, установленная федеральным законодателем система социальной защиты членов семей военнослужащих, погибших при исполнении обязанностей военной службы, направлена на максимально полную компенсацию связанных с их гибелью материальных потерь. Такое правовое регулирование, гарантирующее родителям военнослужащих, погибших при исполнении обязанностей военной службы, названные выплаты, имеет целью не только восполнить связанные с этим материальные потери, но и выразить от имени государства признательность гражданам, вырастившим и воспитавшим достойных членов общества — защитников Отечества (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2014 г. № 22-П, от 19 июля 2016 г. № 16-П).

Однако один лишь факт родства с погибшим военнослужащим не может служить достаточным основанием для производства денежных выплат его родителям, необходим учет степени и форм их участия в воспитании и содержании погибшего в период его несовершеннолетия.

Показательным в этом отношении является Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 3 марта 2025 г. № 1-КГ24-14-К3 (УИД 29RS0005-01-2023-000609-13).

Согласно материалам дела, Ларина Т.В. 27 апреля 2023 г. обратилась в суд с иском к Шевченко Г.Т. о лишении его права на получение выплат в связи с гибелью военнослужащего Шевченко И.Г.

В обоснование заявленных требований Ларина Т.В. указала, что она состояла в браке с Шевченко Г.Т., у них родился сын Шевченко И.Г. Однако начиная с 2007 г. Ларина Т.В. с сыном совместно с Шевченко Г.Т. не проживали. На основа-

2024. № 3. С. 131—134; Холиков И.В., Кирпичникова М.А. Особенности признания лиц «фактическими воспитателями» военнослужащих, погибших при проведении специальной военной операции, в судебном порядке // Военное право. 2024. № 3. С. 140—148; и др.).

нии судебного приказа мирового судьи судебного участка № 1 Исакогорского и Цигломенского округов г. Архангельска от 21 мая 2010 г. с Шевченко Г.Т. на содержание сына Шевченко И.Г. взысканы алименты, от уплаты которых Шевченко Г.Т. злостно уклонялся. Решением мирового судьи судебного участка № 1 Исакогорского и Цигломенского округов г. Архангельска от 24 мая 2010 г. брак между Лариной Т.В. и Шевченко Г.Т. расторгнут.

21 марта 2023 г. Шевченко И.Г., проходивший военную службу по мобилизации в Вооруженных Силах Российской Федерации, погиб при исполнении обязанностей военной службы в ходе участия в специальной военной операции на территории Донецкой Народной Республики.

Ларина Т.В. считает, что отец Шевченко И.Г. — Шевченко Г.Т. должен быть лишен права на получение выплат, полагающихся членам семьи военнослужащего в случае его гибели, поскольку с 2007 г. Шевченко Г.Т. надлежащим образом не выполнял свои обязанности родителя, не принимал участия в воспитании и содержании сына, не заботился о его здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии, имеет задолженность по алиментам с момента их взыскания, то есть с 2010 г.

Решением Исакогорского районного суда г. Архангельска от 22 ноября 2023 г. в удовлетворении исковых требований Лариной Т.В. отказано. Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Архангельского областного суда от 7 мая 2024 г. решение суда первой инстанции оставлено без изменения. Определением судебной коллегии по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 28 августа 2024 г. решение суда первой инстанции и апелляционное определение суда апелляционной инстанции оставлены без изменения.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований Лариной Т.В. о лишении Шевченко Г.Т. права на получение выплат в связи с гибелью в

ходе участия в СВО при исполнении обязанностей военной службы их сына Шевченко И.Г. и пришел к выводу об отсутствии предусмотренных законом оснований для лишения Шевченко Г.Т. как родителя погибшего военнослужащего права на получение мер социальной поддержки. По мнению суда первой инстанции, семейные и родственные отношения между отцом Шевченко Г.Т. и сыном Шевченко И.Г. утрачены не были, поскольку Шевченко И.Г. проживал с отцом некоторое время в 2017 г., сын жалел отца, хотел с ним встречаться, помогал ему продуктами, уже будучи в совершеннолетнем возрасте, часто приходил к нему домой.

В поданной в Верховный Суд Российской Федерации кассационной жалобе Лариной Т.В. поставлен вопрос о передаче жалобы с делом для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации для отмены состоявшихся по делу судебных постановлений, как незаконных.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации считает, что выводы судов первой, апелляционной и кассационной инстанций основаны на неправильном толковании и применении норм материального права, регулирующих спорные отношения, и сделаны с существенным нарушением норм процессуального права.

Статьей 38 Конституции Российской Федерации и корреспондирующими ей нормами ст. 1 СК РФ предусмотрено, что семья, материнство, отцовство и детство в Российской Федерации находятся под защитой государства. Забота о детях, их воспитание — равное право и обязанность родителей (ч.2 ст. 38 Конституции Российской Федерации). Семейное законодательство исходит из необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечения беспрепятственного осуществления членами се-

мый своих прав, возможности судебной защиты этих прав (абз. второй п. 1 ст. 1 СК РФ).

Родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей (родительские права) (п. 1 ст. 61 СК РФ). В случае, если родители не предоставляют содержание своим несовершеннолетним детям, средства на содержание несовершеннолетних детей (алименты) взыскиваются с родителей в судебном порядке (п. 2 ст. 80 СК РФ).

Согласно абз. Второму ст. 69 СК РФ родители (один из них) могут быть лишены родительских прав, если они уклоняются от выполнения обязанностей родителей, в том числе при злостном уклонении от уплаты алиментов. Следовательно, права родителя, в том числе на получение различных государственных пособий и выплат, основанные на факте родства с ребенком, не относятся к числу неотчуждаемых прав гражданина, поскольку законом предусмотрена возможность лишения гражданина такого права в случае уклонения от выполнения им обязанностей родителя.

Ввиду изложенного, а также с учетом целей правового регулирования мер социальной поддержки, предоставляемых родителям военнослужащего в случае его гибели (смерти) в период прохождения военной службы при выполнении обязанностей военной службы, направленных на возмещение родителям, которые длительное время надлежащим образом воспитывали военнослужащего, содержали его до совершеннолетия и вырастили защитником Отечества, нравственных и материальных потерь, связанных с его гибелью (смертью) при выполнении обязанностей военной службы, лишение права на получение таких мер социальной поддержки возможно при наличии обстоятельств, которые могли бы служить основаниями для лишения родителей родительских прав в случае уклонения от выполнения обязанностей родителей, в том числе при злостном уклонении от уплаты алиментов.

Положения приведенных норм материального права в их взаимосвязи с нормами специального законодательства,

предусматривающими соответствующие выплаты членам семьи погибшего (умершего) при исполнении обязанностей военной службы военнослужащего, с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации суды первой и апелляционной инстанций к спорным отношениям применили неправильно, в связи с чем их выводы об отсутствии предусмотренных законом оснований для лишения Шевченко Г.Т. как родителя погибшего военнослужащего права на получение мер социальной поддержки и об отказе в удовлетворении исковых требований Лариной Т.В. о лишении Шевченко Г.Т. права на получение выплат в связи с гибелью при исполнении обязанностей военной службы их сына Шевченко И.Г. нельзя признать правомерными.

Между тем к таким обстоятельствам относятся следующие: принимал ли ответчик Шевченко Г.Т. какое-либо участие в воспитании сына-военнослужащего Шевченко И.Г. до его совершеннолетия, проявлял ли заботу о его здоровье, оказывал ли ему моральную, физическую, духовную поддержку, предпринимал ли Шевченко Г.Т. какие-либо меры для создания сыну условий, необходимых для его развития, обеспечивал ли получение сыном общего образования, содержал ли сына материально, по какой причине у Шевченко Г.Т. образовалась задолженность по алиментам начиная с момента их взыскания и предпринимал ли Шевченко Г.Т. какие-либо действия для погашения этой задолженности в полном объеме и, как следствие, имелись ли между Шевченко Г.Т. и его сыном Шевченко И.Г. фактические семейные и родственные связи.

При таких обстоятельствах вывод судов первой и апелляционной инстанций об отказе в удовлетворении исковых требований Лариной Т.В. о лишении Шевченко Г.Т. права на получение выплат в связи с гибелью при исполнении обязанностей военной службы их сына Шевченко И.Г. не соответствует содержанию и смыслу правового регулирования отношений по

предоставлению мер социальной поддержки родителям военнослужащего в случае его гибели (смерти) в период прохождения военной службы при исполнении обязанностей военной службы и предназначению этих мер социальной поддержки — возмещение родителям, которые длительное время надлежащим образом воспитывали военнослужащего, содержали его до совершеннолетия и вырастили защитником Отечества, нравственных и материальных потерь, связанных с его гибелью (смертью) при исполнении обязанностей военной службы.

Учитывая изложенное, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу, что принятые судебные решение по иску Лариной Т.В. нельзя признать законными, поскольку они приняты с существенными нарушениями норм материального и процессуального права, повлиявшими на исход дела, без их устранения невозможна защита нарушенных прав и законных интересов Лариной Т.В., что согласно ст. 390.14 ГПК РФ является основанием для отмены обжалуемых судебных постановлений и направления дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации рекомендовала суду при новом рассмотрении дела принять во внимание изложенное и разрешить искивые требования Лариной Т.В. на основании норм закона, подлежащих применению к спорным отношениям, в соответствии с требованиями гражданского процессуального законодательства и установленными по делу обстоятельствами, а также учесть правовую позицию, изложенную в п. 6 Обзора судебной практики № 4 (2020), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23 декабря 2020 г.: «При разрешении спора о наличии у родителей погибшего военнослужащего права на меры социальной поддержки в связи с

его гибелью в виде единовременного пособия и страховой суммы подлежат учету их действия по воспитанию, развитию, материальному содержанию такого лица и имеющиеся между ними фактические семейные связи. В случае уклонения от выполнения обязанностей родителя такой родитель может быть лишен права на получение мер социальной поддержки, основанных на факте родства с погибшим военнослужащим».

6. О юридической ответственности граждан за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации и добровольческих формирований в условиях СВО.

Федеральным законом от 4 марта 2022 г. № 31-ФЗ КоАП РФ был дополнен статьей 20.3.3, которой установлена административная ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, в том числе публичные призывы к воспрепятствованию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в указанных целях, либо на дискредитацию исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации в указанных целях, а равно на дискредитацию оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации. Если в течение года после привлечения к административной ответственности по данной статье лицо совершит аналогичное деяние, то он может быть привлечен к уголовной ответственности в соответствии со ст. 280.3 УК РФ (введена в УК РФ Федеральным законом от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ)¹.

¹ Научно-практические комментарии законодательных норм об ответственности за данные деяния даны во многих научных работах (см., например: Брагина А.Г. О содержании и взаимосвязи

признаков «дискредитация» и «публичность» в составе преступления, предусмотренного статьей 280.3 УК РФ // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями.

В связи с неоднократными обращениями по вопросу проверки на предмет соответствия этих норм требованиям Основного закона страны Конституционным Судом Российской Федерации в выработана следующая правовая позиция изложенная в ряде его актов¹.

Как отмечает Конституционный Суд, деятельность по защите интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержанию международного мира и безопасности по своей природе осуществляется нередко в условиях высокого риска, с угрозой для жизни и здоровья. Для ее эффективности большое значение имеет морально-психологический настрой лиц, непосредственно решающих соответствующие задачи и выполняющих тем самым воинский, служебный и гражданский долг, а одним из его важнейших условий является поддержка обществом как соответствующих решений и мер, так и реализующих их лиц, выступающая таким образом в качестве проявления конституционных принципов взаимного доверия общества и государства, защиты достоинства граждан и уважения к труду защитников Отечества, сбалансированности прав и обязанностей граждан, политической и социальной солидарности (ст. 67.1 (ч. 3) и 75.1 Конституции Российской Федерации). Публичные же действия, в том числе выступления и высказывания, целенаправленно несущие в себе негативную оценку деятельности по защите интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержанию международного мира и безопасности, могут, особенно с учетом их накопительного эффекта, оказывать негативное воздействие на реализацию соответствующих мер и решений, снижать ре-

шительность и эффективность выполнения Вооруженными Силами Российской Федерации и другими государственными органами поставленных задач, мотивированность военнослужащих и иных непосредственно участвующих в этом лиц и тем самым фактически — даже не преследуя непосредственно именно такой цели — содействовать силам, противостоящим интересам Российской Федерации и ее граждан, препятствующим поддержанию международного мира и безопасности. Особенно об эффекте такого содействия можно говорить в случае публичных призывов к воспрепятствованию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, то есть призывов к совершению действий, препятствующих принятию органами государственной власти решений и мер в вышеуказанных целях и их реализации, которые специально выделены федеральным законодателем в качестве отдельной формы совершения правонарушения, состав которого предусмотрен оспариваемой нормой.

По своему содержанию ст. 20.3.3 КоАП РФ не может рассматриваться ни как вводящая обязательную идеологию, ни как направленная на пропаганду войны, которая в Российской Федерации запрещена, или как дискриминационная по отношению к лицам в зависимости от их убеждений. Не посягает она и на свободу личности выбирать и придерживаться тех или иных убеждений и действовать в соответствии с ними, поскольку такая свобода не предполагает совершения лицом правонарушений. Возможность вы-

2023. № 23-2. С. 10—11; Киселев М.Б. Распространение в условиях специальной военной операции фейковой информации о российских Вооруженных Силах, добровольческих формированиях и государственных органах и их дискредитация как формы политического экстремизма // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 3. С. 155—156; Милитаризация и мобилизация Уголовного кодекса Российской Федерации (2022—2024 гг.) : монография /

П.В. Агапов, П.С. Данилов, Л.В. Дулькина, В.К. Дуюнов, Р.В. Закомолдин, В.В. Меркурьев, В.А. Робак, Е.К. Сенокосова; под общ. ред. Р.В. Закомолдина. Самара: Самарама, 2024; и др.).

¹ См., например, определения Конституционного Суда Российской Федерации от 30 мая 2023 г. № 1387-О, от 27 июня 2023 г. № 1455-О, от 20 июля 2023 г. № 2114-О и др.

ражать собственное мнение по поводу деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации, лиц, им содействующих, и государственных органов Российской Федерации, в том числе указывать на наличие недостатков, если это не сопряжено с произвольным отрицанием конституционно-предопределенных характера, целей и задач данной деятельности и основывается на открытой достоверной информации, оспариваемой статьей под сомнение не ставится, что не исключает выявления фактов направленности действий граждан, которым придается видимость конструктивного выражения позиции, на дискредитацию соответствующих решений, мер и деятельности.

Заключение.

Приведенные в настоящей публикации некоторые правовые позиции высших судов Российской Федерации по вопросам правового обеспечения различных сторон СВО лишь в небольшой степени затрагивают весьма значительный массив имеющейся на сегодняшний день судебной практики на данную тему. Учитывая, что многие из них носят прецедентный, преюдициальный характер, можно говорить о необходимости дальнейшего изучения и систематизации такого рода судебных решений. В связи с этим представляется весьма своевременной постановка вопроса о необходимости подготовки и принятия постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации о практике применения судами законодательства о военной службе и статусе военнослужащих в условиях специальной военной операции и иных правовых режимов.

Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам обороны страны и военной безопасности государства способствуют процессу дальнейшего углубления конституционализации военного права, представляющей собой динамику, процесс правового развития военного законодательства на основе

и в соответствии с ценностями современного конституционализма¹.

Список источников

1. Брагина А.Г. О содержании и взаимосвязи признаков «дискредитация» и «публичность» в составе преступления, предусмотренного статьей 280.3 УК РФ // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2023. № 23-2. С. 10—11.

2. Власенко Н.А. Правовые позиции: понятие и виды // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 77—86.

3. Грибкова К.В. Правовые позиции и положения судебной практики: понятие, особенности, значение // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 163—168. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-163-168>

4. Калашников В.В., Харитонов С.С. О правовом регулировании военной службы в период мобилизации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 7. С. 16—20.

5. Калашников В.В., Харитонов С.С. Проблемы практического применения норм военного законодательства об увольнении с военной службы (по материалам военных судов) // Военное право. 2024. № 1. С. 35—48.

6. Киселев М.Б. Распространение в условиях специальной военной операции фейковой информации о российских Вооруженных Силах, добровольческих формированиях и государственных органах и их дискредитация как формы политического экстремизма // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 3. С. 155—156.

7. Конституционализация военного права в современной России: вопросы теории и практики : монография / Тарадонов С.В., Барков А.В., Корякин В.М. [и др.]; под общ. ред. С.В. Тарадонова, Д.И. Самодурова; Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации. Москв : Военный ун-т : Перо, 2024. 370 с. EDN: PZGHGR

8. Корякин В.М. Правовое обеспечение специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины : Серия: Теория и история государства и права. Москва: Издательский дом «Юрлитинформ», 2025. 360 с. ISBN 978-5-605-22287-3. EDN KYVIBT

9. Милитаризация и мобилизация Уголовного кодекса Российской Федерации (2022—2024 гг.) : монография / П.В. Агапов, П.С. Данилов, Л.В. Дулькина, В.К. Дуюнов, Р.В. Закомолдин, В.В. Меркурьев, В.А. Робак, Е.К. Сенокосова; под общ. ред. Р.В. Закомолдина. Самара: Самарама, 2024. 260 с. ISBN 978-5-6052658-9-4

¹ Конституционализация военного права в современной России: вопросы теории и практики : монография / Тарадонов С.В., Барков А.В., Корякин

В.М. [и др.]; под общ. ред. С.В. Тарадонова, Д.И. Самодурова. М.: ВУ, 2024. С. 3.

10. Лобода А.Б. Проблемы реализации Указа Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 98 в Вооруженных Силах Российской Федерации // Военное право. 2024. № 3. С. 131—134.

11. Холиков И.В., Кирпичникова М.А. Особенности признания лиц «фактическими воспитателями» военнослужащих, погибших при проведении специальной военной операции, в судебном порядке // Военное право. 2024. № 3. С. 140—148.

The legal positions of the supreme judicial bodies of the Russian Federation on the issues of legal support for a special military operation

© Koryakin V.M.,

Doctor of Law, Professor, Professor of the 25th Department of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Annotation. The article summarizes and analyzes the provisions of some acts of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation concerning various aspects of legal support for a special military operation. The legal positions of the Constitutional Court on the legitimacy of a special military operation, the causes and conditions of its occurrence, its goals and objectives, and compliance with the norms of international law are presented. Examples of judicial interpretation by the highest judicial authorities of the specifics of the legal regulation of military service in conditions of mobilization, provision of social guarantees to participants in hostilities and their families, legal responsibility for discrediting the activities of the Armed Forces and volunteer formations, etc. are shown. Based on the generalization of judicial practice, some proposals have been formulated to improve the legal regulation of public relations in the context of a special military operation.

Keywords: legal positions of the courts; judicial interpretation of the norms of law; special military operation; mobilization; military service; social guarantees for participants in hostilities; responsibility for discrediting the Armed Forces.

For citation: Koryakin V.M. Legal Positions of the Supreme Judicial Authorities of the Russian Federation on the Issues of Legal support for a special Military Operation // Military law. 2025. No. 3. pp. 18-32.

The article was received by the editorial office on April 30, 2025.

Помощь союзников СССР по ленд-лизу в годы Второй мировой войны (историко-правовой анализ)

© **Ащеулов Олег Евгеньевич**,
кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории и экономической теории
Академии Государственной
противопожарной службы МЧС России

© **Петухова Марина Вениаминовна**,
кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой истории и
экономической теории Академии
Государственной противопожарной
службы МЧС России

© **Шалькова Валерия Анатольевна**,
кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории и экономической теории
Академии Государственной
противопожарной службы МЧС России

Аннотация. В настоящее время большое внимание уделяется такой теме, как недопустимость искажения истории Второй мировой войны и существенного вклада советского народа в Великую Победу. Безусловно, существенный вклад внесли и союзники. Однако данная помощь не была безвозмездной и оказывалась на определенных договорных условиях, на условиях кредитования. В данной статье проведен краткий историко-правовой анализ оказания помощи СССР со стороны Соединенных Штатов Америки и Великобритании в период Второй мировой войны по договору ленд-лиза.

Ключевые слова: ленд-лиз, Вторая мировая война, Великая Отечественная война.

Для цитирования: Ащеулов О.Е., Петухова М.В., Шалькова В.А. Помощь союзников СССР по ленд-лизу в годы Второй мировой войны (историко-правовой анализ) // Военное право. 2025. № 3. С. 33—37.

Статья получена 24 апреля 2025 г.

В настоящее время все больше внимания уделяется такому важному вопросу, как недопущение искажения истории Второй мировой войны и существенного вклада советского народа в Победу над фашистской Германией и милитаристской Японией.

Еще в 2011 г. Государственная Дума на очевидные попытки пересмотра итогов Второй мировой войны приняла обращение, в котором призвала парламенты европейских государств «осудить все попытки реабилитации фашизма, искажения истории и объявить вне закона все формы

национальной, расовой и иной дискриминации, недопустимой в Европе третьего тысячелетия». Особо российские парламентарии выделили то, что «нельзя допускать строительство новых барьеров и блокпостов на Европейском континенте, ибо разъединение рождает недоверие, а недоверие ведет к страху и желанию снова вооружаться»¹.

Кроме этого, 25 февраля 2025 г. Комитетом Совета Федерации по обороне и безопасности проведен круглый стол на тему: «Деятельность федеральных органов исполнительной власти, направленная

¹ Некрасов А. Непризнание итогов Второй мировой войны преступно // ЭЖ-Юрист. 2011. № 18. С. 1, 3.

на недопустимость фальсификации истории Второй мировой войны и реабилитации нацизма: проблемные вопросы», на котором были обсуждены соответствующие важные и актуальные вопросы¹.

Все это, безусловно, подтверждает актуальность рассматриваемой темы, в том числе, сквозь призму военного права, с учетом ее широкого освещения в научных публикациях российских ученых².

Из содержания п. 19 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, следует, что все более актуальной становится проблема морального лидерства и создания привлекательной идейной основы будущего мироустройства. На фоне кризиса западной либеральной модели рядом государств предпринимаются попытки целенаправленного размывания традиционных ценностей, искажения мировой истории, пересмотра взглядов на роль и место России в ней, реабилитации фашизма, разжигания межнациональных и межконфессиональных конфликтов. Проводятся информационные кампании, направленные на формирование враждебного образа России.

Таким образом, важным и необходимым направлением деятельности нашего государства является недопущение искажения истории Второй мировой войны, в том числе степени и роли участия союзников СССР в достижении победы, без возможности ее завышения и соответственно занижения роли самого Советского Союза.

В настоящей статье авторы проведут краткий историко-правовой анализ помощи союзников СССР по ленд-лизу в годы Второй мировой войны, роли и значения этой помощи, правовых основ для ее оказания и условий.

Lend (давать займы) — lease (сдавать в аренду) представлял собой государственную программу, осуществляемую на основании Закона «По обеспечению защиты США» («О ленд-лизе») («An Act to Promote the Defense of the United State» («Lend Lease Act»)), который был принят Конгрессом США 11 марта 1941 г. Целью данного закона являлось предоставление странам-союзницам военного и гражданского оборудования, сырья, материалов и различных информационных разработок, которые были необходимы тем странам, помощь которых во Второй мировой войне президент Америки Ф. Рузвельт полагал жизненно важной для защиты и обороны Соединенных Штатов. Данный закон заключался в том, что поставленные материалы (автомобили, военная техника, оружие и др.) не подлежали оплате, а переданное в рамках ленд-лиза имущество, оставшееся после окончания войны и пригодное для использования в гражданских целях, подлежало оплате полностью или частично на основе долгосрочных и беспроцентных (как правило) кредитов, предоставленных США.

Решение президента Америки о предоставлении ленд-лиза для СССР было официально зафиксировано в Соглашении «О принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии», подписанном 11 июня 1942 г. во время визита В.М. Молотова в Вашингтон. Данное соглашение аналогично тем, которые США заключали со странами — получателями помощи по ленд-лизу, в том числе и с Великобританией. Действие закона о ленд-лизе началось с 1 октября 1941 г., т.е. со дня, когда был подписан Московский (I) протокол³.

Данный «Московский протокол» — Соглашение о взаимных поставках было подписано:

¹ URL: <http://council.gov.ru/events/multimedia/photo/336867/> (дата обращения 02.04.2025).

² Военное право : учебник / А.В. Кудашкин, В.М. Корякин, В.В. Кудашкин [и др.]. М.: Институт государства и права РАН, 2021; Харитонов С.С. О правовом регулировании новых подходов в воен-

ном строительстве с учетом международной обстановки // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 12 (293). С. 113—116; Кириченко Н.С., Александрова Н.Г. Понятие и сущность военного экоцида // Военное право. 2024. № 5 (87). С. 128—132.

³ АВП РФ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 177. Л. 11.

от СССР — И.В. Сталиным, К.Е. Ворошиловым и А.И. Микояном;

от США — А. Гарриманом;

от Великобритании — лордом У. Бивербруком.

Срок действия данного протокола был определен с 1 октября 1941 г. по 30 июня 1942 г. Однако, несмотря на то, что подписание протоколов-соглашений в дальнейшем происходило значительно позже установленного срока, действие их не прекращалось.

В отличие от Великобритании Советский Союз предполагалось снабжать без всяких предварительных условий. При этом от СССР не потребовали представления сведений о запасах иностранной валюты или золота, как это происходило в отношении Великобритании. Вся программа оказания помощи Советскому Союзу реализовывалась иначе, чем аналогичная англо-американская система взаимоотношений. Так, в Великобритании контроль поставок осуществлялся администрацией союзных поставок, которая была создана в октябре 1941 г. В СССР поставки шли на основании специальных протоколов, которые согласовывались ежегодно в ходе переговоров между сторонами. За период войны было заключено четыре таких протокола, которые устанавливали максимальные объемы товаров и материалов, подлежащих предоставлению Советскому Союзу со стороны Штатов.

Поставки с 1 октября по 7 ноября 1941 г. осуществлялись уже на условиях ленд-лиза. К этому времени СССР успел закупить в США оружия и материалов почти на всю сумму предоставленного займа.

По ленд-лизу наша страна получила в 1941—1945 гг. из США готовой продукции и материалов на общую сумму около 10 млрд. долл. (сегодня сумма поставок оценивается по-разному: от 9,5 до 10,6 млрд. долл.¹ Следует, однако, заметить, что поставки по договорам ленд-лиза в основном были совершены лишь после первых успехов Красной Армии и являлись

полностью возмездными и прибыльными для поставщика. В стоимостном выражении поставки Советскому Союзу, транспортные издержки и услуги составили не более 24 % общего числа долларов, израсходованных США на помощь по ленд-лизу другим странам (свыше 46 млрд. долл.). Эта сумма равнялась 13 % всех военных затрат США, из которых на долю помощи Восточному фронту приходилось всего 3,3 %².

При этом наибольшая часть вооружения по окончании Второй мировой войны была возвращена США Советским Союзом.

В отношениях США с Великобританией и Советским Союзом поставки осуществлялись на основе закона о ленд-лизе, в то время как между Великобританией и СССР они претворялись в жизнь в соответствии с взаимными договоренностями — Соглашением о современных действиях в войне от 12 июля 1941 г.; Соглашением о товарообороте, кредите и клиринге от 16 августа 1941 г.; Программой обратного ленд-лиза. 12 июля 1941 г. было подписано Соглашение между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против Германии. Это Соглашение не касалось основных политических вопросов, носило довольно общий характер и было, по сути, протоколом о намерениях. Однако оно имело принципиальное значение, заложив фундамент для предстоящих англо-советских переговоров по экономическим вопросам. 16 августа 1941 г. было подписано соглашение о коммерческом товарообороте, кредите и клиринге между Советским Союзом и Великобританией, которое предусматривало значительные взаимные поставки. Соглашение о товарообороте, кредите и клиринге действовало до 1945 г., но распространялось главным образом на невоенные поставки. По этому Соглашению Великобритания предоставляла нашей стране для оплаты товаров

¹ История социалистической экономики : В 7 т. Т. 5. М.: Наука, 1978. С. 540.

² Петров П.С. Фактическая сторона помощи по ленд-лизу // Военно-исторический журнал. 1990. № 6. С. 34—42.

кредит в 10 млн. ф. ст. на пять лет из расчета 3 % годовых. В соответствии с соглашением платежи между сторонами регулировались на основе клиринга. Поставки по этому Соглашению стали поступать сразу же после его подписания¹.

В 1942 г. сумма кредита возросла до 25 млн. ф. ст., а впоследствии была еще увеличена. В 1947 г. СССР предложил правительству Великобритании снизить процентные ставки по этому кредиту до 0,5 % годовых с 1 мая 1947 г. Кроме того, была достигнута договоренность о продлении срока погашения для половины еще не погашенных ссуд, а также новых ссуд, которые будут предоставляться в дальнейшем, до 15 лет. Основная часть этих кредитов была погашена нашей страной².

Великобритания поставляла СССР энергосиловое и другое необходимое промышленное оборудование, станки, цветные металлы, различного рода сырье (каучук, джут). Экспорт товаров из СССР включал в себя традиционные пиломатериалы, лен, хлопок, пушнину. К военным поставкам по ленд-лизу также относились самолеты, танки, автомобили, бронетранспортеры, зенитные и противотанковые орудия, снаряды, патроны, стратегическое сырье, промышленное оборудование, продовольствие. К концу войны к этому перечню добавились оборудование и механизмы невоенного характера: энергетическое, горнообогатительное, литейное оборудование, дорожные машины и строительные механизмы, металлы, кабельные изделия и абразивы, взрывоматериалы, горючее и смазочные материалы, автопокрышки и ремонтная резина, геодезический инструмент³.

Программа ленд-лиза была прекращена по инициативе США 21 августа 1945 г., несмотря на просьбы СССР о ее продолжении на условиях кредита (необходимо было восстанавливать страну, разрушенную войной). Тем не менее, в тот момент времени Ф. Рузвельт уже скончался, а на пороге стояла «холодная война».

В 1972 г. удалось заключить Соглашение о порядке погашения долгов. СССР обязался уплатить до 2001 г. 722 млн. долларов, но после перечисления 48 млн. долларов выплаты вновь прекратились в связи с вводом американской стороной дискриминационных мер в торговле с СССР на основе т.н. «Поправки Джексона-Вэника».

Вновь вопрос возмещения был поднят в 1990 г. на встрече президентов СССР и США, по итогам которой установлены новая сумма — 674 млн. долл. и срок окончательного погашения — 2030 г. После распада СССР обязательства возмещению долга перешли к Российской Федерации.

Окончательно возмещение догов со стороны России перед СССР по ленд-лизу завершено 21 августа 2006 г. в рамках расчетов с «Парижским клубом».

При обсуждении на тему «Мог ли СССР обойтись без ленд-лиза?» имеются различные мнения, но авторы полагают, что вероятнее всего, мог. Однако, в настоящее время сложно рассчитать какой бы ценой это было бы достигнуто. Даже если объем поставленного союзниками имущества в различной степени вполне мог бы быть компенсирован за счет отечественного производства, то в отношении транспорта и разных видов стратегического сырья без помощи со стороны союзников ситуация могла бы стать критической. Нехватка железнодорожного и автомобильного транспорта могла бы парализовать обеспечение советской армии и снизить уровень ее мобильности. В свою очередь этот факт мог отрицательно повлиять на скорость проведения военных операций и увеличило бы число потерь. Недостаток цветных металлов мог повлечь за собой снижение выпуска вооружения. Кроме того, отсутствие поставок продовольствия усложнило бы борьбу с голодом. Безусловно, СССР смог бы победить и самостоятельно, но установить, насколько выросла бы цена такой победы, невозможно.

¹ Евтеева Е.А. Правовые основы ленд-лиза // История государства и права. 2008. № 9. С. 12—15.

² Хейфец Б.А. Внешний долг и американский ленд-лиз // Финансы. 2000. № 9. С. 61.

³ Перечень содержался в рапорте представителя «Дальстроя» в США Шаламберидзе. См.: Паперно А.Х. Ленд-лиз: Тихий океан. М., 1998. С. 226.

Список источников

1. Военное право : учебник / А.В. Кудашкин, В.М. Корякин, В.В. Кудашкин [и др.]. Москва: Институт государства и права РАН, 2021. 968 с. EDN IZIVOG
 2. Евтеева Е.А. Правовые основы ленд-лиза // История государства и права. 2008. № 9. С. 12—15.
 3. История социалистической экономики : в 7 т. Т. 5. Москва: Наука, 1978.
 4. Кириченко Н.С., Александрова Н.Г. Понятие и сущность военного экоцида // Военное право. 2024. № 5 (87). С. 128—132.
 5. Некрасов А. Непризнание итогов Второй мировой войны преступно // ЭЖ-Юрист. 2011. № 18.
 6. Паперно А.Х. Ленд-лиз: Тихий океан. Москва, 1998.
 7. Петров П.С. Фактическая сторона помощи по ленд-лизу. // Военно-исторический журнал. 1990. № 6. С. 34—42.
 8. Харитонов С.С. О правовом регулировании новых подходов в военном строительстве с учетом международной обстановки // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 12 (293). С. 113—116.
 9. Хейфец Б.А. Внешний долг и американский ленд-лиз // Финансы. 2000. № 9. С. 59—61.
-

Lend-Lease assistance to the USSR's Allies during World War II (historical and legal analysis)

© **Ashcheulov O.E.**,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Economic Theory at the Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia

© **Petukhova M.V.**,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History and Economic Theory at the Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia

© **Shalkova V.A.**,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Economic Theory at the Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia on the possibility of taking into account the period of stay in volunteer formations when assigning a pension for long service

Abstract. Currently, much attention is being paid to such a topic as the inadmissibility of distorting the history of the Second World War and the significant contribution of the Soviet people to the Great Victory. Of course, the allies will make a significant contribution. However, this assistance was not gratuitous and was provided on certain contractual terms, on credit terms. This article provides a brief historical and legal analysis of the assistance provided to the USSR by the United States of America and Great Britain during the Second World War under the Lend-Lease agreement.

Keywords: lend-lease, World War II, the Great Patriotic War.

For citation: Ascheulov O.E., Petukhova M.V., Shalkova V.A. Lend-Lease Assistance to the USSR Allies during the Second World War (Historical and Legal Analysis) // Military Law. 2025. No. 3. pp. 33-37.

The article was received on April 24, 2025.

Теория и история военного права

Особенности продовольственного обеспечения военнослужащих войск НКВД СССР, входивших в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны

© Бутов Сергей Валерьевич,
кандидат юридических наук, старший
научный сотрудник научно-
исследовательского центра Военной ордена
Жукова академии войск национальной
гвардии Российской Федерации

Аннотация. В статье представлен историко-правовой анализ продовольственного обеспечения военнослужащих войск Народного комиссариата внутренних дел СССР, входивших в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны. Рассмотрен порядок обеспечения продовольствием бойцов войск внутреннего назначения. Показан состав продпайка военнослужащих войск НКВД, обозначены основные проблемы продовольственного обеспечения вновь прибывших на фронт и выводимых из боя военнослужащих, указаны меры, направленные на улучшение продовольственного обеспечения фронтовиков.

Ключевые слова: продовольственное обеспечение; продпайк; нормы довольствия; военнослужащие; войска НКВД; Великая Отечественная война.

Для цитирования: Бутов С.В. Особенности продовольственного обеспечения военнослужащих войск НКВД СССР, входивших в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны // Военное право. 2025. № 3. С. 38—45.

Статья поступила в редакцию 29 марта 2025 г.

С началом Великой Отечественной войны перед СССР встали новые задачи в области правового регулирования деятельности силовых структур. Необходимо было издать и ввести в действие законы военного времени, призванные обеспечить применение новых методов правового регулирования в условиях обеспечения всех потребностей фронта и тыла¹. На повышение качества материального обеспечения фронтовиков были направлены значительные усилия государственных органов. Советское государство стремилось максимально гарантировать военнослужащим их

право на материальное обеспечение, так как от реализации этого права зависело качество выполнения бойцами своих задач на фронте². Представляя собой важный элемент служебно-правового положения военнослужащих, материальное обеспечение

¹ Бутов С.В. Служебно-правовое положение военнослужащих войск НКВД СССР в условиях действия чрезвычайного законодательства периода Великой Отечественной войны // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 1(40). С. 16.

² Бутов С.В. Роль советского военного законодательства в достижении победы СССР в Великой Отечественной войне // Актуальные вопросы разви-

тия государственности и публичного права : Материалы IX международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Санкт-Петербург, 29 сентября 2023 г. СПб.: Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 2023. С. 103.

состояло из денежного довольствия¹, продовольственного и вещевого обеспечения², а также медицинской помощи. На современном этапе развития российского военного законодательства эти вопросы относятся к предметной области правового регулирования военно-социального права³.

Согласно Постановлению Совета народных комиссаров СССР от 23 июня 1941 г. № 1725-734сс военнослужащие соединений и частей войск НКВД СССР, поступивших в оперативное подчинение командованию Красной Армии⁴, обеспечивались всеми видами довольствия тыловыми органами фронтов и армий. Все прочие части НКВД, не вошедшие в оперативное подчинение командованию фронтов (армий), довольствовались через органы снабжения НКВД⁵. Независимо от вида войск или подчиненности каждый военнослужащий состоял на полном государственном обеспечении.

При передислокации частей НКВД с одного фронта в состав другого им выдавались продовольственные аттестаты, на чековых книжках делалась отметка о снятии с довольствия с оформлением справки о количестве невыданных пайков. Прибыв к месту новой дислокации, части НКВД зачислялись на довольствие согласно указанным документам с незамедлительным оформлением пайков через Главное интендантское Управление РККА⁶.

В отличие от иных видов материального обеспечения организация ежедневного бесперебойного питания военнослужащих, в том числе войск НКВД, являлось

наиболее важной государственной задачей.

Нормативная основа обеспечения продовольствием военнослужащих войск НКВД СССР была разработана в довоенные годы. На основании Положения по продовольственному и фуражному снабжению войск НКВД, объявленному в ноябре 1939 г. приказом НКВД СССР № 780, на службу продснабжения войск НКВД возлагалось «обеспечение продовольствием, столовой, кухонной посудой, предметами кухонного и спецоборудования; организация высококачественного питания и надлежащего хранения продовольствия, своевременного завоза его в воинские части; проверка снабжения частей, правильности учета и расхода продовольствия»⁷.

Воинские части НКВД получали продовольствие «с окружных складов НКВД, со станций железных дорог или пристаней, от своих хозяйств, с хлебозаводов или хлебопекарен согласно заключенным договорам, из децентрализованных заготовок»⁸. Воинские части, ведущие самостоятельное хозяйство, должны были иметь ледник, овощехранилище, помещения для хранения зернофуража и тары⁹.

Военнослужащие войск НКВД обеспечивались бесплатно продовольственным пайком, который представлял собой «набор продуктов определенного количества и ассортимента, выдаваемый одному военнослужащему в сутки»¹⁰. Виды продпайка дифференцировались в зависимости от степени участия фронтовиков в боевых

¹ Бутов С.В. Особенности денежного обеспечения военнослужащих войск НКВД СССР, входивших в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны // Военное право. 2025. № 1(89). С. 20—26.

² Бутов С.В. Особенности вещевого обеспечения военнослужащих войск НКВД СССР, входивших в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны // Военное право. 2025. № 2(90). С. 53—60.

³ Корякин В.М. Военно-социальное право как подотрасль военного права // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 8(289). С. 10.

⁴ Вошедших в состав действующей армии. — Прим. автора.

⁵ Директива ГУПП КА начальникам УПП фронтов о порядке обеспечения войск НКВД, поступивших в оперативное подчинение командованию РККА. 7 июля 1941 г. // Центральный архив Министерства обороны. Ф. 32. Оп. 920265. Д. 2. Л. 363.

⁶ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 40. Оп. 1. Д. 2145. Л. 109.

⁷ Государственный военный архив (далее — ГАРФ). Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 304. Т. 1. Л. 438—495.

⁸ Любченко Н.В. Тыловое обеспечение войск НКВД в годы Великой Отечественной войны // Академический вестник внутренних войск МВД России. 2015. № 1. С. 53.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 304. Т. 1. Л. 463.

¹⁰ Военный энциклопедический словарь / в 2 т. Т. 2. Редкол.: А.П. Горкин, В.А. Золотарев, В.М. Карев и

действиях и от иных факторов. Паек мог быть основным, усиленным, госпитальным или диетическим, высокогорным или арктическим и т.п.

Накануне войны постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1941 г. № 1357–551сс с 1 июня 1941 г. были установлены суточные нормы довольствия военнослужащих Красной Армии, введенные в действие в войсках внутреннего предназначения приказом НКВД СССР от 25 июня 1941 г. № 593. В связи с тем, что большая часть продовольственных мобилизационных запасов в начале войны была уничтожена врагом, страна лишилась значительного объема посевных площадей, а часть задействованного в сельском хозяйстве трудоспособного населения была призвана на фронт, нормы довольствия военнослужащих пришлось сократить. Более острой была проблема снабжения войск НКВД свежими овощами в зимний период, поэтому командованием воинских частей ставился вопрос о необходимости поступления в войска витамина «С»¹.

Новые нормы продовольственного снабжения войск были установлены 12 сентября 1941 г. постановлением Государственного комитета обороны СССР № 662сс, согласно которому продпайек подразделялся на 4 категории. Среднему, старшему и высшему начсоставу действующей армии в сутки к пайку добавлялось: «масла сливочного или сала — 40 г, печенья — 20 г, рыбных консервов — 50 г, папирос — 25 шт. или табака 25 г, спичек в месяц — 10 коробок»². Постановление утверждало вегетарианский паек, который выдавался военнослужащим 1 раз в неделю. Такой паек увеличивал норму выдачи макарон и круп, но исключал мясо и рыбу. Воинские подразделения, страдавшие от цинготных заболеваний, получали витаминную поддержку. Витамин «С» также поставлялся в войска НКВД в период недостатка свежих овощей.

В соответствии с указанным постановлением ГКО приказом НКВД СССР от 11 мая 1942 г. № 250 были введены нормы питания с разделением военнослужащих на три категории:

— для рядового и начальствующего состава войск НКВД, входящих в действующую армию, рядового и младшего начальствующего состава пограничных войск, а также 1-й и 2-й дивизий особого назначения;

— для конвойных, внутренних войск и войск по охране железных дорог, частей МПВО, не входящих в состав действующей армии;

— для войск по охране особо важных предприятий промышленности, не входящих в состав действующей армии, строительных частей, обслуживающего рядового и младшего начальствующего состава школ, курсов войск НКВД, находящихся на казарменном положении, рядового и младшего начальствующего состава штабов соединений, управлений, учреждений и заведений, пользующихся правом получения продовольственного пайка и семей начальствующего состава отдаленных округов³.

Воинские части НКВД, находившиеся в составе действующей армии, обеспечивались довольствием органами снабжения НКО в порядке, установленном постановлением СНК № 1725-734сс 1941 г. и приказом НКО СССР 1941 г. № 313⁴. Продовольственным пайком по нормам действующей армии обеспечивались также пограничные войска НКВД Дальневосточного фронта и Забайкальского военного округа⁵. Приказ НКО № 313 ужесточил контроль за организацией выдачи продовольствия в воинские части. Продукты питания стали выдаваться в подразделения не по штатной, а по списочной численности. Юридическим основанием для прикрепления воинских частей к продфуражным

др. Москва: Большая Российская энциклопедия, «РИПОЛ КЛАССИК», 2001. С. 262.

¹ РГВА. Ф. 38652. Оп. 1. Д. 25. Л. 25—27.

² Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф 644. Оп. 1. Д. 9. Л. 53—54.

³ ГАРФ. Ф. Р-9401. Д. 304. Т. 1. Оп. 12. Л. 286.

⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 463. Л. 56—56.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 106сч. Д. 20. Л. 351—352.

складам являлись продовольственные аттестаты частей и чековое требование.

Указанная система продовольственного снабжения была рассчитана на хорошо организованный и налаженный процесс снабжения, который в условиях военного времени было сложно организовать должным образом. Часто военнослужащие вновь прибывших на фронт частей оставались без пищи до полного оформления всех необходимых для продовольственного обеспечения документов. От перебоев с питанием страдали выводимые из боя остатки подразделений, в которых зачастую не оставалось никого из командиров и лиц интендантской службы, способных организовать питание личного состава. Эта категория военнослужащих неделями и более могла питаться за счет природных ресурсов или подачек местного населения¹.

Кроме того, система обеспечения войск продовольствием имела серьезные недостатки в прикреплении частей к продскладам. Особенно остро это ощущали военнослужащие прибывающих на фронт частей. Личный состав таких частей в случае их задержки на марше дольше срока, на который получены продукты, мог оставаться без пищи несколько дней. Ситуация осложнялась передачей частей в оперативное подчинение из одной армии в другую при их передислокации.

В частях войск НКВД, находившихся в составе действующей армии, в связи с напряженной боевой обстановкой, высокой маневренностью и рассредоточенностью подразделений приготовление и раздача пищи в основном были децентрализованы. Организация питания осуществлялась отделением хозяйственного довольствия взвода снабжения батальона. Ответственность за организацию снабжения, своевременное и полное доведение нормы суточного довольствия возлагалась на командира батальона. Командир отделения хозяйственного довольствия со своим личным составом (поварами, повозочными

или водителями) принимал продовольствие, распределял и выдавал продукты по кухням, организовывал обработку и приготовление пищи, ее доставку в подразделения и выдачу.

Для своей работы отделение разворачивало пункт хозяйственного довольствия. Его размещение зависело от характера боевых действий, конкретных условий местности, времени года. В обороне пункт хозяйственного довольствия располагался в 2,5—4 км от боевой линии переднего края в лесах, оврагах, а при возможности и в населенных пунктах.

Обеспечение военнослужащих горячей пищей значительно осложнялось нехваткой походных кухонь, кипятильников, котелков и термосов. В ряде случаев на линию фронта пищу приходилось подносить поварам ползком под огнем противника, а ее раздачу и прием осуществлять в окопах.

Кроме того, трудности в продовольственном обеспечении фронтовиков усугублялись недобросовестным исполнением должностных обязанностей отдельных лиц, ответственных за выдачу продуктов и организацию питания военнослужащих. Так, заведующий продскладом ДОП 21-й сд НКВД Красников А.А. вследствие халатного отношения к служебным обязанностям допустил недостачу продуктов, которую пытался покрыть путем подложных документов, за что был осужден военным трибуналом по ст. 193-17а УК РСФСР (халатное отношение к службе лица начальствующего состава в военное время) сроком на 10 лет².

Наряду с привлечением к ответственности виновных лиц командирам частей вменялось в обязанность осуществлять контроль за полной и своевременной выдачей бойцам продуктов питания. Основу рациона военнослужащих войск НКВД составляли хлеб, мясо, рыба, овощи (картофель, огурцы, капуста, морковь, свекла, лук репчатый), мучные изделия, а также чай, сахар, соль. Начальствующий состав

¹ Докладная записка ОО НКВД СТФ в УОО НКВД СССР «О недочетах в существующей системе продовольственного снабжения войск действующей армии» 27 октября 1942 г. // Сталинградская эпопея: Материалы НКВД СССР и военной цензуры из

Центрального архива ФСБ РФ. Москва: Звонница-МГ, 2000. С. 247—252.

² Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. Р-116Л. Оп. 4. Д. 83. Л. 29.

действующей армии (кроме младшего) к установленной норме пайка получал дополнительные продукты. В целях обеспечения бесперебойного питания допускалась замена одних продуктов другими.

Нормы выдачи военнослужащим войск НКВД таких продуктов, как хлеб, мясо, сало, рыба, сахар, отличались в зависимости от близости к передовой линии зоны ответственности войск. Если на передовой боец получал 150 г мяса, то уже в тылу только 120 г, а если воинская часть не входила в состав действующей армии, то норма мяса устанавливалась вдвое меньше, чем на передовой. В зимний период хлеба выдавалось на 100 г больше, чем летом. Военнослужащие войск НКВД, входившие в состав действующей армии, имели право на бесплатное обеспечение махоркой, остальные получали ее за плату. В феврале 1942 г. ГКО разрешил замену махорки табаком по норме 10 г табака за 20 г махорки в сутки¹.

Указанные нормы и порядок обеспечения продовольствием продолжали действовать в течение всей Великой Отечественной войны и подвергались лишь незначительным изменениям (дополнениям) постановлениями ГКО СССР. Так, некурящим военнослужащим, а также раненым и больным, поступающим на излечение в госпитали с фронта, в конце 1942 г. взамен табачного довольствия стали выдавать по 200 г шоколада или 300 г конфет или 300 г сахара в месяц².

Несмотря на то, что продовольственные нормы были юридически закреплены, а выдача по ним продовольствия военнослужащим находилась под пристальным контролем государства, в ряде случаев чрезвычайные условия военного времени не позволяли обеспечить личный состав войск питанием в установленном объеме. Серьезные проблемы с продовольственным обеспечением возникали у военнослужащих войск НКВД в боях под Сталинградом, в период обороны Москвы, блокады Ленинграда и других тяжелых сражениях.

С марта 1942 г. полномочия по отпуску продовольственных пайков для войск НКВД взял на себя ГКО. Указанный факт свидетельствует о том, что обеспечение питания военнослужащих в объеме, необходимом для успешного выполнения боевых задач, стало делом государственной важности, решаемом на высшем уровне государственной власти. Наряду с обеспечением продуктами питания Вооруженных Сил СССР ГКО возложил на себя контрольные функции за порядком продовольственного обеспечения военнослужащих.

В постановлении ГКО от 24 мая 1943 г. № 3425с по результатам проверки питания красноармейцев на Калининском фронте были выявлены существенные недостатки в обеспечении продовольствием военнослужащих: неравномерное распределение продовольствия между воинскими частями, неквалифицированный поварской состав, невкусная однообразная пища, неравноценная замена одних продуктов питания другими³.

Выявленные недостатки и принятые по ним меры были учтены в приказе НКВД СССР от 12 июня 1943 г. № 0232 «О состоянии питания в войсках НКВД». В нем отмечалась недопустимость ситуации, когда командиры части не придают должного значения организации питания во вверенных им воинских частях. Требовалось следить, чтобы до каждого бойца доходило все положенное по установленным нормам, командирам частей вменялось в обязанность лично утверждать ежедневное меню-раскладку продуктов.

Начиная с 1943 г. положение дел с поставкой продовольствия в войска внутреннего предназначения стало постепенно стабилизироваться. Под контролем ГКО поставки овощей в войска НКВД проходили без сбоев, а объем их возрастал ежегодно. В зимнем периоде 1943—1944 гг. постановлением ГКО от 7 октября 1943 г. № 4284сс/ов отпуск овощей и картофеля личному составу войск НКВД был увеличен на

¹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1 Д. 21. Л. 187.

² Об отпуске продовольственных, госпитальных и фуражных пайков для Красной Армии, Военно-Морского Флота и войск НКВД СССР в ноябре ме-

сяце 1942 года: постановление ГКО СССР от 9 ноября 1942 г. № 2493сс // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 68. Л. 185—187.

³ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 119. Л. 151—154.

200 граммов в сутки на одного человека в связи с сохранением летних норм отпуска хлеба на зимний период¹. ГКО отмечал, что заготовка и поставка овощей войскам является делом большой государственной важности, поставки должны быть обеспечены полностью в установленные сроки и первоочередно перед другими потребителями.

В связи с улучшением продовольственного обеспечения войск приказом НКВД СССР от 1 июня 1944 г. № 00663 были определены части, соединения и учреждения НКВД, дислоцирующиеся на территории фронтов и довольствующиеся по первой и второй категориям². К первой категории относились: части НКВД охраны тыла фронта, спецподразделения НКВД, войска правительственной ВЧ-связи, дислоцирующиеся на территории армейского и войскового тыла; участвующие в боевых действиях с момента получения боевого приказа до его выполнения; пограничники при несении службы по охране государственной границы, если часть расположена на территории армейского и фронтового тыла. Ко второй категории относились все остальные части, соединения и управления НКВД, находящиеся на территории армейского и фронтового тыла. Порядок продовольственного обеспечения частей и соединений в зависимости от категории сохранился до окончания Великой Отечественной войны.

После окончания войны и демобилизации военнослужащие войск НКВД действующей армии отправлялись к месту жительства с обеспечением питания в пути за государственный счет.

Таким образом, продовольственное обеспечение военнослужащих войск НКВД в ходе войны имело тенденцию к улучшению — возросла стабильность в обеспечении питанием, а в последние годы увеличился вес сутодачи продуктов (в 1944 г. — на 15 %, а в 1945 г. — на 34 %)³.

Нормы питания бойцов имели прямую зависимость от приближенности частей к линии фронта и важности выполняемых ими задач.

Анализ нормативных правовых актов военного времени позволяет сделать вывод, что СССР не только декларировал реализацию прав военнослужащих на продовольственное обеспечение в качестве «дела большой государственной важности», но предпринимал исчерпывающие организационно-правовые меры для реализации таких прав. В годы войны высший чрезвычайный орган власти Государственный комитет обороны взял на себя полномочия советского правительства по продовольственному обеспечению военнослужащих, значительно повысил юридическую ответственность за хищение продовольствия и иного государственного имущества, предназначенного для обеспечения потребностей фронта.

В настоящее время специальная военная операция диктует необходимость корректировки законодательства о военной службе и социальной защите военнослужащих. Законодательство «мирного времени», действовавшее до ее начала, в некоторых своих частях перестало отвечать изменившимся условиям функционирования военной организации государства. Это требует от законодателя принятия оперативных мер по его корректировке согласно новым условиям обстановки с учетом накопленного в военные годы опыта⁴.

В условиях проведения специальной военной операции было бы целесообразно своевременно учитывать уроки Великой Отечественной войны, использовать положительный опыт, апробированный военным временем, для совершенствования нормативной правовой базы, регламентирующей вопросы обеспечения военнослужащих всеми видами довольствия в условиях вооруженных конфликтов. В связи с

¹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 160. Л. 100—102.

² ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 304. Т. 1. Л. 84.

³ Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. / И.М. Голушко, Ю.В. Плотников, Н.А. Антипенко и др.; под общ. ред. и с предисл. ген. армии С.К. Куркоткина; Ин-т воен. истории. М.: Воениздат, 1977. С. 209—210.

⁴ Корякин В.М. Специальная военная операция диктует необходимость корректировки законодательства о военной службе и социальной защите военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 9(302). С. 2.

этим следует согласиться с В.М. Корякиным, утверждающим, что накопленный исторический опыт деятельности органов военного управления по развитию военного права должен быть использован в ходе решения проблем нормативно-правового обеспечения современной Российской армии¹ и предлагающим создать систему социальных гарантий в отношении участников боевых действий заблаговременно, исключив исторически сложившийся в нашей стране принцип военно-социальной политики в отношении участников боевых действий, когда каждой для каждой войны, для каждого вооруженного конфликта создается своя нормативная база социальной защиты².

Список источников

1. Бутов С.В. Особенности вещевого обеспечения военнослужащих войск НКВД СССР, входивших в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны // Военное право. 2025. № 2(90). С. 53—60.
2. Бутов С.В. Особенности денежного обеспечения военнослужащих войск НКВД СССР, входивших в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны // Военное право. 2025. № 1(89). С. 20—26.
3. Бутов С.В. Роль советского военного законодательства в достижении победы СССР в Великой Отечественной войне // Актуальные вопросы развития государственности и публичного права : Материалы IX международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Санкт-Петербург, 29 сентября 2023 г. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 2023. С. 103—114.
4. Бутов С.В. Служебно-правовое положение военнослужащих войск НКВД СССР в условиях действия чрезвычайного законодательства периода Великой Отечественной войны // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 1(40). С. 15—21.
5. Корякин В.М. Военно-социальное законодательство военного времени: теория и практика // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 3(308). С. 21—30. EDN: VGAFJA
6. Корякин В.М. Военно-социальное право как подотрасль военного права // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 8(289). С. 2—10. EDN: QNHBRQ
7. Корякин В.М. Военное право в XXI веке: фундаментальное исследование современных проблем военного права // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2021. № 10(291). С. 2—10. EDN: WFHXJU
8. Корякин В.М. Правовое обеспечение специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины : Серия: Теория и история государства и права. Москва: Издательский дом «Юрлитинформ», 2025. 360 с. ISBN 978-5-605-22287-3. EDN KYVIBT
9. Корякин В.М. Социальное обеспечение участников специальной военной операции: проблемные вопросы // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 4(297). С. 85—93. EDN: UBPXSH
10. Корякин В.М. Социальные гарантии, предоставляемые участникам специальной военной операции : учебник и практикум. Москва: Русайнс, 2024. 294 с. EDN: POZSSN
11. Корякин В.М. Специальная военная операция диктует необходимость корректировки законодательства о военной службе и социальной защите военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 9(302). С. 2—5. EDN: FZWQEQ
12. Любченко Н.В. Тыловое обеспечение войск НКВД в годы Великой Отечественной войны // Академический вестник внутренних войск МВД России. 2015. № 1. С. 52—55.
13. Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. / И.М. Голушко, Ю.В. Плотников, Н.А. Антипенко и др.; под общ. ред. и с предисл. ген. армии С.К. Куркоткина; Ин-т воен. истории. Москва: Воениздат, 1977. 559 с.

¹ Корякин В.М. Военное право в XXI веке: фундаментальное исследование современных проблем военного права // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 10(291). С. 2—10.

² Корякин В.М. Правовое обеспечение специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины : монография. М.: «Юрлитинформ», 2025; Корякин В.М. Социальное обеспечение участников специальной военной операции:

проблемные вопросы // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 4(297). С. 93; Корякин В.М. Военно-социальное законодательство военного времени: теория и практика // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 3(308). С. 21; Корякин В.М. Социальные гарантии, предоставляемые участникам специальной военной операции : учебник и практикум. М.: Русайнс, 2024.

The peculiarities of food supply to the servicemen of the NKVD troops of the USSR, who were part of the active army during the Great Patriotic War

© **Butov S.V.**,

Candidate of Law, Senior Researcher at the Scientific Research Center of the Military Academy of the Order of Zhukov Academy of the National Guard of the Russian Federation

Annotation. The article presents a historical and legal analysis of the food supply to military personnel of the People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR, who were part of the active army during the Great Patriotic War. The procedure for providing food to soldiers of the internal troops is considered. The composition of the food ration of NKVD troops is shown, the main problems of food supply for newly arrived soldiers and those being withdrawn from battle are outlined, and measures aimed at improving food supply for front-line soldiers are indicated.

Keywords: food supply; food rations; allowances; military personnel; NKVD troops; The Great Patriotic War.

For citation: Butov S.V. Peculiarities of food supply to military personnel of the NKVD of the USSR, who were part of the Active Army during the Great Patriotic War. 2025. No. 3. pp. 38-45.

The article was received by the editorial office on March 29, 2025.

Социально-гуманитарная интерпретация некоторых положений общей кибернетики и оценка возможности их использования в теоретико-правовом исследовании

© Докучаев Олег Олегович,
кандидат юридических наук, старший следователь по особо важным делам следственного управления Главного военного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации, полковник юстиции

Аннотация. В публикации обосновывается необходимость последовательного применения в теоретико-правовых исследованиях методов, выработанных общей кибернетикой. Рассмотрено понятие и онтологическая природа кибернетической системы как феномена, имеющего всеобщий характер. Дана интерпретация содержащихся в специальной литературе сведений о структуре и поведении кибернетических систем на элементарном уровне, высказана гипотеза о возможности использования указанных знаний в социально-гуманитарной сфере.

Ключевые слова: кибернетика, система, кибернетическая система, управление, информация, отражение, отображение, образ.

Для цитирования: Докучаев О.О. Социально-гуманитарная интерпретация некоторых положений общей кибернетики и оценка возможности их использования в теоретико-правовом исследовании // Военное право. 2025. № 3. С. 46—54.

Статья поступила в редакцию 5 апреля 2025 г.

Изучение практики уголовно-процессуальной деятельности, в том числе в сфере обеспечения военной безопасности Российской Федерации, свидетельствует о необходимости постоянной и целенаправленной работы по совершенствованию правовых условий противодействия преступности, в том числе на теоретическом уровне.

Поскольку необходимого эффекта указанная деятельность может достигнуть лишь при наличии в распоряжении исследователя современной научной базы, сохраняет актуальность вопрос о поисках путей увеличения прикладных возможностей теории государства и права.

На фоне постоянной методологической рефлексии, характерной для любой науки, к наиболее перспективным и универсальным направлениям развития научного знания принято относить:

— расширенное применение междисциплинарного подхода за счет комплексирования ранее изолированных друг от друга научных предметов и преодоления «профессионального партикуляризма»¹;

— всестороннее использование возможностей системного подхода, который справедливо рассматривается как один из определяющих признаков научного познания, способствующих его диалектизации и математизации².

¹ Щедровицкий Г.П. Организационно-деятельностная игра как новая форма организации и метод развития коллективной мыследеятельности // Избранные труды. М.: Шк.Культ.Полит., 1995. С. 115; Щедровицкий Г.П. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодетельностного подходов // Избранные труды. М.: Шк.Культ.Полит., 1995. С. 144—154.

² Методология военно-правового исследования. Общая часть: учебник и практикум / А.И. Землин, В.М. Корякин. М.: КНОРУС, 2021. С. 46; Алексеев, О.Л., Коркунов В.В. Системный подход как методологическая основа научного познания // Специальное образование. 2002. № 1. С. 5—9; Тютин В.С. Отражение, системы, кибернетика. М.: Издательство «Наука», 1972. С. 236.

В 70-х годах прошлого века в отечественной философской литературе обращалось внимание на отставание уровня разработки логико-методологических проблем в области общественных наук по сравнению со сферой наук естественных¹. Как нам представляется, к настоящему времени нет возможности утверждать о существенном изменении данной ситуации².

Таким образом, поиск решений некоторых проблем, лежащих в социально-гуманитарной области знания, может привести к пониманию недостаточности соответствующего методологического инструментария и необходимости его расширения с применением междисциплинарного и системного подходов.

Обращаясь к теоретическим исследованиям в области права, хотим обратить внимание на устоявшуюся и довольно распространенную точку зрения, при которой оно рассматривается как атрибут социального управления³.

Между тем, как нам представляется, понимание онтологической природы управления как базового по отношению к праву явления вряд ли возможно без учета данных специализированной науки, разрабатывающей указанное понятие, то есть общей кибернетики.

Как известно, появление кибернетики датируется 1948 г. и связано с опубликованием одноименной книги Н. Винера. При исследовании управления как самостоятельного феномена указанной наукой открыты закономерности, одинаково проявляющиеся в разных объектах

вне зависимости от их физической природы. Тем самым, несмотря на формирование кибернетики в условиях преимущественно инженерной специализации, она способствовала развитию методологических связей между различными областями специального знания, что прежде относилось к исключительной компетенции философии⁴.

Изучение юридической литературы советского периода свидетельствует о предпринятых научным сообществом в 1950-х—1960-х годах значительных усилиях по сближению кибернетики и права, обусловленных совершенствованием методологической базы юридических наук.

Так, в 1959 г. при поддержке председателя Научного совета по кибернетике при Президиуме АН СССР академика А.И. Берга в г. Ленинграде организована секция «Кибернетика и право» во главе с профессором Д.А. Керимовым⁵.

В 1967 г. опубликовано издание «Вопросы кибернетики и право», содержащее научные статьи по указанной тематике. В числе прочего, в данном сборнике приведен обзор результатов состоявшегося в г. Москве Всесоюзного совещания по проблемам применения кибернетики в праве при участии, в том числе, представителей Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности и Центрального научно-исследовательского института судебных экспертиз. Согласно обзору, на указанном совещании заместитель председателя секции «Кибернетика и право» докт. юрид. наук В.Н. Кудрявцев отметил, что работа

¹ Федосеев П.Н. Философия и мировоззренческие вопросы современной науки // Вопросы философии. 1979. № 1. С. 72—88.

² См.: Матюхин А.В. Методологический кризис в общественных науках // Современная Россия в мировом политическом процессе: глобальное и региональное измерение. Материалы международной научно-практической конференции. Под общ. Ред. А.Я. Касюка, И.К. Харичкина. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2019. С. 132—136.

³ См., например: Косач Н.Е. Право и социальное управление // Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы. Материалы VI Международной научной конференции. Том 8.

Под общ. ред. С.В. Беспаловой. Донецк, 2021. С. 255—257; Солдатов А.С. Право как инструмент социального управления: информационный аспект : дис. ... канд. юрид. Наук. М., 2001; Халфина Р.О. Право как средство социального управления. М.: Изд. «Наука», 1988; Шашкова Л.В. Право как инструмент социального управления // Вестник Российского университета кооперации. 2012. № 2(8). С. 87—89.

⁴ Крушанов А.А. Понятие «управление» в кибернетическом контексте // Электронный философский журнал Vox: <http://vox-journal.org> (дата обращения: 30.03.2025). 2017. № 23. С. 220—279.

⁵ Вопросы кибернетики и право. М.: Изд. «Наука», 1967. С. 7.

по применению кибернетики в области правовой практики имеет большое принципиальное значение, поскольку право — это точная наука, основанная на закономерностях, как и другие науки. При этом использование методов кибернетики в праве преследует важную цель — борьбу с правовым субъективизмом и идеализмом, приближение права к точным наукам, где недопустим произвол¹.

В свою очередь, среди направлений, по которым предполагалось применение кибернетики в праве, выделялись:

— применение математических методов и технической кибернетики в криминалистике и статистическом исследовании правовых явлений, в дактилоскопической экспертизе, почерковедении, опознании личности, для хранения и использования законодательной и научной информации;

— моделирование процессов применения правовых норм, с разработкой алгоритмов, точным определением содержания каждого юридического термина, разработкой строгих классификаций понятий, ввиду объективной необходимости создания в современных условиях совершенного терминологического аппарата, поддающегося строгой логической обработке;

— применение теоретической кибернетики для объяснения механизма поведения людей, правоотношений, возникновения и действия правовых норм и системы права в целом².

Вышесказанное, на наш взгляд, свидетельствует о несомненной актуальности теоретических изысканий, направленных на внедрение в теорию государства и права понятий и методов, выработанных кибернетикой.

В этой связи, в частности, представляет интерес анализ правовых явлений с

позиций имеющихся знаний о феномене управления в его кибернетическом контексте.

Следует отметить, что кибернетикой зафиксированы следующие основы понимания управления: его информационное содержание, целенаправленность и наличие обратной связи³. Соответственно, управлением считается процесс формирования поведения системы, представляющий собой целенаправленное информационное воздействие по схеме обратной связи⁴.

Переходя к затронутому в данном определении понятию системы, отмечаем, что с середины XX в. оно рассматривается как одно из ключевых философско-методологических и специально-научных понятий⁵.

Система определяется как множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующее определённую целостность, единство⁶.

Целостность — ключевой признак системы как феномена. Понятие системы противопоставлено понятию окружающей среды. Системы могут быть, в числе прочего, разделены на материальные и абстрактные, а также на статичные и динамичные, то есть изменяющие своё состояние во времени⁷.

Возвращаясь к дальнейшему рассмотрению характеристик управления, полагаем необходимым обратиться к одному из основных понятий диалектико-материалистической философии, а именно к свойству отражения. Под указанным свойством понимается способность тел фиксировать в изменениях своего состояния признаки, свойства, отношения отражаемого, то есть всеобщее свойство материи фиксировать в своих изменениях результат внешнего воздействия⁸.

¹ Там же. С. 310.

² Там же. С. 3—5.

³ Крушанов А.А. Указ. соч.

⁴ Там же. См., также: Дружинин В.В., Конторов Д.С. Проблемы системологии (проблемы теории сложных систем). М.: «Сов. Радио», 1976. С. 149.

⁵ Система // БСЭ. 3-е изд. М.: «Советская энциклопедия», 1973. Т. 12. С. 463—464.

⁶ Там же. См., также: Алексеев О.Л., Коркунов В.В. Указ. соч.

⁷ Система // БСЭ.

⁸ Денискин С.А. Понятие информации в контексте категорий «отражение», «отображение», «связь» // Вестник Челябинского Государственного университета. 2014. № 11 (340). С. 13—17.

Фундаментальное свойство отражения обуславливает, в свою очередь, существование феномена *отображения*, при котором имеет значение не собственно физический контакт и его интенсивность и не сам воспринимаемый объект или его признаки, а их наличие или отсутствие в качестве некоей целостной неоднородности, которая имеет значение для живой единицы. Тем самым, отображается не всё, что есть в объективной реальности, а лишь воспринимаемое¹.

В свою очередь, отображения, используемые для выработки управляющих воздействий, обозначены в кибернетике как *информация* о соответствующих объектах и явлениях². По мнению В.П. Седакина, информация представляет собой категорию, равноправную категориям материи и энергии и независимую от них³. При этом В.С. Тюхтиным отмечается, что информации не является самостоятельным свойством вещей, а выступает абстрактной стороной отражения⁴.

Согласно С.А. Денискину, информация — это естественнонаучное понятие, определяемое как материализованное отображение в виде сообщения, образованного с помощью некоторой формализованной системы. Сообщение становится информацией в исходном своём значении не как фрагмент объективной реальности, а как субъективная реальность воспринимающего субъекта, то есть лишь в том случае, если субъект адекватно отображает сообщение — может его «прочитать» и создать соответствующий образ⁵.

А.А. Крушановым обращается внимание на то, что выработка управляющих воздействий основывается на манипулировании не с самими объектами (что может быть дорого, небезопасно или недоступно), но с их некоторыми копиями, отображениями, с «образами» этих объектов. Тем самым, сущность управления на основе информации заключена в направ-

лении и контроле движения, действия, передачи и преобразования больших масс и больших количеств энергии при помощи небольших масс и небольших количеств энергии. Материальным носителем, при помощи которого осуществляется передача информации выступает сигнал⁶.

В этой связи вновь необходимо привести точку зрения В.С. Тюхтина, согласно которой актуальное, активное использование упорядоченности нейродинамических процессов мозга в функции особых заместителей вещей и регуляторов (организаторов) непосредственных действий с вещами опирается на особый продукт деятельности субъекта — функционально выделенную структуру в виде образа. Поле операций над образами создает субъективный мир, идеальный план деятельности субъекта с объектами, который имеет новые возможности, связанные с использованием прошлого опыта и предвидения будущих событий и действий субъекта⁷.

Следовательно, образ представляет собой подлежащий субъективному восприятию результат отображения, используемый для выработки управляющего воздействия.

При рассмотрении следующего признака управления, а именно целенаправленности, необходимо в очередной раз обратиться к позиции вышеназванного автора. Так, согласно В.С. Тюхтину, целеполагание выступает одной из специфических характеристик, присущих активному отражению в живой природе и обществе, наряду с выбором, определением ценности (полезности) отображения, семантической характеристикой, существенностью, обобщенностью, абстрактностью, опережающей функцией и др.⁸

В свою очередь, по мнению А.А. Крушанова, в своем исходном смысле «целенаправленность» управления означает, что для системы существует

¹ Там же.

² Крушанов А.А. Указ. соч.

³ Седакин В.П. О теории отражения // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2013. № 3 (23). С. 72—78.

⁴ Тюхтин В.С. Указ. соч.

⁵ Денискин С.А. Указ. соч.

⁶ Крушанов А.А. Указ. соч.

⁷ Тюхтин В.С. Указ. соч.

⁸ Там же.

некоторое особое, приоритетное («целевое») состояние, в которое она стремится перейти. Сама задача управления возникает из-за того, что система находится не в целевом, но в некотором несовпадающем с ним «фактическом» состоянии. Отличие («отклонение») фактического состояния от целевого при этом выступает непосредственной причиной, определяющей как необходимость управляющего воздействия, так и его характер. При этом условием для отслеживания и определения отклонения состояния от целевого выступает наличие феномена обратной связи¹.

Итак, рассмотрение природы права с точки зрения понятия управления в его кибернетической интерпретации выявляет связь указанного социально-гуманитарного явления с такими фундаментальными понятиями философии как система, целостность, связь, воздействие, отражение, отображение, информация, образ, цель.

При этом субстанцией, объединяющей все вышеуказанные понятия, выступает так называемая кибернетическая система, то есть материальная система, в которой существует феномен управления. К кибернетическим системам относятся все биологические объекты, их группы, и определенные небιологические объекты, созданные человеком².

Появление кибернетики обусловлено научно-техническим развитием, позволившим создавать небιологические объекты с поведением, присущим объектам биологическим. Их сравнительное исследование выявило следующие морфологические признаки и закономерности функционирования кибернетических систем, независимые от их материальной природы.

Так, любая кибернетическая система предусматривает наличие в ее структуре элемента (элементов), способного воспринимать и передавать информацию.

В свою очередь, наличие в кибернетической системе феномена управления означает, что её можно представить в виде двух взаимодействующих блоков (подсистем) — управляющего и управляемого (объекта управления).

Управляющая подсистема при помощи входящего в ее структуру элемента, обозначаемого термином эффектор, по каналам прямой связи передает управляющее воздействие на объект управления за счет перевода элемента системы из одного состояния в другое (изменения состояния). В свою очередь, информация о состоянии объекта управления воспринимается с помощью рецептора и передается по каналам обратной связи в управляющую систему³.

Смыслом существования управляющей подсистемы является такое преобразование поступающей информации и формирование таких управляющих воздействий, при которых обеспечивается достижение (по возможности наилучшее) цели управления. Формирование указанных воздействий обусловлено принятием решения, то есть выбором варианта функционирования на основе оценки соответствия актуального состояния объекта управления по отношению к его целевому состоянию⁴.

Вышесказанное позволяет выделить в блоке управления три самостоятельных функции: рецепторную, эффекторную и аналитическую.

С другой стороны, процесс управления представляет собой функционирование, наряду с материальными объектами, информационных образов:

- целевого состояния объекта управления;
- актуального состояния указанного объекта, в том числе, сформированного в результате управляющего воздействия⁵;
- оценки соответствия между ними⁶ — в виде наличия (отсутствия) разницы

¹ Крушанов А.А. Указ. соч.

² Кибернетика // БСЭ. 3-е изд. М.: «Советская энциклопедия», 1973. Т. 12. С. 75—79.

³ Дружинин В.В., Конторов Д.С. Указ. соч. С. 177; Крушанов А.А. Указ. соч.

⁴ Дружинин В.В., Конторов Д.С. Указ. соч. С. 153.

⁵ Там же. С. 99—100.

⁶ Там же. С. 151.

между сущим и должным, а также характера и степени ее выраженности;

— сигнала, выражающего обусловленное указанной оценкой наличие либо отсутствие необходимости управляющего воздействия;

— одного или нескольких вариантов управляющих воздействий;

— выбранного варианта управляющего воздействия.

В указанном перечислении можно выделить:

— статические образы состояний;

— динамические образы оценки и варианта управляющего воздействия (т.ч. импульса).

Материальным объектом в этом случае, помимо рецептора и эффектора, должен выступать некий элемент (группа элементов) блока управления, реализующих функции:

— хранения образов целевого состояния и варианта (вариантов) управляющего воздействия;

— восприятия от рецептора образа актуального состояния объекта управления;

— временного хранения образов актуального состояния объекта управления;

— соотнесения, сравнения образов целевого и актуального состояния, с генерированием оценки соответствия и, при наличии к тому оснований, сигнала о необходимости управляющего воздействия (обработка образов);

— выбора варианта (образа) управляющего воздействия из множества, при его наличии (выработка образа);

— передачи образа управляющего воздействия на эффектор (при наличии лишь одного варианта управляющего воздействия указанная функция выполнена на этапе передачи сигнала о необходимости указанного воздействия).

Именно этим объектом выполняется аналитическая функция, включающая вышеперечисленные действия.

Условием функционирования аналитического элемента блока управления вы-

ступает возможность хранения и переработки информации, что в литературе получило название тезауруса¹.

Таким образом, любой материальной кибернетической системе присущи:

— целостность, в сочетании с противопоставленностью окружающей среде;

— наличие в ее составе объекта управления и управляющей подсистемы (блока управления);

— цель как образ состояния объекта управления, на достижение которого направлено поведение управляющей подсистемы;

— наличие процессов управления, предусматривающих воздействие на объект управления по каналу прямой связи и получение информации о состоянии объекта управления по каналу обратной связи;

— наличие в составе управляющей подсистемы элементов, выполняющих рецепторную, эффекторную и аналитическую функции;

— наличие у элемента, выполняющего аналитическую функцию (аналитического центра) тезауруса с содержащейся в нем информацией;

— вышеперечисленные информационно-аналитические процессы.

В качестве примера простой материальной небиологической кибернетической системы рассмотрим помещение, в котором при помощи подключенного к электросети нагревательного прибора с биметаллическим термостатом поддерживается температура в заданном диапазоне.

Управляемым блоком системы в данном случае выступает воздух внутри помещения. Целью управления является температура воздуха в помещении в определенном диапазоне. В качестве эффектора функционирует подключенный к сети нагревательный прибор, оказывающий воздействие на объект управления (прямая связь).

Элементом, выполняющим рецепторную функцию, является биметаллическая пластина, выступающая частью

¹ Там же. С. 103—104.

электроцепи. Под воздействием повышения температуры нагреваемого воздуха повышается температура указанной пластины, за счет чего происходит ее расширение. Поскольку пластина состоит из двух металлов с различными свойствами, изменение геометрической формы пластины происходит путем ее изгиба, который в момент достижения предельно высокого (в рамках заданного диапазона) уровня температуры воздуха в помещении размыкает электроцепь и выключает нагревательный прибор.

Охлаждение воздуха происходит естественным путем. Одновременно в процессе остывания пластина постепенно возвращается в исходное состояние. К моменту достижения самого низкого уровня диапазона пластина замыкает электроцепь, после чего вновь начинается нагрев воздуха.

В рассматриваемой ситуации биметаллическая пластина в составе электроцепи одновременно является также и аналитическим центром управляющей подсистемы. Ее конструкция, предусматривающая определенные физические свойства и геометрические параметры, выступая в качестве тезауруса, хранит отраженные в сочетании названных характеристик данные о целевом состоянии объекта управления и двух вариантах управляющего воздействия: выключение — включение.

За счет восприятия той же самой пластиной в качестве рецептора изменения температуры окружающего воздуха аналитический центр получает по каналу обратной связи информацию об указанных изменениях в форме изменения собственного пространственного положения (геометрических параметров), динамично и постоянно фиксируя образ актуального состояния объекта управления, соотнося его с образом целевого состояния и вырабатывая оценку соответствия.

Достижение максимального и минимального критических значений за счет изменения геометрической формы генерирует сигнал о необходимости управляю-

щего воздействия. Вид управляющего воздействия (размыкание либо замыкание цепи) детерминирован выбором, который будет сделан аналитически центром: если температура выше нормы обогреватель будет отключен, а если ниже — то включен. В свою очередь, выбор вида управляющего воздействия автоматически выступает и передачей его образа на эффектор: в качестве подачи электроэнергии или ее отключения.

Вышеописанный процесс управления в биметаллическом термостате может быть отнесен к так называемому программному управлению, в рамках которого выбор однозначно определенного управляющего воздействия осуществляется на основе оценки соответствия актуального состояния по отношению к целевому на основе однозначно определенного критерия. Наряду с программным в литературе также выделяется адаптивное управление, при котором поиск и выбор типа управляющего воздействия происходит методом случайных проб и копирования образцов. Именно адаптивное управление может оказаться эффективным в сложных ситуациях¹.

Подводя итог сказанному, полагаем необходимым отметить следующее.

По нашему мнению, представляет определенный интерес изучение онтологической природы права исходя из имеющихся знаний о феномене управления, накопленных кибернетикой. Возможность для подобного изучения может быть сформирована за счет применения в теоретико-правовых исследованиях понятия кибернетической системы.

Так, возникновение кибернетики как науки произошло относительно недавно, в середине XX в., и стало следствием достижения высокого уровня технологического развития.

Между тем, несмотря на недолгий период существования, выработанное указанной наукой понятие кибернетической системы возможно, на наш взгляд, рассматривать как одно из основных понятий

¹ Там же. С. 163, 175.

современной философии, поскольку соответствующий данному понятию феномен существует объективно и имеет всеобщий характер.

Представляется, что указанное понятие может выступать методологической основой научного познания широкого круга явлений с позиций диалектического материализма.

Как уже было сказано, условием для зарождения кибернетики послужило создание технических средств, копирующих процессы, свойственные биологическим, то есть предельно сложным объектам. По этой причине природа кибернетических систем имеет изначально сложный характер и описывается, как правило, с узко предметных позиций определенной естественнонаучной области знания.

Между тем, при рассмотрении феномена кибернетической системы возможно выявить закономерности его функционирования, которые воспроизводятся на элементарном уровне и поддаются относительно простому, линейному описанию и моделированию.

Вышесказанное позволяет гипотетически утверждать, что понятие кибернетической системы и знание о закономерностях его функционирования, в том числе на элементарном уровне, может быть использовано при исследовании права и иных социально-гуманитарных явлений.

Представляется, что последовательное внедрение понятия кибернетической системы в теоретико-правовую сферу позволит расширить научные горизонты за счет возможностей междисциплинарного подхода и развернутого применения системного метода.

Список источников

1. Алексеев О.Л., Коркунов В.В. Системный подход как методологическая основа научного познания // Специальное образование. 2002. № 1. С. 5—9.
2. Вопросы кибернетики и право. Москва: Издательство «Наука», 1967. — 312 с.

3. Денискин С.А. Понятие информации в контексте категорий «отражение», «отображение», «связь» // Вестник Челябинского Государственного университета. 2014. № 11 (340). С. 13—17.

4. Дружинин В.В., Конторов Д.С. Проблемы системологии (проблемы теории сложных систем). М.: «Сов. Радио», 1976. — 296 с.

5. Землин А.И., Корякин В.М. Методология военно-правового исследования. Общая часть : учебник и практикум. Москва: КНОРУС, 2021. — 228 с. EDN: JXKGDY

6. Косач Н.Е. Право и социальное управление // Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы. Материалы VI Международной научной конференции. Том 8. Под общей редакцией С.В. Беспаловой. Донецк, 2021. С. 255—257.

7. Крушанов А.А. Понятие «управление» в кибернетическом контексте // Электронный философский журнал Vox: <http://vox-journal.org>. 2017. № 23. С. 220—279.

8. Матюхин А.В. Методологический кризис в общественных науках // Современная Россия в мировом политическом процессе: глобальное и региональное измерение. Материалы международной научно-практической конференции. Под общей редакцией А.Я. Касюка, И.К. Харичкина. Москва: Московский государственный лингвистический университет, 2019. С. 132—136.

9. Седякин В.П. О теории отражения // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2013. № 3 (23). С. 72—78.

10. Солдатов А.С. Право как инструмент социального управления: информационный аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2001. — 164 с.

11. Тюхтин В.С. Отражение, системы, кибернетика. М.: Изд. «Наука», 1972. — 256 с.

12. Федосеев, П.Н. Философия и мировоззренческие вопросы современной науки // Вопросы философии. 1979. № 1. С. 72—88.

13. Халфина Р.О. Право как средство социального управления. М.: Изд. «Наука», 1988. — 256 с.

14. Шашкова Л.В. Право как инструмент социального управления // Вестник Российского университета кооперации. 2012. № 2(8). С. 87—89.

15. Щедровицкий Г.П. Организационно-деятельностная игра как новая форма организации и метод развития коллективной мыследеятельности // Избранные труды. Москва: Шк.Культ.Полит., 1995. — 800 с.

16. Щедровицкий Г.П. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системно-деятельностного подходов // Избранные труды. Москва: Шк.Культ.Полит., 1995. С. 144—154.

Socio-humanitarian interpretation of some provisions of general cybernetics and assessment of the possibility of their use in theoretical and legal research

© **Dokuchaev O.O.**,

Candidate of Law, Senior Investigator on particularly important cases of the Investigation Department Main Military Investigation Department Investigative Committee of the Russian Federation, Colonel of Justice

Annotation. The publication substantiates the need for consistent application of methods developed by general cybernetics in theoretical and legal research. The concept and ontological nature of a cybernetic system as a phenomenon of a universal nature are considered. An interpretation of information contained in specialized literature on the structure and behavior of cybernetic systems at an elementary level is given, and a hypothesis is put forward about the possibility of using this knowledge in the socio-humanitarian sphere.

Keywords: cybernetics, system, cybernetic system, governanse, information, reflection, display, image.

For citation: Dokuchaev O.O. Socio-humanitarian interpretation of some provisions of General Cybernetics and assessment of the possibility of their use in theoretical and legal research // Military law. 2025. No. 3.Pp. 46-54.

The article was received by the editorial office on April 5, 2025.

Источники права военно-космической деятельности

© Плакса Василий Николаевич,
кандидат юридических наук, старший
научный сотрудник научно-
исследовательского центра (военно-
прикладных исследований) Военного
университета Министерства обороны
Российской Федерации

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению правовых источников военно-космической деятельности государств. Дается теоретико-правовой анализ формирования и отнесения правовых норм и актов к источникам права в военно-космической сфере, раскрывается их сущность и правовое содержание. Автор приводит наиболее значимые международно-правовые и национальные акты государств, во многом составляющие содержание современной военно-космической деятельности, указывает на существующие противоречия, подчеркивая правовую проблематику и ее значение для поддержания мира и безопасности. В качестве одного из эффективных методов изучения и оценки влияния на развитие права предложена классификация источников военно-космической деятельности по соответствующим критериям применимости норм. Установлена отраслевая определенность права военно-космической деятельности.

Ключевые слова: военно-космическая деятельность; космическое пространство; международные договоры; международно-правовые нормы; источники права.

Для цитирования: Плакса В.Н. Источники права военно-космической деятельности // Военное право. 2025. № 3. С. 55—67.

Статья поступила в редакцию 30 апреля 2025 г.

Наименование «источник права» избрано не случайно, дело в том, что об определенной отрасли права можно говорить только тогда, когда есть её источники. Не предвещая вопроса о том, является ли право военно-космической деятельности отраслью, подотраслью или институтом международного права, рассмотрим какова его сущность в документационном и нормативно-правовом смысле.

Понятие «источник права» известно издревле, в своей «Римской истории» Тит Ливий назвал Законы XII таблиц «источником всего публичного и частного права», указывая на то, что современное ему римское право сложилось на основе именно этих законов. Н.М. Коркунов считал источниками права «формы объективирования юридических норм, служащие признаками их

обязательности, а также «средства познания права»¹. Н.К. Ренненкампф источниками права называл «силы, основы, причины, производящие право». К таким источникам, по его утверждению, относится власть законодателя, «формы, в которых образуется и действует право» и «источники познания права»².

В настоящее время в правовой науке термин «источники права» употребляется в значении внешней формы объективации, выражения права или нормативной государственной воли³. Несмотря на условность, данный термин удобен в употреблении и традиционен как для военно-правовой, так и международно-правовой науки.

Источником права является форма установления и выражения действующих правовых норм. Совокупность источников права, обусловленных общим

¹ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. 7-е изд. СПб., 1907. С. 203.

² Ренненкампф Н.К. Юридическая энциклопедия. Киев, 1898. С. 51—56.

³ Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М., 1999. С. 339—400.

предметом правового регулирования является ее нормативно-правовым массивом. Определяя, является ли правовой акт источником права и входит ли он в соответствующий нормативно-правовой массив, следует установить, относится ли он к числу актов, которые опосредствуют общественные отношения, входящие в определенный предмет правового регулирования.

Право военно-космической деятельности имеет под собой внушительный массив норм права, регулирующий отношения государств, юридических и физических лиц. Этот массив представляет собой формально определенные, признанные государствами обязательные правила поведения участников военно-космических правоотношений, воплощенные в источниках договорного и обычного международного права, нормативных резолюциях международных организаций, которые в соответствии с их уставами обязательны для государств-членов.

Международные источники права военно-космической деятельности нами рассматривается как окончательный результат процесса согласования воли суверенных субъектов данного права. Исходя из положений ст. 38 Статута Международного Суда ООН отмечаем, что наряду с договорными нормами в качестве источника международного права применяется «международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы»¹. Теоретически, обычные нормы международного права представляют собой политико-юридическую сущность, отражающую баланс интересов государств-субъектов международного права относительно содержания обычных правил поведения и их воли относительно признания этих устоявшиеся правил в качестве юридически обязательных.

Значительная часть государств участвуют в процессе создания обычных

норм международного права. Но не все государства участвуют в процессе создания норм в качестве обязательных правил поведения в космосе. Главная роль в формировании нормативного массива принадлежит государствам, именуемым космическими державами, которые обладают возможностями вести космическую деятельность. Именно они формируют правоотношения, вытекающие из материальных потребностей освоения космоса.

Вместе с тем и не космические государства участвуют в формировании норм международного права в военно-космической области. При этом ситуация схожа с той, когда не имеющие выхода к морю государства и не имеющие соответствующей практики, участвуют в формировании норм, касающихся международного морского права. В этой связи представляется обоснованным, что на формирование обычкновения в качестве предпосылки создания международно-правовой нормы в области военно-космической деятельности оказывает влияние практика государств, обладающих космическими технологиями и возможностями, в числе которых Российская Федерация является основателем, как первая в мире космическая держава.

Иное значение имеют договорные нормы, составляющие содержание действующего международного космического права. В современном мире общие интересы государств вытекают из необходимости решения глобальных задач, одной из которых является исследование и освоение космоса. Это обстоятельство оказывает влияние на внешнюю политику и, соответственно, на международно-правовую позицию суверенов, интересы которых должны согласовываться с общими интересами человечества.

Многосторонние международно-правовые договоры в области использо-

¹ Статут Международного суда ООН от 26 июня 1945 г.

вания космического пространства являются нормативными источниками военно-космической деятельности, направляют международно-правовой режим, определяют права и обязанности государств. На сегодняшний день договорные нормы воплощены в следующих международно-правовых актах:

— Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, от 27 января 1967 г.¹;

— Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство, от 22 апреля 1968 г.²;

— Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, от 29 марта 1972 г.³;

— Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство, от 12 декабря 1974 г.⁴;

— Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах, от 5 декабря 1979 г.⁵.

Безусловно, договорные нормы, содержащиеся в указанных источниках, должны признаваться государством-участником международного договора с момента его присоединения к акту и отражать его международно-правовую позицию. Тем не менее сегодня мы можем наблюдать противоречие между договорными нормами, нашедшими свое отражение в международных соглашениях по вопросу исследования и использования космического пространства и складывающимися нормами обычного международного права.

Речь идет о том, что на договорном уровне, будучи в составе участников,

разрабатывавших действующие фундаментальные соглашения по космосу, ратифицировав или присоединившись к этим актам, государства заявили об исключительно мирном использовании космического пространства. При этом, в своей национальной практике и *opinio juris* такие страны как США, Франция и Великобритания, являясь активными субъектами военной космической деятельности и доктринально закрепившими враждебное отношение к Российской Федерации, рассматривают космическое пространство как сферу ведения военных действий.

Данная правовая двусмысленность и стремление к гарантированной, в том числе военными средствами, защиты суверенитета Советского Союза, а в последующем Российской Федерации, обоснованно породила у военно-политического руководства потребность в заключении обязывающих двусторонних договоров в области военно-космической деятельности с Соединенными Штатами Америки. К наиболее значимым и представляющим возможность избежать причинения неприемлемого ущерба двум странам вплоть до гарантированного взаимного уничтожения можно отнести следующие действующие и утратившие силу источники права военно-космической деятельности:

— Договор о нераспространении ядерного оружия, от 1 июля 1968 г.⁶;

— Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны, от 26 мая 1972 г.⁷, который после решения США об одностороннем выходе из Договора 13 мая 2002 г. утратил силу;

¹ Рез. ГА ООН № 2222 (XXI) // Сборник действующих договоров, соглашений, конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами (далее — Сб. действ. договоров). Вып. XXV М., 1972. С. 41—45.

² Рез. ГА ООН № 2345 (XXII) // Сб. действ. договоров. Вып. XXV М., 1972. С. 45—48.

³ Рез. ГА ООН № 2777 (XXVI) // Сб. действ. договоров. Вып. XXIX М., 1975. С. 95—101.

⁴ Рез. ГА ООН № 3235 (XXIX) // Сб. действ. договоров. Вып. XXXIV М., 1980. С. 442—446.

⁵ Рез. ГА ООН № 34/68.

⁶ Рез. ГА ООН № 2373 (XXII).

⁷ Сб. действ. договоров. Вып. XXVIII. М., 1974. С. 31—35.

— Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности, от 8 декабря 1987 г., который после выхода в 2019 г. США из договора утратил силу;

— Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1), от 31 июля 1991 г., который после решения США об одностороннем выходе из Договора утратил силу в 2009 г.;

— Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-2), от 3 января 1993 г., который в связи с прекращением действия Договора СНВ -1 утратил силу;

— Меморандум о договоренности между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о создании совместного центра обмена данными от систем раннего предупреждения и уведомления о пусках ракет, от 6 июня 2000 г.¹;

— Международный кодекс поведения по предотвращению распространения баллистических ракет, от 25 ноября 2002 г.;

— Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о сокращении стратегических наступательных потенциалов от 24 мая 2002 г.²;

— Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений, от 8 апреля 2010 г.³, действие которого с 28 февраля 2023 г. приостановлено.

Вместе с тем, осознавая глобальную значимость военно-космической деятельности государств международным сообществом выработан ряд многосторонних международных договоров, направленных на обеспечение сохранности благоприятных для жизни человека условий на Земле и в ее атмосфере и гидросфере. Данные источники права военно-космической деятельности устанавливают права и обязанности ее участников по соблюдению экологической безопасности планеты, направлены на разоружение и укрепление мира, избавление от опасности использования новых средств ведения войны. К ним можно отнести следующие акты:

— Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой от 5 августа 1963 г.⁴;

— Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду, от 10 декабря 1976 г.⁵.

Значимым источником, оказывающим влияние на создание норм права военно-космической деятельности, являются резолюции-рекомендации Генеральной ассамблеи Организации Объединенных Наций, в том числе содержащие правовые принципы, связанные с правоотношениями в сфере военно-космической деятельности. Форма выражения, утвержденного резолюцией акта представляет собой декларацию, как например Декларация правовых принципов, регулирующих деятельность государств по исследованию и использованию космического пространства, от 13 декабря 1963 г.⁶, послужившая отправной точкой для принятия договора 1967 г., или собственно принципы, а именно:

— Принципы использования государствами искусственных спутников

¹ Бюллетень международных договоров. 2000. № 8. С.14.

² Бюллетень международных договоров. 2002. № 8. С. 67.

³ Бюллетень международных договоров. 2010. №

6. С. 3.

⁴ Советский Союз в борьбе за разоружение. Сб. док. М., 1977. С. 31—34.

⁵ Рез. ГА ООН 31/72.

⁶ Рез. ГА ООН (XVIII) 1962. Доп. № 15 (A/5515).

земли для международного непосредственного телевизионного вещания, от 10 декабря 1982 г.¹;

— Принципы, касающиеся дистанционного зондирования Земли из космоса, от 3 декабря 1986 г.²;

— Принципы, касающиеся использования ядерных источников энергии в космическом пространстве³.

— Предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве⁴.

Формирование международно-правовых норм в области военно-космической деятельности происходит в рамках международных организаций, в соответствии с положениями их устава, посредством закрепления в нормативных резолюциях. Будучи принятой большинством голосов, резолюция международной организации становится обязательной для всех государств-членов этой организации.

Так, например Международное агентство по атомной энергии (далее — МАГАТЭ) разработала и приняла на специальной сессии своей Генеральной конференции в г. Вена 26 сентября 1986 г. Конвенцию об оперативном оповещении о ядерной аварии, вступившую в силу 27 октября 1986 г.⁵ и Конвенцию о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации вступившую в силу 26 февраля 1987 г.

Специальную группу межгосударственных источников права образуют межправительственные соглашения, например, Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Французской Республики о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях, от 26 ноября 1997 г.

В январе 1998 г. заключено Соглашение между Правительством Канады, правительствами государств-членов Европейского космического агентства,

Правительством Японии, Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки относительно сотрудничества по международной космической станции гражданского назначения.

Правительством Российской Федерации также заключаются соглашения с государствами, не являющимися космическими державами, но совместная деятельность по исследованию и использованию космического пространства обоюдовыгодна и направлена на расширение взаимных возможностей. Так, например, проект соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан, одобренный к подписанию Распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 мая 2023 г. включает наряду с обозначенными областями сотрудничества положение об их возможном расширении, которое «определяются по взаимному письменному соглашению Сторон или компетентных органов по мере необходимости». Межправительственное соглашение от 15 июня 2023 г. с Алжирской Народной демократической Республикой создает организационно-правовые основы сотрудничества в области осуществления совместной космической деятельности.

Военно-космическая составляющая данных соглашений, разумеется, не подчеркивается в текстах документов, но осознание того, что международное сотрудничество в космической области дает возможность перенять определенный опыт, технологии и секреты производства позволяет потенциально применить их для своей военно-космической деятельности и, соответственно, рассматривать данный вид международно-правовых актов в качестве дополнительных источников права.

От международно-правовых источников следует отличать источники, принадлежащие к внутригосударственному

¹ Рез. ГА ООН 37/92 / Доп. № 51 (A/37151).

² Рез. ГА ООН 41/65.

³ Рез. ГА ООН 47/68 от 14 декабря 1992 г.

⁴ Рез. ГА ООН 57/57 от 22 ноября 2002 г.

⁵ Док. МАГАТЭ: INFCIRC/335.

законодательству. На национальном уровне нормы права военно-космической деятельности содержатся, в первую очередь, в Конституции Российской Федерации, закрепляющей в ст. 71 отнесение своей космической деятельности, наряду с обороной и безопасностью, к ведению Российской Федерации, а также п. 4 ст. 15 положение о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы». Таким образом, основной закон государства указывает, что вышеназванные действующие международно-правовые акты, будучи существенным элементом стабильности международного правопорядка, для Российской Федерации выступают составной частью ее правовой системы и источниками права военно-космической деятельности.

Среди законодательных актов Российской Федерации к источникам права прежде всего относится Закон Российской Федерации от 20 августа 1993 г. № 5663-1 «О космической деятельности», определивший исследование и использование космического пространства, в качестве важнейшего приоритета государственных интересов, а также Федеральный закон от 31 мая 1996 № 61-ФЗ «Об обороне»; от 13 июля 2015 г. № 215-ФЗ «О Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос».

В качестве примера поддержания в актуальном состоянии нормативно-правового массива в столь значимой для безопасности государства сфере как военно-космическая деятельность, следует привести Федеральный закон от 11 февраля 2008 г. № 1-ФЗ «О денонсации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Украины о средствах систем предупреждения о ракетном нападении и контроля космического пространства», утратившим свое значение в связи с изменением политических факторов. Данный пример подтверждает тезис о поли-

тико-юридической сущности международно-правового нормотворчества, поскольку согласование воле государств по поводу создания норм определяется возможностью нахождения баланса интересов государств.

Далее, в системе источников права Российской Федерации данной сферы следуют правовые акты Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации. Это довольно большое количество документов, изданных по различным вопросам военно-космической деятельности, к которым, например, относятся указы Президента Российской Федерации от 24 февраля 1992 г. № 185 «О структуре управления космической деятельностью в Российской Федерации», которым было создано Ракетно-космическое агентство (Роскосмос) — федеральный орган исполнительной власти, отвечавшее до 12 апреля 2019 г. за осуществление российской космической деятельности; от 10 августа 1992 г. «О создании Военно-космических сил России», от 24 марта 2001 г. № 337 «О создании Космических войск России», а также:

— Указ Президента Российской Федерации от 16 сентября 1992 г. «О создании спутниковой телекоммуникационной системы связи»;

— Указ Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. «Вопросы Министерства обороны Российской Федерации», наделяющий Минобороны России полномочиями по реализации государственной политики в области космической деятельности в интересах обороны и безопасности Российской Федерации;

— Указ Президента Российской Федерации от 31 мая 2006 г. № 549 «Об установлении профессиональных праздников и памятных дней в Вооруженных Силах Российской Федерации», установивший День Ракетных войск стратегического назначения и День Космических войск, отмечаемые ежегодно 17 декабря и 4 октября, соответственно.

К данному виду источников также

относятся указы Президента Российской Федерации:

— направленные на обеспечение функционирования космодромной инфраструктуры, такие как: от 24 октября 1994 г. № 2005 «Об организации дальнейшего использования космодрома Байконур в интересах космической деятельности Российской Федерации»; от 11 ноября 1994 г. № 2077 «О создании 1 Государственного испытательного космодрома Минобороны России», определивший создание космодрома Плесецк в составе ВКС на базе Главного центра испытаний и применения космических средств; от 1 марта 1996 г. № 305 «О придании Главному центру испытаний и применения космических средств статуса 2-го Государственного испытательного космодрома Министерства обороны Российской Федерации Свободный»; от 6 ноября 2007 г. № 1473с «О создании нового космодрома Восточный в Амурской области» и другие;

— направленные на создание, принятие на вооружение ракетно-космической техники, такие как: от 6 января 1995 г. № 14 «О создании космического ракетного комплекса «Ангара»; от 17 февраля 1995 г. «О восстановлении работоспособности, обеспечении постоянной эксплуатации и модернизации системы А-135»; от 25 декабря 1996 г. № 1770 «О принятии на вооружение космической системы обнаружения стартов МБР первого этапа с КА на геостационарной орбите» и другие;

— направленные на установление права боевого дежурства, в том числе: от 18 июля 2002 г. «О постановке на боевое дежурство оптико-электронного комплекса «Окно» в составе контроля СККП»; от 1 октября 2003 г. «О заступлении РЛС «Волга» системы ПРН, расположенной вблизи города Барановичи (Республика Беларусь), на боевое дежурство» и другие;

— относящиеся к документам стратегического планирования: от 25 декабря 2014 г. № Пр-2976 Военная доктрина Российской Федерации; от 2 июля

2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»; от 19 ноября 2024 г. № 991 «Об утверждении основ государственной политики в области ядерного сдерживания».

Постановлениями Правительства регулируется как общие, так и отдельные конкретные вопросы военно-космической деятельности Российской Федерации. Нельзя не отметить наиболее значимый, хотя и утративший силу, исторический правовой акт, который еще в советский период положил начало разработке военного потенциала в области ракетных технологий — постановление Совета Министров СССР от 13 мая 1946 г. № 017-419 «Вопросы реактивного вооружения».

Среди постановлений Правительства Российской Федерации следует выделить правовые акты, прямо регламентирующие военно-космическую деятельность, такие как от 8 апреля 1999 г. № 394 «Об использовании космических систем и комплексов военного назначения для оказания услуг в сфере космической деятельности», а также:

— направленные на реализацию возможностей навигации, связи и мониторинга, такие как: от 23 декабря 1993 г. «О создании космической системы оперативной разведки космической обстановки и предупреждения о космическом нападении»; от 7 марта 1995 г. № 237 «О проведении работ по использованию глобальной навигационной спутниковой системы "ГЛОНАСС" в интересах гражданских потребителей»; от 7 августа 1995 г. № 791 «Об осуществлении космической деятельности в интересах экономики, науки и безопасности Российской Федерации» и другие, более двадцати постановлений;

— направленные на развитие международного сотрудничества, такие как: от 24 июля 1995 г. «О присоединении Российской Федерации к международному режиму контроля за ракетной технологией»; от 12 апреля 1996 г. № 422 «О мерах по выполнению Федеральной кос-

мической программы России и международных соглашений в области космоса»; от 25 января 2002 г. № 40 «О подписании соглашения о статусе, принципах и условиях использования Габалинской радиолокационной станции (РЛС «Дарьял»)» и другие, более шестидесяти постановлений;

— направленные на принятие, исполнение и корректировку федеральных программ, связанных с военно-космической деятельностью, такие как: от 12 апреля 1996 г. № 422 «О мерах по выполнению Федеральной космической программы России и международных соглашений в области космоса»; от 2 февраля 1998 г. № 144 «О Концепции развития космической ядерной энергетики в России»; от 28 ноября 2023 г. № 2005 «Об утверждении правил оценки соответствия космической техники, включая космические объекты, объекты космической инфраструктуры, научного и социально-экономического назначения, космической техники двойного назначения, создаваемой в рамках Федеральной космической программы, иных федеральных программ в области космической деятельности, процессов, связанных с разработкой, созданием, использованием указанной космической техники» и другие, более десяти постановлений.

Источниками права военно-космической деятельности, безусловно, являются также и правовые акты Минобороны России. В том числе, к ним относятся приказы:

— от 10 декабря 2020 г. № 665 «Об установлении требований к государственным морским навигационным картам, включая требования к их картографической основе, к используемым системам координат, высот и к составу навигационной информации, содержащейся в указанных государственных навигационных картах»;

— от 19 апреля 2022 г. № 234 «Об установлении порядка утверждения экспортной комплектации, тактико-технических характеристик продукции военного назначения и согласования объема

информации о ней, сообщаемой иностранным заказчикам».

Ряд совместных приказов Министра обороны Российской Федерации и руководителей иных федеральных органов государственной власти, осуществляющих полномочия в данной сфере, также содержат правовые нормы, регламентирующие военно-космическую деятельность, например:

— Федеральной авионавигационной службы, Министра обороны Российской Федерации и Федерального космического агентства от 6 августа 2007 г. № 73/311/76 «Об утверждении положения по организации поисково-спасательного обеспечения полетов космических объектов»;

— Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» и Министра обороны Российской Федерации от 16 августа 2024 г. № 275/476 «О признании утратившим силу приказа Федерального космического агентства и Министра обороны Российской Федерации от 27 февраля 2015 г. № 34/99 «Об утверждении Регламента взаимодействия Министерства обороны Российской Федерации и Федерального космического агентства при осуществлении мероприятий по утилизации и ликвидации стратегических вооружений».

Разумеется, не только Российская Федерация руководствуется в своей военно-космической деятельности национальными источниками права. Все государства, обладающие космическими возможностями, имеют своё внутреннее законодательство, и в ряде случаев весьма значительное по объему и степени детализации правоотношений.

Так, в Соединенных Штатах военно-космическую деятельность регламентируют: Директива PDD-NSC-49/NSTC-8, определившая основные цели военно-космической политики США (1996 г.); Концепция «Joint Vision 2020» основной целью развития Вооруженных Сил США определившая достижение всеобъемлющего господства и го-

товность к проведению военных операций во всех областях оперативной деятельности, в том числе в космосе (2002 г.); Космическая доктрина, определившая принципы оборонной и разведывательной деятельности в космосе, особенность которой заключается в акценте на недопущение ограничения прав США на сбор и использование информации с помощью космических средств (2006 г.); Доктрина космических операций определившая готовность США к сдерживанию (дезинформации, дезорганизации, разрушению) космической инфраструктуры, представляющей угрозу безопасности США (2009 г.); Директива Президента США Национальная космическая политика США (2010 г.); январь 2011 г. Стратегия национальной космической безопасности (2011 г.); Директива заместителя министра обороны «Космическая политика»; (2012 г.); Наставление комитета начальников штабов «Космические операции» (2013 г.); Концепция развития космических средств в интересах сухопутных сил США на период 2015-2024 годов сформировавшая требования к широкому внедрению технологий информационно-космического обеспечения в сухопутных силах США (2015 г.); Закон о создании Космических войск (2017 г.); Оборонная космическая стратегия США (2020 г.); Указ Президента США закрепивший права США на добычу природных сырьевых ресурсов на Луне (2020 г.); Программа Министерства обороны США по подготовке и обучению специалистов в области ведения боевых действий в околоземном космическом пространстве (2020 г.); Доктрина Космического командования США «Космическая мощь» определившая главную цель и задачи применения космических сил при ведении военных действий в космосе (2020 г.); Стратегия национальной обороны США, включающая обзор ядерной политики и противоракетной обороны (2022 г.).

Франция в своей военно-космической деятельности руководствуется: Указом от 28 июня 1984 г. № 84-510 о

Национальном центре космических исследований; Законом от 3 июня 2008 г. № 2008-518 «О космических операциях»; приказом от 3 сентября 2019 г. О создании и организации космического командования; Стратегии космической обороны, определившей направления военно-космических операций Франции как «движущей силы» космического сектора Европы; приказом от 23 февраля 2022 г. № 2022-232 «О защите интересов национальной обороны при проведении космических операций и использовании данных космического происхождения».

Великобритания и Япония в 2022 г также приняли свои оборонные космические стратегии, определяющие их как глобальных участников космической деятельности. Китай и Индия, развивая свой военно-космический потенциал, принимают и совершенствуют национальные акты права в данной области.

Предложенный выше беглый обзор источников права военно-космической деятельности показывает наличие весьма обширного нормативно-правового массива международных актов и актов национального законодательства. Его исследование находится на стыке многих юридических специальностей, прежде всего международного права и сравнительного правоведения, но при углубленном рассмотрении здесь обнаруживаются элементы гражданского и военного права, технического и финансового регулирования, а поскольку освоение космоса является апофеозом развития человеческой цивилизации, то можно сказать, что в космическом праве нет ничего такого, что нельзя было бы обнаружить в чисто земном праве регулирования. Оно включает в себя и конституционное, и административное и многие другие отрасли права, а также международно-правовые акты, обычаи и доктрины.

Множественность источников права военно-космической деятельности, естественно, ставит вопрос о необходимости их классификации. Каждый обособленный тип, вид или класс может

быть выделен по неким критериям, представляющим собой какую-либо форму признака, взятого основанием классификации¹.

Исходя из критерия юридической силы актов и сферы их применения, источники права военно-космической деятельности можно классифицировать следующим образом:

1) международно-правовые акты:

— общие принципы космического права, признанные цивилизованными нациями;

— универсальные многосторонние договоры, соглашения, конвенции, ставшие общеобязательными в результате согласования воли большинства государств, согласившихся с предложенными правилами регулирования правоотношений в сфере военно-космической деятельности и признавшими их для себя юридически обязательными;

— двусторонние межгосударственные договоры и соглашения, заключенные в результате переговоров сторон по вопросам взаимного сотрудничества или принятия к себе определенных ограничений, то есть порождающие установление взаимных прав и обязанностей в области средств вооружения и военного использования космического пространства;

— резолюции-рекомендации международных организаций, выступающие как в качестве создания новых норм международного права, в том числе в области военно-космической деятельности государств, так и средством установления или толкования действующих международно-правовых норм;

— межправительственные соглашения, отражающие вопросы участия в международном сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства, в том числе долгосрочные соглашения о сотрудничестве, долгосрочные программы сотрудничества, соглашения об оказании технического содействия;

— международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы;

— судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм, исходя из смысла источников права, указанных в ст. 38 Статута Международного суда ООН;

2) акты национального законодательства:

— конституции государств, в частности, Российской Федерации, относящиеся вопросы обороны и безопасности, а также космическую деятельность к ведению государства;

— законодательные акты, направленные на обеспечение правового регулирования национальной космической деятельности в целях укрепления обороны и безопасности государств и определяющие приоритеты государственных интересов по исследованию и использованию космического пространства;

— правовые акты главы государства, которыми регулируются основные направления военно-космической деятельности, учреждаются органы государства, осуществляющие полномочия в данной сфере, а также силы и средства, утверждаются государственные документы стратегического планирования (доктрина, политика, стратегия);

— правовые акты исполнительной власти, которые определяют общие и конкретные вопросы военно-космической деятельности, принимают и реализуют национальные космические программы и концепции, обеспечивают производство космической техники и функционирование инфраструктуры космодромов, стартовых комплексов, центров управления полетами;

— нормативные правовые акты ведомств, осуществляющих полномочия в военно-космической области, включая

¹ Сырых В.М. История и методология юридической науки : учебник. М.: Инфра-М, 2012. С. 285;

Корякин В.М. Невоенные санкции против России: правовой аспект : монография. М.: «Юрлитинформ», 2015. С. 17.

министерства обороны и космические агентства, в том числе их совместные акты.

Источники права военно-космической деятельности обладают разной юридической силой для разных субъектов права. Юридическая сила как регулятивное свойство одного акта по отношению к другому, дополняется критерием обязательности применения акта к относимым и допустимым правоотношениям, включая его безусловное исполнения соответствующими государствами, юридическими и физическими лицами.

Иерархическое, по юридической силе распределение источников права способствует преодолению возможных правовых коллизий в области военно-космической деятельности. Правовая природа международного договора, как известно, заключается в согласовании воли государств-субъектов международного права. Государства-участники договора обязаны добросовестно выполнять добровольно принятые на себя международно-правовые обязательства.

В то же время, ранее принятый национальным парламентом на основе согласия большинства состава представительного органа государства, и вступивший в силу закон, также устанавливает в качестве общеобязательных иные правила поведения субъектов в данной области. Учитывая то обстоятельство, что международный договор, являясь составной частью правовой системы Российской Федерации иерархически находится между Конституцией и федеральным законом, то и возможное противоречие в нормах закона и договора должно будет решаться в пользу международного договора. Предусмотренная правом международных договоров процедура ратификации призвана устранить возможные противоречия и внести в действующий закон соответствующие изменения. Результатом этой деятельности является принятие закона о ратификации международного договора.

Противоречия в актах разной юридической силы могут быть устранены и иными способами. Так, в связи с принятием поправок в Конституцию Российской Федерации в марте 2020 г. Закон Российской Федерации от 20 августа 1993 года № 5663-1 «О космической деятельности» был дополнен следующим содержанием: «Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации. Такое противоречие может быть установлено в порядке, определенном федеральным конституционным законом».

В ст. 8 этого же закона имеется правовая норма, которая указывает, что создание и использование космических средств военного назначения регулируются законодательством Российской Федерации. При этом в законодательстве Российской Федерации, которая последовательно декларирует свою приверженность исполнению обязательств в рамках международного Договора по космосу (1967 г.), отсутствуют правовые нормы, регламентирующие разработку, создание и применение космических средств военного и двойного назначения в целях обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации. В то же время, ведущие государства, имеющие космические средства военного и двойного назначения, например, США имеют целый ряд отдельных законов в данной сфере.

В этой связи можно констатировать, назревшую потребность внесения изменений в Закон Российской Федерации от 20 августа 1993 года № 5663-1 «О космической деятельности» или принятие другого закона, который бы официально урегулировал в интересах обороны и безопасности Российской Федерации именно данный круг вопросов.

В качестве другого основания рассмотрим классификацию источников права военно-космической деятельности

по сфере действия, в том числе:

1) связанные с мониторингом из космоса и направленные на реализацию возможностей:

- разведки и целеуказания;
- связи, навигации и позиционирования;
- дистанционного зондирования земли;
- непосредственного телевизионного вещания;

2) направленные на предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве:

- ограничение и нераспространение вооружений и средств доставки;
- запрещение испытаний вооружений;
- ограничение военных возможностей использования космоса;

3) по вопросам реализации международного сотрудничества:

- принципы совместной деятельности по исследованию и использованию космического пространства;
- защита природной среды;
- международная ответственность за ущерб, причиненный космическими объектами;
- участие в международном режиме контроля ракетных технологий;

4) по вопросам создания, производства и подготовки к запуску космической техники военного и двойного (военно-гражданского) назначения, космической инфраструктуры:

- автоматических космических аппаратов,
- пилотируемых и беспилотных (орбитальных, межпланетных) космических кораблей и станций;
- космодромов, командно-измерительных комплексов, центров подготовки космонавтов;

5) доктринальные документы в области обороны:

- доктрины космических операций;
- стратегии космической безопасности;

— концепции развития космических командований, сил и средств;

б) документы боевого применения:

- боевого применения Воздушно-космических сил;
- боевого применения Стратегических ядерных сил;
- регулирующие методы ведения военных действий в космическом пространстве.

Представляется, что в условиях, когда сфера военно-космической деятельности на международном уровне детально не урегулирована, а государства стремятся развивать свой военный потенциал с учетом возможностей, обеспечиваемых использованием космического пространства, а равно учитывая иерархию нормативных актов — источников права военно-космической деятельности, классификация этих источников по сфере их действия наиболее приемлемой.

С этой точки зрения все источники права в военно-космической сфере можно разделить на международные универсальные, международные региональные, международные двусторонние, национальные законодательные, национальные концептуальные и военно-специальные (боевого применения).

Следует отдельно сказать о том, что различные формы выражения норм права военно-космической деятельности не в равной степени служат источниками права в военно-космической сфере. Некоторые из них в полной мере будут являться источниками права, например, документы боевого применения (боевые уставы, наставления), в то же время другие могут содержать только отдельные нормы, устанавливающие дополнительное военное функциональное использование космических систем двойного (военно-гражданского) назначения. Поэтому, наряду с принципами международного права, только эти нормы, а не правовые акты в целом следует полагать относящимися к источникам права военно-космической деятельности, и именно эти нормы будут применимы к

деятельности государств при осуществлении ими военно-космической деятельности для разрешения возможных споров судебными органами, в том числе международными.

Предложенный обзор источников военно-космического права обнаруживает немало нерешенных вопросов, требующих углубленной научной проработки, в частности, таких, как: соотношение общих, региональных и специальных актов; применимость общих и частных норм; допустимость использования норм национального законодательства одного государства другим государством и др. Тем не менее, исходя из вышеизложенного, мы приходим к выводу о том, что нормативно-правовой массив, регламентирующий военно-космическую деятельность сложился и существует. Он достаточен для того, чтобы считать военно-космическую деятель-

ность самостоятельным предметом правового регулирования. Выявленные критерии классификации актов и их согласованность в качестве источников права отвечают отличительному признаку отраслевой самостоятельности. Эти обстоятельства позволяют признать военно-космическое право отдельной самостоятельной отраслью международного космического права.

Список источников

1. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права / 7-е изд. Санкт-Петербург: Сенатская Типография, 1907. 354 с.
2. Корякин В.М. Невоенные санкции против России: правовой аспект. Москва: Юрлитинформ, 2015. 272 с.
3. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. Москва, 1999. 539 с.
4. Ренненкампф Н.К. Юридическая энциклопедия. Киев, 1898. 295 с.
5. Сырых В.М. История и методология юридической науки : учебник. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2012. 464 с.

Sources of Law of Military Space Activities

© Plaksa V.N.,

PhD in Law, Senior Researcher at the Scientific Research Center (Military Applied Research) Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Annotation. The article is devoted to the consideration of the legal sources of military space activities of states. A theoretical and legal analysis of the formation and attribution of legal norms and acts to sources of law in the military space sphere is given, their essence and legal content are revealed. The author cites the most significant international legal and national acts of States, which in many ways constitute the content of modern military space activities, points out the existing contradictions, emphasizing the legal issues and its importance for maintaining peace and security. As one of the effective methods of studying and assessing the impact on the development of law, a classification of sources of military space activities according to the relevant criteria of applicability of norms is proposed. The sectoral certainty of the law of military space activities has been established.

Keywords: military space activities; outer space; international treaties; international legal norms; sources of law.

For citation: Plaksa V.N. Sources of Law of Military Space Activities // Military law. 2025. No. 3. pp. 55-67.

The article was received by the editorial office on April 30, 2025.

Вина как обязательный признак субъективной стороны коррупционных правонарушений, совершаемых военнослужащими

© Сынков Николай Викторович,
преподаватель 25 кафедры Военного
университета имени князя Александра
Невского Минобороны России

Аннотация. Статья посвящена проблеме определения вины военнослужащих при совершении коррупционных дисциплинарных проступков в условиях недостаточной определенности положений законодательства о военной службе и противодействии коррупции, касающихся данного вопроса. В статье рассмотрены положения правового регулирования ответственности военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации (далее военнослужащих) при нарушении ими законодательства о противодействии коррупции. Выделены вопросы, связанные с привлечением военнослужащих к дисциплинарной ответственности за коррупционные правонарушения, а также проблемы применения к ним дисциплинарных взысканий.

Ключевые слова: профилактика коррупции; умысел и неосторожность; коррупционные правонарушения; дисциплинарная ответственность военнослужащих; дисциплинарные взыскания за несоблюдение ограничений и запретов, требований о предотвращении или урегулировании конфликта интересов; неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции.

Для цитирования: Сынков Н.В. Вина как обязательный признак субъективной стороны коррупционных правонарушений, совершаемых военнослужащими // Военное право. 2025. № 3. С. 68—73.

Статья поступила в редакцию 2 февраля 2025 г.

Вопросам привлечения военнослужащих к дисциплинарной ответственности за коррупционные правонарушения в науке военного права всегда уделялось большое внимание¹. Существующие в настоящее время проблемы в указанной сфере не дают возможности отвлечься от этих насущных вопросов и требуют дальнейшей научной проработки.

Следует отметить, что составы коррупционных преступлений и админи-

стративных коррупционных правонарушений прописаны законодателем в УК РФ и в КоАП РФ. В то же время для дисциплинарных коррупционных проступков аналогичный кодифицированный правовой акт в настоящее время отсутствует, что создает определенные сложности при оценке и юридической квалификации дисциплинарных проступков в целом и коррупционных, в частности².

¹ Бараненков В.В. Организационно-правовые основы деятельности и функции аттестационных комиссий в сфере профилактики коррупции в воинских частях // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2015. № 4. С. 2—8; Бараненкова И.В. О некоторых проблемах привлечения военнослужащих к ответственности за коррупционные правонарушения // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2014. № 7. С. 30—35; Корякин В.М. Усмотрение в деятельности командира // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2007. № 2. С. 7—12.

² Азовцев А.А., Корякин В.М. Особенности дисциплинарного производства по делам о коррупционных правонарушениях, совершаемых военнослужащими // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 1. С. 16—22; Добробаба М.Б. Особенности внесудебного дисциплинарного производства по делам о коррупционных правонарушениях // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2017. Т. 17. № 1. С. 86—89.

Дисциплинарная ответственность в теории права трактуется как один из видов юридической ответственности и заключается в ответственности физического лица, за нарушения, связанные с выполнением им трудовых, служебных, должностных обязанностей.

Основания юридической ответственности — это обстоятельства, наличие которых делает ответственность возможной (необходимой), а отсутствие их ее исключает. Юридическая ответственность возникает в силу предписаний норм права, в результате совершения правонарушения, на основании решения правоприменительного органа.

Юридическая ответственность имеет три основания: правовое, фактическое и процессуальное.

Под правовым основанием понимаются нормы материального права, устанавливающие юридическую ответственность. *Nullum crimen, nulla poena, sine lege* (лат.) — нет ни преступления, ни наказания без указания на то в законе¹.

Под процессуальным основанием выступают нормы права, определяющие деятельность компетентных органов по установлению виновных лиц и привлечению их к соответствующему виду юридической ответственности.

Под фактическим основанием понимается совершение конкретного правонарушения, которое представляет собой действие или бездействие, нарушающее нормы права, и имеет установленный в нормативном порядке состав признаков.

Правонарушение — это вредоносное, противоправное, виновное деяние, за которое законом предусмотрена юридическая ответственность. Оно, как известно, характеризуется совокупностью различных признаков, образующих состав правонарушения². К таким призна-

кам исследователи относят общественную опасность (общественную вредность) и противоправность³. По их утверждению, «общественная опасность является объективным свойством в том смысле, что деяние причиняет вред обществу, интересам отдельных граждан независимо от осознания данного обстоятельства законодателем. Вместе с тем, отнесение деяния к противоправному (законнарушающему) находится в зависимости от законодателя»⁴.

Кроме указанных, полагаем, что основными признаками правонарушения являются:

— виновность или психически-волевое отношение нарушителя к правонарушению и его последствиям. Традиционно выделяют две формы вины — умысел и неосторожность;

— реальность. Юридическая ответственность наступает только за фактически совершенное деяние. Правонарушение может выражаться в форме действия и бездействия.;

— наказуемость. Не всякое неисполнение обязанности или несоблюдение запрета является правонарушением. Им признается лишь деяние, совершение которого влечет применение установленных законом мер ответственности.

Одним из важнейших признаков правонарушения является его формально-юридический состав. Как определяет теория права, любое правонарушение имеет четко определенный состав, в противном случае отсутствие состава правонарушения исключает возможность производства по любой категории дел и привлечение субъекта правонарушения к юридической ответственности.

К составу правонарушения относится, прежде всего, его объективная сторона — деяние, выраженное в форме

¹ Демин А.В. Теория государства и права: курс лекций. М., 2002. С. 16.

² Рарог А.И. Вина и квалификация преступлений: учебное пособие. М., 1982. С. 8.

³ Правовые основы противодействия коррупции: учебник и практикум для бакалавриата и специ-

алитета / А.И. Землин, О.М. Землина, В.М. Корякин, В.В. Козлов; под общ. ред. А.И. Землина. М.: Юрайт, 2019. С. 128—137.

⁴ Противодействие коррупции в военной организации государства / Бахарев А.В. и др.; под общ. ред. А.В. Кудашкина. М.: За права военнослужащих, 2012. С. 47.

действия или бездействия; при этом деяние, как правило, должно быть виновным, то есть обладать субъективной стороной.

Объектом коррупционного правонарушения являются охраняемые законом общественные отношения, складывающиеся по поводу соблюдения военными запретами, ограничений и обязанностей, установленных законодательством в целях противодействия коррупции.

Объективная сторона представляет собой совокупность внешних признаков, характеризующих деяние как дисциплинарный коррупционный проступок. Обязательными признаками объективной стороны являются действия или бездействия, а в качестве дополнительных — место, время, способ, наступление вредных последствий, а также причинно-следственная связь между совершенным проступком и его вредными последствиями¹.

При этом для дисциплинарных коррупционных проступков необязательно наличие вредных последствий, поскольку данные составы правонарушения являются формальными, т.е. объективная сторона ограничивается лишь перечислением признаков действий/бездействий. Например, запрет военным на осуществление предпринимательской деятельности.

Субъектами дисциплинарных коррупционных проступков являются военнослужащие. При этом в зависимости от состава правонарушений, субъектами могут быть различные категории военнослужащих. К примеру, субъектами правонарушения, связанного с несоблюдением запрета на получение гонораров за публикации и выступления, связанные с исполнением обязанностей военной службы, могут быть все категории военнослужащих, а субъектами правонарушения, связанного с принятием ко-

мандиром (начальником) мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов в отношении подчиненного военнослужащего, могут быть лишь категории военнослужащих из числа командного состава.

Субъективная сторона — совокупность признаков, характеризующих психическое отношение лица к содеянному и к возможным последствиям правонарушения, обязательным из которых является вина правонарушителя, а факультативными — мотив и цель.

В п. 3 ст. 51.1 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» разъясняется порядок применения взысканий, предусмотренных подп. «д. 1» и «д. 2» п. 1 и подп. «е. 1» п. 2 ст. 51 указанного Федерального закона и другими нормативными правовыми актами Российской Федерации о прохождении военной службы. Закон требует учитывать характер совершенного военным коррупционного правонарушения, его тяжесть, обстоятельства, при которых оно совершено, соблюдение военным других ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и исполнение им обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции, а также предшествующие результаты исполнения военным своих должностных обязанностей. Данные обстоятельства, которые учитываются при применении взысканий в отличие от аналогичной нормы применительно к общему порядку привлечения к дисциплинарной ответственности не указывает на вину, как обстоятельство, учитываемое при оценке соответствующего деяния. Мы полагаем, что данное упущение в законодательство является существенным, так как ответственность без вины не наступает.

Само по себе принятие военным мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов,

¹ Нерсесянц В.С. Проблемы общей теории права и государства : учебник. М.: Норма, 2004. С. 485—487.

стороной которого он является, не относится в прямом смысле к коррупционным действиям, поскольку, он может и не осознавать ситуацию конфликта интересов и соответственно не иметь корыстных целей. Иная ситуация может сложиться, когда, наоборот, непринятие военнослужащим указанных мер является осознанным и осуществляется умышленно для получения возможности совершения коррупционных действий. Или, к примеру, непредставление сведений о доходах либо несвоевременное или неполное их представление могут быть вызваны самыми различными причинами, не имеющими коррупционных предпосылок, но могут быть вызваны и осознанным стремлением сокрыть коррупционные доходы. Также осуществление военнослужащим предпринимательской деятельности может не носить напрямую коррупционного характера.

Вместе с тем, необходимость установления формы вины все же вытекает из нормативного определения некоторых составов коррупционных дисциплинарных правонарушений. Например, п. "д 1" ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» предусматривает возможность увольнения в связи с утратой доверия за представление военнослужащим *заведомо* неполных или недостоверных сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. В Толковом словаре значение слова «заведомо» определено как сознательно, безусловно, несомненно. Необходимо отметить, что данное слово в юридической науке не имеет официально признанного терминологического статуса, но имеет важное концептуальное значение, так как при определении формы вины значение именно этого слова приводит нас к выводу о совершении деяния с прямым умыслом. Однако следует отметить, что наличие указанного слова в

нормативно-правовых актах не может свидетельствовать об однозначности умышленного деяния. Если под словом «заведомо» понимать совершение противоправного деяния с умышленной формой вины, то в ходе доказывания необходимо проводить соответствующие процессуальные действия, подтверждающие такие факты, как осознание субъектом правонарушения противоправного характера своего действия (бездействия), предвидение возможности или неизбежности наступления вредных последствий, желание или нежелание наступления этих последствий, но сознательное допущение этих последствий либо безразличное отношение к ним. Совершенно очевидно, что все вышперечисленные факты имеют юридическое значение для определения вины, характера и тяжести совершенного проступка и в последующем применения соразмерного дисциплинарного взыскания.

Обобщая сказанное, следует подчеркнуть, что ответственность, не может быть реализована без правоприменительной деятельности; совершенное деяние и наступившие последствия не могут быть автоматически вменены правонарушителю в вину. Только в результате процессуальной деятельности в конечном итоге определяется соответствие правового и фактического основания юридической ответственности, то есть наличие состава правонарушения в конкретном деянии¹. Вне процессуального порядка не может быть реализована санкция нормы материального права². Поэтому законодатель указывает, что при квалификации дисциплинарного проступка должна учитываться вина военнослужащего.

Нормы, установленные п. 3 ст. 51.1 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», регламентирующие особенности производства по

¹ Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 49; Кудрявцев В.Н.

Правовое поведение: норма и патология: учебник. М.: Наука, 1982. С. 45;

² Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М.: Городец-издат, 2001. С. 109.

делам о дисциплинарных коррупционных проступках в части обстоятельств, которые учитываются при применении мер юридической ответственности, не содержат требований об обязательном определении вины, в отличие от норм, устанавливающих общий порядок дисциплинарного производства, установленный п. 1 ст. 28.5 Федерального закона «О статусе военнослужащих», в котором определено, что при назначении дисциплинарного взыскания учитываются характер дисциплинарного проступка, обстоятельства и последствия его совершения, форма вины, личность военнослужащего или гражданина, призванного на военные сборы, совершившего дисциплинарный проступок, обстоятельства, смягчающие дисциплинарную ответственность, и обстоятельства, отягчающие дисциплинарную ответственность¹.

Рассматриваемую проблему обозначил в своей публикации С.Е. Чаннов², который полагает, что привлечение к дисциплинарной ответственности без вины противоречит специфике данного вида юридической ответственности, а правовая наука и положения нормативных правовых актов не допускают невиновное привлечение к ответственности.

В отличие от других видов государственной службы законодатель достаточно детально регламентировал вопросы вины военнослужащих при совершении дисциплинарных проступков. Так, в п. 3—5 статьи 28.2 Федерального закона «О статусе военнослужащих» установлены формы вины (умысел или неосторожность), а также раскрыто их содержание, позволяющее выделить прямой и косвенный умысел, а также легкомыслие и небрежность.

С учетом изложенного, закрепление в п. 3 ст. 51.1 Федерального закона «О воинской обязанности и военной

службе» положения о необходимости установить не просто вину субъекта, но и форму вины (умысел (прямой или косвенный) или неосторожность), наличие причинной связи между проступком, за совершение которого военнослужащий привлекается к дисциплинарной ответственности, и наступившими последствиями, а также наличие негативных последствий считаем целесообразным и необходимым. По сути, ввиду отсутствия кодифицированного правового акта о составах дисциплинарных проступков, мы приходим к необходимости установления полного состава элементов, которые являются необходимыми при квалификации коррупционного правонарушения, то есть должны быть указаны: 1) объект правонарушения; 2) субъект правонарушения; 3) объективная сторона правонарушения; 4) субъективная сторона правонарушения.

Список источников

1. Азовцев А.А., Корякин В.М. Особенности дисциплинарного производства по делам о коррупционных правонарушениях, совершаемых военнослужащими // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 1. С. 16—22. EDN: MRXLQN
2. Бараненков В.В. Организационно-правовые основы деятельности и функции аттестационных комиссий в сфере профилактики коррупции в воинских частях // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2015. № 4. С. 2—8.
3. Бараненкова И.В. О некоторых проблемах привлечения военнослужащих к ответственности за коррупционные правонарушения // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2014. № 7. С. 30—35.
4. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. (Очерк истории). Москва: Городец-издат, 2001. 202 с.
5. Демин А.В. Теория государства и права : курс лекций. Москва, 2002. 182 с.
6. Добробаба М.Б. Особенности внесудебного дисциплинарного производства по делам о коррупционных правонарушениях // Вестник

¹ Сынков Н.В. Особенности производства по делам о нарушениях законодательства о противодействии коррупции в Вооруженных Сил Российской Федерации // Военное право. 2023. № 2 (78). С. 131.

² Чаннов С.Е. Дисциплинарное принуждение как средство обеспечения служебных правоотношений: современное состояние и перспективы // Административное право и процесс. 2012. № 7. С. 13—18.

Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2017. Т. 17. № 1. С. 86—89.

7. Корякин В.М. Усмотрение в деятельности командира // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2007. № 2. С. 7—12. EDN: ZHIAPZ

8. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология : учебник. Москва: Наука, 1982. 287 с.

9. Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). Москва: Изд-во Моск.ун-та, 1981. 239 с.

10. Нерсесянц В.С. Проблемы общей теории права и государства : учебник. Москва: Норма, 2004. 815 с.

11. Правовые основы противодействия коррупции : учебник и практикум для бакалавриата и специалитета / А.И. Землин, О.М. Землина, В.М. Корякин, В.В. Козлов; под общ. ред. А.И.

Землина. Москва: Издательство Юрайт, 2019. — 197 с. EDN: AVALAX

12. Противодействие коррупции в военной организации государства / Бахарев А.В. и др.; под общ. ред. А.В. Кудашкина; Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Москва: За права военнослужащих, 2012. 159 с. EDN: QSTDOT

13. Парог А.И. Вина и квалификация преступлений : учебное пособие. Москва, 1982. 63 с.

14. Сынков Н.В. Особенности производства по делам о нарушениях законодательства о противодействии коррупции в Вооруженных Сил Российской Федерации // Военное право. 2023. № 2 (78). С. 129—137.

15. Чаннов С.Е. Дисциплинарное принуждение как средство обеспечения служебных правоотношений: современное состояние и перспективы // Административное право и процесс, 2012. № 7. С. 13—18.

Guilt as a mandatory sign of the subjective side of corruption offenses committed by military personnel

© Synkov N.V.,

lecturer at the 25th Department of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Russian Ministry of Defense

Annotation. The article is devoted to the problem of determining the guilt of military personnel in the commission of corrupt disciplinary offenses in conditions of insufficient certainty of the provisions of legislation on military service and anti-corruption related to this issue. The article discusses the provisions of the legal regulation of the liability of military personnel of the Armed Forces of the Russian Federation (hereinafter referred to as military personnel) in violation of anti-corruption legislation. The issues related to bringing military personnel to disciplinary responsibility for corruption offenses, as well as the problems of applying disciplinary penalties to them, are highlighted.

Keywords: prevention of corruption; intent and negligence; corruption offenses; disciplinary liability of military personnel; disciplinary penalties for non-compliance with restrictions and prohibitions, requirements for preventing or resolving conflicts of interest; failure to fulfill duties established in order to combat corruption.

For citation: Synkov N.V. Guilt as an Obligatory sign of the Subjective side of Corruption offenses committed by Military personnel // Military law. 2025. No. 3. pp. 68-73.

The article was received by the editorial office on February 2, 2025.

К вопросу об иностранных военнопленных и интернированных в СССР

© Углицких Дмитрий Васильевич,
кандидат юридических наук, доцент,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Московского областного филиала
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

© Раненкова Елена Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права и криминологии
Московского областного филиала
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,

Аннотация. Во время Второй мировой войны Советский Союз столкнулся с проблемой удержания иностранных военнопленных и интернированных. Этот аспект военной истории вызывает много дискуссий и споров среди историков, политологов и общественности. Проблема положения граждан иностранных государств, оказавшихся в статусе военнопленных, а также лиц, подвергшихся принудительному интернированию в пределах СССР, представляет собой многогранный исторический вопрос. Советский опыт обращения с данными категориями людей отражает сложные политические, экономические и гуманитарные аспекты государственной политики того периода. Исследование этой темы позволяет глубже понять особенности функционирования советской системы в контексте международных отношений и военных конфликтов.

Ключевые слова: иностранные военнопленные, интернированные, репатриация.

Для цитирования: Углицких Д.В., Раненкова Е.А. К вопросу об иностранных военнопленных и интернированных в СССР // Военное право. 2025. № 3. С. 74—81.

Статья поступила в редакцию 1 апреля 2025 г.

В современном обществе возникают оживленные споры, связанные с формированием «образа врага», политикой государства и отношением к побежденному противнику. В последнее время проводятся активные дискуссии, вызванные жестким осуждением возрождающейся фашистской идеологии, с одной стороны, и «политкорректным» лояльным отношением к бывшему врагу, с другой стороны. Трагические последствия самой масштабной войны в истории человечества, прошедшей 80 лет назад, до сих пор не забыты и беспокоят человеческую память. Темы, которые вызывают наибольшие споры и разногласия в обществе сегодня, включают в себя вопросы о враге, государственной

политике и отношении к противнику среди обычных людей.

Российское общество все больше интересуется темой советского военного плена, так как процесс раскрытия архивов отечественной истории открывает новые страницы прошлого. Умозрительные представления и воспоминания солдат и офицеров, вернувшихся из плена, оказывают значительное влияние на восприятие советского народа за рубежом, формируя общую память о событиях тех лет. Изучение истории пребывания в плену военнослужащих противника в советском контексте является ключевым аспектом анализа военной повседневности. Это имеет важное значение для понимания проблем советского государства, межгосударственных отношений в

военные и послевоенные времена, а также последствий Второй мировой войны.

В работах А.Ф. Бичехвоста¹, А.В. Латышева² и А.Л. Кузьминых³ изучены механизмы фильтрации и функционирование специальных лагерей НКВД для проверки бывших военнопленных и репатриантов. Они освещают нормативные и организационные аспекты фильтрационных мероприятий, а также численность, состав, обеспечение и использование труда спецконтингента, и работу по политическому воздействию на фильтрантов. Меньше внимания уделено выявлению и наказанию военных преступников, включая детали совершения военных преступлений и привлечение к уголовной ответственности за совершенные противоправные действия.

Правовой статус иностранных военнопленных в Советском Союзе в период Великой Отечественной войны вызывал сомнения и противоречия с точки зрения международного права. В соответствии с Женевской конвенцией о законах и обычаях войны на суше (1929 г.) иностранные военнопленные должны были рассматриваться как защищенные лица и исполняться в соответствии с принципами гуманности. Однако, в условиях военного конфликта с Германией, Советский Союз принимал жесткие меры в отношении военнопленных, особенно с учетом жестокости их обращения с советскими военнопленными. В результате, многие иностранные военнопленные были объявлены преступниками войны и подверглись принудительному труду или репрессиям. Позже были проведены расследования и возобновлена практика обмена военнопленными с другими странами, что смягчило положение иностранных военнопленных в СССР.

Этот случай стал примером сложного взаимодействия между военным правом и реалиями войны, подчеркивая важность соблюдения конвенций в условиях вооруженного конфликта.

Система интернирования в СССР была четко организованной и строго контролировалась советскими властями. Иностранные военнопленные и интернированные находились под постоянным наблюдением и не имели возможности свободно общаться с внешним миром. Их передача из лагерей была строго ограничена и подвергалась согласованию с высшими инстанциями. 8 октября 1939 г. были сформулированы специфические задачи для особых подразделений в лагерях. Эти подразделения, занимавшиеся «чекистско-оперативным обслуживанием военнопленных», действовали согласно Положению о лагере для военнопленных, принятому 23 сентября 1939 г. Интересно, что руководители данных подразделений не подчинялись администрации лагерей, а отчетывались непосредственно перед начальниками УНКВД, наркоматами внутренних дел республик и руководством специальных отделов соответствующих военных округов, что создавало особую систему подчинения вне стандартной лагерной иерархии⁴.

В лагерях для военнопленных, согласно указанию НКВД СССР, работники специальных отделений должны были организовать агентурную работу для отслеживания состояния военнопленных и выявления потенциальных контрреволюционных группировок.

Первостепенной задачей, возложенной на сформированную агентурную сеть, являлось обнаружение бывших сотрудников польских разведывательных служб, полиции и охранных структур, а

¹ Бичехвост А.Ф. К истории создания и функционирования специальных лагерей для советских военнопленных // История пенитенциарной системы России в XX веке : сб. материалов междунар. науч. семинара. Вологда, 2007. С. 62—73.

² Латышев А.В. Проверочно-фильтрационные лагеря НКВД СССР: кадры, ведомственные интересы и проверка военнослужащих Красной Ар-

мии (1941—1945) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «История». 2015. № 6. С. 72—77.

³ Кузьминых А.Л. Военный плен и интернирование в СССР (1939—1956 годы) : моногр. Вологда, 2016.

⁴ Яловенко А.Ф. Архипелаг ГУПВИ в Челябинской области. Челябинск: Цицеро, 2014.

также членов определенных общественных и государственных организаций, указанных в директивном документе. Оперативный учет был обязателен для всех идентифицированных «контрреволюционных элементов». Процедура ареста военнопленных требовала предварительного одобрения как со стороны руководителя особого отдела, так и военного прокурора соответствующего округа.

После начала Великой Отечественной войны руководство оперативным обслуживанием военнопленных по приказу Л.П. Берии от 15 августа 1941 г. № 0371 было возложено на Контрразведывательное управление (КРУ) НКВД СССР. Всех военнопленных офицерского и унтер-офицерского состава собирали в Елабужском лагере НКВД Татарской АССР. Для оказания помощи в организации их оперативного обслуживания в лагерь была командирована бригада ответственных работников НКВД СССР. До конца 1942 г. масштаб работы был небольшим, однако после этого произошли изменения. Начиная с 1943 г., количество пленных увеличилось в разы. Сотрудники специализированных отделений активно искали и привлекали военнопленных различных национальностей для различных задач как в период военных действий, так и после войны, когда они могли занимать важные общественно-политические позиции в своих странах. НКВД СССР требовало пересмотреть работу оперативно-чекистских отделов лагерей для военнопленных и оперативных отделов НКВД—УНКВД в соответствии с особенностями агентурной деятельности. Им было поручено решать конкретные задачи, учитывая специфику работы с военнопленными, включая раскрытие военных преступлений и другие обязанности. Офицерский состав продолжает концентрироваться в

отдельных лагерях. Для их содержания в 1943 г. было уже четыре лагеря: Оранский № 74 (Горьковская обл.), Елабужский № 97, Грязовецкий № 150 (Вологодская обл.) и Суздальский № 160 (Ивановская обл.)¹.

В 1944 г. было принято решение НКВД о разделении военнопленных на различные категории. В соответствии с приказом от 9 сентября 1944 г. № 001130 были созданы первые специальные лагеря УПВИ, такие как Карагандинский (Спасозаводский) № 99 (лагерные отделения № 3 и 7) и Суслонгерский № 171. Они предназначались для содержания лиц, причастных к преступлениям и жестокостям против граждан Советского Союза, «активных фашистов и сотрудников противника в разведывательной, контрразведывательной и карательной сфере, а также военнопленных, совершивших побег или пытающихся организовать побег»².

После разгрома нацистской Германии органы НКВД СССР столкнулись с необходимостью обработки огромного количества пленных — более 1,3 млн. человек были взяты в плен в завершающий период военных действий. Для регулирования этого процесса было издано специальное Положение о специальных лагерях НКВД для военнопленных, регламентирующее функционирование лагерей для военнопленных. На первичных этапах обработки пленных во фронтовых пунктах проводилась их сортировка: офицерский состав отделялся от рядовых и младшего офицерского состава, особое внимание уделялось идентификации лиц, участвовавших в карательных операциях или работавших в разведывательных структурах противника. Утвержденное Положение детально описывало не только порядок направления в специализированные лагеря НКВД, но и

¹ В дальнейшем число офицерских лагерей будет расти. К весне 1946 г. к названным добавятся Лежневский № 48 (Ивановская обл.), Усманский № 95 (Воронежская обл.), Моршанский № 64 и Радинский № 188 (Тамбовская обл.), Богородский № 437 (Вологодская обл.)

² Стефан Карнер Архипелаг ГУПВИ: Плен и интернирование в Советском Союзе: 1941—1956 / Пер.с нем. О. Асписовой. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2002. 303 с.

весь комплекс мер по содержанию, трудовому использованию военнопленных, а также определяло их правовой статус и систему дисциплинарного воздействия¹. МВД СССР поручило руководителям внутренних дел республик и начальникам УМВД краев и областей интенсифицировать оперативные мероприятия по обнаружению и нейтрализации террористических фашистских группировок среди интернированных и военнопленных в лагерях. Согласно информации МВД, эти группы были вовлечены в деструктивную деятельность с целью восстановления фашистского режима и уничтожения лидеров коммунистических партий после возвращения на родину. Их подрывная активность включала организацию атак на охрану, побегов, диверсий и саботажа. В лагерных тылах осуществляется комплексная деятельность для противодействия этим угрозам.

После окончания Второй мировой войны согласно директиве НКВД СССР от 11 мая 1945 г. № 84 в лагерях была развернута масштабная агентурно-следственная деятельность. Ключевой задачей стало обнаружение шпионов иностранных разведок, функционировавших как в Советском Союзе, так и в других европейских государствах. Органы внутренних дел также тщательно искали военных преступников и лиц, владеющих значимой военной, политической или экономической информацией, которую можно было использовать в интересах СССР. В послевоенный период советские органы безопасности усилили контроль над выявлением нацистских преступников. Согласно директиве Контрольного Совета, в Германии № 38 определенные лица были классифицированы как нацисты, милитаристы и военные преступники. Выявление таких лиц в лагерях для военнопленных стало приоритетной задачей.

Главное управление по делам военнопленных и интернированных МВД СССР тщательно следило за процессом

идентификации военных преступников. Даже при серьезных проблемах со здоровьем таким лицам запрещалось возвращаться в родные страны. 3 декабря 1946 г. МВД СССР издало директиву № 285, адресованную Главному разведывательному управлению, Морскому генштабу и МГБ Советской Армии. На военных преступников заводились специальные учетные дела в региональных подразделениях МВД, а на всех лиц данной категории оформлялись дела-формуляры.

К концу 1945 г. Оперативное управление ГУПВИ накопило существенный массив данных о лицах, совершивших военные преступления, по которым следственные мероприятия были завершены. Информационные сводки по этой тематике регулярно направлялись руководством МВД в региональные подразделения для координации действий. Сведения о военных преступниках из разных лагерных комплексов систематизировались Оперативным управлением ГУПВИ, которое обеспечивало привлечение к ответственности всех нарушителей установленных запретов. Важно отметить, что передача завершенных уголовных дел в военные трибуналы структурами МВД осуществлялась исключительно при наличии специального разрешения от ГУПВИ.

Судебные процессы над военными преступниками начались в конце 1945 г. по инициативе ЦК ВКП(б), первые семь из них проходили открыто в различных городах СССР, включая Брянск, Смоленск, Ленинград, Великие Луки, Минск, Ригу и Николаев. В результате этих судебных процессов 84 военных преступника, среди которых было 18 генералов, были приговорены к смертной казни через повешение. Дополнительно, 9 судебных процессов были организованы по решению Совета Министров СССР в сентябре 1947 г. для глубокого рассмотрения дел с убедительными доказательствами вины подследственных.

¹ Яловенко А.Ф. Указ. соч.

В городах Сталино, Севастополе, Бобруйске, Чернигове, Полтаве, Витебске, Новгороде, Кишиневе и Гомеле в период с октября по декабрь того же года прошли судебные процессы. Здесь приговоры были менее строгими, 137 военных преступников, включая 23 генерала, были приговорены к 25 годам каторжных работ. Общее число осужденных военных составило 221 человек на всех 16 судебных процессах. Завершив все открытые судебные процессы, руководство страны убедилось в том, что как граждане СССР, так и мировое сообщество признали справедливость советского правосудия. Для того чтобы привлечь к ответу обвиняемых, требовались убедительные доказательства, хотя они не всегда были доступны из-за значительных затрат сил на их подготовку.

Для обеспечения процесса массовой репатриации военнопленных, служивших в специальных подразделениях и органах, МВД СССР пришло к решению ускорить процесс отделения и концентрации данной категории военнопленных. Планировалось обсудить вопрос о репатриации указанных лиц в последнем квартале 1949 г., после завершения репатриации основного контингента военнопленных и проведения оперативно-следственной работы. Недостаточно было режимных лагерей для размещения всех военнопленных данной категории.

В 1949 г. МВД решило реформировать обычные лагеря для военнопленных в специальные, где содержались различные категории «подучетников». Для рассмотрения компрометирующих материалов на военнопленных и принятия решения о их репатриации или передаче для суда было предложено создать межведомственную комиссию из представителей МВД, МГБ и Прокуратуры. Это предложение было утверждено. Распоряжением № 634 от 14 октября МВД утвердило создание подобных комиссий по регионам, включая заместителя начальника УМВД, представителя МГБ и прокурора, и определило список меро-

приятий, которые должны были выполнить эти комиссии. Отчеты о рассмотренных делах, переданных в трибуналы и количестве осужденных, еженедельно подавались членами межведомственной комиссии в МВД, МГБ и Прокуратуру СССР. Отдельное внимание участники комиссии уделяли военнопленным, включенным в оперативный учет без компрометирующих материалов о преступной деятельности. Им предписывалось отправить на репатриацию в четвертом квартале 1949 г. За исключением высшего руководства и сотрудников, занимающихся оперативной деятельностью, агентства разведки и контрразведки в странах Германия, Венгрия и Румыния находились на одной волне. Информация об этих людях отправлялась на рассмотрение в специальную межведомственную комиссию.

С 23 ноября 1949 г. запрещается средство связи между всеми осужденными и военнопленными, находящимися под следствием. Решение Министерства внутренних дел СССР от 30 ноября 1949 г. закрепляет местонахождение всех военнопленных, осужденных военными трибуналами по результатам межведомственной комиссии, в специальных лагерях Главного управления по вопросам военнопленных и интернированных. С.Н. Круглов утвердил 23 марта 1950 г. список из 11 лагерей на 17 300 мест для содержания общего числа осужденных, в том числе 9 лагерей на 15 300 мест для немецких военнопленных и 2 для японцев. В период с 25 по 30 декабря 1949 г. в Хабаровске прошло публичное судебное разбирательство против бывших членов японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия против Советского Союза, под руководством Квантунской армии и группы высокопоставленных сотрудников так называемого «противоэпидемического отряда № 731».

В 1950 г. под руководством С.Н. Круглова был утвержден план основных мероприятий по репатриации немецких

военнопленных и концентрации в специальных лагерях МВД осужденных военных преступников. Центральная межведомственная комиссия, включающая представителей МВД, МГБ, Министерства юстиции и Прокуратуры СССР, изучила материалы оставленных в СССР военнопленных примерно к тому времени, когда 12 человек были приговорены к различным срокам заключения.

В период с 1943 по 1949 год в СССР было около 13 515 военнопленных немцев, в том числе осужденные за такие военные преступления как шпионаж, диверсии и вредительство. В 1949 г. были осуждены еще 6565 человек, включая офицеров СС и СА, штабных и кадровых офицеров. Также было подвергнуто судебному разбирательству 1798 лиц, подлежащих преданию военному трибуналу. На 1 марта 1952 г. в лагерях Министерства внутренних дел СССР содержалось общее число военнопленных — 17 467 человек, из которых 14 194 гражданина Германии, 1049 — Японии, 822 — Австрии, 586 — Румынии, 487 — Венгрии, 87 — Югославии и других стран.

Было принято решение, что в число подпадающих под репатриацию следует включать: инвалидов, больных туберкулезом, хронических больных с хирургическими заболеваниями, больных дистрофией 1-й и 2-й степени, а также длительно нетрудоспособных. Но репатриация данной категории военнопленных не решила проблемы содержания в лагерях. Наоборот, в лагерях было зарегистрировано большое количество членовредительства, симуляции заболеваний и т.д. Большое количество больных военнопленных увеличивалось из-за плохой организации лагерей, неэффективного питания и тяжелых условий труда. Многие военнопленные, прибывшие из фронтовых лагерей в СССР, были настолько больными, что быстрое восстановление их работоспособности было невозможным.

Таким образом, в период Великой Отечественной войны и после нее, шла

активная работа по изобличению военных преступников и их привлечение к уголовной ответственности. Также следует отметить, что в данный период организация лагерного быта и досуга для военнопленных была приоритетной задачей, несмотря на ограниченность материальных ресурсов. Проводилась интенсивная политическая работа с целью деструкции нацистской идеологии, перевоспитания и подготовки к возвращению на родину. Благодаря эффективным мероприятиям, было выявлено большинство военнопленных, которые совершили военные преступления против мирных граждан, что наглядно иллюстрирует изучение практики содержания иностранных военнопленных в исправительных лагерях СССР. Также хотелось бы отметить, что воздействие интернирования иностранных военнопленных в СССР на международные отношения времен Великой Отечественной войны оказало значительное влияние на обстановку в мировой политике. Советское правительство принимало строгие меры по отношению к пленным войскам соперников, что вызывало недовольство и обеспокоенность со стороны государств-союзников. Некоторые страны были шокированы методами обращения с военнопленными и призывали к соблюдению норм Гаагских конвенций. Интернирование иностранных военнопленных также привело к напряжению в отношениях между СССР и союзниками, особенно с Западными странами. Появились обвинения в нарушении международного права со стороны Советского Союза, что усилило конфликтные моменты в дипломатических отношениях. В том числе были случаи попыток давления со стороны Соединенных Штатов и Великобритании на Советский Союз в вопросах обращения с военнопленными. Тем не менее, интернирование иностранных военнопленных в СССР также могло рассматриваться как необходимая мера для обеспечения безопасности страны. СССР сталкивался с огромными пото-

ками пленных, и принимал решения в соответствии с военной необходимостью. Это контраргументальное решение включало в себя вопросы гуманного обращения с пленными и обеспечения их минимальных стандартов жизни. Эти противоречивые аспекты воздействия интернирования на международные отношения стали предметом длительных обсуждений и споров как во время войны, так и после ее завершения.

Список источников

1. Бичехвост А.Ф. К истории создания и функционирования специальных лагерей для советских военнопленных // История пенитенциарной системы России в XX веке : сб. материалов междунар. науч. семинара. Вологда, 2007. С. 62—73.
2. Кузьминых А.Л. Военный плен и интернирование в СССР (1939—1956 годы) : моногр. Вологда, 2016. 527 с.

3. Кузьминых А.Л. Организация содержания военнопленных германской армии и ее союзников в СССР (на примере Череповецкого лагеря № 158) // Historia Provinciae — журнал региональной истории. 2024. Т. 8. № 2. С. 532—609. DOI 10.23859/2587-8344-2024-8-2-5. EDN TTJQK.

4. Кузьминых А.Л. Учреждения для военнопленных и интернированных в Коми АССР (1944—1948 годы) / А. Л. Кузьминых // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 12(247). С. 10—20. DOI 10.51522/2307-0382-2022-247-12-10-20. EDN IBMNVO.

5. Латышев А.В. Проверочно-фильтрационные лагеря НКВД СССР: кадры, ведомственные интересы и проверка военнослужащих Красной Армии (1941—1945) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «История». 2015. № 6. С. 72—77.

6. Стефан Карнер Архипелаг ГУПВИ: Плен и интернирование в Советском Союзе: 1941—1956 / Стефан Карнер // Пер. с нем. О. Асписовой. Москва: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2002. 303 с.

7. Яловенко А.Ф. Архипелаг ГУПВИ в Челябинской области. Челябинск: Цицеро, 2014. 1428 с.

On the issue of foreign prisoners of war and internees in the USSR

© Uglitskikh D.V.,

senior lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology, Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

© Ranenkova E.A.,

Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, Candidate of Legal Sciences

Abstract. During World War II, the Soviet Union faced the problem of holding foreign prisoners of war and internees. This aspect of military history has caused much discussion and debate among historians, political scientists and the public. The problem of the status of citizens of foreign countries who found themselves in the status of prisoners of war, as well as persons subjected to forced internment within the USSR, is a multifaceted historical issue. The Soviet experience of dealing with these categories of people reflects the complex political, economic and humanitarian aspects of state policy of that period. Research into this topic allows us to better understand the peculiarities of the functioning of the Soviet system in the context of international relations and military conflicts.

Key words: prisoners of war, internees, operational-investigative work, repatriation.

For citation: Uglitskikh D.V., Annenkova E.A. On the Issue of Foreign Prisoners of war and Internees in the USSR // Military law. 2025. No. 3. pp. 74-81.

The article was received by the editorial office on April 1, 2025.

Военно-административное право

Административная ответственность за управление транспортным средством военнослужащим-водителем, находящимся в состоянии опьянения: практика Верховного Суда Российской Федерации

© **Кайнов Владимир Иванович**,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры государственно-
правовых дисциплин Северо-Западного
филиала Российского государственного
университета правосудия

© **Попков Дмитрий Валерьевич**,
кандидат экономических наук, профессор
кафедры философских и социально-
экономических дисциплин Военной
ордена Жукова академии войск
национальной гвардии Российской
Федерации

Аннотация. В продолжение начатой ранее дискуссии авторами статьи рассматриваются некоторые решения Верховного Суда Российской Федерации с точки зрения применения их на военнослужащих, управляющих транспортными средствами и находящимися в состоянии опьянения. Делается вывод о том, что дело в отношении военнослужащего, совершившего административное правонарушение, рассматривает гарнизонный военный суд. Рассматриваются особенности привлечения военнослужащих к административной ответственности за совершенные административные правонарушения, предусмотренные главой 12 КоАП РФ. Делается акцент на участниках специальной военной операции, совершивших административное правонарушение, в сфере безопасности дорожного движения.

Ключевые слова: военнослужащий; административное правонарушение; опьянение; Верховный Суд Российской Федерации.

Для цитирования: Кайнов В.И., Попков Д.В. Административная ответственность за управление транспортным средством военнослужащим-водителем, находящимся в состоянии опьянения: практика Верховного Суда Российской Федерации // Военное право. 2025. № 3. С. 82—88. Статья поступила в редакцию 19 января 2025 г.

Обращение к рассматриваемой тематике обусловлено принимаемыми Верховным Судом Российской Федерации решениями¹, затрагивающими спектр вопросов по управлению транспортным

¹ Кайнов В.И., Шеншин В.М. Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации по вопросам невыполнения требований о прохождении

военнослужащими медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения // Военное право. 2022. № 4(74). С. 139—144.

средством лицом, находящимся в состоянии опьянения¹, в том числе и водителями-военнослужащими².

Стоит отметить, что более 262 тыс. водителей в России в 2023 г. были лишены водительского удостоверения за управление транспортным средством в состоянии опьянения, что стало самым низким показателем за последние пять лет.

Так, в 2023 г. из судов получено более 262 тыс. постановлений о лишении права управления транспортными средствами, в том числе с назначением административного штрафа за управление автомобилем в состоянии опьянения (ч. 1 и 3 ст. 12.8 КоАП) и за невыполнение законного требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения (ст. 12.26 КоАП). Это составляет почти 77 % общего количества лишенных прав (всего почти 341 тыс.). Данный показатель стал рекордно низким за последние пять лет: в 2022 и 2021 годах было выписано около 284 тыс. таких постановлений, в 2020 г. — 277 тыс., в 2019 г. — почти 287 тыс.

Всего, по данным ГИБДД, в 2023 г. выявлено 478 тыс. водителей-нарушителей ПДД, управлявших транспортными средствами в состоянии опьянения или отказавшихся от прохождения медицинского освидетельствования. В 2022 г. данный показатель составил почти 455 тыс., в 2021 г. — почти 463 тыс., в 2020 г. — 464 тыс., в 2019 г. — 467 тыс.³

Частью 3 ст. 28.10 Кодекса Российской

Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) предусмотрено, что в случае поступления ходатайства командования воинской части (учреждения) производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном гл. 12 данного Кодекса, если санкцией применяемой статьи предусмотрено лишение права управления транспортным средством соответствующего вида или другими видами техники, *приостанавливается* в отношении военнослужащего, проходящего военную службу в период мобилизации, в период военного положения или в военное время, либо лица, пребывающего в добровольческом формировании, привлекаемых для выполнения задач специальной военной операции (СВО), со дня поступления такого ходатайства, о чем выносится определение. Порядок взаимодействия по вопросу приостановления производства по указанному делу определяется в соответствии с ч. 6 ст. 32.6.1 КоАП РФ⁴.

Вместе с тем, в ч. 4 названной статьи указано, что если в период прохождения лицом военной службы либо пребывания в добровольческом формировании в отношении него вступило в законную силу новое постановление о назначении административного наказания в виде лишения права управления транспортным средством соответствующего вида или другими видами техники, предусмотренного гл. 12 КоАП РФ, производство по делу об административном правонарушении⁵ возобновляется со дня, следующего за днем

¹ Кайнов В.И., Назарова И.С., Шеншин В.М. О правовом подходе Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации к вопросу «лекарственного опьянения» военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 5(310). С. 52—57.

² Кайнов В.И., Шеншин В.М. К вопросу об управлении транспортным средством военнослужащим-водителем, находящемся в состоянии опьянения // Военное право. 2023. № 6(82). С. 23—32.

³ <https://tass.ru/obschestvo/20194391>

⁴ Шеншин В.М. Административно-юрисдикционная деятельность правоохранительных органов иностранных государств: сравнительно-правовое

исследование // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России) : Материалы XX международной научно-теоретической конференции. В 2-х частях, Санкт-Петербург, 27—28 апреля 2023 года. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 1049—1054.

⁵ Ананьев Е.В., Фаисханов Р.Р., Шеншин В.М. О необходимости внесения изменений в Перечень должностных лиц войск национальной гвардии Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 3(320). С. 75—78.

вступления в законную силу нового постановления, о чем выносятся определение.

В ГПК РФ в ст. 215 закреплено, что суд обязан приостановить производство по делу в случае участия гражданина, являющегося стороной в деле, в боевых действиях в составе Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, созданных в соответствии с законодательством Российской Федерации, в проведении контртеррористической операции, призыва его на военную службу по мобилизации, заключения им контракта о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации, выполнения им задач в условиях чрезвычайного или военного положения, вооруженного конфликта, если такой гражданин не заявил ходатайство о рассмотрении дела в его отсутствие.

Норма об обязанности суда приостановить производство по делу распространяется не только на военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации проходящих службу по контракту, но и на участников воинских формирований органов, созданных в соответствии с законодательством Российской Федерации, мобилизованных, а также на иных лиц¹.

Необходимо понимать, что в момент поступления дела в суд, у судьи может не быть сведений о нахождении военнослужащего на СВО. Поэтому первоначально исковое заявление будет принято, а дело назначено к слушанию². После принятия искового заявления к производству в обязанности суда входит извещение лиц,

участвующих в деле. На этой стадии судья направляет в адреса сторон соответствующие извещения и назначает дело.

В это время военнослужащему необходимо заявить о себе, направив в суд копии документов о нахождении на СВО. Сделать это могут также родственники военнослужащего или иные лица. Если документов об участнике СВО у родственников нет, это не страшно, так как заявление об участии стороны в военной операции может быть подано и без документов. Данный факт в любом случае должен быть проверен.

Если повестка вернется в суд с отметкой о невозможности вручения, а в суд поступят сведения в любой форме об участии лица в СВО, то судья обязательно проверит данную информацию, сделав соответствующий запрос в военный комиссариат.

Несмотря на закрепленную законом обязанность суда приостановить производство по делу, дело участника СВО может быть рассмотрено судом, если он сам настаивает на таком рассмотрении.

Дело также может быть рассмотрено с участием представителя участника СВО (например, адвоката).

Однако если у военнослужащего есть свой представитель, наличие заявления о рассмотрении дела без стороны все равно является обязательным.

В определенных случаях, если судом не будет установлено местонахождение военнослужащего на СВО, решение по делу может быть принято. В таком случае необходимо знать, что в силу п. 1 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ рассмотрение дела в отсутствие кого-либо из лиц, участвующих в деле и не извещенных надлежащим обра-

¹ Бондуровский В.В. Поспелов С.В. Деятельность Парламентской Ассамблеи ОДКБ в контексте трансформации вызовов и угроз безопасности // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2024. № 2(63). С. 14—26.

² Шеншин В.М. Проект Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (2021) и проект Процессуального Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (2020) о компетенции Росгвардии // Акту-

альные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 марта 2023 г. / Под общей редакцией А.И. Каплунова, сост.: А.И. Каплунов, А.О. Дрозд, Н.М. Крамаренко, Э.Х. Мамедов. СПб.: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. С. 629—636.

зом о времени и месте судебного заседания является безусловным основанием для отмены решения суда¹.

Если военнослужащий из числа участников СВО не был извещен о слушании дела, а решение задевает его права, то срок для обжалования такого решения должен быть ему восстановлен, а решение отменено.

Итак, если стороной по гражданскому делу является военнослужащий из числа участников СВО, то его дело должно быть приостановлено до тех пор, пока он самостоятельно не сможет в нем участвовать. Об участии в СВО суд необходимо уведомить, предоставив соответствующие документы. Дело может быть рассмотрено, если сам военнослужащий против этого не возражает. Решение суда, принятое без надлежащего уведомления участника СВО подлежит безусловной отмене и пересмотру².

В случае, если мобилизованный в период отпуска был привлечен к административной ответственности по ч. 2 ст. 12.26 КоАП РФ, то какой суд должен рассматривать его дело, военный или гражданский?

В соответствии со ст. 44 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», военнослужащие рассматриваются военными судами³.

Таким образом, если военнослужащий совершил административное правонарушение, его дело будет рассматривать гарнизонный военный суд⁴.

С 21 сентября 2022 г. в России объявлена частичная мобилизация (Указ Президента Российской Федерации от 21 сен-

тября 2022 г. № 647). Граждане Российской Федерации, призванные на военную службу по мобилизации, имеют статус военнослужащих, проходящих военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации по контракту, а, следовательно, и несут ответственность, предусмотренную для военнослужащих. В этой связи имеет смысл обратиться к действующему законодательству и подробно ознакомиться с составами правонарушений.

Ст. 2.5. КоАП РФ предусматривает, что за административные правонарушения, за исключением административных правонарушений, предусмотренных частью 2 данной статьи, военнослужащие, граждане, призванные на военные сборы, и имеющие специальные звания сотрудники Следственного комитета Российской Федерации, органов внутренних дел, войск национальной гвардии Российской Федерации, органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, органов принудительного исполнения Российской Федерации, Государственной противопожарной службы и таможенных органов в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, регламентирующими прохождение военной службы (службы) указанными лицами и их статус, несут дисциплинарную ответственность.

Частью 3 рассматриваемой статьи предусмотрено, что дела об административных правонарушениях, указанных в ч. 1—2 этой статьи и совершенных военнослужащими и гражданами, призванными на военные сборы, рассматриваются судьями гарнизонных военных судов⁵.

¹ Кайнов В.И., В.М. Шеншин. Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации по вопросам осуществления медицинского освидетельствования военнослужащих на состояние опьянения // Военное право. 2022. № 2(72). С. 111—119.

² Арбитражный процесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / В.И. Кайнов, Н.Д. Эриашвили, А.Е. Даньшина [и др.]. М.: ООО «Издательство ЮНИТИ-ДАНА», 2024.

³ Кайнов В.И., Шеншин В.М. Управление транспортным средством военнослужащим в состоянии

алкогольного опьянения: правонарушение, имеющее отягчающий характер // Военное право. 2023. № 5(81). С. 36—41.

⁴ Кайнов В.И. Кривуля Л.Г., Шеншин В.М. Понятие и классификация мер административного принуждения // Закон и право. 2023. № 2. С. 69—72.

⁵ Фатеев К.В., С.С. Харитонов, С.В. Шанхаев. Административная ответственность военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы: комментарии и судебная практика. М.: За права военнослужащих, 2011.

Мобилизованные по своему правовому статусу приравнены к военнослужащим по контракту. Согласно Федеральному конституционному закону «О военных судах Российской Федерации» дела об административных правонарушениях, совершенных военнослужащими, отнесены к подсудности военных судов.

В соответствии с ч. 2 ст. 2.5 КоАП РФ за административные правонарушения, предусмотренные, в том числе главой 12, военнослужащие несут административную ответственность на общих основаниях¹.

Практика привлечения виновных физических лиц к административной ответственности² за управление транспортным средством в состоянии опьянения свидетельствует об имеющихся в данной сфере проблемах³. Так, в одном из своих решений Верховный Суд Российской Федерации делает акцент на то, что опьянение водителя должен определять врач с подготовкой на базе наркодиспансера. Факт опьянения был установлен актом медицинского освидетельствования водителя на состояние опьянения, однако Верховный Суд Российской Федерации обратил внимание на следующее.

По результатам медицинского освидетельствования на состояние опьянения, проведенного в бюджетном учреждении здравоохранения (областном ПНД) врачом-психиатром вынесено заключение о нахождении водителя в состоянии опьянения, однако, согласно п. 15 Правил освидетельствования лица, которое управляет транспортным средством, на состояние алкогольного опьянения, медосвидетельствование на состояние опьянения проводится врачом-психиатром-наркологом либо врачом другой специальности, прошедшим подготовку по во-

просам проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения водителей транспортных средств. Пунктом 4 Порядка проведения медосвидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического) и примечанием к нему установлено, что медосвидетельствование включает в себя осмотр врачом-психиатром-наркологом либо врачом другой специальности, прошедшим на базе наркологической больницы или наркологического диспансера (наркологического отделения медицинской организации) подготовку по вопросам проведения медицинского освидетельствования по программе, предусмотренной приложением № 7 к приказу Минздрава России от 14 июля 2003 г. № 308, при этом указанная программа предусматривает, что такая подготовка осуществляется областными (краевыми, республиканскими, городскими) наркологическими диспансерами (больницами). Между тем, согласно акту медицинского освидетельствования на состояние опьянения, указанная подготовка пройдена врачом-психиатром на базе автономной некоммерческой организации дополнительного профессионального образования. По запросу мирового судьи в дело представлены документы о прохождении подготовки указанным врачом-психиатром — удостоверение о повышении квалификации, согласно которому указанным медицинским работником пройдено повышение квалификации по программе «Медицинское освидетельствование на состояние алкогольного и иного видов опьянения» в упомянутой автономной некоммерческой организации дополнительного профессионального образования. Однако упомянутая образовательная организация не относится к числу учреждений, указанных в названных

¹ Аникин И.А. Участие понятых при применении дорожно-патрульной службой ГИБДД МВД России мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2015. № 7. С. 75—78.

² Шеншин В.М. Росгвардия как субъект обеспечения государственной и общественной безопасности в сфере осуществления административно-

юрисдикционной деятельности. Белгород: ООО «Эпицентр», 2022.

³ Ирошников Д.В. Безопасность как категория международного публичного права: теоретический аспект // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2022. № 1(54). С. 11—22.

выше нормам, и не вправе проводить подготовку по вопросам проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения. Имеющийся в штате образовательной организации врач психиатр-нарколог обучение по указанному курсу обучения не проводил, да и программа обучения не соответствует программе, предусмотренной приложением № 7 к п к приказу Минздрава России от 14 июля 2003 г. № 308. На базе наркологической больницы или наркологического диспансера (наркологического отделения медицинской организации) врачом-психиатром подготовка по вопросам проведения медицинского освидетельствования по установленной программе не пройдена; документа, подтверждающего прохождения такой подготовки, указанный медработник фактически не имеет. Следовательно, медосвидетельствование водителя на состояние опьянения в данном случае проведено медицинским работником с нарушением Порядка проведения медосвидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического), утвержденного приказом Минздрава Российской Федерации от 18 декабря 2015 г. № 933н, а заключение по итогам этого медосвидетельствования не может быть доказательством совершения административного правонарушения. В связи с этим состоявшиеся судебные акты подлежат отмене, а дело — прекращению по п. 4 ч. 2 ст. 30.17 КоАП РФ (за недоказанностью)¹.

Таким образом, Верховный Суд Российской Федерации вернул водительское удостоверение водителю, который ранее был лишен права управления транспортным средством.

Подводя итог, отметим, что рассмотренные случаи могут быть положены в основу освобождения военнослужащих от административной ответственности за совершение административных правонарушений в области безопасности дорожного движения в состоянии опьянения.

Список источников

1. Ананьев Е.В., Фаисханов Р.Р., Шеншин В.М. О необходимости внесения изменений в Перечень должностных лиц войск национальной гвардии Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 3(320). С. 75—78. EDN EHVFXN.
2. Аникин И.А. Участие понятых при применении дорожно-патрульной службой ГИБДД МВД России мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2015. № 7. С. 75—78. EDN TZQCHF
3. Арбитражный процесс : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / В.И. Кайнов, Н.Д. Эриашвили, А.Е. Данышина [и др.]. Москва : ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА», 2024. 376 с. ISBN 978-5-238-03839-1. EDN DOKCAF.
4. Бондуровский В.В., Поспелов С.В. Деятельность Парламентской Ассамблеи ОДКБ в контексте трансформации вызовов и угроз безопасности // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2024. № 2(63). С. 14—26. DOI 10.61260/2074-1626-2024-2-14-26. EDN MAQBZM.
5. Ирошников Д.В. Безопасность как категория международного публичного права: теоретический аспект / Д. В. Ирошников // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2022. № 1(54). С. 11—22. EDN WCAУMY.
6. Кайнов В.И., Кривуля Л.Г., Шеншин В.М. Понятие и классификация мер административного принуждения // Закон и право. 2023. № 2. С. 69—72. DOI 10.56539/20733313_2023_2_69. EDN ATGUDD.
7. Кайнов В.И., Назарова И.С., Шеншин В.М. О правовом подходе Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации к вопросу «лекарственного опьянения» военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 5(310). С. 52—57. EDN ZLJVZE.
8. Кайнов В.И., Шеншин В.М. К вопросу об управлении транспортным средством военнослужащим-водителем, находящемся в состоянии опьянения // Военное право. 2023. № 6(82). С. 23—32. EDN KVLCS.
9. Кайнов В.И., Шеншин В.М. Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации по вопросам невыполнения требований о прохождении военнослужащими медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения // Военное право. 2022. № 4(74). С. 139—144. EDN YVOVJR.

¹ Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 5 июня 2024 г. № 2-АД24-2-К3.

10. Кайнов В.И., Шеншин В.М. Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации по вопросам осуществления медицинского освидетельствования военнослужащих на состояние опьянения // Военное право. 2022. № 2(72). С. 111—119. EDN BNAFWX.

11. Кайнов В.И., Шеншин В.М. Управление транспортным средством военнослужащим в состоянии алкогольного опьянения: правонарушение, имеющее отягчающий характер // Военное право. 2023. № 5(81). С. 36—41. EDN NRRMQD.

12. Фатеев К.В., Харитонов С.С., Шанхаев С.В. Административная ответственность военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы: комментарии и судебная практика. Москва: За права военнослужащих, 2011. 332 с. ISBN 978-5-93297-126-0. EDN QSBIAL

13. Шеншин В.М. Административно-юрисдикционная деятельность правоохранительных органов иностранных государств: сравнительно-правовое исследование // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России) : Материалы XX международной научно-теоретической конференции. В 2-х частях, Санкт-Петербург, 27—28 апреля 2023

г. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 1049—1054. EDN VAZZCD.

14. Шеншин В.М. Проект Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (2021) и проект Процессуального Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (2020) о компетенции Росгвардии // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 марта 2023 г. / Под общей редакцией А.И. Каплунова, сост.: А.И. Каплунов, А.О. Дрозд, Н.М. Крамаренко, Э.Х. Мамедов. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. С. 629—636. EDN VWYQRR.

15. Шеншин В.М. Росгвардия как субъект обеспечения государственной и общественной безопасности в сфере осуществления административно-юрисдикционной деятельности. Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2022. 202 с. ISBN 978-5-6048482-9-6. EDN CCFOMJ.

Administrative responsibility for driving a vehicle by a military driver who is intoxicated: the practice of the Supreme Court of the Russian Federation

© **Kainov V.I.**,

Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor

© **Popkov D.V.**,

Professor of the Department of Philosophical and Socio-Economic Disciplines of the Military Order of Zhukov of the Academy of the National Guard of the Russian Federation, Candidate of Economic Sciences

Abstract. In continuation of the discussion started earlier, the authors of the article consider some decisions of the Supreme Court of the Russian Federation from the point of view of their application to military personnel driving vehicles and being intoxicated. It is concluded that the case against the serviceman who committed an administrative offense is being considered by the garrison military court. The article considers the specifics of bringing military personnel to administrative responsibility for administrative offenses committed under Chapter 12 of the Administrative Code of the Russian Federation. The focus is on the participants of the conflict who have committed an administrative offense in the field of road safety.

Keywords: military man; administrative offense; intoxication; Supreme Court of the Russian Federation.

For citation: Kainov V.I., Popkov D.V. Administrative responsibility for Driving a vehicle by a military driver who is intoxicated: the Practice of the Supreme Court of the Russian Federation // Military law. 2025. No. 3. pp. 82-88.

The article was received by the editorial office on January 19, 2025.

Постоянное проживание за границей близких родственников кандидата на должность судьи может явиться препятствием для назначения на должность судьи

© Кукушкин Михаил Валерьевич,
юрист

Аннотация. В контексте повышенных требований, предъявляемых для назначения на должности судей, исследуется такой специфический правовой институт, как возможное препятствие для назначения на должности судей лиц, близкие родственники которых проживают за границей, с точки зрения допускаемых Конституцией Российской Федерации ограничение прав и свобод человека и гражданина. В статье раскрываются особенности допуска лиц, замещающих должности судей; высказаны некоторые вопросы об особенностях их правового положения.

Ключевые слова: судья, допуск к государственной тайне, близкие родственники, постоянное проживание за границей.

Для цитирования: Кукушкин М.В. Постоянное проживание за границей близких родственников кандидата на должность судьи может явиться препятствием для назначения на должность судьи // Военное право. 2025. № 3. С. 89—92.

Статья поступила в редакцию 30 апреля 2025 г.

Конституции Российской Федерации гласит: правосудие осуществляется судом в лице судей, являющихся носителями судебной власти (ст. 118). Судьями могут быть граждане Российской Федерации, достигшие 25 лет, имеющие высшее юридическое образование и стаж работы по юридической профессии не менее пяти лет, постоянно проживающие в Российской Федерации, не имеющие гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства. Судьям судов Российской Федерации в порядке, установленном федеральным законом, запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации. Федеральным законом могут быть установлены дополнительные требования к судьям судов Российской Федерации (ст. 119).

Судьями являются лица, наделенные в конституционном порядке полномочиями

осуществлять правосудие и исполняющие свои обязанности на профессиональной основе. Судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и закону. В своей деятельности по осуществлению правосудия они никому не подотчетны. Все судьи в Российской Федерации обладают единым статусом и различаются между собой только полномочиями и компетенцией. Какое бы то ни было вмешательство в деятельность судьи при осуществлении ими правосудия, в том числе со стороны внешних факторов, является недопустимым. Суд постановляет приговор, принимает решение именем Российской Федерации.

Проведение государственной политики, направленной на повышение качества и эффективности функционирования судебной системы, укрепление независимости судов, ведет к росту требований к судьям как к носителям судебной власти. Именно судья занимает ключевое место в судебной системе, и от него зависит решение большинства проблем, обсуждаемых сегодня в обществе и государстве.

Назначение на должность судьи осуществляется на конкурсной основе. После

объявления об открытии вакантной должности судьи или руководителя суда гражданин, соответствующий требованиям к кандидатам на должность судьи, либо судья обращается с заявлением в соответствующую квалификационную коллегия судей и представляет необходимые документы и сведения о себе и своих близких родственниках. Среди них — биографические данные, характеристики с предыдущих мест работы, сведения о доходах и имуществе, привлечении к ответственности. Действующие судьи представляют также результаты судебной деятельности.

В числе претендующих на первое назначение на должность судьи могут быть сотрудники аппаратов судов, государственные служащие иных органов, прокуроры, адвокаты, преподаватели вузов, практикующие юристы.

Квалификационная коллегия проверяет претендента на «благонадежность», для чего направляет запросы в компетентные органы, использует специальные информационные системы и программные комплексы, изучает публикации в средствах массовой информации. Особое внимание уделяется вопросам соблюдения требований антикоррупционного законодательства, возможного конфликта интересов, рисков возможного вмешательства извне в деятельность судьи по осуществлению правосудия, влияния на независимость судьи. Проводимые проверочные мероприятия по своему существу схожи, а в некоторых вопросах глубже, с проверочными мероприятиями, проводимыми в отношении лиц, подлежащих допуску к государственной тайне.

Важное требование для кандидата в судьи — российское гражданство и отсутствие правовых связей с иностранным государством. Возможность таких связей устанавливается из анкет. Вопросы могут вызвать зарубежное гражданство родителей, наличие близких иностранных родственников, проживание и учеба за рубежом. Такие случаи требуют дополнительной проверки исходя из следующего.

В силу своей служебной деятельности судья имеет доступ не только к сведениям

ограниченного распространения, служебной тайне, профессиональной и военной тайне, персональным данным, но и в определенных случаях к государственной тайне.

Должности председателей, заместителей председателей, судей федеральных судов согласно Указу Президента Российской Федерации от 14 ноября 2024 г. № 974 относятся к государственным должностям Российской Федерации.

Согласно ст. 21.1 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» судьи имеют право на доступ к государственной тайне на весь период исполнения ими своих полномочий в случае необходимости их доступа к сведениям, составляющим государственную тайну. Они допускаются к таким сведениям без проведения проверочных мероприятий, предусмотренных ст. 21 данного Закона. Сохранность государственной тайны в таких случаях гарантируется путем установления ответственности указанных лиц федеральным законом.

В кандидаты на должности судей, руководителей судов, нередко претендуют лица, близкие родственники которых постоянно проживают и работают за границей и (или) состоят в браке с иностранными гражданами, имеют счета в иностранных банках, ведут хозяйственную деятельность.

Бесспорно, указанные обстоятельства свидетельствуют о наличии возможных рисков извне, создающих угрозу независимости судьи, о необходимости защиты сведений, ставших известными в связи с осуществлением деятельности судьи.

Исходя из взаимосвязанных положений абзаца четвертого ч. 1 ст. 22, абзаца второго ст. 23 Закона Российской Федерации «О государственной тайне», подп. «в» п. 8 Правил допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне (утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 7 февраля 2024 г. № 132), основаниями для отказа должностному лицу или гражданину в допуске к государственной тайне, прекращения допуска к государственной

тайне может явиться постоянное проживание его самого и (или) его близких родственников за границей и (или) наличие у него и (или) его близких родственников гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина на территории иностранного государства.

При этом к близким родственникам относятся супруг (супруга), отец, мать, дети, в том числе усыновленные, усыновители, полнородные и неполнородные (имеющие общих отца или мать) братья и сестры, а постоянное проживание за границей означает проживание (нахождение) граждан за пределами Российской Федерации более 6 месяцев в течение года, не связанное с исполнением ими обязанностей государственной службы или командированием организациями, наделенными полномочиями по распоряжению сведениями, отнесенными к государственной тайне.

В условиях межгосударственных разногласий, проводимой в отношении Российской Федерации некоторыми недружественными странами санкционной политики, компетентными органами составлен перечень иностранных государств, проводящих санкционную политику в отношении Российской Федерации (всего 51 страна) и имеющих соглашения с Соединенными Штатами Америки об экстрадиции (всего 118 стран) (в том числе страны Евросоюза, входящие в блок НАТО, Израиль, Республика Корея и пр.). В этой связи в целях обеспечения безопасности лицам, замещающим государственные должности в Российской Федерации (в том числе судьям), государственным служащим иных органов, прокурорам, сотрудникам спецслужб, правоохранительных органов, военнослужащим не рекомендовано пребывание в странах, включенных в указанный перечень. Вместе с тем, данные рекомендации не распространяются в отношении родственников судей.

В ст. 21.2 Закона Российской Федерации «О государственной тайне», а также

Инструкции об обеспечении режима секретности в Российской Федерации (утв. постановлением Правительства Российской Федерации № 3-1) закреплено, что должностные лица и граждане Российской Федерации, допущенные к государственной тайне, обязаны своевременно информировать в установленном порядке об имеющихся у должностного лица или гражданина Российской Федерации, допущенных к государственной тайне, данных, свидетельствующих о наличии (возникновении) обстоятельств, которые в соответствии со ст. 22 данного Закона являются основаниями для отказа в допуске к государственной тайне; об оформлении (в том числе и близкими родственниками) документов для выезда за границу на постоянное жительство, о возникновении медицинских противопоказаний для работы со сведениями, составляющими государственную тайну.

Из приведенного следует однозначный вывод о том, что режим секретности сведений, составляющих государственную тайну, направлен на ее сохранение, не предполагает свободный доступ к таким сведениям каждого гражданина, а потому отказ кандидату в назначении на должность судьи в связи с тем, что его родственники постоянно проживают за границей, не может рассматриваться как неоправданное с точки зрения допускаемых Конституцией Российской Федерации ограничение прав и свобод человека и гражданина.

Проживание близких родственников за границей у лица, уже замещающего должность судьи и имеющего доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, при наличии обстоятельств, создающих угрозу независимости судьи, для защиты, сведений, составляющих государственную тайну, к которым имеет доступ такой судья, может служить основанием для досрочного прекращения полномочий судьи, поскольку режим секретности сведений, составляющих государственную тайну, направлен на ее сохранение и не предполагает свободный доступ к таким сведениям каждого гражданина.

**Permanent residence abroad of close relatives of a candidate
for the position of judge may be an obstacle to appointment to
the position of judge**

© **Kukushkin M.V.**,
lawyer

Annotation. In the context of the increased requirements for appointment to judicial positions, a specific legal institution is examined, as a possible obstacle to the appointment to judicial positions of persons whose close relatives live abroad, from the point of view of the provisions permitted by the Constitution of the Russian Federation restriction of human and civil rights and freedoms. The article reveals the specifics of admission of persons holding judicial positions; some questions were raised about the specifics of their legal status.

For citation: Kukushkin M.V. Permanent residence abroad of close relatives of a candidate for the position of judge may be an obstacle to appointment to the position of judge. // Military law. 2025. No. 3. pp. 89-92.

The article was received by the editorial office on April 30, 2025.

Содержание деятельности военной полиции Вооружённых Сил Российской Федерации по обеспечению законности: научный анализ

© Минтягов Станислав Андреевич,
юрист

Аннотация. Целью настоящей статьи является формулирование предложений, направленных на уточнение содержания деятельности военной полиции Вооружённых Сил Российской Федерации по обеспечению законности. На основе критического анализа нормативных правовых актов и научной литературы автор пришёл к выводу, что предназначение военной полиции может быть определено как стратегический вектор, направленный на достижение ключевой цели — обеспечение законности. В этом контексте задачи выступают в качестве инструментов для достижения данной цели. В свою очередь функции военной полиции представляют собой конкретные виды деятельности, направленные на реализацию поставленных задач. Предназначение и основные задачи военной полиции определяют её функциональную структуру и содержание.

Ключевые слова: военная полиция, предназначение, основные направления деятельности, задачи, функции.

Для цитирования: Минтягов С.А. Содержание деятельности военной полиции Вооружённых Сил Российской Федерации по обеспечению законности: научный анализ // Военное право. 2025. № 3. С. 93—97.

Статья поступила в редакцию 15 февраля 2025 г.

Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью военной полиции Вооружённых Сил Российской Федерации в обеспечении законности и правопорядка в условиях современных вооружённых конфликтов и проведения специальных операций. Динамично изменяющаяся военно-политическая ситуация, характеризующаяся применением новых методов ведения боевых действий и расширением спектра задач, решаемых войсками, требует переосмысления функций и задач военной полиции, а также анализа эффективности существующего правового регулирования её деятельности.

Ранее автором уже исследовался вопрос соотношения понятий «основные направления деятельности», «функции» и «задачи» применительно к военной полиции, где был сделан вывод о том, что из

цели деятельности военной полиции следуют основные направления её деятельности, трансформирующиеся в функции, а потом в задачи. Для реализации основных направлений своей деятельности военная полиция выполняет определенные функции. В свою очередь, для реализации отдельных функций военная полиция может выполнять ряд задач, в том числе и специальных¹.

Данные выводы сделаны на основе действующего законодательства, в частности, Устава военной полиции Вооружённых Сил Российской Федерации (УВП ВС РФ), где именно в такой хронологии располагаются данные понятия².

Результаты предшествующего исследования, посвященного функциям и задачам военной полиции, требуют уточнения в свете опыта, накопленного в ходе специальной военной операции.

¹ Минтягов С.А. Правоохранительная деятельность военной полиции Вооружённых Сил Российской Федерации : монография. М.: ИНФРА-М, 2023. С. 82.

² Указ Президента Российской Федерации от 25 марта 2015 г. № 161 «Об утверждении Устава военной полиции Вооружённых Сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации».

В целях оптимизации исследования современного правового регулирования деятельности военной полиции, основанного преимущественно на ведомственных нормативных актах (Положение о Главном управлении военной полиции Министерства обороны Российской Федерации, Типовые положения о региональных и территориальных органах военной полиции)¹, уточним соотношение функций и задач в рамках её деятельности.

Основные направления деятельности в рассматриваемых нормативных актах не определены.

Проведя анализ основных задач военной полиции, изложенных в положениях об органах военной полиции (центральном, региональных и территориальных) можно прийти к выводу, что, по сути, они во многом идентичны с основными направлениями деятельности, регламентированными ст. 19 УВП ВС РФ. Вместе с тем, та же ст. 19 УВП ВС РФ содержит в числе основных направлений выполнение задач гарнизонной службы (п. 10 ст. 19 Устава).

Так что же все-таки понимать под задачами военной полиции?

Согласно толковому словарю С.И. Ожегова, под задачей понимается: 1) то, что требует исполнения, разрешения; поставить задачу, выполнить задачу, боевая задача, поставленная командиром для достижения определённой цели в бою; 2) упражнение, которое выполняется посредством умозаключения, вычисления (арифметическая, алгебраическая, шахматная задача); 3) сложный вопрос, проблема, требующие исследования и разрешения (научная задача)².

Под функцией, согласно тому же источнику, понимается: 1) работа, произво-

димая органом, организмом; 2) роль, значение чего-либо (функции кредита); 3) обязанность, круг деятельности, служебные функции³.

Таким образом, с одной стороны, понятие «функция» если брать этимологию (от лат. *functio*) включает в себя исполнение, осуществление чего-либо, в связи с чем, функция объективна, а задача относительна, что является первостепенным по отношению к задаче.

С другой стороны, задачу можно и поставить, и выполнить, тогда как функцию — только выполнить. Выполнять определённую функцию может как человек, так и механизм, программа или даже целый орган. Задача всегда стоит перед государственным органом, наделённым определёнными полномочиями. Следовательно, задача является необходимым и достаточным условием для определения функции, что указывает на приоритетность задачи над функцией.

Таким образом, можно сказать, что у задачи всегда есть конкретное решение, в то время как у функции — нет, и она должна выполняться постоянно. Понятие «задача» является более широким по отношению к функции.

Первичность или вторичность данных понятий по отношению друг к другу определить довольно трудно, можно только отметить, что эти два понятия находятся в постоянном балансе между собой. С расширением функций может увеличиваться объем задач и, наоборот, с расширением содержания задач расширяются функции.

Вместе с тем, применительно к деятельности военной полиции задача является необходимым условием существования и реализации любой функции. Функция, в свою очередь, выступает в качестве

¹ Приказ Министра обороны Российской Федерации от 15 марта 2016 г. № 100 «Об утверждении Положения о Главном управлении военной полиции Министерства обороны Российской Федерации»; приказ Министра обороны Российской Федерации от 16 июля 2021 г. № 424 «Об утверждении типовых положений о региональном и территориальном органах военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации».

² Задача [Электронный ресурс] // Толковый словарь русского языка Ожегова С.И. — Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/59754> (дата обращения: 16.11.2024).

³ Функция [Электронный ресурс] // Толковый словарь русского языка Ожегова С.И. — Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/259546>. (дата обращения: 16.11.2024).

компонента, обеспечивающего достижение цели, определенной поставленной задачей. Таким образом, первичность задачи по отношению к функции является аксиоматической в рассматриваемом контексте.

Понятие «функция», относящееся к деятельности военной полиции, не следует воспринимать как синонимы понятий «предназначение» и «задачи». Кроме этого необходимо детализировать такие понятия, как «функции» и «направления деятельности». Это уточнение важно для чёткого разделения и понимания этих терминов в контексте деятельности военной полиции по обеспечению законности.

Если определить предназначение военной полиции как стремление к определённой цели, то его можно соотнести с понятием «цель». В свою очередь, задачи представляют собой средства достижения этой цели. В данном контексте функции военной полиции могут быть охарактеризованы как конкретные виды деятельности, направленные на выполнение поставленных задач. Таким образом, предназначение и ключевые задачи военной полиции непосредственно определяют её функциональную структуру. Соответственно, функции, которые мы классифицируем как подгруппы, следует рассматривать как задачи.

Исходя из данного вывода, основные направления деятельности, указанные в ст. 19 УВП ВС РФ, необходимо исключить.

Предназначение военной полиции будет заключаться в обеспечении законности путём защиты жизни, здоровья, прав и свобод военнослужащих, и других лиц, поддержания правопорядка и воинской дисциплины, а также в пределах своей компетенции противодействие преступности и защиты других охраняемых законом правоотношений в области обороны.

Основными задачами военной полиции в сфере обеспечения законности будут являться:

1) обеспечение правопорядка и воинской дисциплины в Вооружённых Силах, а также противодействие преступности;

2) осуществление полномочий органа дознания в Вооружённых Силах;

3) производство по делам об административных правонарушениях и проведение разбирательств по дисциплинарным проступкам;

4) организация и осуществление розыска и задержания военнослужащих, скрывающихся от правоохранительных органов;

5) исполнение уголовных наказаний, дисциплинарного ареста, содержания под стражей военнослужащих и конвоирования.

Таким образом, структурно содержание деятельности военной полиции можно представить в следующем варианте: предназначение военной полиции — основные задачи военной полиции — функции военной полиции (см. рис.).

Отметим, что данные задачи относятся к задачам в области обеспечения законности. Применяя указанную аналогию, можно сформулировать и другие задачи военной полиции, не относящиеся к правоохранительным. Напомним, что в соответствии со ст. 19, 20 УВП ВС РФ к таким задачам можно отнести: охрану объектов, обеспечение безопасности дорожного движения, гарнизонную службу. Кроме этого, аналогичным образом можно будет указать задачи войсковых подразделений военной полиции, специализированных органов, а также воинских частей военной полиции.

Соответственно, перечисленные в ст. 20 УВП ВС РФ 42 функции, а также функции, не вошедшие в данную статью, но возложенные на военную полицию в специальной военной операции будут распределены исходя из приведенных выше задач.

**Структурная схема содержания деятельности
военной полиции Вооружённых Сил Российской Федерации**

В заключение отметим, что предназначение военной полиции может быть определено как стратегический вектор, направленный на достижение ключевой цели — обеспечение законности. В этом контексте задачи выступают в качестве инструментов для достижения данной цели. Функции военной полиции представляют собой конкретные виды деятельности, направленные на реализацию

поставленных задач. Предназначение и основные задачи военной полиции определяют её функциональную структуру и содержание.

Список источников

Минтягов С.А. Правоохранительная деятельность военной полиции Вооружённых Сил Российской Федерации : монография. Москва : ИНФРА-М, 2023.

The content of the activities of the military police of the Armed Forces of the Russian Federation to ensure the rule of law: scientific analysis

© Mintyagov S.A.,
lawyer

Abstract. The purpose of this article is to formulate proposals aimed at clarifying the content of the activities of the military police of the Armed Forces of the Russian Federation to ensure the rule of law. Based on a critical analysis of normative legal acts and scientific literature, the author came to the conclusion that the purpose of the military police can be defined as a strategic vector aimed at achieving the key goal of ensuring legality. In this context, tasks act as tools to achieve this goal. In turn, the functions of the military police represent specific types of activities aimed at the implementation of the tasks set. The purpose and main tasks of the military police determine its functional structure and content.

Keywords: military police, purpose, main activities, tasks, functions.

For citation: Mintyagov S.A. The Content of the Law Enforcement Activities of the Military Police of the Armed Forces of the Russian Federation: a Scientific Analysis // Military law. 2025. No. 3. pp. 93-97.

The article was received by the editorial office on February 15, 2025.

Правовое обеспечение боевой подготовки войск (сил) в Арктической зоне: исторический и современный аспекты

© Потяев Павел Юрьевич,

кандидат педагогических наук, заместитель начальника кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Дальневосточного высшего общевойскового командного ордена Жукова училище имени Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского

Аннотация. В статье рассматривается правовое обеспечение боевой подготовки в Арктической зоне с акцентом на исторические и современные аспекты. На основе анализа результатов исследований и экспериментов, посвященных оценке нормативно-правового обеспечения процесса боевой подготовки для действий в Арктике, представлена краткая историческая справка о законодательном освоении Арктики. Особое внимание уделяется актуальности данного законодательства на локальном уровне, касающегося военных образовательных организаций, и подготовке военных специалистов в контексте специфики арктического региона. Также в статье раскрываются основные элементы образовательного процесса, влияющие на эффективность подготовки курсантов военных вузов для действий в Арктической зоне. Эти элементы регламентируются образовательным законодательством как на государственном уровне, так и на уровне высшей военной школы, что подчеркивает важность интеграции правовых норм в учебный процесс.

Ключевые слова: Арктика, Арктическая зона, нормативно-правовая база, законодательство, боевая подготовка, обучение.

Для цитирования: Потяев П.Ю. Правовое обеспечение боевой подготовки войск (сил) в Арктической зоне: исторический и современный аспекты // Военное право. 2025. № 3. С. 98—105.

Статья поступила в редакцию 6 апреля 2025 г.

В начале XXI в. соперничество ведущих мировых держав за контроль над стратегически важными территориями и акваториями Арктической зоны значительно обострилось¹. Об этом, в частности, свидетельствует недавнее ничем не обоснованное заявление президента США Дональда Трампа: «Гренландия станет американской в любом случае, отступать новая администрация не собирается»², что свидетельствует о намерении США добиться расширения своего континентального шельфа в Арктике, а также сферы влияния в данном регионе в целях реализации политических и экономических интересов. Безусловно,

для Российской Федерации мирное решение проблем в этом стратегически важном регионе планеты является лучшим исходом. Однако такой подход возможен только при поддержании реальной способности государства защитить свои национальные интересы на должном уровне, выражающейся в укреплении обороноспособности страны³.

Актуальность исследования правового обеспечения боевой подготовки в Арктической зоне обусловлена растущими геополитическими напряжениями и изменениями климата, которые открывают новые стратегические возможности и вызовы для

¹ Бушуев, С.В., Потяев П.Ю. Военно-стратегическое значение усиления военной мощи России в Арктике // Вестник Академии военных наук. 2021. № 4(77). С. 45—49.

² Сайт Военное обозрение «Сто процентов»: Трамп выразил уверенность, что присоединит Гренландию к США / <https://topwar.ru/262159-sto-procentov-tramp-vyrazil-uverennost-cto-prisoedinit-grenlandiju-k-ssha.html> (дата обращения: 01.04.2025 г).

³ Бей Е.В. Обеспечение военной безопасности России в Арктике: история вопроса // Военная мысль. 2020. № 12. С.14.

государств, имеющих интересы в этом регионе. С учетом увеличения военного присутствия и активизации экономической деятельности в Арктике, правовые нормы, регулирующие боевую подготовку, становятся критически важными для обеспечения безопасности, предотвращения конфликтов и соблюдения международных обязательств. Исторический аспект исследования позволяет понять, как ранее сложившиеся правовые традиции и практики влияют на современные подходы к военной подготовке в условиях специфических климатических и географических факторов. В условиях глобализации и взаимозависимости стран необходимость в четких правовых рамках становится особенно актуальной для координации действий между государствами, защиты национальных интересов и обеспечения устойчивого развития региона. Вследствие этого данное исследование не только углубляет понимание исторических и современных правовых аспектов, но и подчеркивает важность их адаптации к новым реалиям, что делает его значимым для научного сообщества, военных экспертов и политиков.

Правовое сопровождение стратегических планов политики государства имеет прямое влияние на правовую систему исполнительного звена. Рассматривая историю развития арктического законодательства Российской Федерации, следует отметить, что оно начало формироваться с установлением границ Российской Империи, когда русские исследователи и мореплаватели начали активно исследовать северные территории в XVI—XVII веках. В этот период произошло множество экспедиций, направленных на изучение северных морей и земель, таких как Сибирь и Крайний Север. Одним из первых крупных шагов в этом направлении стало открытие морского пути к Северному Ледовитому океану через реку Лена и дальнейшие исследования побережья. Важным этапом стало

также создание первых русских поселений на арктическом побережье, таких как Архангельск, который стал ключевым портом для торговли и мореплавания.

С формированием интереса к Арктике возникла необходимость в правовом регулировании освоения этих новых территорий. Важную роль в этом процессе сыграли государственные инициативы, направленные на укрепление контроля над северными территориями и освоение их ресурсов. К этому времени относятся первые упоминания о необходимости правового регулирования освоенных земель, что стало основой для разработки правовых норм, регулирующих эти процессы.

Первые правовые документы, касающиеся освоения Арктики, начали появляться в XVIII в., когда была разработана система законов и указов, регулирующих мореплавание и торговлю в северных водах. Например, в 1704 г. был издан указ о запрете иностранным кораблям плавать в северные воды без разрешения России¹. Эти документы стали основой для дальнейшего правового оформления владения и использования арктических ресурсов, что впоследствии способствовало более активному освоению региона.

В период правления Петра I был сделан значительный шаг в правовом обеспечении освоения Арктики. В 1720 г. была издана «Книга устав морской о всем, что касается доброму управлению, в бытности флота на море»², в которой были впервые обозначены основные принципы управления северными территориями и их ресурсами. Этот документ стал одним из первых правовых актов, регулирующих морские и арктические вопросы, включая рыболовство, торговлю и защиту интересов Российской Империи в регионе. В последующие десятилетия продолжалось формирование правового поля, касающегося освоения Арктики, включая законы о промыслах

¹ Дадыкина М.М., Крайковский А.В. «Промысел стараться умножить»: деятельность сальной кампании А.Д. Меншикова и морские промыслы на русском севере. 1704-1721 г. // Меншиковские чтения — 2014: науч. альм. / гл. науч. ред. П.А. Кротов. СПб.: XVIII век, 2014. Вып. 5 (12). С. 71—77.

² Книга Устав морской о всем, что касается доброму управлению, в бытности флота на море / Напечатана повелением Царского Величества. 5-м тиснением. СПб., 1778.

и закреплении прав на земли, что способствовало дальнейшему развитию и исследованию этого стратегически важного региона.

Первым значимым нормативно-правовым документом, который оказал влияние на организацию боевой подготовки в арктических регионах Российской Империи, можно считать «Устав об управлении войсками в военное время», принятый в начале XIX в.¹ Этот документ содержал положения, касающиеся организации и ведения военных действий в различных климатических условиях, включая северные и арктические.

Также стоит отметить, что в XIX в., особенно после Крымской войны (1853—1856), Россия начала активно развивать свои вооруженные силы и уделять внимание подготовке к действиям в сложных климатических условиях. В это время начались исследования и разработки, касающиеся боевой подготовки и логистики в условиях Арктики.

В целом, хотя конкретные документы могут варьироваться, общая тенденция к разработке нормативных актов для организации боевой подготовки в арктических условиях прослеживается с начала XIX в.

Кроме того, важную роль играли различные указы и постановления, касающиеся создания и подготовки морских сил, что также влияло на боевую подготовку в арктических водах.

Освоение Арктики в Советском Союзе началось в 1920-х годах и продолжалось до распада СССР в 1991 г. В этот период акцентировалось внимание на научных исследованиях, экономическом развитии и военной деятельности в северных регионах. Советская политика в Арктике была направлена на укрепление стратегических позиций, освоение природных ресурсов и развитие транспортных путей. Важными этапами стали создание Северного морского пути, который стал ключевым для транспортировки грузов, а также активные исследования, проводимые полярными экспедициями, что способствовало более

глубокому пониманию климатических и географических особенностей региона.

С правовой точки зрения, в этот период были разработаны и приняты различные нормативные документы, регулирующие деятельность в Арктике. В 1933 г. был принят Декрет Совета Народных Комиссаров о Северном морском пути, который определял правовые основы его использования и управления. Также приказом наркома обороны СССР от 11 мая 1937 г. флотилия была преобразована в Северный флот, и его дальнейшее развитие способствовали формированию системы подготовки военно-морских сил для действий в Арктике.

В Советском Союзе организацию боевой подготовки в Арктике определяли несколько ключевых нормативно-правовых документов, среди которых особое внимание уделялось военным уставам и директивам, касающимся специфики ведения боевых действий в условиях крайнего севера. Одним из таких документов был Устав внутренней службы Вооруженных Сил СССР, который содержал положения о подготовке войск к действиям в сложных климатических условиях, включая Арктику. Этот устав акцентировал внимание на необходимости подготовки личного состава к работе в экстремальных температурах, а также на использовании специализированного оборудования и техники, адаптированной для суровых условий северного региона. Кроме того, директивы Генерального штаба Вооруженных Сил СССР содержали инструкции по проведению учений и маневров в арктических условиях, что способствовало повышению боеготовности и оперативной мобильности войск.

Также важным документом, влияющим на организацию боевой подготовки в Арктике, стали концепции стратегического развертывания и обороны северных границ страны. В частности, Военная доктрина СССР и различные планы по обороне восточных и северных границ определяли

¹ Великие реформы в России, 1856—1874. М.: Московский государственный университет им. М.В.

Ломоносова (Издательский Дом (Типография), 1992.

приоритеты в развертывании войск и создании инфраструктуры для обеспечения боевых действий в Арктике. Эти документы учитывали уникальные географические и климатические условия региона, что отражалось в планах по созданию специализированных арктических подразделений, оснащенных необходимыми средствами для выживания и выполнения боевых задач в условиях низких температур и сложного рельефа. Таким образом, нормативно-правовая база обеспечивала комплексный подход к подготовке вооруженных сил к действиям в Арктике, что было особенно актуально в контексте стратегической важности этого региона для безопасности страны.

Позже, в 1957 г., была создана Арктическая комиссия, занимающаяся вопросами охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов. Важным шагом стало принятие Закона о континентальном шельфе в 1970-х годах, который установил правовые рамки для разведки и разработки ресурсов шельфа, что способствовало активному освоению арктических богатств. Эти документы стали основой для дальнейшего регулирования деятельности в Арктике и формирования правовой базы для ее освоения.

С начала XXI в. геополитическая ситуация в Арктике значительно изменилась. Увеличение конкуренции за ресурсы и контроль над морскими путями требует от России активизации военной деятельности в этом регионе. Это обстоятельство обуславливает необходимость пересмотра и обновления правового обеспечения боевой подготовки с учетом современных вызовов.

Современная нормативно-правовая база, регулирующая боевую подготовку в Арктической зоне России, включает ряд ключевых документов, таких как Военная доктрина Российской Федерации¹, Морская доктрина Российской Федерации²,

Концепция внешней политики Российской Федерации³, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации⁴, Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года⁵ и др., а также различные федеральные законы и постановления правительства. Эти документы определяют приоритеты в обеспечении безопасности страны, акцентируя внимание на необходимости усиления военного присутствия и подготовки войск для действий в арктических условиях. В частности, в Военной доктрине подчеркивается важность защиты национальных интересов в Арктике, что требует создания специализированных военных подразделений, оснащенных современным оборудованием и техникой, способной функционировать в экстремальных климатических условиях. Также важными аспектами являются разработка программ по подготовке личного состава к действиям в условиях низких температур и обеспечение взаимодействия различных видов вооруженных сил в арктическом театре военных действий.

Кроме того, для реализации задач боевой подготовки в Арктической зоне разработаны специальные методические рекомендации и учебные планы, которые учитывают уникальные климатические и географические особенности региона. Важным элементом является создание инфраструктуры для обеспечения логистики и поддержки военных операций, включая строительство баз и пунктов снабжения, а также развитие транспортных маршрутов. Участие России в международных арктических форумах и сотрудничество с другими государствами также влияют на формирование нормативной базы, способствуя обмену опытом и лучшими практиками в области боевой подготовки. В целом, современная нормативно-правовая база обеспечивает комплексный подход к подго-

¹ Утв. Президентом Российской Федерации от 25 декабря 2014 г. № Пр-2976.

² Утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 июля 2022 г. № 512.

³ Утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229.

⁴ Утв. Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400.

⁵ Утв. Президентом Российской Федерации 30 апреля 2012 г.

товке вооруженных сил к действиям в Арктической зоне, что является ключевым фактором для обеспечения безопасности и защиты национальных интересов страны в этом стратегически важном регионе.

Современная нормативно-правовая база, регулирующая боевую подготовку в Арктической зоне, включает федеральные законы, указы Президента и постановления Правительства Российской Федерации. Эти документы определяют основные принципы и направления подготовки военнослужащих, их права и обязанности при выполнении задач в условиях Арктики.

Так, Сухопутные границы Арктической зоны России установлены Указом Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации». В соответствии с этим Положением в состав этой зоны включены территории, расположенные в девяти субъектах Российской Федерации, а также земли и острова в Северном Ледовитом океане, определенные постановлением Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР от 15 апреля 1926 г. и другими актами Советского Союза.

Для отстаивания российских интересов и обеспечения безопасности судоходства и торгово-экономической деятельности в Арктике создана и продолжает совершенствоваться соответствующая группировка войск (сил), включающая соединения и воинские части различных видов и родов войск Вооруженных Сил России, выполняющие задачи боевого дежурства и стратегического сдерживания.

Ключевым аспектом правового обеспечения боевой подготовки является система военного образования. Военные учебные заведения должны адаптировать свои программы к специфике арктической среды, включая изучение климатических условий, техники выживания и ведения боевых действий в сложных природных условиях. Это требует интеграции новых дисциплин и методов обучения, а также со-

блюдение нормативных актов, регулирующих подготовку офицерских кадров, что включает в себя федеральные законы, указы президента и постановления правительства, касающиеся военного образования и профессиональной подготовки военнослужащих.

Стоит отметить, что в Дальневосточном высшем общевойсковом командном училище (ДВОКУ) имени Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского с 2013 г. организована специализированная подготовка офицеров по направлению «Применение мотострелковых подразделений (арктических)», что подчеркивает важность адаптации образовательных программ к современным требованиям армии и специфике боевых действий в арктических условиях. Это направление подготовки не только отвечает потребностям Вооруженных Сил России, но и обеспечивает высокую квалификацию будущих командиров, способных эффективно выполнять задачи в сложных климатических условиях, что является ключевым элементом в обеспечении национальной безопасности и обороноспособности страны¹.

В арктической стратегии России коренное население рассматривается как важный элемент социально-экономического развития региона, и его правовой статус защищен на уровне федерального законодательства. Законодательство признает права коренных народов на традиционные способы ведения хозяйства, культурное наследие и самоуправление. В стратегии подчеркивается необходимость учета интересов коренных народов при реализации проектов в Арктике, а также их участия в управлении природными ресурсами и охране окружающей среды. Это создает правовую основу для обеспечения устойчивого развития и сохранения уникального культурного наследия арктических народов.

В системе законодательства Российской Федерации, направленного на защиту прав коренных малочисленных народов,

¹ Грызлов В.М., Потяев П.Ю., Атрошкин Д.А. О совершенствовании воздушно-десантной подготовки

будущих офицеров для действий в Арктике // Военная мысль. 2021. № 4. С. 141.

ключевую роль играют три основных закона. Первый — Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» — устанавливает правовые основы для обеспечения прав этих народов, включая их социально-экономическое и культурное развитие, а также гарантии сохранения традиционного образа жизни. Второй закон — Федеральный закон от 20 июля 2000 г. № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», регламентирует создание и функционирование общин, что способствует укреплению самоуправления и социальной структуры этих народов. Третий закон — Федеральный закон от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» — определяет правовой статус территорий, где коренные народы ведут традиционное природопользование, что позволяет им сохранять свои культурные и хозяйственные практики в условиях современных вызовов. Таким образом, эти три закона образуют комплексную правовую основу для защиты и поддержки коренных малочисленных народов России.

Планирование на ближайшее и отдаленное будущее имеет важное значение для улучшения ситуации в Арктике. Специалисты, занимающиеся этой темой, разрабатывают различные служебные документы, среди которых можно выделить Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике до 2035 года¹ и на последующие годы. Эти документы устанавливают ключевые принципы федерального регулирования в Арктическом регионе, включая удовлетворение потребностей различных отраслей в добыче полезных ископаемых для решения соци-

ально-экономических задач на стратегическом уровне, использование Северного морского пути и других водных путей для транспортировки товаров на общенациональном уровне, а также сохранение Арктики как зоны мирного межгосударственного сотрудничества.

Арктика характеризуется экстремально низкими температурами, сильными ветрами и постоянными снежными бурями, что требует особого подхода к подготовке. Правовые нормы должны обеспечивать создание соответствующих условий для обучения и выполнения задач в таких сложных условиях².

Необходимость разработки специализированных программ обучения и подготовки военнослужащих в Арктике также является важным аспектом правового обеспечения. Эти программы должны включать в себя обучение навыкам выживания, ориентирования на местности, а также специфическим методам ведения боевых действий в условиях холодного климата. Правовые акты должны предусматривать обязательное включение таких дисциплин в учебные планы военных учебных заведений.

Правовое обеспечение должно гарантировать безопасность военнослужащих во время проведения учений и операций. Это включает в себя разработку норм и правил, касающихся охраны труда, медицинского обеспечения и защиты от неблагоприятных климатических факторов. Важно, чтобы военнослужащие имели доступ к необходимым средствам индивидуальной защиты и медицинским ресурсам.

Важнейшей деталью является подготовка командного состава, который должен быть готов к принятию решений в условиях ограниченной видимости и низких температур³. Правовые нормы должны обеспечивать возможность проведения специальных курсов и семинаров для офи-

¹ Утв. Указом Президента Российской Федерации от 5 марта 2020 г. № 164.

² Федак Е.И., Потяев П.Ю. Правовое обучение и воспитание военнослужащих, проходящих службу в Арктике // Военное право. 2020. № 3(61). С. 131—136.

³ Потяев, П.Ю., Васильев Д.С. О повышении эффективности действий военнослужащих в экстремальных условиях Арктики // Военная мысль. 2024. № 5. С. 75—91.

церов, направленных на развитие лидерских качеств и навыков управления личным составом в экстремальных условиях.

Эффективное правовое обеспечение боевой подготовки требует создания многоуровневой системы контроля за выполнением нормативных актов и стандартов подготовки. Это может включать регулярные проверки, инспекции и аттестации, которые позволят выявлять недостатки и своевременно их устранять. Правовая база должна четко регламентировать порядок проведения таких мероприятий.

Правовое обеспечение должно учитывать необходимость взаимодействия с гражданскими структурами, занимающимися вопросами экологии и безопасности в Арктике. Это взаимодействие позволит не только улучшить условия подготовки, но и обеспечить соблюдение экологических норм. Нормативные акты должны регламентировать сотрудничество между военными и гражданскими организациями.

Главной составляющей выступает также учет международного законодательства и соглашений, касающихся Арктики. Россия активно участвует в многосторонних форумах, где обсуждаются вопросы безопасности и правового регулирования в этом регионе. Правовая база должна быть гармонизирована с международными стандартами, что позволит избежать конфликтов и повысить уровень доверия между государствами.

Современные технологии играют важную роль в боевой подготовке. Правовое обеспечение должно предусматривать внедрение инновационных технологий, таких как симуляторы для обучения и дистанционное управление беспилотниками. Это позволит повысить эффективность подготовки и адаптировать учебный процесс к современным требованиям.

Наконец, правовое обеспечение должно быть гибким и адаптироваться к изменяющимся условиям как внутри страны, так и на международной арене. Это потребует регулярного пересмотра нормативных актов и их актуализации в соответствии с новыми вызовами и угрозами безопасности в Арктической зоне. Такой подход позволит обеспечить высокую степень

готовности вооруженных сил к выполнению задач в условиях динамично меняющегося мира.

Современные условия требуют от военных образовательных организаций адаптации учебных программ к специфике Арктической зоны. Это включает в себя как теоретическую подготовку, так и практические навыки, необходимые для эффективного выполнения задач в условиях Арктики. Образовательные стандарты и программы должны учитывать уникальные климатические и географические условия региона.

Практическая подготовка военнослужащих в Арктической зоне включает в себя тренировки и учения, проводимые в условиях, приближенных к реальным. Правовые нормы должны обеспечивать безопасность участников учений и соответствовать международным стандартам. Это создает дополнительные требования к организационным аспектам подготовки.

В перспективе необходимо дальнейшее совершенствование правового обеспечения боевой подготовки в Арктической зоне. Это включает в себя разработку новых законодательных инициатив, направленных на улучшение условий службы военнослужащих, а также на повышение эффективности их подготовки. Учитывая динамично меняющуюся обстановку, важно быть готовыми к адаптации правовых норм к новым вызовам.

Таким образом, правовое обеспечение боевой подготовки в Арктической зоне является важным фактором для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Исторический опыт и современные реалии требуют комплексного подхода к разработке и внедрению правовых норм, регулирующих подготовку военнослужащих для выполнения задач в сложных условиях арктического региона. Это позволит обеспечить высокую готовность вооруженных сил к действиям в условиях изменяющегося климата Арктической зоны.

Список источников

1. Бей Е.В. Обеспечение военной безопасности России в Арктике: история вопроса // Военная мысль. 2020. № 12. С. 14—25.

2. Бушуев С.В., Потяев П.Ю. Военно-стратегическое значение усиления военной мощи России в Арктике // Вестник Академии военных наук. 2021. № 4(77). С. 45—49. EDN DACUIN.

3. Великие реформы в России, 1856—1874. Москва: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Издательский Дом (Типография)), 1992. 334 с. ISBN 5-211-02222-X. EDN SKGDJX.

4. Грызлов В.М., Потяев П.Ю., Атрошкин Д.А. О совершенствовании воздушно-десантной подготовки будущих офицеров для действий в Арктике // Военная мысль. 2021. № 4. С. 134—146.

5. Дадькина М.М., Крайковский А.В. «Промысел стараться умножить»: деятельность сальной

компания А.Д. Меншикова и морские промыслы на русском севере. 1704—1721 г. // Меншиковские чтения — 2014 : науч. альм. / гл. науч ред. П.А. Кротов. Санкт-Петербург: XVIII век, 2014. Вып. 5 (12). С. 71—77.

6. Потяев П.Ю., Васильев Д.С. О повышении эффективности действий военнослужащих в экстремальных условиях Арктики // Военная мысль. 2024. № 5. С. 75—91. EDN QSMMUG.

7. Федак Е.И., Потяев П.Ю. Правовое обучение и воспитание военнослужащих, проходящих службу в Арктике // Военное право. 2020. № 3(61). С. 131—136. EDN RNYVXS.

Legal support for combat training of troops and (forces) in the Arctic zone: historical and modern aspects

© Potyaev P.Yu.,

Candidate of Pedagogical Sciences, Deputy Head of the Department of Military and Political Work in the Military (forces) of the Far Eastern Higher Combined Arms Command Order of Zhukov, Marshal of the Soviet Union K.K. Rokossovsky College

Abstract. The article examines the legal provision of combat training in the Arctic zone, with an emphasis on historical and modern aspects. Based on the analysis of the results of research and experiments devoted to the assessment of the regulatory support of the process of combat training for operations in the Arctic, a brief historical summary of the legislative development of the Arctic is presented. Special attention is paid to the relevance of this legislation at the local level concerning military educational organizations and the training of military specialists in the context of the specifics of the Arctic region. The article also reveals the main elements of the educational process that affect the effectiveness of training military university cadets for operations in the Arctic zone. These elements are regulated by educational legislation both at the state level and at the level of higher military schools, which emphasizes the importance of integrating legal norms into the educational process.

Keywords: Arctic, Arctic zone, regulatory framework, legislation, combat training, education.

For citation: Potyaev P.Y. Legal support for Combat training of Troops and (Forces) in the Arctic Zone: Historical and Modern Aspects // Military Law. 2025. No. 3. pp. 98-105.

The article was received by the editorial office on April 6, 2025.

Правовая регламентация противодействия терроризму силами и средствами войск национальной гвардии России

© Смирнов Сергей Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент
Военной ордена Жукова академии войск
национальной гвардии Российской
Федерации

Аннотация. В статье с использованием категорий авторской концепции государственного суверенитета дана общая характеристика актуального состояния правового регулирования противодействия терроризму и некоторых аспектов антитеррористической деятельности войск национальной гвардии как элементов системы гарантий суверенитета современной Российской Федерации.

Ключевые слова: терроризм, противодействие терроризму, государственный суверенитет, угроза государственному суверенитету, гарантия государственного суверенитета, войска национальной гвардии Российской Федерации.

Для цитирования: Смирнов С.В. Правовая регламентация противодействия терроризму силами и средствами войск национальной гвардии России // Военное право. 2025. № 3. С. 106—112.

Статья поступила в редакцию 27 апреля 2025 г.

Современный мир находится на очередном витке турбулентности. Происходят тектонические сдвиги в мировой системе отношений, где, с одной стороны, государства продолжают играть важнейшую роль, которая, однако, оспаривается с разной степенью успешности иными глобальными акторами — транснациональными корпорациями, трансграничными преступными сообществами, террористическими организациями и др., с другой стороны, господствовавший в мировой экономике, политике и нравственно-

духовной (идеологической) сфере со времени дезинтеграции СССР концепт глобализации в ее западном прочтении очевидно уступает место «старой доброй» реальной многополярности¹. Происходит распад ранее единых государств², утрата ими не только фактического³, но и формально-юридического суверенитета. Неудивительно, что в настоящий момент на пике актуальности находятся исследования, посвященные государственному суверенитету⁴, его защите⁵, в том числе и от террористических угроз⁶, а результаты не-

¹ Смирнов С.В. Направления совершенствования концепции государственного суверенитета в условиях «реальной многополярности» // Вестник института права Башкирского государственного университета. 2021. № 3(11). С. 22—31.

² Смирнов С.В. К вопросу о необходимости исследования феномена «несостоявшихся государств» в рамках теории государства и права // Образование. Наука. Научные кадры. 2016. № 4. С. 13—16.

³ Арзамаскин Н.Н., Смирнов С.В. Суверенитет современного государства в условиях глобализации: вопросы теории и практики. Ульяновск: УлГУ, 2012. С. 90.

⁴ См. например: Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства : монография / М.Ю. Гутман, С.И. Захарцев Н.В. Зорина [и др.] под общ. ред. В.П. Сальникова. М.: Инфра-М,

2024; Направления достижения технологического суверенитета экономических систем различного уровня в странах ЕАЭС : монография / О.Н. Киселёва, А.П. Плотников, В.В. Бехер [и др.]; под общ. ред. О.Н. Киселёвой. М.: Ай Пи Ар Медиа, 2024; Финансовый суверенитет государства: теория и правовая реальность : монография / отв. ред. Е.Ю. Грачёва. М.: Норма, 2024.

⁵ См. например: Красинский В.В. Защита государственного суверенитета : монография. М.: Норма, 2018.

⁶ См., например: Строева О.А. Терроризм как угроза государственному суверенитету // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2020. № 2. С. 47—53.

которых из них в кратчайшие сроки используются в правотворчестве и правоприменении.

Представляется, что характеристику суверенитета современного государства целесообразно осуществлять через призму анализа, во-первых, факторов его ослабления, среди которых различаются риски, вызовы и угрозы государственному суверенитету; во-вторых, системы гарантий государственного суверенитета.

Отметим, что в нашей интерпретации одной из самых серьезных угроз государственному суверенитету является терроризм. В современных условиях формирования нового мирового порядка, появления принципиально новых технологий и социальных взаимодействий терроризм трансформируется, приобретает новые формы, соответственно, требует постоянных системных усилий со стороны государственных органов по организации эффективного противодействия ему.

С нашей точки зрения, российское общество и государство, испытав разрушительное воздействие ряда трагических терактов, в настоящее время относятся к относительно небольшому числу государств, в которых система противодействия этому ужасающему явлению создана, постоянно совершенствуется.

Под гарантиями государственного суверенитета в научной литературе предложено рассматривать, с одной стороны, общие условия — социально-экономические, политические, духовно-культурные (идеологические) и иные, оказывая упорядочивающее и преобразующее воздействие на которые, современное государство препятствует появлению и возможному переходу рисков в вызовы, а тех, в свою очередь, в угрозы государственному суверенитету. С другой стороны, имеются юридические гарантии (правовые средства обеспечения) государственного суверенитета — «закрепленные в источниках

права инструменты (установления, юридические предписания) и деяния (технологии, акты реализации прав и обязанностей), с помощью которых государство обеспечивает свой суверенитет, в том числе формирует общие условия и нейтрализует риски, противостоит вызовам, непосредственно реагирует на угрозы государственному суверенитету»¹.

В настоящее время основополагающим нормативно-правовым актом, являющимся фундаментом системы правового регулирования противодействия терроризму в Российской Федерации, регламентирующим применение юридических гарантий в целях защиты государственного суверенитета от террористических угроз, является Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

Войска национальной гвардии Российской Федерации и их деятельность являются одними из важнейших элементов системы гарантий государственного суверенитета Российской Федерации в области противодействия терроризму. Специфической характеристикой войск национальной гвардии является то, что указанная силовая структура выполняет две равноценные функции: военную и правоохранительную². Борьбу с терроризмом Росгвардия ведет совместно с другими взаимодействующими органами — ФСБ России и МВД России. Основным направлением такой борьбы является силовая поддержка сотрудников указанных органов³.

В отличие от Вооруженных Сил Российской Федерации, главной задачей которых является организация обороны государства от внешних угроз, функции Росгвардии сосредоточены на противодействии, главным образом, внутренним угрозам. Внутренними угрозами России являются такие опасности, источник про-

¹ Арзамаскин, Н.Н., Смирнов, С.В. Указ. соч. С. 132.

² Глухов Е.А. Смещение военной и правоохранительной деятельности в некоторых воинских формированиях // Военно-юридический журнал. 2016. № 2. С. 19—23.

³ Шеншин В.М. Об обеспечении Росгвардией внутреннего суверенитета Российской Федерации // Современное общество и право. 2023. № 1. С. 14—19.

исхождения которых располагается в пределах территории Российской Федерации¹. Естественно, что внутренняя безопасность государства осуществляется Росгвардией во взаимодействии с иными правоохранительными органами, с которыми налаживается координация и обмен информацией, в том числе властного характера².

На наш взгляд, практически все задачи, возложенные на войска национальной гвардии Российской Федерации и указанные в п. 1 ст. 2 Федерального закона от 3 июля 2016 г. №226 «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», в той или иной степени связаны с противодействием терроризму. Действительно, и участие в охране общественного порядка и общественной безопасности, и охрана важных государственных объектов, грузов и сооружений, и участие в обеспечении режимов чрезвычайного и военного положения, правового режима контртеррористической операции, участие в территориальной обороне Российской Федерации, оказание содействия пограничным органам ФСБ России в охране госграницы, деятельность в сфере контроля и надзора за оборотом оружия и частной охранной и частной детективной деятельности, как минимум, создают общие условия для противодействия терроризму, а в некоторых ситуациях и прямо способствуют пересечению планируемых терактов на стадиях подготовки или покушения а также могут заставить потенциального преступника полностью отказаться от намерения воплотить в реальную действительность преступный замысел на совершение террористического акта.

Вместе с тем, к видам деятельности войск национальной гвардии, которые в наибольшей степени посвящены противодействию терроризму, на наш взгляд, следует отнести следующие:

Во-первых, это проведение организационно-практических, инженерно-технических, правовых и иных мероприятий, направленных на обеспечение антитеррористической защищенности объектов (территорий), подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии Российской Федерации, в том числе проведение категорирования объектов (территорий), осуществление контроля за выполнением требований к антитеррористической защищенности и разработка паспорта безопасности объектов (территорий). Требования к антитеррористической защищенности объектов (территорий), подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии Российской Федерации и форма соответствующего паспорта безопасности объектов (территорий) утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 25 марта 2015 г. № 272.

Для того, чтобы установить дифференцированные требования к обеспечению антитеррористической защищенности объектов (территорий), в соответствии с указанным постановлением в зависимости от масштаба возможного ущерба осуществляется присвоение им определенных категорий: первой (высокая значимость), вторая (средняя значимость) и третья (низкая значимость). Упомянутая процедура осуществляется комиссией, в состав которой входят представители территориального органа безопасности, территориального органа Росгвардии или подразделения вневедомственной охраны Росгвардии, по результатам работы которой определяются мероприятия по обеспечению антитеррористической защищенности.

В соответствии с п. 14 анализируемых Требований, информационно-справочным документом, отражающим состояние антитеррористической защищенности объекта или территории, содержащим перечень необходимых мероприятий по

¹ Шободоева А.В. Теория национальной безопасности Российской Федерации: основные проблемы : учебник. В 2 ч. Ч. 1. Иркутск : Изд-во БГУ, 2017. С. 95.

² Глухов Е.А. Правовые аспекты управления организационным взаимодействием в сфере обороны и военной безопасности // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75, № 11(192). С. 42—54.

предупреждению или пресечению террористических актов на объекте территории, является паспорт безопасности объекта (территории). Указанный документ содержит служебную информацию ограниченного распространения, а обновление его параметров осуществляется, как минимум, один раз каждые три года, однако, может обновляться и чаще в случаях, перечисленных в п. 19. Требований, в т.ч. в случае изменения мероприятий по инженерно-технической защите объекта или территории, базовых угроз террористического характера, основного вида деятельности, периметра, общей площади объекта или территории, количества потенциально опасных участков и критических элементов на объекте или территории, организации их охраны и защиты.

Важно отметить, что территориальные органы Росгвардии в регулярном режиме осуществляют плановые и внеплановые, выездные и документарные проверки антитеррористической защищенности объектов различных категорий — высокой, средней, низкой значимости. В том числе в процессе указанных проверок составляется акт проверки антитеррористической защищенности объекта (территории), подлежащего обязательной охране войсками национальной гвардии. В ходе указанной деятельности осуществляется контроль наличия и актуальности паспорта безопасности объекта (территории) и приложений к нему, организации мероприятий по защите служебной информации ограниченного распространения, состояния инженерно-технической укреплённости и инфраструктуры физической охраны объекта (территории, состояние работоспособности технических средств охраны, организации технического обслуживания инженерно-технических средств охраны объекта (территории).

В соответствии с п. 6 Требований территориальные органы Росгвардии незамедлительно информируются руководителем охраняемого объекта либо лицом, его замещающим при получении инфор-

мации об угрозе совершения или о совершении террористического акта на охраняемом объекте (территории).

Во-вторых, одним из фундаментальных направлений деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации в анализируемой сфере выступает обеспечение правового режима контртеррористической операции и участие в ней. В соответствии со ст. 15 Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» данная силовая структура наделена рядом полномочий по обеспечению режима контртеррористической операции и полномочий, связанных с участием в ней. К такого рода полномочиям относятся, в том числе, связанные с временным запретом или ограничением движения различных транспортных средств, пешеходов, судов, пловцов и др., а также осуществлением их досмотра; с использованием в неотложных случаях транспортных средств и судов; с недопуском граждан на отдельные участки местности и объекты, а также с обязыванием их покинуть их; с беспрепятственным использованием в служебных целях линиями, каналами и средствами связи, принадлежащим организациям; с безвозмездным получением от организаций информации, необходимой для исполнения служебных обязанностей; с осуществлением проверки документов у граждан и возможным их задержанием до установления личности; с принятием неотложных мер по спасению людей, охране имущества, оставшегося без присмотра, обеспечению охраны общественного порядка при чрезвычайных ситуациях и других чрезвычайных обстоятельствах.

При выполнении задачи по обеспечению безопасности охраняемого объекта (в том числе и антитеррористической безопасности) личный состав Росгвардии обеспечивает пропускной и внутриобъектовый режимы, пресекает правонаруше-

ния и преступления на объекте и прилегающих к нему территориях¹. В ходе проведения профилактических мероприятий подразделениями Росгвардии осуществляются проверки сообщений о минировании и эвакуация людей из различных объектов гражданской инфраструктуры (торгово-развлекательные центры, объекты социального назначения и пр.)².

Важно отметить, что в соответствии со ст. 16 упомянутого закона все публичные органы власти и их должностные лица, железнодорожные перевозчики, перевозчики на внутреннем водном транспорте и воздушном транспорте обязаны содействовать войскам национальной гвардии в выполнении возложенных на них задач, в соответствии с их полномочиями, в части предоставления на бесплатной основе воздушным и другим судам войск национальной гвардии права на использование воздушного водного пространства и др., осуществления на платной основе их заправки, представления необходимой информации, линий, каналов и средств связи, военной и специальной техники, продовольственного, вещевого и медицинского имущества, объектов учебно-материальной базы и др.

Таким образом, одним из важнейших элементов в созданной и активно функционирующей в современной Российской Федерации системе противодействия террористическим факторам ослабления государственного суверенитета является детально регламентированная законодательством специализированная деятельность войск национальной гвардии, как в виде минимизации террористических рисков, так и недопущения их возможного перерастания в соответствующие вызовы и угрозы.

Опыт функционирования Росгвардии в условиях продолжающейся специальной военной операции объективно требует скорейшего тщательного осмысления на теоретическом и практическом уровне и последующей имплементации в действующее законодательство, в том числе в части минимизации террористических рисков, вызовов и угроз государственному суверенитету. Более того, если взглянуть на феномен более широко, как верно отмечают А.Н. Савенков и А.В. Кудашкин, «становление оптимальной системы правового регулирования организации и функционирования государственных военных организаций, обеспечивающей баланс интересов государства и его граждан, по прежнему остается одной из самых сложных задач в процессе формирования в России правового государства»³. Действительно, законодательство о полномочиях силовых министерств и ведомств является довольно динамичной системой, оно развивается вслед за развитием общественных отношений, средств вооруженной борьбы, международной и внутренней политики, экономического состояния государства и иных факторов. Уже потому оно не может быть раз и навсегда выверенным и совершенным, оно подлежит своевременной кропотливой корректировке⁴ и особенно, на наш взгляд, в области антитеррористической деятельности силовых структур государства, и, в частности, войск национальной гвардии Российской Федерации. Нормы права должны способствовать реализации Росгвардией поставленных политическим руководством целей, быть эффективными инструментами государственной политики, способствовать достижению целей функционирования военной структуры. Применительно к деятельности войск

¹ Совкич П.А. К вопросу о роли Росгвардии как элемента системы обеспечения внутренней безопасности государства // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 3. С. 106—110.

² Чернявский А.Г., Олейник Е.П. Основные организационно-правовые формы деятельности Росгвардии по противодействию международному терроризму // Военное право. 2020. № 2. С. 16—22.

³ Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 7—34.

⁴ Глухов Е.А., Корякин В.М. Воздействие качества правового регулирования на достижение целей, стоящих перед военной организацией государства // Военное право. 2022. № 6(76). С. 58—76.

национальной гвардии с учетом опыта специальной военной операции представляется необходимым, во-первых, совершенствование правового регулирования антитеррористической защищенности объектов в части уточнения требований к таковой с учетом уже выявленных новых террористических угроз; во-вторых, возможное расширение полномочий войск национальной гвардии для обеспечения безопасности на освобожденных территориях и территориях, на которых введен режим контртеррористической операции.

Список источников

1. Арзамаскин Н.Н., Смирнов С.В. Суверенитет современного государства в условиях глобализации: вопросы теории и практики. Ульяновск: УлГУ, 2012. 198 с.
2. Глухов Е.А. Смещение военной и правоохранительной деятельности в некоторых воинских формированиях // Военно-юридический журнал. 2016. № 2. С. 19—23.
3. Глухов Е.А., Корякин В.М. Воздействие качества правового регулирования на достижение целей, стоящих перед военной организацией государства // Военное право. 2022. № 6(76). С. 58—76.
4. Глухов Е.А. Правовые аспекты управления организационным взаимодействием в сфере обороны и военной безопасности // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75, № 11(192). С. 42—54.
5. Красинский В.В. Защита государственного суверенитета : монография. Москва: Норма, 2018. 608 с.
6. Направления достижения технологического суверенитета экономических систем различного уровня в странах ЕАЭС : монография / О.Н. Киселёва, А.П. Плотников, В.В. Бехер [и др.] ; под общ. ред. О.Н. Киселёвой. Москва: Ай Пи Ар Медиа, 2024. 258 с.
7. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства : монография / М.Ю. Гутман, С.И. Захарцев, Н.В. Зорина [и др.] под общ. ред. В.П. Сальникова. Москва: Инфра-М, 2024. 423 с.
8. Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 7—34.
9. Смирнов С.В. К вопросу о необходимости исследования феномена «несостоявшихся государств» в рамках теории государства и права // Образование. Наука. Научные кадры. 2016. № 4. С. 13—16.
10. Смирнов С.В. Направления совершенствования концепции государственного суверенитета в условиях «реальной многополярности» // Вестник института права Башкирского государственного университета. 2021. № 3(11). С. 22—31.
11. Строева О.А. Терроризм как угроза государственному суверенитету // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2020. № 2(83). С. 47—53.
12. Совкич П.А. К вопросу о роли Росгвардии как элемента системы обеспечения внутренней безопасности государства // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 3(8). С. 106—110.
13. Финансовый суверенитет государства: теория и правовая реальность : монография / отв. ред. Е.Ю. Грачёва. Мсква: Норма, 2024. 344 с.
14. Чернявский А.Г., Олейник Е.П. Основные организационно-правовые формы деятельности Росгвардии по противодействию международному терроризму // Военное право. 2020. № 2(60). С. 16—22.
15. Шеншин В.М. Об обеспечении Росгвардией внутреннего суверенитета Российской Федерации // Современное общество и право. 2023. № 1. С. 14—19.
16. Шободоева А.В. Теория национальной безопасности Российской Федерации: основные проблемы : учебник. В 2 ч. Ч. 1. Иркутск: Изд-во БГУ, 2017. 176 с.

Legal regulation of counter-terrorism by forces and means of the Russian National Guard troops

© Smirnov S.V.,

Associate Professor at the Military Order of Zhukov Academy troops of the national guard of the Russian Federation, PhD

Abstract. The article using categories of the author's concept of state sovereignty, provides a general description of the current state of legal regulation of combating terrorism and some aspects of the anti-terrorist activities of the National Guard troops as elements of the system of guarantees of sovereignty of the modern Russian Federation is given.

Key words: terrorism, counteraction to terrorism, state sovereignty, threat to state sovereignty, guarantee of state sovereignty, troops of the National Guard of the Russian Federation.

For citation: Smirnov S.V. Legal Regulation of Counter-Terrorism by Forces and Means of the Russian National Guard Troops // Military law. 2025. No. 3. pp. 106-112.

The article was received by the editorial office on April 27, 2025.

Военная служба. Социальные гарантии

Сравнительный анализ систем страхования и медицинского обеспечения военнослужащих в США и Российской Федерации: вызовы, адаптация и перспективы развития

© Малкова Наталья Вячеславовна,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент 9 кафедры (иностранных языков).
Военный университет имени князя
Александра Невского Министерства
обороны Российской Федерации

Аннотация. В статье представлен углубленный сравнительный анализ систем страхования, медицинского обеспечения и социальной поддержки военнослужащих в США и Российской Федерации, рассматриваемых в контексте геополитической турбулентности и эволюции характера современных военных конфликтов. Исследование нацелено на выявление ключевых факторов, определяющих эффективность и устойчивость данных систем, а также на оценку их адаптивности к новым вызовам и потребностям военнослужащих, включая участников специальной военной операции. Особое внимание уделяется анализу не только формальных институтов и финансовых механизмов, но и имплицитных аспектов, таких, как влияние корпоративной культуры, уровня доверия к государству и особенностей национальной ментальности. Представлены результаты сравнительной оценки размеров страховых и компенсационных выплат, предоставляемых военнослужащим в обеих странах с учетом уровня жизни и покупательной способности. В заключении предлагаются перспективные направления для совершенствования систем социальной защиты военнослужащих, основанные на принципах клиентоцентричности, проактивности и интеграции передовых цифровых технологий.

Ключевые слова: страхование военнослужащих, социальное обеспечение, медицинское обеспечение, компенсационные выплаты, сравнительный анализ, специальная военная операция, социальная политика, национальная безопасность, человеческий капитал.

Для цитирования: Малкова Н.В. Сравнительный анализ систем страхования и медицинского обеспечения военнослужащих в США и Российской Федерации: вызовы, адаптация и перспективы развития // Военное право. 2025. № 3. С. 113—121.

Статья поступила в редакцию 30 марта 2025 г.

В эпоху трансформации мирового порядка, характеризующейся нарастанием геополитической напряженности и изменением природы военных конфликтов, системы страхования, медицинского обеспечения и социальной поддержки военнослужащих приобретают стратегическое значение для обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития государства. Эти системы не только выступают в роли гарантов финансовой стабильности и доступности медицинской помощи для военнослужащих и их семей, но и оказывают существенное влияние на формирование их морального

духа, мотивации к выполнению воинского долга и общей эффективности Вооруженных Сил.

Актуальность исследования данных вопросов обусловлена рядом взаимосвязанных факторов:

1) *эволюция угроз и вызовов.* Современные военные конфликты характеризуются гибридным характером, асимметричностью и высокой степенью неопределенности, что предъявляет повышенные требования к физической и психологической устойчивости военнослужащих. В этих условиях эффективные системы социальной защиты становятся критически

важным инструментом поддержания боеготовности личного состава;

2) *демографические тенденции*. Старение населения и снижение рождаемости в развитых странах создают дефицит трудовых ресурсов, что делает привлечение и удержание квалифицированных кадров в вооруженных силах особенно актуальной задачей. Развитые системы социальной поддержки способны повысить привлекательность военной службы в глазах потенциальных новобранцев;

3) *социально-политическая стабильность*. Справедливая и эффективная система социальной защиты военнослужащих способствует укреплению доверия граждан к государству, снижению социальной напряженности и повышению уровня патриотизма в обществе;

4) *конкуренция моделей*. Различия в подходах к организации и финансированию систем страхования и социального обеспечения военнослужащих в США и России отражают более широкие различия в моделях социально-экономического развития и ценностных ориентациях этих стран. Сравнительный анализ этих систем позволяет выявить лучшие практики и определить перспективные направления для их совершенствования;

5) *учет опыта СВО*. Специальная военная операция на Украине выявила как сильные стороны, так и недостатки существующей системы социальной поддержки российских военнослужащих и их семей. Учет этого опыта является необходимым условием для повышения эффективности и адресности мер социальной защиты.

Цель настоящего исследования заключается в проведении комплексного сравнительного анализа систем страхования, медицинского обеспечения и социальной поддержки военнослужащих в США и Российской Федерации с целью выявления ключевых факторов, определяющих их эффективность и устойчивость, а также разработки научно обоснованных рекомендаций по их совершенствованию.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

— провести анализ нормативно-правовой базы, регулирующей вопросы страхования и социального обеспечения военнослужащих в США и России, с акцентом на выявление формальных и неформальных институтов, определяющих ее функционирование;

— исследовать структуру и механизмы реализации основных страховых программ для военнослужащих в обеих странах, включая анализ финансовых потоков, административных процедур и показателей результативности;

— сравнить системы медицинского обеспечения военнослужащих и членов их семей в США и России, учитывая доступность, качество и спектр предоставляемых услуг, а также механизмы контроля и оценки эффективности;

— проанализировать механизмы социальной поддержки ветеранов в обеих странах, включая программы профессиональной переподготовки, трудоустройства, жилищного обеспечения и психологической реабилитации;

— оценить эффективность и комплексность систем страхования и медицинского обеспечения военнослужащих в США и России с использованием как количественных (статистические данные), так и качественных (экспертные оценки, результаты социологических опросов) методов;

— выявить потенциальные области для обмена опытом и совершенствования систем социальной защиты военнослужащих в обеих странах, основанные на принципах клиентоцентричности, проактивности и интеграции передовых цифровых технологий.

Современные исследования систем социальной поддержки военнослужащих в США и России акцентируют внимание на следующих аспектах:

— особенности формирования социального контракта между государством и военнослужащими¹;

¹ Shay J. Achilles in Vietnam: Combat Trauma and the Undoing of Character. New York: Scribner, 1994;

Moskos, C. C. The postmodern military / C. C. Moskos, J. Burk. - Oxford University Press, 1992.

— влияние военных конфликтов на эволюцию систем социальной защиты¹;

— проблемы психологической адаптации ветеранов и членов их²;

— экономическая эффективность различных моделей страхования и социального обеспечения³;

— возможности использования цифровых технологий для повышения доступности и качества социальных услуг⁴.

Несмотря на значительное количество исследований в данной области, ощущается недостаток комплексных сравнительных работ, учитывающих последние изменения в геополитической обстановке и опыт специальной военной операции. Настоящее исследование направлено на восполнение этого пробела и предлагает новый взгляд на проблемы и перспективы развития систем социальной защиты военнослужащих в США и России.

Система страхования и медицинского обеспечения военнослужащих в США представляет собой сложную и многокомпонентную конструкцию, включающую в себя как обязательные, так и добровольные программы страхования, а также разветвленную сеть медицинских учреждений, как военных, так и гражданских.

Ключевыми элементами этой системы являются:

1) Программа группового страхования жизни военнослужащих (SGLI)⁵. Представляет собой систему страхования жизни с автоматическим включением для большинства военнослужащих. По состоянию на 2025 г. максимальная сумма страхового покрытия составляет \$500 000, ежемесячная страховая премия –

\$0.07 за каждую \$1000 страхового покрытия + \$1 за страхование от травм (TSGLI).

2) Программа страхования от травм военнослужащих (TSGLI)⁶. Является дополнением к SGLI и обеспечивает выплаты в случае серьезных травм, полученных во время службы (от \$25 000 до \$100 000 в зависимости от тяжести травмы).

3) Программа медицинского страхования TRICARE⁷. Предоставляет комплексное медицинское обеспечение для военнослужащих, ветеранов и их семей. Включает в себя несколько планов страхования (TRICARE Prime, Select, For Life), широкий спектр медицинских услуг и глобальное покрытие с разделением на регионы TRICARE в США и за рубежом.

Финансирование системы осуществляется как из государственного бюджета, так и за счет личных взносов военнослужащих. Управление системой осуществляется Министерством обороны США и Управлением по делам ветеранов.

Несмотря на широкий охват и высокий уровень финансирования, система страхования и медицинского обеспечения военнослужащих в США сталкивается с рядом серьезных проблем:

1) сложность и запутанность. Многокомпонентная структура системы и большое количество различных программ и планов создают трудности для военнослужащих и их семей в понимании доступных им возможностей и выборе оптимального варианта страхования и медицинского обеспечения;

2) высокая стоимость. Стоимость медицинских услуг в США является одной

¹ Coker, C. *War and the Illiberal Conscience*. London: Routledge, 2015; Higate, P. *Military Masculinities: Identity and the State*. Westport: Praeger, 2003.

² Castro, C.A., Adler, A.B. (eds.) *Military Life: The Psychology of Serving in Peace and Combat*. Westport: Praeger Security International, 2006. Vol. 2; Забродин Ю.М., Панов, В.И. Психология экстремальных ситуаций: военный аспект // Национальный психологический журнал. 2017. № 3(27). С. 51—59.

³ Stiglitz, J.E., Bilmes, L.J. *The Three Trillion Dollar War: The True Cost of the Iraq Conflict*. New York: W.W. Norton & Company, 2008; Гурьева М.А., Дро-

бышевский С.М. Военные расходы и экономический рост: опыт эконометрического анализа // Вопросы экономики. 2019. № 10. С. 67—89.

⁴ Jha, A.K., DesRoches, C.M., Campbell, E.G. et al. Use of Electronic Health Records in U.S. Hospitals // *New England Journal of Medicine*. 2009. 360(16):1628—1638; Юдина Т.Н. Цифровизация социальной сферы: риски и безопасность // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 40—50.

⁵ U.S. Department of Veterans Affairs. *Servicemembers' Group Life Insurance (SGLI)*.

⁶ U.S. Department of Veterans Affairs. *Servicemembers' Group Life Insurance (TSGLI)*.

⁷ Defense Health Agency. *TRICARE Plans*.

из самых высоких в мире, что делает доступ к качественной медицинской помощи проблематичным для многих военнослужащих и ветеранов, особенно для тех, кто не имеет достаточного страхового покрытия;

3) неравенство доступа. Доступность медицинских услуг и социальных льгот может существенно различаться в зависимости от места службы, звания, этнической принадлежности и других факторов;

4) проблемы с психическим здоровьем. Многие военнослужащие и ветераны страдают от посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), депрессии, тревожных расстройств и других проблем с психическим здоровьем, которые требуют специализированной помощи. Однако, существующие программы психологической реабилитации не всегда являются эффективными и доступными.

В Российской Федерации действует централизованная система страхования и медицинского обеспечения военнослужащих, основанная на принципах всеобщего охвата, государственного финансирования и солидарной ответственности.

Ключевыми элементами данной системы являются:

1) обязательное государственное страхование жизни и здоровья военнослужащих¹. Предусматривает выплаты страховых сумм в случае гибели, инвалидности или получения травмы военнослужащим. Страховые взносы оплачиваются из федерального бюджета, страховщиком выступает АО «СОГАЗ».

¹ Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации».

² Постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 911 «О порядке оказания медицинской помощи, возмещения расходов на ее оказание, проведение медицинских осмотров, диспансеризации, санаторно-курорт-

2) медицинское обеспечение военнослужащих². Осуществляется через систему военно-медицинских учреждений, включающую в себя бесплатное медицинское обслуживание, доступ к специализированным военным госпиталям и поликлиникам, а также санаторно-курортное лечение для военнослужащих и членов их семей.

Размеры страховых выплат (с учетом индексации на 4,5 % с 1 января 2025 г.) имеют на сегодняшний день следующие значения:

— гибель — 3 429 067 руб. (в равных долях всем выгодоприобретателям);

— инвалидность 1 группы — 2 564 495 руб.;

— инвалидность 2 группы — 1 714 062 руб.;

— инвалидность 3 группы — 857 031 руб.;

— получение тяжелого ранения — 342 907 руб.;

— получение легкого ранения — 85 703 руб.

Если гибель или инвалидность военнослужащего связана с исполнением им обязанностей военной службы, то дополнительно к страховым выплатам производятся единовременные пособия, предусмотренные Федеральным законом от 7 ноября 2011 г. № 309-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат»:

— в случае гибели военнослужащего при исполнении обязанностей военной службы членам его семьи подлежит выплата 4 908 986,07 руб. (в равных долях);

ного обеспечения и осуществления отдельных выплат некоторым категориям военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов и членам их семей, отдельным категориям граждан, уволенных с военной службы, а также оказания медицинской помощи гражданам, пребывающим в добровольческих формированиях, содействующих выполнению задач, возложенных на войска национальной гвардии Российской Федерации, в период мобилизации, в период действия военного положения, в военное время, при возникновении вооруженных конфликтов, при проведении контртеррористических операций, а также при использовании войск национальной гвардии Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации».

— при увольнении военнослужащего с военной службы в связи с признанием его не годным к военной службе вследствие военной травмы ему выплачивается единовременное пособие в размере 3 272 657,40 руб.

Кроме того, помимо страховых выплат и указанных выше единовременных пособий предусмотрены единовременные выплаты участникам СВО и их семьям, установленные указами Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 98, от 31 декабря 2022 г. № 996, от 14 ноября 2024 г. № 968 и от 9 декабря 2024 г. № 1053:

1) в случае гибели военнослужащего, участвовавшего в СВО, семья получает единовременную выплату в размере 5 млн. руб.;

2) в случае получения ранения (контузии, травмы, увечья) в ходе СВО военнослужащий получает единовременную выплату в размере от 100 тыс. до 3 млн руб. (в зависимости от степени тяжести ранения);

3) в случае установления участнику СВО инвалидности ему подлежит выплата в размере 4 млн. руб. (за вычетом ранее полученной единовременной выплаты в связи с получением ранения).

Таким образом, общая сумма выплат семьям погибших военнослужащих-участников СВО может составить около более 10 млн руб., а при ранении – до 5 млн руб.

В последние годы в России предпринят ряд мер по совершенствованию системы социальной поддержки военнослужащих и их семей, в том числе:

— увеличение размеров страховых выплат и пенсий;

— расширение спектра социальных льгот и гарантий;

— улучшение жилищного обеспечения военнослужащих;

— развитие системы психологической реабилитации и социальной адаптации ветеранов;

— повышение доступности медицинской помощи, в том числе в отдаленных районах.

Несмотря на достигнутые успехи, российская система страхования и медицинского обеспечения военнослужащих также сталкивается с рядом проблем:

1) недостаточная гибкость и клиентоориентированность. Система ориентирована на предоставление унифицированных услуг и не всегда учитывает индивидуальные потребности и предпочтения военнослужащих и их семей;

2) бюрократические барьеры. Процедуры получения страховых выплат, социальных льгот и медицинской помощи часто являются сложными и забюрократизированными, что создает трудности для военнослужащих и их семей;

3) ограниченный выбор медицинских учреждений. Военнослужащие, как правило, имеют возможность получать медицинскую помощь только в военных госпиталях и поликлиниках, что ограничивает их выбор и может снижать качество предоставляемых услуг;

4) низкий уровень информированности. Многие военнослужащие и члены их семей не знают о доступных им социальных льготах и гарантиях, что снижает эффективность системы социальной поддержки;

5) недостаточная развитость системы психологической реабилитации и социальной адаптации. Существующие программы не всегда являются эффективными и доступными, особенно для военнослужащих, принимавших участие в боевых действиях.

Сравнительный анализ систем страхования и медицинского обеспечения военнослужащих в США и России позволяет выявить как существенные различия, так и некоторые общие черты в подходах обеих стран к решению этой важной задачи (см. табл.).

Сравнительный анализ систем страхования и медицинского обеспечения военнослужащих в США и России

Критерий сравнения	США	Россия
Структура системы	Мультипрограммная: SGLI (страхование жизни) TSGLI (страхование от травм) TRICARE (медицинское страхование)	Единая государственная система: Федеральный закон от 28.03.1998 г. № 52-ФЗ (обязательное страхование)
Финансирование	Смешанное: 65 % бюджета Пентагона 35% личные взносы (для SGLI – \$28/мес)	Полностью бюджетное
Медицинское обеспечение	TRICARE: 9.6 млн бенефициаров 200+ гражданских сетей (Humana, Optum) 3 плана на выбор (Select, Prime, For Life)	Военно-медицинские учреждения: 143 госпиталя 445 поликлиник (данные Минобороны на 2023) узкие специалисты по квоте
Размеры выплат	Максимум по SGLI: \$ 500 000 (~45 млн. руб по курсу, ~32 млн руб с PPP*) TSGLI: до \$100 000 за травму	Базовые суммы, указанные в федеральных законах от 28.03.1998 № 52-ФЗ и от 7.11.2011 г. № 309-ФЗ 9с ежегодной индексацией) + доплаты участникам СВО: 5 млн. руб. семье погибшего до 4 млн руб. получившему ранение
Охват членов семей	TRICARE покрывает: Супругов Детей до 26 лет Инвалидов-иждивенцев	Льготы только для: супругов несовершеннолетних детей
Гибкость	Персонализация: выбор страхового плана опция отказа от SGLI коммерческие дополнения (USAA, Navy Mutual)	Унификация: единые тарифы автоматическое подключение при призыве(поступлении) на военную службу ограниченные опции дополнительного страхования
Региональные особенности	Дифференциация по штатам: разные сети клиник в TRICARE локальные программы (напр. Alaska Native Tribal Health Consortium)	Учёт региональных коэффициентов

Прямое сравнение страховых выплат в США и России на основе текущего обменного курса может быть дезориентирующей, поскольку оно не учитывает разли-

чия в уровне цен и покупательной способности в обеих странах. Для более корректной оценки необходимо использовать показатель паритета покупательной способ-

ности (ППС), который отражает относительную стоимость набора товаров и услуг в разных странах.

По данным Всемирного банка, ППС между США и Россией в 2023 г. составлял примерно 30 руб. за 1 доллар США¹. Это означает, что на 1 доллар США в России можно купить примерно столько же товаров и услуг, сколько на 30 руб.

С учетом ППС страховая выплата в размере \$500 000 в США эквивалентна примерно 15 млн. руб. в России (500 000 X 30). Это значительно выше, чем максимальная выплата в России (8,4 млн рублей), но разница не столь велика, как при использовании текущего обменного курса.

Кроме того, необходимо учитывать, что в России военнослужащие и их семьи получают дополнительные социальные льготы и гарантии, такие как бесплатное медицинское обслуживание, жилищное обеспечение и санаторно-курортное лечение, которые не учитываются при расчете страховых выплат. Учитывая эти факторы, разница в уровне социальной защиты военнослужащих в США и России может быть не столь существенной, как кажется на первый взгляд.

Ключевые выводы:

1) системы страхования и медицинского обеспечения военнослужащих в США и России отражают более широкие различия в государственном устройстве и подходах к социальной политике этих стран;

2) американская система характеризуется большей гибкостью и разнообразием страховых программ, в то время как российская система обеспечивает более унифицированный подход к социальной защите военнослужащих;

3) обе страны уделяют значительное внимание медицинскому обеспечению военнослужащих, но реализуют это разными способами: США через систему страхования TRICARE, Россия — через сеть специализированных военно-медицинских учреждений;

4) размеры страховых выплат в США номинально выше, но при учете различий в уровне жизни, дополнительных единовременных выплат участникам СВО и социальных гарантий в России разница может быть менее существенной;

5) обе системы демонстрируют способность адаптироваться к современным вызовам, связанным с участием в военных конфликтах и специальных операциях.

На основе проведенного анализа можно сформулировать следующие *рекомендации по совершенствованию систем социальной защиты военнослужащих в США и России*:

1) совершенствование нормативно-правовой базы. В обеих странах необходимо провести аудит существующей нормативно-правовой базы с целью выявления устаревших и противоречивых положений, а также разработать новые законы и подзаконные акты, регулирующие вопросы страхования, медицинского обеспечения и социальной поддержки военнослужащих с учетом современных вызовов и потребностей;

2) оптимизация организационной структуры. В США необходимо рассмотреть возможность упрощения и унификации системы страхования и медицинского обеспечения военнослужащих, сокращения административных издержек и повышения прозрачности. В России необходимо усилить координацию между различными ведомствами и организациями, участвующими в предоставлении социальных услуг военнослужащим, а также расширить участие гражданского общества в этой сфере;

3) повышение клиентоориентированности. В обеих странах необходимо переориентировать системы социальной защиты военнослужащих на удовлетворение индивидуальных потребностей и ожиданий клиентов, предоставляя им возможность выбора страховых планов, медицинских учреждений и социальных услуг;

¹ World Bank. PPP Conversion Factor, Private Consumption (LCU per International \$).

4) внедрение цифровых технологий. В обеих странах необходимо активно использовать цифровые технологии для повышения эффективности и доступности социальных услуг, в том числе телемедицину, электронные медицинские карты, системы поддержки принятия врачебных решений, онлайн-платформы для профессиональной переподготовки и трудоустройства ветеранов;

5) усиление международного сотрудничества. В обеих странах необходимо развивать международное сотрудничество в области социальной защиты военнослужащих, обмениваться опытом и передовыми практиками, участвовать в совместных исследовательских проектах и программах обучения.

Заключение.

Проведенный сравнительный анализ систем страхования, медицинского обеспечения и социальной поддержки военнослужащих в США и Российской Федерации позволил выявить как существенные различия, так и некоторые общие черты в подходах обеих стран к решению этой важной задачи. Несмотря на различные модели организации и финансирования, обе системы демонстрируют стремление к обеспечению высокого уровня социальной защиты для тех, кто служит в Вооруженных силах.

Вместе с тем, результаты исследования выявили ряд проблем и вызовов, стоящих перед обеими странами, таких, как необходимость повышения эффективности, устойчивости и социальной справедливости данных систем, а также их адаптации к современным вызовам и потребностям военнослужащих.

Предложенные в статье рекомендации, основанные на принципах клиентоцентричности, проактивности и интеграции передовых цифровых технологий, могут стать основой для разработки перспективных направлений совершенствования систем социальной защиты военнослужащих в США и России. Дальнейшие исследования в этой области будут способствовать повышению эффективности Вооруженных Сил, укреплению национальной безопасности и обеспечению устойчивого развития наших государств.

Список источников

1. Shay, J. *Achilles in Vietnam: Combat Trauma and the Undoing of Character*. New York: Scribner, 1994. 256 p.
2. Stiglitz, J.E., Bilmes, L.J. *The Three Trillion Dollar War: The True Cost of the Iraq Conflict*. New York: W.W. Norton & Company, 2008. 311 p.
3. Moskos, C.C., Williams, J.A., Segal, D.R. (eds.) *The Postmodern Military: Armed Forces after the Cold War*. Oxford: Oxford University Press, 2000. 288 p.
4. Coker, C. *War and the Illiberal Conscience*. London: Routledge, 2015. 208 p.
5. Higate, P. *Military Masculinities: Identity and the State*. Westport: Praeger, 2003. 200 p.
6. Castro, C.A., Adler, A.B. (eds.) *Military Life: The Psychology of Serving in Peace and Combat*. Westport: Praeger Security International, 2006. Vol. 2. 304 p.
7. Jha, A.K., DesRoches, C.M., Campbell, E.G. et al. *Use of Electronic Health Records in U.S. Hospitals* // *New England Journal of Medicine*. 2009. 360(16):1628—1638.
8. Гурьева М.А., Дробышевский С.М. "Военные расходы и экономический рост: опыт эконометрического анализа" // *Вопросы экономики*. 2019. № 10. С. 67—89.
9. Забродин Ю.М., Панов В.И. *Психология экстремальных ситуаций: военный аспект* // *Национальный психологический журнал*. 2017. № 3(27). С. 51—59.
10. Юдина Т.Н. *Цифровизация социальной сферы: риски и безопасность* // *Социологические исследования*. 2021. № 7. С. 40—50.

Comparative Analysis of Military Personnel Insurance and Healthcare Systems in the USA and the Russian Federation: Challenges, Adaptation, and Development Prospects

© Malkova N.V.,

candidate of pedagogical sciences,
Associate Professor, Senior Lecturer of the
Department of Foreign Languages Military
University named after Prince Alexander
Nevsky of the Defense Ministry of the
Russian Federation

Abstract. The article presents an in-depth comparative analysis of insurance, healthcare, and social support systems for military personnel in the USA and the Russian Federation, considered within the context of geopolitical turbulence and the evolving nature of modern military conflicts. The study aims to identify key factors determining the effectiveness and sustainability of these systems, as well as to assess their adaptability to new challenges and needs of military personnel, including participants in the Special Military Operation. Particular attention is paid to the analysis of not only formal institutions and financial mechanisms, but also implicit aspects, such as the influence of corporate culture, the level of trust in the state, and the characteristics of national mentality. The results of a comparative assessment of the sizes of insurance and compensation payments provided to military personnel in both countries, taking into account the cost of living and purchasing power, are presented. In conclusion, promising directions for improving military personnel social protection systems are proposed, based on the principles of client-centricity, proactivity, and the integration of advanced digital technologies.

Keywords: military personnel insurance, social security, medical care, compensation payments, comparative analysis, special military operation, social policy, national security, human capital.

For citation: Malkova N.V. Comparative Analysis of insurance and Medical support Systems for Military Personnel in the United States and the Russian Federation: Challenges, adaptation and Development Prospects // Military law. 2025. no 3. pp. 113-121.

The article was received by the editorial office on March 30, 2025.

Военные аспекты гражданского права

Проблематика формирования типового положения о закупке товаров, работ, услуг на примере Министерства обороны Российской Федерации

© Морозова Дарья Вячеславовна,
Советник президента акционерного общества «Санкт-Петербургская Международная Товарно-Сырьевая Биржа»
© Степовик Владислав Игоревич
© Матвичук Данила Вячеславович,
начальник отдела подготовки документации о закупке Публично-правовой компании «Военно-строительная компания»

Аннотация. Статья посвящена вопросам создания и внедрения типового положения о закупке товаров, работ и услуг в рамках Министерства обороны Российской Федерации (Минобороны России). Авторы акцентируют внимание на необходимости разработки четких и понятных требований, которые могли бы улучшить закупочные процедуры, уменьшить административную нагрузку и повысить эффективность расходования бюджетных средств. Основная мысль статьи заключается в том, что несмотря на наличие законодательных основ в виде Федерального закона № 223-ФЗ, многие аспекты формирования и применения закупочных положений требуют доработки для обеспечения их эффективности. Работы в данной области направлены на устранение существующих недостатков, которые включают неопределенность в критериях выбора способов закупок, устаревшие нормы и отсутствие механизма, способствующего эффективной конкуренции. Статья рассматривает законодательные рамки, в которых Минобороны России утвердило типовое положение о закупке, выделяя ключевые принципы закупочной деятельности. Кроме этого, авторами выделяются параметры, по которым оценивается эффективность закупок: экономическая эффективность, соблюдение сроков, качество продукции, уровень конкуренции, соблюдение законодательства и удовлетворенность сторон.

Ключевые слова: Минобороны России, положение о закупке, эффективность закупки, способы закупок, критерии оценки, деятельность заказчика, регуляторная гильотина.

Для цитирования: Морозова Д.В., Степовик В.И., Матвичук Д.В. Проблематика формирования типового положения о закупке товаров, работ, услуг на примере Министерства обороны Российской Федерации // Военное право. 2025. № 3. С. 122—128.

Статья поступила в редакцию 3 марта 2025 г.

В Российской Федерации не первый год одной из основных задач государственного сектора является создание в сферах регулирования новой системы понятных и четких требований к хозяйствующим субъектам с целью снятия избыточной административной нагрузки на субъекты предпринимательской деятельности

и снижения рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым ценностям (регуляторная гильотина¹).

Процесс создания новой системы требует не только четких действий на уровне федеральных органов исполнительной власти, но и корректировки закупочной деятельности организаций иного уровня, в

¹ Методика исполнения плана мероприятий («дорожной карты») по реализации механизма «регуляторной гильотины»

том числе с государственным участием. Например, положениями действующего законодательства о закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц (Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее — Закон о закупках)) установлено, что учредители бюджетных, автономных учреждений, а также собственники имущества унитарных предприятий в лице федеральных органов исполнительной власти вправе утвердить типовое положение о закупке и перечень учреждений, применение указанного положения которыми является обязательным.

Положение о закупке товаров, работ, услуг — основополагающий документ, регулирующий закупочную деятельность заказчика (организации, применяющей указанное положение), основывающиеся на принципах, установленных Законом о закупках:

1) информационная открытость закупки;

2) равноправие, справедливость, отсутствие дискриминации и необоснованных ограничений конкуренции по отношению к участникам закупки;

3) целевое и экономически эффективное расходование денежных средств на приобретение товаров, работ, услуг (с учетом при необходимости стоимости жизненного цикла закупаемой продукции) и реализация мер, направленных на сокращение издержек заказчика;

4) отсутствие ограничения допуска к участию в закупке путем установления избыточных либо неизмеряемых требований к участникам закупки.

Эффективность закупок, по мнению авторов статьи, измеряется несколькими ключевыми параметрами, которые помогают оценить их выполнение и достижение своих. Основные из них:

1. Экономическая эффективность:

— сравнение фактических затрат с запланированными;

— уровень экономии от проведенных закупок по сравнению с рыночными ценами.

2. Соблюдение сроков: время, затрачиваемое на закупку, включая сроки проведение, выбор победителей и заключение договоров. Для различных способов закупок установлены максимальные сроки, соблюдение которых влияет на эффективность.

3. Качество продукции: оценка качества полученных товаров, работ и услуг на основе установленных критериев оценки и сопоставления заявок (по своей сути — существенных условий исполнения договора со стороны контрагента заказчика).

4. Уровень конкуренции: количество участников, подавших заявки на участие в закупках, что свидетельствует о привлекательности закупочной процедуры.

5. Соблюдение законодательства: степень выполнения всех требований и норм, установленных в Законе о закупках и других нормативных актах.

6. Уровень удовлетворенности сторон: опросы и оценки со стороны участников закупки по поводу прозрачности, доступности информации и честности процедур.

Эти параметры помогают всесторонне оценить, насколько успешно проводятся закупки и как они влияют на целевое и экономически эффективное расходование денежных средств.

Так, одним из крупнейших заказчиков — Министерством обороны Российской Федерации (Минобороны России) во исполнение положений ч. 2.1 ст. 2 Закона о закупках утверждено типовое положение о закупке.

В Единой информационной системе в сфере закупок размещено указание Министра обороны Российской Федерации от 18 ноября 2024 г. № 205/2/515 с утвержденным Типовым положением о закупке товаров, работ, услуг для нужд подведомственных учреждений Минобороны России (далее — Типовое положение).

Таким образом, в целях сохранения единых правовых подходов к осуществлению закупок, Минобороны России утверждено типовое положение о закупке, что накладывает на подведомственных Минобороны России заказчиков обязанность

разработать новое или изменить свое действующее положение, соблюдая требования типового, в установленные сроки.

Законодательно установлен¹ перечень сведений, которые должны быть включены в типовое положение о закупке, в том числе, не подлежащие изменению при разработке и утверждении заказчиками, применяющими типовое положение:

— порядок подготовки и (или) осуществления закупки;

— способы закупок и условия их применения;

— срок заключения по результатам конкурентной закупки договора.

В целях соблюдения Закона о закупках, Типовым положением установлены следующие способы осуществления закупки:

а) конкурентные закупки:

— конкурс (несколько критериев оценки, в том числе, цена);

— аукцион (один критерий оценки — цена, торги осуществляются в режиме «реального времени»);

— запрос котировок (один критерий оценки — цена, предложение подается один раз);

— запрос предложений (несколько критериев оценки, в том числе, цена).

б) неконкурентные закупки:

— закупка у единственного поставщика (далее — ЕП);

— запрос ofert (несколько критериев оценки, в том числе, цена);

— закупка у субъектов малого и среднего предпринимательства с использованием электронного магазина (далее — электронный магазин).

Для каждого способа закупки установлены сроки проведения закупки (за исключением ЕП и электронного магазина).

Срок подачи заявок по конкурентным способам закупки варьируется от 5 рабочих дней (запрос котировок) до 15 дней (конкурс и аукцион).

Принятие решение закупочной комиссией о заключении договора с участником закупки, подавшем заявку, (о выборе по-

бедителя) осуществляется в сроки не более 20 дней с даты окончания срока подачи заявок.

Условия выбора способа закупки зависят от следующих факторов:

Порог начальной (максимальной) цены договора (далее — НМЦД):

— запрос котировок проводится при условии закупки любого вида продукции, а НМЦД составляет не более 10 000 000 руб.;

— запрос предложений проводится при осуществлении закупок с НМЦД не более 15 000 000 руб.

Вид продукции:

— закупки работ и (или) услуг, для которых предусматривается наличие у участника закупки специальных знаний и навыков;

— поставки товара с установлением в документации требований о выполнении дополнительных работ (услуг), например, требований к обязательности осуществления монтажа и наладки товара, к обучению лиц, осуществляющих использование и обслуживание товара, предполагающих наличие у поставщика специальных знаний и навыков.

Условия проведения запроса ofert содержит в себе 8 случаев, когда заказчик вправе провести закупку указанным способом, без установления максимального ценового порога НМЦД.

Критерии оценки, а также величина их значимости, применяемые заказчиками установлены приложением к Типовому положению:

— стоимостные (цена договора, цена единицы продукции, понижающий коэффициент, формула цены);

— нестоимостные (квалификация участника закупки, качество продукции, сроки поставки товара, выполнения работ, оказания услуг).

Кроме этого, установлены:

1. Возможность принятия решения о проведении переторжки — добровольное повышение рейтинга заявок участников закупки в рамках специально организо-

¹ Ч. 2.3 ст. 2 Закона № 223-ФЗ.

ванной для этого процедуры путем снижения исключительно цены своих первоначально поданных заявок при условии сохранения остальных положений заявки без изменений.

2. Договор по результатам проведения закупки (за исключением ЕП) заключается не ранее чем через 10 дней и не позднее чем через 20 дней со дня размещения в ЕИС итогового протокола, составленного по результатам закупки. При этом возможно проведение преддоговорных переговоров — механизм уточнения существенных условий договора, при котором допускается:

- снижение цены договора без изменения количества товаров;
- увеличения объема товара;
- уточнение сроков исполнения обязательств по договору для заказчика;
- иные аспекты.

Необходимо отметить, что согласно требованиям Закона о закупках договор по результатам проведения закупок среди

субъектов малого и среднего предпринимательства заключается исключительно на условиях закупочной документации и заявки участника закупки. Таким образом, условия о возможности изменения существенных условий договора не коррелируют с необходимостью заключения договора на условиях, изложенных в закупочной документации и заявке участника закупки. По мнению авторов, необходимо скорректировать механизм, изложенный в Типовом положении в части исключения преддоговорных переговоров при проведении закупок среди СМСП.

Вместе с тем, соблюдение принципа целевого и экономического расходования денежных средств достигается при условии учета видов деятельности заказчика, от которого зависят факторы закупочной и договорной деятельности.

По данным Единой информационной системы в сфере закупок к Типовому положению присоединены заказчики с такими видами экономической деятельности:

№ п/п	Вид деятельности по ОКВЭД	Наименование деятельности
1.	71.11.1	Деятельность в области архитектуры, связанная с созданием архитектурного объекта
2.	26.51.2	Производство радиолокационной, радионавигационной аппаратуры и радиопаратуры дистанционного управления
3.	38.32	Утилизация отсортированных материалов
4.	72.19	Научные исследования и разработки в области естественных и технических наук прочие
5.	90.01	Деятельность в области исполнительских искусств
6.	86.90.4	Деятельность санаторно-курортных организаций
7.	91.01	Деятельность библиотек и архивов
8.	68.20	Аренда и управление собственным или арендованным недвижимым имуществом
9.	85.22	Образование высшее
10.	41.20	Строительство жилых и нежилых зданий
11.	58.13	Издание газет
12.	68.32.2	Управление эксплуатацией нежилого фонда за вознаграждение или на договорной основе
13.	93.19	Деятельность в области спорта прочая

Анализ условий, изложенных в Типовом положении, а также видов деятельности заказчиков, присоединившихся к Типовому положению, позволяет выявить следующие проблемы, связанные с формированием Типового положения:

1. Неполные или устаревшие нормы законодательства. Необходимо скоррек-

тировать содержание Типового положения в соответствии с требованиями действующего законодательства о закупках отдельными видами юридических лиц.

2. Недостаточная ясность в критериях выбора способов закупок. Предлагается установить чёткие и объективные критерии выбора способов закупки, а также условия закупки у единственного

поставщика, исходя из специфики вида деятельности заказчиков, присоединившихся к Типовому положению.

3. Проблема, связанная с оценкой и сопоставлением предложений участников закупки. Расширение перечня критериев оценки и внедрение механизма переторжки в нестоимостные критерии оценки способствует эффективно расходовать средства, для стимулирования конкуренции среди поставщиков.

4. Недостаточное количество механизмов реализации права на эффективность закупок у заказчиков с различными видами деятельности. Уточнение условий проведения закупок, в том числе, установление дополнительных требований к участникам закупок с учетом специфики деятельности заказчика.

5. Отсутствие инструментов, позволяющих заказчику осуществлять должную осмотрительность при проведении закупки и заключении договора.

Таким механизмом может выступать формирование перечня квалифицированных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) на определенный период времени, среди которых можно осуществлять закупки сложной продукции, определенной Типовым положением.

Не все проблемы, выявленные авторами, могут быть решены полностью, но большинство из них можно значительно смягчить или устранить при определенных условиях.

Вот несколько причин, по которым некоторые проблемы могут оставаться неразрешенными:

а) сложность структуры Заказчика (например, Минобороны России). Изменение или упрощение Типового положения требует времени и согласования на различных уровнях, что может затягивать процесс и оставлять существующие проблемы без решения;

б) сопротивление изменениям. Участники системы (например, государственные органы, поставщики) могут быть не готовы принимать изменения или адаптироваться к новым нормам;

в) финансовые ограничения. Реализация предложений может потребовать дополнительных средств на обучение, информирование заказчиков и участников, а также модернизацию систем закупок, что в условиях рыночной экономики не всегда возможно;

г) необходимость в обучении. Некоторые проблемы, такие как нехватка квалифицированного персонала у Заказчиков и участников закупок, требуют времени для решения через обучение и повышение квалификации, и не могут быть устранены мгновенно;

д) разнообразие рынка. Участники рынка могут иметь различные уровни готовности к изменениям, что затрудняет диагностику и решение проблем на всех уровнях.

Эти проблемы и предложения по их решению направлены на улучшение эффективности, прозрачности и справедливости закупочных процедур, а также на снижение рисков и упрощение административных процессов.

Таким образом, хотя многие проблемы можно решить или улучшить, требуется комплексный и системный подход.

Авторы статьи предлагают осуществить следующие мероприятия:

1. Скорректировать условия Типового положения в части:

1.1. Перечня способов закупки и условий их применения, в связи с их недостаточностью для эффективного расходования денежных средств. Это обусловлено наличием в Типовом положении закупок со значительным сроком их проведения, а также ограниченными условиями их проведения. Например, предлагается включить дополнительно такой неконкурентный способ закупки, как редукцион — аналог конкурентного аукциона, с установлением сроков подачи заявок в зависимости от НМЦД:

— не менее 3 календарных дней — с НМЦД до 5 000 000 руб.;

— не менее 5 календарных дней — с НМЦД, превышающей 5 000 000 руб.

Также целесообразно скорректировать сроки проведения закупки по запросу

оферт, поскольку 10 рабочих дней — избыточный срок проведения неконкурентной закупки.

1.2. Проведения переторжки по всем критериям оценки заявок, установленных закупкой.

1.3. Расширить перечень критериев оценки, которые могут оказать влияние на эффективное расходование денежных средств:

- размер аванса;
- размер прибыли (для закупок в рамках государственного оборонного заказа);
- размер вознаграждения заказчика (при заключении договоров субподряда).

1.4. Дополнение разделом квалификации с порядком и условиями его проведения, для реализации механизма должной осмотрительности.

2. Воспользоваться механизмом проведения совместных закупок, путем создания отдельного юридического лица — организатора закупок заказчиков по Типовому положению, способного проанализировать виды деятельности подведомственных учреждений Минобороны России и на основании анализа разработать Типовое положение, достаточное для соблюдения принципов, установленных Законом о закупке и обеспечить проведение закупок по типовой номенклатуре товаров, работ и услуг в интересах подведомственных Минобороны России заказчиков.

The problem of forming a model regulation on the purchase of goods, works, and services using the example of the Ministry of Defense of the Russian Federation

© **Morozova D.V.**,

Advisor to the President of the Joint Stock Company The Saint Petersburg International Mercantile Exchange

© **Stepovik V.I.**

© **Matvichuk D.V.**,

Head of the Procurement Documentation Department of the Public Law Company «Military»

Annotation. The article is devoted to the creation and implementation of a model regulation on the purchase of goods, works and services within the framework of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Ministry of Defense of Russia). The authors emphasize the need to develop clear and understandable requirements that could improve procurement procedures, reduce the administrative burden and increase the efficiency of budget spending. The main idea of the article is that despite the existence of a legislative framework in the form of Federal Law No. 223-FZ, many aspects of the formation and application of procurement regulations require further development to ensure their effectiveness. The work in this area is aimed at eliminating existing shortcomings, which include uncertainty in the criteria for choosing procurement methods, outdated standards and the lack of a mechanism that promotes effective competition. The article examines the legislative framework in which the Russian Ministry of Defense has approved a model procurement regulation, highlighting the key principles of procurement activities. In addition, the authors identify the parameters by which the effectiveness of procurement is assessed: economic efficiency, compliance with deadlines, product quality, level of competition, compliance with legislation and satisfaction of the parties.

Keywords: Russian Ministry of Defense, procurement regulations, procurement efficiency, procurement methods, evaluation criteria, customer activity, regulatory guillotine.

For citation: Morozova D.V., Stepovik V.I., Matveychuk D.V. Problems of Forming a Model Regulation on the Purchase of Goods, Works, and Services on the Example of the Ministry of Defense of the Russian Federation // Military law. 2025. No. 3. pp. 122-128.

The article was received by the editorial office on March 3, 2025.

Уголовное право и криминология

О некоторых вопросах освобождения от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время

© **Александрова Наталья Геннадиевна**, кандидат юридических наук, доцент кафедры кадрового, правового и психологического обеспечения Академии Государственной противопожарной службы МЧС России

© **Вотченко Ирина Артуровна**, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры кадрового, правового и психологического обеспечения Академии Государственной противопожарной службы МЧС России

Аннотация. С момента начала проведения Российской Федерацией специальной военной операции было принято большое количество законодательных и иных нормативных правовых актов, направленных на урегулирование различных правовых отношений. Такие изменения также внесены в Уголовный кодекс Российской Федерации в части освобождения участников СВО от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время. При этом, по мнению авторов, при введении такой нормы в УК РФ урегулированы не все вопросы, что требует их уточнения путем внесения соответствующих изменений. В настоящей статье рассмотрены такие пробелы и предложены способы их устранения.

Ключевые слова: военная служба, специальная военная операция, мобилизация, военное время, освобождение от уголовной ответственности, уголовная ответственность.

Для цитирования: Александрова Н.Г., Вотченко И.А. О некоторых вопросах освобождения от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время // Военное право. 2025. № 3. С. 129—133.

Статья поступила в редакцию 24 апреля 2025 г.

Проведение специальной военной операции сыграло важную и значимую роль в совершенствовании законодательных и иных нормативных правовых актов, регламентирующих различные сферы правоотношений в нашем государстве.

Большой вклад внесен в совершенствование правовых механизмов, регламентирующих вопросы прохождения военной и специальной службы в период мо-

билизации или в военное время, установления социальных гарантий участникам СВО и их членам их семей, а также повышения или, наоборот, смягчения мер ответственности за правонарушения либо преступления, совершенные в указанные периоды времени и в особых условиях¹.

Данные вопросы активно рассматривались российскими учеными², что подтверждает их актуальность.

¹ Корякин В.М. Правовое обеспечение специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины : монография. М.: Юрлитинформ, 2025.

² Корякин В.М. Социальные гарантии, предоставляемые участникам специальной военной операции : учебник и практикум. М.: РУСАЙНС, 2024; Кудашкин А.В., Безбабнов О.Г. Вооруженные кон-

Следует отметить, что военная служба определяет наличие соответствующего статуса у военнослужащих, который заключается в определенных правах и свободах, гарантированных государством, определении обязанностей, а также ответственности, установленных федеральными конституционными законами, федеральными законами, и другими нормативными правовыми актами Российской Федерации. При наличии оснований, предусмотренных законодательством, военнослужащие могут быть привлечены к юридической ответственности, в том числе и к уголовной.

Уголовное законодательство также было подвергнуто процессу совершенствования. Так, например, Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» УК РФ был дополнен статьей 78.1 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время». Согласно положениям указанной статьи, лицо, совершившее преступление, за исключением преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, предусмотренного п. «а» ч. 3, п. «б» ч. 4, ч. 5 ст. 131, п. «а» ч. 3, п. «б» ч. 4, ч. 5 ст. 132, ч. 3—6 ст. 134 или ч. 3—5 ст. 135 УК РФ, либо хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 189, 200.1, 205—205.5, 206, 208—211, п. «б» ч. 2 ст. 215.4,

ст. 217.1, 220, 221, 226.1, 229.1, 274.1, 275, 275.1, 276—280.2, 280.4, 281—281.3, 282.1—282.3, 283—283.2, 284, ч. 2 ст. 322.1, ст. 355, 359—361 УК РФ, призванное на военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации либо заключившее в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, а равно лицо, совершившее преступление в период прохождения военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время, в отношении которых производство по уголовному делу приостановлено по ходатайству командования воинской части (учреждения) в случаях, предусмотренных УПК РФ, освобождается от уголовной ответственности:

а) со дня награждения государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы;

б) со дня увольнения с военной службы по основанию, предусмотренному подп. «а», «в» или «о» п. 1 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».

По мнению некоторых авторов, внесение соответствующих изменений в законодательство является важным и необходимым решением. Считают вполне обоснованным освобождение от уголовного наказания и ответственности человека, изъявившего желание ценой своей жизни реабилитировать себя перед обществом и

фликты и право: еще раз возвращаясь к терминологии // Право в Вооруженных Силах — военнопредметное обозрение. 2023. № 7 (312). С. 2—11; Грувер Н.В., Землин А.И., Холиков И.В. Правовые проблемы и организационно-педагогические условия реализации интеграционного потенциала волонтерской деятельности в процессе подготовки специалистов в области юриспруденции. М.: КноРус, 2021; Кириченко Н.С., Александрова Н.Г., Богданов С.Л. Юридическая ответственность

граждан, пребывающих в добровольческих формированиях // Военное право. 2024. № 1 (83). С. 49—54; Харитонов С.С., Раков А.В. К вопросу квалификации преступлений: некоторые аспекты с позиции военных судов // Военное право. 2023. № 1 (77). С. 188—193; Павлова Е.В., Власова С.А. Административно-правовой статус участников специальной военной операции // Государственная служба и кадры. 2023. № 1. С. 88—90.

принять участие в проведении специальной военной операции¹.

Институт освобождения от уголовной ответственности, как верно отмечается в литературе, является одним из самых динамично развивающихся нормативных образований в российском уголовном праве².

Очевидно, что его дальнейшее развитие и реформирование, осуществляемое в соответствии с принципами гуманизма и справедливости, может быть эффективным лишь при условии определенности содержания как самого понятия «освобождение от уголовной ответственности», так и четкого представления об основаниях принятия такого правового решения³.

Тем не менее, по нашему мнению, положения ст. 78.1 УК РФ требуют доработки путем внесения в них изменений. В обоснование данного предложения полагаем необходимым привести следующие доводы.

Как известно, Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 в Российской Федерации объявлена частичная мобилизация.

В положении ст. 78.1 УК РФ речь идет о лицах, призванных на военную службу в период мобилизации или в военное время, либо заключивших контракт о прохождении военной службы в указанный период времени при поступлении на военную службу исключительно в Вооруженные Силы Российской Федерации.

Однако, на наш взгляд, ограничение круга лиц, на которых распространяются указанные положения УК РФ, лишь до тех, которые поступают на военную службу исключительно в Вооруженные Силы Российской Федерации, является не в полной мере верным и может ущемлять права военнотружущих других ведомств.

Так, в соответствии с п. 1 ст. 2 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» военная служба — особый вид федеральной государственной службы, исполняемой:

— гражданами, не имеющими гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина на территории иностранного государства, — в Вооруженных Силах Российской Федерации и в войсках национальной гвардии Российской Федерации, в спасательных воинских формированиях федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на решение задач в области гражданской обороны, в Службе внешней разведки Российской Федерации, органах федеральной службы безопасности, органах государственной охраны, органах военной прокуратуры, военных следственных органах Следственного комитета Российской Федерации и федеральном органе обеспечения мобилизационной подготовки органов государственной власти Российской Федерации, в воинских подразделениях федеральной противопожарной службы и создаваемых на военное время специальных формированиях;

— гражданами, имеющими гражданство (подданство) иностранного государства либо вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на постоянное проживание гражданина на территории иностранного государства, и иностранными гражданами — в Вооруженных Силах Российской Федерации и воинских формированиях.

Таким образом, перечень ведомств (органов), в которых предусмотрена военная служба, довольно разнообразен.

¹ Кириченко Н.С., Александрова Н.Г. Новации уголовного законодательства, связанные с освобождением от уголовного наказания и ответственности в связи с призывом на военную службу в особых условиях // Военное право. 2024. № 3 (85). С. 175—179.

² Лобанова Л.В. Развитие института освобождения от уголовной ответственности и презумпция невиновности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2016. Т. 15. № 4 (33). С. 207.

³ Кауфман М.А. К вопросу об основании освобождения от уголовной ответственности // Журнал российского права. 2021. № 1. С. 143—156.

Полагаем, что для прохождения военной службы в порядке мобилизации граждане могут быть направлены не только в Вооруженные Силы Российской Федерации, но также и в другое военное ведомство, например, в спасательные воинские формирования МЧС России или в воинские части войск национальной гвардии Российской Федерации. Кроме этого, задачи при проведении СВО также могут выполняться военнослужащими любых военных ведомств. Наряду с этим военнослужащие указанных и других военных ведомств также могут подписать контракт о прохождении военной службы в указанный период времени и изъявить желание быть направленными в район проведения СВО для выполнения соответствующих боевых и специальных задач.

Исходя из этого, полагаем, что военнослужащие любого военного ведомства должны иметь право на освобождение от уголовной ответственности при наступлении условий, определенных в ст. 78.1 УК РФ, в случае направления их на СВО.

Таким образом, на наш взгляд, рассмотренные положения УК РФ в действующей редакции могут ограничивать права военнослужащих других ведомств на освобождение от уголовной ответственности при выполнении ими задач в районе проведения СВО и наступления иных условий, предусмотренных УК РФ. Полагаем, что необходимо внести соответствующие изменения в УК РФ. Уверены, что такие изменения исключат возможность наступления нарушения прав в отношении военнослужащих других военных ведомств.

Список источников

1. Грувер, Н.В., Землин А.И., Холиков И.В. Правовые проблемы и организационно-педагогические условия реализации интеграционного потенциала волонтерской деятельности в процессе подготовки специалистов в области юриспруденции. Москва: КноРус, 2021. 262 с.
2. Кауфман М.А. К вопросу об основании освобождения от уголовной ответственности // Журнал российского права. 2021. № 1. С. 143—156.
3. Кириченко Н.С., Александрова Н.Г., Богданов С.Л. Юридическая ответственность граждан, пребывающих в добровольческих формированиях // Военное право. 2024. № 1 (83). С. 49—54.
4. Кириченко Н.С., Александрова Н.Г. Новации уголовного законодательства, связанные с освобождением от уголовного наказания и ответственности в связи с призывом на военную службу в особых условиях // Военное право. 2024. № 3 (85). С. 175—179.
5. Корякин В.М. Правовое обеспечение специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины : Серия: Теория и история государства и права. Москва: Издательский дом «Юрлитинформ», 2025. 360 с. ISBN 978-5-605-22287-3. EDN KYVIBT
6. Корякин В.М. Социальные гарантии, предоставляемые участникам специальной военной операции : учебник и практикум. Москва: РУСАЙНС, 2024. 294 с. ISBN 978-5-466-07130-6. EDN: POZSSN.
6. Кудашкин А.В., Безбабнов О.Г. Вооруженные конфликты и право: еще раз возвращаясь к терминологии // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 7 (312). С. 2—11.
7. Лобанова Л.В. Развитие института освобождения от уголовной ответственности и презумпция невиновности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2016. Т. 15. № 4 (33). С. 206—211.
8. Павлова Е.В., Власова С.А. Административно-правовой статус участников специальной военной операции // Государственная служба и кадры. 2023. № 1. С. 88—90.
9. Харитонов С.С., Раков А.В. К вопросу квалификации преступлений: некоторые аспекты с позиции военных судов // Военное право. 2023. № 1 (77). С. 188—193.

On some issues of exemption from criminal liability in connection with conscription during mobilization or during wartime

© **Alexandrova N.G.**,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Personnel, Legal and Psychological Support at the Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia Of the Russian Federation

© **Votchenko I.A.**,

PhD in Law, Associate Professor, Professor of the Department of Personnel, Legal and Psychological Support at the Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia

Abstract. Since the beginning of the special military operation by the Russian Federation (hereinafter referred to as the SVO), a large number of legislative and other regulatory legal acts have been adopted aimed at regulating various legal relations. Such changes have also been made to the Criminal Code of the Russian Federation in terms of exempting participants from criminal liability in connection with conscription during mobilization or during wartime. At the same time, according to the authors, when introducing such a rule in the Criminal Code of the Russian Federation, not all issues have been resolved, which requires clarifying them by making appropriate changes. This article examines such gaps and suggests ways to eliminate them.

Keywords. military service, special military operation, mobilization, wartime, exemption from criminal liability, criminal liability.

For citation: Alexandrova N.G., Vovchenko I.A. On some issues of exemption from criminal liability in connection with conscription during mobilization or during wartime // Military law. 2025. No. 3. pp. 129-133.

The article was received by the editorial office on April 24, 2025.

Причины и условия, способствующие должностной и коррупционной преступности в военной среде

© Глухов Евгений Александрович,
кандидат юридических наук, доцент.
Российская таможенная академия (Санкт-Петербургский филиал); Северо-Западный институт управления РАНХиГС

Аннотация. В статье анализируются причины возникновения должностной и коррупционной преступности в условиях прохождения военной службы, выявляются современные тенденции должностных правонарушений, совершаемых по формуле «ты — мне, я — тебе». На основе социологических опросов и психологических исследований формулируются криминологические черты личности коррупционера из числа воинских начальников, указываются характерные сферы коррупционной преступности в военной среде. Делается акцент на специфические воинские правоотношения, детерминирующие возникновение должностных и коррупционных правонарушений.

Ключевые слова: орган военного управления, командир, коррупция, должностная преступность, зависимость от начальника, социальные права, степень подчиненности, профессиональная деформация, прозрачность правоотношений, бюрократизм.

Для цитирования: Глухов Е.А. Причины и условия, способствующие должностной и коррупционной преступности в военной среде // Военное право. 2025. № 3. С. 134—146.

Статья поступила в редакцию 19 апреля 2025 г.

Человек не свободен от внешних условий, но он свободен занять свою личную позицию по отношению к ним. ... Вы можете лишиться всего в жизни, кроме одного — свободы выбирать реакцию на происходящее.

В. Франкл

Преступления, совершаемые воинскими начальниками с использованием своего должностного положения, наносят вред не только авторитету государственной власти, экономике страны, но и разлагают корпоративную воинскую культуру, понятие офицерской чести, бьют по сильно зависимым от своих командиров подчиненным, тем самым снижая престижность воинского труда.

Должностные и коррупционные преступления взаимосвязаны между собой и соотносятся как общее и частное, с той разницей, что коррупционные преступления имеют целью извлечение личной выгоды, причем не обязательно в денежном

выражении. Понятие «должностные преступления» является уголовно-правовым, оно наполнено нормами гл. 30 УК РФ, а понятие «коррупционные преступления» является скорее криминологическим, сборным понятием и состоит из ряда однородных преступлений, которые размещены в разных главах и разделах УК РФ, имеющих различный объект преступлений, но общие уголовно-правовые признаки, такие как дополнительный объект преступления — авторитет органов власти и управления, специальный субъект преступления и корыстный мотив совершения преступления¹.

¹ Кашкаров А.А. О соотношении понятий «должностное» и «коррупционное» преступление //

Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 2. С. 45—49.

Я.Н. Ермолович, анализируя состояние преступности в военных организациях, пришел к выводу, что должностные преступления в среднем составляют около 33 % в структуре преступности офицеров. В первую очередь это злоупотребление служебными полномочиями и превышение должностных полномочий¹.

По мнению члена Совета по правам человека при Президенте Российской Федерации К. Кабанова в современных условиях (в 2025 г.) число должностных лиц, вовлеченных в коррупционные схемы, увеличилось, в том числе в связи с проведением специальной военной операции².

К типовым коррупционным проявлениям, имеющим место в современных Вооруженных Силах России, можно отнести взяточничество, хищение имущества (мошенничество, присвоение и растрата), а также злоупотребление служебными полномочиями, покровительство при получении т.н. «боевых выплат», назначение на высшую должность или поступление в учебные заведения, помощь в увольнении с военной службы, а также оказание услуг по схеме «ты — мне, я — тебе». В юридической литературе указывается, что сегодня взятка ради «спасения» сына от армии считается обычным делом, социальной нормой. Подарки лечащему врачу в военно-медицинском учреждении для лучшего лечения даже приветствуются³.

Поскольку коррупция обусловлена, главным образом, стяжательством и своекорыстным интересом должностных лиц, то вполне естественно, что в такой сфере правоотношений, как государственные закупки, где протекают миллиардные

суммы бюджетных денежных средств, данное явление также приживается. Спецификой коррупционных отношений в сфере закупок в военных организациях является такое административное правонарушение, как ограничение конкуренции всеми возможными способами: укрупнение контрактов, предполагающее объединение нескольких лотов в один, где целью является недопущение к участию в закупках поставщиков, не располагающих достаточным количеством средств для исполнения такого контракта⁴, умышленное искажение содержания конкурсной документации, в том числе технического свойства, заключающееся в указании неконкретных параметров или же в возможности неоднозначного толкования сведений, содержащихся в документации о закупке⁵.

По поводу должностной преступности в армии бывший Главный военный прокурор С.Н. Фридинский отметил: «Командиры различных степеней без зазрения совести собирают с подчиненных деньги за продвижение по службе, за предоставление отпусков, увольнений, берут "откаты" за выплату положенных видов довольствия и даже "боевых выплат"»⁶. Сказано это было более 15 лет назад, сегодня мало что изменилось, более того, по ряду показателей коррупционная преступность в армии демонстрирует явный рост.

Ниже проанализируем основные факторы распространенности и живучести коррупционной преступности со стороны воинских должностных лиц.

В соответствии с п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ должностными признаются

¹ Ермолович Я.Н. Динамика офицерской преступности характеризуется ростом (анализ статистических сведений о судимости офицеров Вооруженных Сил Российской Федерации с 2000 по 2015 гг.) // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. 2017. № 1. С. 74—82.

² Кабанов К. Коррупция как болезнь»: в СПЧ объяснили увеличение числа чиновников-воров // Информационный портал News.ru 17 апреля 2025 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://news.ru/russia/korrupciya-kak-bolezn-v-spch-obyasnili-uvvelichenie-chisla-chinovnikov-vorov/> (дата обращения: 17.04.2025).

³ Путинцева Д.А. Причины коррупции в рядах военнослужащих. Пермь: Пермский институт ФСИН, 2021.

⁴ Петухов А.Л. Антикоррупционная образовательная среда: теория и практика // *Антикоррупционная политика в сфере государственных и муниципальных закупок*. Саранск, 2020. С. 176—198.

⁵ Казак А.И. К вопросу о противодействии коррупции в полиции и войсках национальной гвардии Российской Федерации // *Вестник Дальневосточного юридического института МВД России*. 2022. № 2. С. 18—24.

⁶ Денисов В. Коррупция — скрытый враг // *Красная звезда*. 2008. 7 ноября.

лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации.

Но не всякое должностное лицо, отвечающее рассмотренным выше признакам, можно рассматривать в качестве потенциального субъекта противоправных деяний коррупционной направленности. В качестве факторов, обуславливающих противоправное поведение должностных лиц, выступают, с одной стороны, личностные качества соответствующего гражданина (склонность к стяжательству, карьеризму, правовой нигилизм, нечестность и т.п.), а с другой стороны — те потенциальные возможности, которые проистекают из его полномочий по занимаемой должности. Сущностным в понятии воинского должностного лица является не столько сам факт замещения военнотружущим какой-либо должности, а характер (содержание) выполняемых им функций и предоставленных ему в связи с этим полномочий¹.

Общим для воинских должностных лиц является наличие у них управленческих (административных) функций. В административном праве под управлением понимается деятельность исполнительно-распорядительного характера. Направлением этой деятельности принято считать исполнение, т.е. проведение в жизнь зако-

нов и подзаконных актов. В качестве средства достижения этой цели выступает распоряжительность, т.е. использование необходимых юридически властных полномочий, заключающихся в праве отдавать обязательные для исполнения приказы. Это значит, что одной стороне предоставлен административно-правовыми нормами определенный объем юридически властных полномочий, адресуемых другой стороне. Последняя обязана подчиняться предписаниям (запретам), исходящим от носителя распорядительных прав. По существу, речь идет о властеотношениях (в широком смысле этого слова). Осуществление управленческой деятельности обязательно предполагает и совершение юридически значимых действий, вытекающих из служебной компетенции².

Преступления по должности, помимо специального субъекта (должностного лица), объединяет и то, что они совершаются с использованием тех полномочий и (или) тех возможностей, которые дает лицу именно служба, их преступные деяния так или иначе связаны с именем государственной или муниципальной структуры, существующим аппаратом управления³.

Преступления по должности, помимо специального субъекта (должностного лица), объединяет и то, что они совершаются с использованием тех полномочий и (или) тех возможностей, которые дает лицу именно служба, их преступные деяния так или иначе связаны с именем государственной или муниципальной структуры, существующим аппаратом управления⁴. По мнению экспертов, латентность должностных преступлений превышает 90 %⁵. Опросы оперативных работников

¹ Фирсов И.В. К вопросу определения понятия «должностное лицо федерального органа исполнительной власти, в котором законом предусмотрена военная служба» // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2007. № 6. С. 65.

² Зателепин О.К. Квалификация преступлений против военной безопасности государства: монография. М., 2009; Правовые основы противодействия коррупции : учебник и практикум для бакалавриата и специалитета / А.И. Землин, О.М. Землина, В.М. Корякин, В.В. Козлов; под общ. ред. А.И. Землина. М.: Издательство Юрайт, 2019.

³ Лебедев В.М. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 2012. С. 1054.

⁴ Волков К.А. Уголовно-правовые аспекты обеспечения национальной безопасности России // Обеспечение национальной безопасности — приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной политики : Материалы XI Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая — 1 июня 2018 г. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 47.

⁵ Криминология : учебник для вузов / Под ред. В.Д. Малкова. М.: Юстицинформ, 2016.

также показывают, что из десяти совершенных служебных (должностных) преступлений выявляется и регистрируется лишь одно; из десяти принятых к расследованию уголовных дел в суд отправляется лишь одно, а остальные производством прекращаются по различным основаниям¹.

Власть развращает человека, а соединенная с безнаказанностью власть способна проявить в человеке самые эгоистические и отрицательные качества. Поведение человека может рассматриваться как результат рационального выбора между возможными потерями (наказаниями) и выгодами. С.В. Максимов, применяя математические методы расчета риска при принятии решения о вступлении в коррупционную связь, приводит следующие данные: «Из 1 462 000 чиновников, чьи должности отнесены к коррупционнoемким, число выявленных получателей взяток составило 1 983 чел., т.е. возможности реально функционирующей системы юстиции позволяют привлечь к ответственности лишь 0,14 процента потенциальных преступников-чиновников. При таком низком риске быть привлечённым к ответственности даже небольшой выигрыш, который получает взяточполучатель, всегда превышает ничтожный риск уголовных санкций»². Латентность коррупционной преступности также обусловлена еще и тем, что в преступной цепочке отсутствует заинтересованность в раскрытии с обеих сторон (как со стороны взяткодателя, так и со стороны взяточполучателя).

Таким образом, отсутствие действенной угрозы наказания повышает риск возникновения коррупционного поведения чиновника и вступления его в различного рода коррупционные сделки. Следовательно, существует прямая зависимость сдерживания криминального поведения от вероятности его обнаружения и от ха-

рактера налагаемых санкций при привлечении правонарушителя к юридической ответственности.

Очень редко публичное лицо может извлечь незаконную выгоду из своего должностного положения, действуя изолированно, не вовлекая в свою противоправную деятельность других участников. Хотя и такие противоправные деяния имеют место (например, присвоения, растраты, мошенничество с использованием должностного положения). Однако гораздо чаще в основе должностной преступности лежит незаконная двусторонняя сделка (в нее вовлечены, как минимум, две стороны: тот, кто подкупает, и тот, кто, будучи подкуплен, действует вразрез со своими служебным долгом). В результате такого рода сделки лицо, находящееся на государственной службе, нелегально «продает» свои служебные полномочия или услуги, основанные на авторитете должности, власти и связанных с ней возможностей, а «покупатель» получает шанс использовать государственную структуру в своих целях: для обогащения, оформления привилегий, ухода от предусмотренной законом ответственности, общественного контроля и т.п.³

Психология учит нас, что движущим фактором человеческой деятельности является стремление к удовлетворению возникших потребностей. Возможность достижения поставленной цели определяется местом индивида в системе общественного производства. При этом если общество не создает условия для удовлетворения человеческих потребностей правомерным путем, то люди будут пытаться обеспечить свои интересы противоправным способом. Основным мотивом совершения коррупционного преступления является корысть. Должностное лицо удовлетворяет собственный корыстный интерес, нанося ущерб государству, обществу и отдельным гражданам⁴.

¹ Александров И.В. Некоторые аспекты криминалистической характеристики современных служебных (должностных) преступлений // Законодательство. 2018. № 10. С. 74—85.

² Максимов С.В. Коррупция. Закон. Ответственность. М.: ЗАО «ЮрИнфоР», 2008. С. 33, 34.

³ Ипполитов К.Х., Макаров В.Б. Понятие и источники коррупции // Следователь. 2008. № 5. С. 26.

⁴ Мацкевич И.М. Причины экономической преступности : учебное пособие. М.: Проспект. 2023.

В качестве обязательного мотива таких преступлений, как взяточничество, мошенничество с использованием служебного положения, присвоение или растрата, которые чаще всего встречаются в судебной практике, выступает корыстная или иная личная заинтересованность. Последняя обусловлена стремлением извлечь выгоду неимущественного характера из различных побуждений: карьеризма, протекционизма, избегания дисциплинарной ответственности, получения поддержки со стороны влиятельных лиц и т.п.¹ Интересно отметить, что по данным проведенных некоторыми авторами исследований, примерно 30 % служебных (должностных) преступлений совершаются именно из иной личной заинтересованности².

Под иной личной заинтересованностью Верховный Суд Российской Федерации предлагает понимать стремление должностного лица извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленное такими побуждениями, как карьеризм, семейственность, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса, скрыть свою некомпетентность и т.п.³ Полагаю, что побудительным мотивам получения выгод неимущественного характера кроме указанных выше также можно отнести желание должностного лица уклониться от привлечения к юридической ответственности при наличии фактических оснований быть привлеченным к ней, решение вопросов по формуле «ты — мне, я — тебе», получение льгот и преимуществ родственниками должностного лица по месту их работы и учебы. Также иная личная заинтересованность может быть вызвана низменными чувствами, такими как месть и зависть.

¹ Александров А.В. Указ. соч.

² Фролова Е.Ю. Методика расследования коррупционной деятельности в правоохранительных и судебных органах : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. С. 11.

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении

Естественно, что все вышеуказанные обстоятельства становятся не непосредственными причинами коррупционных правонарушений, а способствующими им условиями в случае ненадлежащего урегулирования должностным лицом возникшего конфликта интересов.

Более подробно остановимся на детерминантах именно воинской должностной преступности.

Напомним, что воинские формирования и штатные должности в них строятся по иерархическому принципу, где беспрекословность повиновения и запрет любой критики, даже обсуждения приказа возведены в ранг правовых запретов с весьма строгими санкциями за их нарушение. Жизнедеятельность в такой атмосфере предполагает гораздо более высокую степень послушания подчиненных военнослужащих, при котором их принципиальность и активное противление должностным преступлениям стоящих над ними воинских должностных лиц значительно снижены.

Готовность многих военнослужащих добровольно дать взятку, преподнести подарок, терпимость к нечестным доходам сослуживцев, отсутствие моральных барьеров, даже гордость по поводу умения «дать на лапу» кому следует, быстро понять, кому, сколько, в какой кабинет нужно занести, чтобы получить вожаделенные блага, — все это поддерживает систему коррупционных отношений и доводит ее до такого состояния, когда у людей уже нет выбора поступать иначе. Честность при таких условиях становится неконкурентоспособной, а принципиальность — убыточной⁴.

В таком полукриминальном окружении даже честные люди вынуждены либо постепенно «перенимать правила игры» и

должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий».

⁴ Неизвестных П.А., Щукин А.В. Противодействие коррупции в Вооруженных Силах Российской Федерации — задача общая // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2010. № 4. С. 2—3.

также становиться на путь коррупционеров, либо они выдавливаются из системы.

Профессор В.М. Корякин так описывает возникновение коррупционных отношений на бытовом уровне в военной среде: «С одной стороны, имеется воинское должностное лицо, обладающее административным ресурсом, возможностями оказать ту или иную услугу. В силу отрицательных морально-нравственных качеств (алчность, нечестность и т.п.) данное лицо начинает искать покупателя имеющегося в его распоряжении ресурса и возможностей. С другой стороны, есть военнослужащий, так же не имеющий высоких моральных качеств, готовый за определённую плату приобрести у должностного лица то или иное значимое для себя благо, ту или иную услугу (вышестоящую должность, путёвку в санаторий, квартиру, государственную награду и т.п.). Своекорыстный интерес этих двух лиц совпадает и между ними возникает коррупционная связь»¹.

В то же время нередко при совершении превышения полномочий или злоупотребления полномочиями указанная мотивация проявляется не столь прямолинейно. Порой она хорошо завуалирована и по времени отсрочена. В этих случаях действия субъекта преступления совершаются, как принято говорить, исключительно по знакомству. Потому они внешне выглядят совершенно бескорыстными («ты окажи мне услугу по своей должности, а я, если понадобится, окажу услугу тебе»). Однако, в конечном счете, глубинная мотивация большинства коррупционеров сводится все к тем же корыстным или иным личным интересам правонарушителя². Однако в качестве мотивов коррупционного поведения должностного лица нельзя сбрасывать со счетов и его потребность в самоутверждении, карьерном

росте, повышении собственной значимости и авторитета.

В отсутствие движения денежных средств как предмета взятки правоохранительным органам, конечно, гораздо труднее доказывать наличие преступления в подобных коррупционных схемах, но трудность процесса доказывания и пробелы законодательства не отменяют самой криминальной сути фаворитизма, nepotизма и системы личных неформальных связей³ в сфере публичной службы.

Такого рода отношения складываются в своего рода «теневого кодекса», и чиновники подчиняются правилам этого неписанного кодекса поведения, отдавая ему предпочтение перед формальными законами и регламентами. «Теневого кодекса» вводит в норму неформальные связи, взятки, круговую поруку, личную преданность своему протезе⁴, считает их не только реальным, но и необходимым элементом повседневной жизни. По этим правилам любое действие наделенного властью принимать решения должностного лица требует вознаграждения⁵.

При этом важное значение для объяснения терпимости общественного сознания к мздоимству и лихоимству имеет психологическая склонность любого человека к оправданию совершаемых им противоправных или сомнительных с точки зрения морали действий. Коррупционер подсознательно находит оправдание своим поступкам, в том числе используя типовые клише: «все так делают», «почему бы и не воспользоваться подвернувшейся возможностью?», «на моем месте так поступил бы каждый» и т.п.

Думаю, что командир воинской части, незаконно предоставивший свою служебную машину супруге для ее поездки по личным делам, также удивится, если его

¹ Корякин В.М. Коррупция в Вооруженных Силах: теория и практика противодействия. М., 2009. С. 85.

² Александров И.В. Служебные (должностные) преступления. Основы расследования : учебное пособие. М.: Юрайт. 2018. С. 14.

³ Глухов Е.А., Корякин В.М. Nepotизм как форма проявления коррупции в системе военной службы

// Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2016. № 5. С. 2—10.

⁴ Ведяшкин С.В., Глухов Е.А. Патрон-клиентские отношения в системе органов публичной власти // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 47. С. 35—57.

⁵ Кирпичников А.И. Коррупция в России. СПб., 2004. С. 236—237.

за это сочтут коррупционером. Его сознание также деформировано окружающей обстановкой, отсутствием критики и менталитетом равного уровня руководителей. Ведь с точки зрения многих воинских руководителей в данном примере нет ничего зазорного, никакого правонарушения, это стандартная практика¹.

Данные социологических исследований также подтверждают позицию о деформации менталитета государственных чиновников в сторону от скромности. Так, 24 процента опрошенных осужденных взяточполучателей не сожалеют о совершенном преступлении, т.к. «на занимаемой должности работать по-другому было просто нельзя», 32 процента считают, что в современных условиях «не брать и не давать невозможно»².

Опасной тенденцией настоящего времени является даже не то, что происходит увеличение размера ущерба от коррупционных правонарушений, а то, что сами участники коррупционных схем и многие окружающие не расценивают такого рода деяния как постыдные и неприемлемые. Более того, коррупция и корпоративные правила поведения в среде коррупционеров сами по себе порождают порчу нравов должностных лиц, выступающих в своих личных интересах, но якобы от лица государства.

Спецификой жизнедеятельности военнослужащих является и то, что в отличие от большинства граждан, реализация их социальных гарантий возложена, главным образом, на их же командиров (начальников) и на органы военного управления³. Получается, за реализацией своего субъективного права (на жилище, на получение компенсации за найм жилья,

на оформление регистрации по месту жительства при воинской части, на санаторное лечение и т.п.) военнослужащий должен обращаться к своему же командиру (начальнику), с которым он взаимодействует и по вопросам исполнения своих функциональных обязанностей, соответственно, это руководство уже имеет некоторую оценку, симпатию или антипатию к обратившемуся. Субъективизм и довольно бюрократичный процессуальный порядок оформления документов для реализации социальных прав военнослужащего позволяют командирам (начальникам) использовать данный механизм как своеобразный рычаг воздействия на подчиненного. Сходная тенденция наблюдается и в вопросе дисциплинарных поощрений и взысканий военнослужащих⁴.

Общевоинские уставы наделяют командиров (начальников) гораздо большим объемом власти по отношению к подчиненным, нежели у руководителей т.н. «гражданских организаций», а также правом не обосновывать принятые в отношении подчиненных решения и приказы. Военнослужащий обязан беспрекословно выполнять приказы начальника (ст. 34 УВС ВС РФ), в т.ч. в любое время суток, вне зависимости от необходимости приступить к его исполнению в выходной или праздничный день. Согласие или несогласие подчиненного с полученным приказом никоим образом не влияет на обязательность его выполнения. Обсуждение и критика приказа воинского начальника со стороны подчиненного военнослужащего также недопустимы⁵.

Подчиненный не может даже уволиться по своему желанию с целью уклониться от исполнения приказа, поскольку

¹ Глухов Е.А. Право и неформальные регуляторы поведения в военной среде // Вестник Академии права и управления. 2020. № 2. С. 32—37.

² Цит. по Антонов А.Г., Зорина Е.А. Правовое регулирование борьбы с коррупцией. СПб, 2022.

³ Глухов Е.А. Военнослужащих забыли включить в систему предоставления государственных услуг при реализации их социальных прав // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2017. № 10. С. 103—112.

⁴ Зорин О.Л. Коррупционные факторы применения поощрений в отношении военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах—военно-правовое обозрение. 2009. № 11(149). С. 59—62.

⁵ Глухов Е.А. Влияние критики и обсуждения приказа на результативность военного управления // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2017. № 12. С. 94—103.

процесс увольнения по собственному желанию, несмотря на такое его наименование, целиком и полностью – прерогатива командования¹.

Принцип единоначалия тесно переплетен с принципом повышенной юридической ответственности военнослужащих по сравнению с работниками в ракурсе трудовых отношений. Действие данного принципа можно проследить по двум направлениям: а) более строгие санкции за правонарушения по сравнению с гражданскими лицами, б) введение запретов и ограничений именно для военнослужащих, за нарушение которых возможно привлечение к ответственности только военнослужащих².

Огромный объем властных полномочий воинских начальников в совокупности с широчайшим спектром правоотношений в области социальных гарантий, на который они могут влиять, служит дополнительным фактором зарождения угодничания и системы подношений «снизу вверх»³, а также вполне обоснованной причиной опасения «выноса сора из избы». Ведь даже если по информации подчиненного его командир действительно будет наказан, информация о его должностных правонарушениях подтвердится, то все равно с большой долей вероятности такой информатор в будущем сам будет вынужден либо уволиться, либо выступать в роли «мальчика для битья» ввиду негативного к нему отношения со

стороны сослуживцев наказанного командира (или самого наказанного командира).

В качестве примера можно привести достаточно резонансный случай с оглаской старшим лейтенантом И. Сулимом поборов со стороны командования липецкого авиацентра Вооруженных Сил. Сулим честно публично рассказал о системе поборов среди офицерского состава, за что был сначала отстранен от полетов, а затем уволен с военной службы. Комиссия Главкомата ВВС собрала с сослуживцев офицера рапорты о том, что никаких поборов не было. Впоследствии следователи доказали наличие «откатной системы» в авиацентре и правоту сообщившего об этом офицера⁴.

Следует также согласиться с мнением Г.Э. Бахтадзе в том, что в армии рычаги управления всей системой прохождения военной службы (карьерный рост, присвоения очередных и внеочередных воинских званий, поощрений и наказаний, материального и морального стимулирования, обеспечения военнослужащих и членов их семей жильем и т.п.) сосредоточены в руках прямых их командиров и начальников. Возможность лишиться их (или тех, кто придет им на смену) благоволения, как правило, «отрезвляюще» действует на военнослужащих и значительно минимизирует возможность их антикриминальных «выпадов» в отношении своих реальных или потенциальных «благодетелей»⁵. Так называемое «командирское усмотрение» зачастую просто зашкаливает⁶.

¹ Как разъяснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем Постановлении от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих» по собственному желанию военнослужащий может быть уволен лишь при положительном на то решении аттестационной комиссии при наличии у него уважительных причин. Под уважительными причинами понимаются обстоятельства, которые объективно не позволяют военнослужащему в полном объеме выполнять условия заключенного контракта. При этом поданный военнослужащим рапорт и соответствующее заключение аттестационной комиссии не являются безусловными основаниями для увольнения по собственному желанию, поскольку решение данного вопроса отнесено к полномочиям соответствующего воинского должностного лица.

² Глухов Е.А. Принципы военного права в сфере военного управления // Военное право. 2022. № 1. С. 71—82.

³ Глухов Е.А. Повышенная степень повиновения как специфический признак метода военного управления (правовой аспект) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 10. С. 2—13.

⁴ Независимая газета, 2011, 03 июня.

⁵ Бахтадзе Г.Э. Причины и условия должностной преступности военнослужащих в Российской Федерации // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2018. Т. 1. № 2. С. 133—142.

⁶ Корякин В.М. Усмотрение в деятельности командира // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2007. № 22. С. 7—12.

Принцип закрытости информации о деятельности военных организации и ее должностных лицах является очередным фактором, обуславливающим непрозрачность воинских правоотношений, трудность общественного контроля и латентность правонарушений в военной среде. Кроме собственно секретных сведений, законодатель ввел понятие «режим служебной тайны в области обороны»¹. Запрещена военным служащим и оценка деятельности командования, разглашение любой информации, касающейся военной службы, в сети Интернет и в прессе (п. 1.1 ст. 7 Федерального закона «О статусе военнослужащих»)². С распадом СССР утратил силу и такой механизм предупреждения произвола командования как партийный контроль. Так и не принят специальный федеральный закон «О профессиональных союзах военнослужащих», в результате такие общественные объединения в войсках практически не функционируют.

Стоит честно признать, что в закрытой от общественного контроля военной среде зачастую складываются все предпосылки для возникновения мини-культы начальственной должности. Довольно высокий социальный статус с одной стороны и возможность жестокого наказания подчинённого за малейшее нарушение с другой стороны, заставляет военнослужащих выстраивать как можно более дружеские, неформальные отношения с начальником. Ведь за любую оплошность по службе начальник в ответ может не просто жестко наказать виновного, что уже само по себе влечет уменьшение размера денежного довольствия, но и в будущем негативно реагировать на любые просьбы данного подчиненного, в том числе и по социальным вопросам. Логичным следствием здесь является сверхлояльность, угодничанье, преданность конкретному руководителю в ущерб интересам военного дела,

карьерный рост некомпетентных и преданных сотрудников, перемещение по службе руководителя вместе со своей командой.

При таком аномальном подходе военная субординация превращается в слепое чинопочитание и готовность терпеть любые причуды начальства. Так, например, в одной из военных организаций ее руководитель под эгидой повышения уровня воинской дисциплины запретил пересечение контрольно-пропускного пункта военного вуза военнослужащим в служебное время. То есть пройти или выйти на территорию (с территории) военной организации можно было лишь до 8 часов 30 минут, выйти с нее - после 17 часов 30 минут либо в обеденный перерыв, в остальное время двери КПП были закрыты на замок и открывались лишь по указанию дежурного по части. Дежурный же, в свою очередь, был проинструктирован не допускать самовольного выхода военнослужащих, в том числе и офицеров. Тем самым были нарушены требования ст. 292, 295 УВС ВС РФ, попраны права командиров подразделений на самостоятельное предоставление подчиненным времени отдыха, для решения внезапных вопросов военнослужащие были вынуждены проходить долгий и бюрократический путь согласования своего выхода с места службы даже на пять минут. Фактически военнослужащие были «посажены на цепь», но жалоб в правоохранительные органы от них не поступало ввиду банального опасения последующего их преследования за отстаивание своих прав.

Профессор И.Г. Яковенко указывает на исторические корни обозначенной проблемы. По его мнению, мы живём в стране с огромными традициями барства и холуйства. Старая советская формула «Я начальник — ты дурак, ты начальник — я дурак» никуда не исчезла и наносит большой вред делу. Как правило, европейский чиновник доносит вверх ту информацию,

¹ Федеральный закон от 11 июня 2021 г. № 172-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об обороне"».

² Глухов Е.А. О запрете военнослужащим распространять информацию, связанную с военной службой, в СМИ и сети Интернет // Гражданин и право. 2020. № 6. С. 63—71.

которая, прежде всего, правдива. Потому что он исходит из интересов Дела и своих обязанностей. Поэтому он может возразить начальнику, если уверен в своей правоте, и его правота подтверждается действительностью. По сути, это принцип «говорить правду выгодно». Наш же средний бюрократ доставляет «шефу» только такие сведения, за которые его похвалят. Ещё лучше, если похвалит еще и начальник начальника¹.

Деформация в социальной группе «подчиненный» в подобной системе управления предполагает пассивное восприятие любых нарушений прав человека, отказ от собственного мнения, критического мышления, рукоплескание любым идеям начальника, даже изначально глупым или незаконным.

С точки зрения морали, то, что именуется «социальной справедливостью», может как соответствовать праву, так и отрицать его². Коррупционеры в погонах, как было указано выше, большую часть служебного времени существуют в той атмосфере, в которой их криминальная деятельность не осуждается в кругу себе подобных. Лица же, вынужденные платить за решение личных вопросов, также оказываются в сравнительном выигрыше, т.к. получают вожаемое благо в обход существующего порядка.

О.В. Ванновская с точки зрения психологического подхода приходит к выводу о том, что отечественные чиновники, занимающие коррупциоземкие должности, находятся на определенной социально-психологической дистанции от декларируемых ими же общественных ценностей. Исходя из этого, автор объясняет нечувствительность коррупционеров к влиянию нравственных, профессиональных и юридических норм и ценностей, систематизирует большинство представлений о кор-

рупции посредством обращения к категории «отчуждение» как универсальном источнике преступного поведения³.

Поэтому очень трудно бороться с правонарушениями, объявляя противоправным то, что стало социальной нормой, что соответствует корпоративным правилам поведения. Так, дача взятки за получение долгожданной квартиры обычно оправдывается благим намерением военнослужащего обрести собственное жилище и заботой о членах своей семьи; подарки и подношения начальнику по любому самому пустяшному поводу — стремлением без проволочек и препонов воспользоваться положенными социальными гарантиями, например, временем отдыха за переработку. Этот список может быть продолжен бесконечно долго.

Кроме того, следует принимать во внимание русскую ментальность: испокон веков воровать у казны, за счет государственных ресурсов не считалось на Руси слишком зазорным (в отличие от воровства у конкретного человека). Государство-де не обеднеет от того, что его служители возьмут себе немного лишнего, это, мол, за тяготы и невзгоды государственной службы.

В этой связи можно говорить о теории «дурной компании» американского учёного Э. Сатерленда, согласно которой в механизме преступного поведения решающую роль играет подражание, преступное обучение, восприятие индивидом у социальной среды криминально окрашенных знаний, умений, привычек⁴.

По справедливому утверждению С.В. Максимова, «в атмосфере постоянной готовности к подкупу правовые запреты оказываются малоэффективны. Сговор подкупающего и подкупаемого предопределяет высокий уровень латентности и неуязвимости коррупции»⁵. Сказанное подтверждается практикой. Так, за

¹ Яковенко И.Г. Два мира — два мундира // Независимая газета. 2016. 27 дек.

² Нерсисянц В.С. Философия права. М.: Норма, 2005. С. 31.

³ Ванновская О. В. Психология коррупционного поведения государственных служащих : монография. М.: Юрайт, 2025.

⁴ Иншаков С.М. Зарубежная криминология. М., 1997. С. 178—180.

⁵ Максимов С.В. Коррупция. Закон. Ответственность. М., 2008. С. 52.

2021 г. командирами было выявлено всего одно коррупционное преступление, остальные — органами военной прокуратуры и ФСБ России¹.

Подводя итог, необходимо отметить следующее. К причинам и условиям возникновения должностной и коррупционной преступности обычно относят недостатки в режиме работы организаций, упущения в морально-воспитательной работе, недостатки в подборе и расстановке управленческих кадров. Все указанные причины и условия, способствующие возникновению коррупционных отношений, зачастую переплетаются между собой и получают негативный эффект в своей совокупности, проявляются в любой сфере быта чиновника, а не только в служебной.

Сложность обнаружения латентных должностных преступлений в военной среде, само служебное положение их субъектов, система неформальных связей и знакомств во властных, в том числе правоохранительных структурах, а также нежелание очевидцев вступать в конфликт с влиятельными людьми создают значительные трудности в борьбе с этим видом преступности. Однако трудно не согласиться с Д.В. Новокшеновым в том, что снизить уровень должностной преступности в войсках можно только путем устранения причин их возникновения и условий, способствующих их совершению². Причем импульс борьбы с коррупцией должен быть только сверху, от руководства государства и военных ведомств, поскольку иначе, т.е. по инициативе самих военнослужащих, зачастую просто вынужденных служить под руководством нечистых на руку командиров, указанную проблему решить невозможно в принципе.

Ответственность за должностные правонарушения должна быть не только неизбежной, но и соразмерной вреду, причи-

ненному личности, обществу и государству. «Важно и то, чтобы ответственность была реальной, и то, чтобы её "себестоимость" для виновного была выше "себестоимости" преступного поведения. Баланс приобретений и потерь при преступном поведении должен быть не в пользу приобретений»³.

В срезе проблемы данного исследования представляются весьма значимыми слова великого итальянца Ч. Беккариа о том, что «одно из самых действенных средств, сдерживающих преступления, заключается не в жестокости наказаний, а в их неизбежности. Уверенность в неизбежности хотя бы и умеренного наказания, произведёт всегда большее впечатление, чем страх перед другим, более жестким, но сопровождаемым надеждой на безнаказанность»⁴.

Список источников

1. Александров И.В. Некоторые аспекты криминалистической характеристики современных служебных (должностных) преступлений // Законодательство. 2018. № 10. С. 74—85.
2. Александров И.В. Служебные (должностные) преступления. Основы расследования : учебное пособие. Москва: Юрайт, 2018. 205 с.
3. Антонов А.Г., Зорина Е.А. Правовое регулирование борьбы с коррупцией. Санкт-Петербург, 2022. 176 с.
4. Бахтадзе Г.Э. Причины и условия должностной преступности военнослужащих в Российской Федерации // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2018. Т. 1, № 2. С. 133—142.
5. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. 464 с.
6. Ванновская О.В. Психология коррупционного поведения государственных служащих : монография. Москва: Юрайт, 2025. 251 с.
7. Ведяшкин С.В., Глухов Е.А. Патрон-клиентские отношения в системе органов публичной власти // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 47. С. 35—57.
8. Волков К.А. Уголовно-правовые аспекты обеспечения национальной безопасности России // Обеспечение национальной безопасности — приоритетное направление уголовно-правовой, крими-

¹ Сынков Н.В. Проблемные вопросы юридической ответственности военнослужащих за нарушение законодательства о противодействии коррупции // Военное право. 2022. № 6. С. 118—124.

² Новокшенов Д.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений против

порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений. Белгород: Эпицентр, 2017.

³ Криминология / Под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2005. С. 392.

⁴ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. С. 308—309.

нологической и уголовно-исполнительной политики : Материалы XI Российского Конгресса уголовного права. Москва: Юрлитинформ, 2018.

9. Глухов Е.А. Влияние критики и обсуждения приказа на результативность военного управления // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2017. № 12. С. 94—103.

10. Глухов Е.А. Военнослужащих забыли включить в систему предоставления государственных услуг при реализации их социальных прав // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2017. № 10. С. 103—112.

11. Глухов Е.А., Корякин В.М. Непотизм как форма проявления коррупции в системе военной службы // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2016. № 5. С. 2—10.

12. Глухов Е.А. О запрете военнослужащим распространять информацию, связанную с военной службой, в СМИ и сети Интернет // Гражданин и право. 2020. № 6. С. 63—71.

13. Глухов Е.А. Повышенная степень повиновения как специфический признак метода военного управления (правовой аспект) // Право в Вооруженных Силах—военно-правовое обозрение. 2022. № 10. С. 2—13.

14. Глухов Е.А. Принципы военного права в сфере военного управления // Военное право. 2022. № 1. С. 71—82.

15. Глухов Е.А. Право и неформальные регуляторы поведения в военной среде // Вестник Академии права и управления. 2020. № 2. С. 32—37.

16. Ермолович, Я.Н. Динамика офицерской преступности характеризуется ростом (анализ статистических сведений о судимости офицеров Вооруженных Сил Российской Федерации с 2000 по 2015 гг.) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2017. № 1(234). С. 74—82.

17. Зателепин О.К. Квалификация преступлений против военной безопасности государства : монография. Москва, 2009. 288 с.

18. Зорин О.Л. Коррупционные факторы применения поощрений в отношении военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2009. № 11. С. 59—62.

19. Ипполитов К.Х., Макаров В.Б. Понятие и источники коррупции // Следователь. 2008. № 5. С. 24—29.

20. Иншаков С.М. Зарубежная криминология. Москва, 1997. 383 с.

21. Казак А.И. К вопросу о противодействии коррупции в полиции и войсках национальной гвардии Российской Федерации // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2022. № 2(59). С. 18—24.

22. Кашкаров А.А. О соотношении понятий «должностное» и «коррупционное» преступление // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 2(32). С. 45—49.

23. Кирпичников А.И. Коррупция в России. Санкт-Петербург, 2004. 437 с.

24. Корякин В.М. Коррупция в Вооруженных Силах: теория и практика противодействия. Москва: За права военнослужащих, 2009. 336 с.

25. Корякин В.М. Усмотрение в деятельности командира // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2007. № 22. С. 7—12. EDN: ZHIAPZ

26. Криминология / Под общ. ред. А.И. Долговой. Москва, 2005. 912 с.

27. Криминология : учебник для вузов / Под ред. В.Д.Малкова. Москва: Юстицинформ, 2011. 544 с.

28. Лебедев В.М. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Москва, 2012.

29. Максимов С.В. Коррупция. Закон. Ответственность. Москва: ЮрИнфоР, 2008. 255 с.

30. Мацкевич И.М. Причины экономической преступности : учебное пособие. Москва: Проспект, 2023. 440 с.

31. Неизвестных П.А., Щукин А.В. Противодействие коррупции в Вооруженных Силах Российской Федерации — задача общая // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2010. № 4. С. 2—3.

32. Нерсесянц В.С. Философия права. Москва: Норма, 2005. 656 с.

33. Новокшенов Д.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений против порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений. Белгород: Эпицентр, 2017. 176 с.

34. Петухов А.Л. Антикоррупционная образовательная среда: теория и практика // Антикоррупционная политика в сфере государственных и муниципальных закупок. Саранск, 2020. С. 176—198.

35. Правовые основы противодействия коррупции : учебник и практикум для бакалавриата и специалитета / А.И. Землин, О.М. Землина, В.М. Корякин, В.В. Козлов; под общ. ред. А.И. Землина. Москва: Издательство Юрайт, 2019. 197 с. EDN: AVALAX

36. Путинцева Д.А. Причины коррупции в рядах военнослужащих. Пермь: Пермский институт ФСИН, 2021.

37. Сынков Н.В. Проблемные вопросы юридической ответственности военнослужащих за нарушение законодательства о противодействии коррупции // Военное право. 2022. № 6. С. 118—124.

38. Фирсов И.В. К вопросу определения понятия «должностное лицо федерального органа исполнительной власти, в котором законом предусмотрена военная служба» // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2007. № 6. С. 58—63.

39. Фролова Е.Ю. Методика расследования коррупционной деятельности в правоохранительных и судебных органах : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. 217 с.

Causes and conditions contributing to official and corrupt crime in the military environment

© **Glukhov E.A.**,

Russian Customs Academy (St. Petersburg branch); North-Western Institute of Management, RANHiGS, Candidate of Law, Associate Professor

Abstract. The article analyzes the causes of official and corruption crimes in the context of military service, identifies current trends in official offenses committed according to the formula "you – to me, I – to you." Based on sociological surveys and psychological research, criminological personality traits of a corrupt official from among military commanders are formulated, and characteristic areas of corruption in the military environment are indicated. The emphasis is placed on specific military legal relations that determine the occurrence of official and corruption offenses.

Keywords: military administration body, commander, corruption, official criminality, dependence on the boss, social rights, degree of subordination, professional deformation, transparency of legal relations, bureaucracy

For citation: Glukhov E.A. Causes and conditions contributing to Official and Corrupt Criminality in the Military Environment // Military Law. 2025. No. 3. pp. 134-146.

The article was received by the editorial office on April 19, 2025.

**Совершенствование уголовно-правовой охраны
несовершеннолетних (научно-практический
комментарий к Федеральному закону от 28 декабря
2024 г. № 514-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный
кодекс Российской Федерации»)**

© Ермолович Ярослав Николаевич,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права и
криминологии ФГКОУ ВО «Московская
академия Следственного комитета
Российской Федерации им. А.Я. Сухарева»

Аннотация. В статье анализируются последние изменения уголовного законодательства, согласно которым ст. ст. 150, 151 УК РФ были изложены в новой редакции, предусматривающей дифференциацию уголовной ответственности за преступления против семьи и несовершеннолетних. Автором выявляются положительные и отрицательные стороны изменений уголовного законодательства.

Ключевые слова: уголовное право, уголовная ответственность, преступления против семьи и несовершеннолетних, несовершеннолетние, вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий.

Для цитирования: Ермолович Я.Н. Совершенствование уголовно-правовой охраны несовершеннолетних (научно-практический комментарий к Федеральному закону от 28 декабря 2024 г. № 514-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации») // Военное право. 2025. № 3. С. 147—153.

Статья поступила в редакцию 18 марта 2025 г.

8 января 2025 г. вступил в законную силу Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 514-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», согласно которому были внесены изменения в ст. ст. 150 и 151 УК РФ, направленные на дифференциацию уголовной ответственности за предусмотренные ими преступления. Указанные статьи о вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления и вовлечении несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий были дополнены отягчающим признаком совершения преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), отнесенным к квалифицированному составу преступления. Соответственно части вторые этих статей разделены на два пункта, содержащих отдельные составы преступлений. Кроме того, была проведена пенализация наказания за данные преступ-

ления путем введения минимального размера наказания в виде лишения свободы на срок от трех лет, максимальный же размер наказания в виде лишения свободы (пять лет) не изменился как и категория преступления. Особо квалифицированные разновидности вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления и вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий, закрепленные в ч. ч. 3 ст. ст. 150 и 151 УК РФ, были дополнены отягчающими признаками совершения преступлений в отношении двух или более несовершеннолетних, а также в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста. Соответственно части третьи этих статей были разделены на три пункта, содержащих три особо квалифицированных состава преступления. Также проведена пенализация наказания за данные преступления. Так, в ч. 3 ст. 150 УК РФ минимальный и максимальный размеры наказания в виде лишения свободы

были увеличены соответственно с двух до четырех лет и с семи до девяти лет, при этом категория преступления не изменилась. Кроме того, было введено дополнительное наказание, назначаемое по усмотрению суда, — лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет. В ч. 4 ст. 150 УК РФ максимальный размер наказания в виде лишения свободы также был увеличен с восьми до десяти лет, при этом категория преступления не изменилась. В ч. 3 ст. 151 УК РФ минимальный и максимальный размеры наказания в виде лишения свободы были увеличены соответственно с двух до четырех лет и с шести до восьми лет, при этом категория преступления не изменилась. Кроме того, введено дополнительное наказание, назначаемое по усмотрению суда, — лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления по-прежнему наказывается более строго, чем вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий, ввиду большей общественной опасности первого из приведенных преступлений.

В пояснительной записке к проекту Федерального закона № 514-ФЗ, внесенного группой депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 12 июля 2024 г., отмечалось, что этот законопроект направлен на усиление уголовной ответственности лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), поскольку в современных реалиях такие деяния получают все более широкое распространение за счет отсутствия непосредственного контакта жертвы и преступника, анонимности и возможности охвата обширной аудитории несовершеннолетних.

Дети до четырнадцати лет в силу возраста более, чем старшие подростки, не способны в полной мере осознавать и оценивать характер совершаемых ими действий и в большей степени поддаются воздействию со стороны взрослых, ввиду чего совершение рассматриваемых преступлений в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, обладает повышенной общественной опасностью. В соответствии со сложившейся правоприменительной практикой как одно преступление (а не как совокупность преступлений) будет рассматриваться совершение противоправных действий в отношении нескольких несовершеннолетних, если такие действия осуществлены одновременно либо с незначительным разрывом во времени и охватывались единым умыслом лица, и при этом ни за одно из данных действий оно ранее не было осуждено¹.

Если с мотивировкой установления в качестве отягчающих признаков совершения преступления, в данном случае, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») и в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, можно согласиться, то аргументация установления в качестве отягчающего признака совершения преступления в отношении двух или более несовершеннолетних является очень спорной. В силу положений ч. 1 ст. 17 УК РФ, совершенные одновременно или в разное время преступления, предусмотренные п. «б» ч. 3 ст. 150 или п. «б» ч. 3 ст. 151 УК РФ, независимо от времени формирования умысла не образуют совокупности преступлений и подлежат квалификации соответственно п. «б» ч. 3 ст. 150 или п. «б» ч. 3 ст. 151 УК РФ, ввиду того, что в этих пунктах статей совершение двух или более преступлений предусмотрено в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание, при условии, что ранее лицо не было осуждено ни за одно из указанных

¹ См.: Проект Федерального закона № 670471-8 «О внесении изменений в статьи 150 и 151 Уголовного кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в

ГД ФС РФ, текст по состоянию на 12.07.2024). Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

преступлений¹. Таким образом, совершенные преступления в отношении двух несовершеннолетних будет квалифицированно так же как и совершение преступления в отношении любого числа потерпевших, не как совокупность преступлений, а как одно преступление. Соответственно максимальный размер наказания будет ограничен санкцией ч. 3 ст. 150 или ч. 3 ст. 151 УК РФ, т. е. будет составлять 8 или 9 лет лишения свободы, тогда как по совокупности преступлений максимальный срок лишения свободы составляет 25 лет (ч. 4 ст. 56, ст. 69 УК РФ). Поэтому введенная норма скорее является смягчением уголовно-правовой репрессии, а не ее усилением².

Совершение преступлений в отношении двух или более лиц признавалось в советской теории уголовного права разновидностью неоднократности и влекло за собой менее строгое наказание по соображениям гуманизма. Впоследствии этот подход был пересмотрен, поскольку рецидив, судимость и неоднократность, связанная с судимостью, используемые в целях усиления наказания при рецидиве преступлений, не только заменяли и дублировали друг друга, но и приводили к неоправданному ужесточению наказания, значительному усилению репрессивной направленности действовавшего тогда уголовного законодательства, что нарушало конституционные принципы справедливого и соразмерного наказания³. Ввиду этого неоднократность, т. е. совершение двух или более преступлений, предусмотренных одной

статьей или частью статьи УК РФ (ст. 16 УК РФ), была исключена из уголовного законодательства, а положения о совокупности преступлений были изменены и изложены в современном виде. Поэтому отягчающий признак совершения преступлений в отношении двух или более лиц встречается только в «старых» составах преступлений, которые не подвергались редакции с момента принятия УК РФ 1996 г., например, п. «б» ч. 2 ст. 335 УК РФ. Так что мнение авторов законопроекта в этой части ошибочно, как и отсылка к п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2023 г. № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации», поскольку в этих статьях нет отягчающего признака совершения преступления в отношении двух или более лиц, а в указанном пункте рассматривается другая ситуация совершения преступления с единым умыслом в отношении двух или более потерпевших, указанных в данных статьях, например, в отношении сотрудника правоохранительного органа и его близких.

Апеллирование авторами законопроекта к п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», в котором указывается

¹ Этой же позиции придерживается и Пленум Верховного Суда Российской Федерации. См., напр.: п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)».

² На это также указывалось в Официальном отзыве Правительства Российской Федерации от 16 мая 2024 г. № ДГ-П4-14328 «На проект федерального закона «О внесении изменений в статьи 150 и 151 Уголовного кодекса Российской Федерации», Заключение Правового управления Аппарата Государственной Думы от 16 сентября 2024 г. № вн2.2-1/3320 «На проект федерального закона № 670471-8 «О внесении изменений в статьи 150 и 151 Уголовного кодекса Российской Федерации», а также Заключение Комитета Государственной Думы по

государственному строительству и законодательству «На проект федерального закона № 670471-8 «О внесении изменений в статьи 150 и 151 Уголовного кодекса Российской Федерации».

³ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2003 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1—8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан».

на случаи, когда террористический акт повлек умышленное причинение смерти человеку (либо двум и более лицам) и содеянное в данном случае не требует дополнительной квалификации по ст. 105 УК РФ, также является некорректным. Эта правовая позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации неоднократно подвергалась справедливой критике¹, поскольку, во-первых, основана на старой редакции п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ, когда там указывалось только на умышленное причинение смерти человеку, во-вторых причинение смерти двум и более лицам в качестве квалифицирующего обстоятельства ст. 205 УК РФ не предусмотрено, в-третьих, квалификация причинения смерти двум или более лицам по п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ исключает возможность назначения наказания по совокупности преступлений (а с учетом положений ч. 5 ст. 56 УК РФ за совершение преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, максимальный срок лишения свободы по совокупности преступлений составляет тридцать лет, а по совокупности приговоров — тридцать пять лет), тем самым необоснованно смягчается уголовно-правовая репрессия. Позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам квалификации преступлений, в статьях о которых в качестве признака преступления указано «причинение тяжкого вреда здоровью человека» или «причинение смерти человеку» заключается в том, что такие деяния независимо от количества потерпевших охватываются одним составом преступления и не образуют совокупности². Обсуждение законности и обоснованности такой правовой позиции выходит за рамки настоящей статьи, однако следует отметить, что

применение этого подхода по аналогии недопустимо, а подобное расширительное толкование понятия «человек» сомнительно с позиций теории уголовного права.

Указание авторами законопроекта на правовую позицию Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации по конкретному уголовному делу также некорректно, поскольку в этом конкретном случае шла речь о вовлечении двух несовершеннолетних в совершение одного преступления, которое охватывалось единым умыслом виновного, поэтому суд пришел к выводу о том, что в данном случае вовлечение в совершение преступления не одного, а нескольких несовершеннолетних, по смыслу закона, не образует совокупности преступлений, предусмотренных ст. 150 УК РФ, и не может влечь за собой назначение наказания по совокупности этих преступлений³. Кроме того, приведенная правовая позиция по конкретному уголовному делу не обладает преюдицией и не может рассматриваться как общее правило или толкование уголовного закона. Более того в принятое позднее постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» это положение не вошло. Применение положений о продолжаемом преступлении в данном случае некорректно, поскольку речь идет не о нескольких тождественных преступных действиях, а о нескольких потерпевших.

Во 2-м чтении проект Федерального закона № 514-ФЗ был дополнен нормой о введении в ст. 238 УК РФ примечания, согласно которому действие этой статьи не

¹ См., напр.: Рарог А.И. Об обязательности разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 5. С. 104—112; Его же. Ошибка законодателя: виды, причины, пути исправления // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4. С. 95—103; Тьдыкова Н.В. Проблемы квалификации половых преступлений, совершенных в отношении двух или более несовершеннолетних // Уголовное право. 2024. № 1. С. 35—50 и др.

² См., напр., п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» (ред. от 25.06.2024).

³ См.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 12 ноября 2004 г. № 24-о04-5.

распространяется на случаи оказания медицинскими работниками медицинской помощи, которая без каких-либо изменений была принята вместе с Федеральным законом № 514-ФЗ. По этому поводу хотелось бы отметить, что указанные изменения никак не отражены в пояснительной записке, не имеют никакого отношения к уголовной ответственности несовершеннолетних и никак не обсуждались с Верховным Судом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации. Не возражая против содержания вновь введенного примечания к ст. 238 УК РФ, необходимо заметить, что дополнение существующего законопроекта новыми нормами, которые ранее не обсуждались и не предлагались авторами законопроекта, уже не первый раз встречается в законотворческой деятельности и превратилось в не очень хорошую тенденцию, которая может привести к негативным последствиям.

Переходя к анализу судебной практики и судебной статистики применения ст. ст. 150, 151 УК РФ, следует отметить, что за первое полугодие 2024 г. было осуждено 243 человека за совершение преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, в отношении 19 человек были вынесены оправдательные приговоры, в отношении 4 человек дела были прекращены в суде по реабилитирующим основаниям, в отношении 21 человека — по нереабилитирующим основаниям, 4 человекам были назначены принудительные меры медицинского характера¹, тогда как в 2024 г. зарегистрировано 957 преступлений, предусмотренных ст. 150 УК РФ, выявлено 447 лиц, совершивших это преступление². За первое полугодие 2024 г. было осуждено всего 78 человек за совершение преступления, предусмотренного ст. 151 УК РФ, в отношении 2 человек дела были прекращены в

суде по нереабилитирующим основаниям, 1 человеку были назначены принудительные меры медицинского характера, тогда как в 2024 г. зарегистрировано 194 преступления, предусмотренных ст. 151 УК РФ, и выявлено 140 лиц, совершивших это преступление.

В 2023 г. было осуждено 563 человека за совершение преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ (зарегистрировано 873 преступлений, выявлено 546 лиц, совершивших это преступление), в отношении 41 человека были вынесены оправдательные приговоры, в отношении 25 человек дела были прекращены в суде по реабилитирующим основаниям, в отношении 30 человек дела были прекращены в суде по нереабилитирующим основаниям, в отношении 5 человек были назначены принудительные меры медицинского характера. За 2023 г. было осуждено всего 175 человек за совершение преступления, предусмотренного ст. 151 УК РФ (зарегистрировано 245 преступлений, выявлено 198 лиц, совершивших это преступление), 4 человека были оправданы, в отношении 15 человек дела были прекращены в суде по нереабилитирующим основаниям, 5 человекам были назначены принудительные меры медицинского характера.

В 2022 г. было осуждено 648 человек за совершение преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ (зарегистрировано 1 010 преступлений, выявлено 696 лиц, совершивших это преступление), 44 человека было оправдано, в отношении 35 человек дела были прекращены в суде по реабилитирующим основаниям, в отношении 47 человек дела были прекращены в суде по нереабилитирующим основаниям, 14 человекам были назначены принудительные меры медицинского характера. За 2022 г.

¹ См.: Форма № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам» за 2020, 2021, 2022, 2023 г. г., 1-е полугодие 2024 г. [Электронный ресурс] // Данные судебной статистики / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 12.03.2025).

² См.: Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2020, 2021, 2022, 2023, 2024 г. г. (на основе сводного отчета формы федерального статистического наблюдения № 1-ЕГС) [Электронный ресурс] // Статистика и аналитика / Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 12.03.2025).

было осуждено всего 183 человека за совершение преступления, предусмотренного ст. 151 УК РФ (зарегистрировано 227 преступлений, выявлено 223 лица, совершивших это преступление), 5 человек были оправданы, в отношении 15 человек дела были прекращены в суде по нереабилитирующим основаниям, 6 человекам были назначены принудительные меры медицинского характера.

В 2021 г. было осуждено 697 человек за совершение преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ (зарегистрировано 1 169 преступлений, выявлено 789 лиц, совершивших это преступление), 36 человек были оправданы, в отношении 29 человек дела были прекращены в суде по реабилитирующим основаниям, в отношении 58 человек дела были прекращены в суде по нереабилитирующим основаниям, 4 человекам были назначены принудительные меры медицинского характера. За 2021 г. было осуждено всего 212 человек за совершение преступления, предусмотренного ст. 151 УК РФ (зарегистрировано 298 преступлений, выявлено 242 лица, совершивших это преступление), 4 человека были оправданы, в отношении 2 человек дела были прекращены в суде по реабилитирующим основаниям, в отношении 28 человек дела были прекращены в суде по нереабилитирующим основаниям, 4 человекам были назначены принудительные меры медицинского характера.

В 2020 г. был осужден 721 человек за совершение преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ (зарегистрировано 1 245 преступлений, выявлено 839 лиц, совершивших это преступление), 22 человека было оправдано, в отношении 37 человек дела были прекращены в суде по реабилитирующим основаниям, в отношении 105 человек дела были прекращены в суде по нереабилитирующим основаниям, 5 человекам были назначены принудительные меры медицинского характера. За 2021 г.

было осуждено всего 179 человек за совершение преступления, предусмотренного ст. 151 УК РФ (зарегистрировано 309 преступлений, выявлено 229 лиц, совершивших это преступление), 2 человека были оправданы, в отношении 43 человек дела были прекращены в суде по нереабилитирующим основаниям.

Количество преступлений, предусмотренных ст. ст. 150 и 151 УК РФ, уголовные дела о которых приостановлены в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого (п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ), составляло соответственно в 2020 г. 9 и 3, в 2021 г. — 16 и 1, в 2022 г. — 14 и 0, в 2023 г. — 45 и 1, в 2024 г. — 128 и 2¹. Из приведенной статистической отчетности следует, что, несмотря на огромный рост в последние два года количества приостановленных дел по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, преступления, предусмотренные ст. ст. 150, 151 УК РФ, характеризуется низкой латентностью, поскольку количество таких приостановленных уголовных дел исчисляется единицами и десятками, а количество осужденных практически совпадает с количеством выявленных лиц, совершивших это преступление. Рост же этого показателя по ст. 150 УК РФ за последние 2 года следует объяснять скорее всего совершением преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», во многих случаях анонимно, когда несовершеннолетние не знали лично и не видели преступника, вовлекшего их в совершение преступления, который опять же во многих случаях действовал из-за границы.

Обращает на себя внимание довольно существенная доля оправдательных приговоров и дел, прекращенных в суде по реабилитирующим основаниям, а также назначенных принудительных мер медицинского характера, по сравнению с дру-

¹ См.: Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2020, 2021, 2022, 2023, 2024 г. г. (на основе сводного отчета формы федерального статистического наблюдения № 1-ЕГС) [Электронный ресурс] // Статистика и аналитика /

Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 18.03.2025).

гими преступлениями. Уровень преступности по ст. ст. 150, 151 УК РФ имеет некоторую тенденцию к снижению за последние 5 лет. Все зарегистрированные преступления, предусмотренные ст. ст. 150, 151 УК РФ, и осужденные лица составляют менее 1 % от общего количества совершенных в России преступлений и осужденных лиц в отчетный период.

Подводя итог, следует отметить, что вновь введенные изменения уголовного законодательства, направленные на дифференциацию уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или совершение антиобщественных действий, не сильно отражаются на судебной практике и судебной статистике и даже могут повлечь некоторое снижение количества осужденных ввиду исключения совокупности преступлений

из-за введения отягчающего (или смягчающего) признака совершения преступления в отношении двух или более лиц. Какая-либо криминологическая необходимость или обоснованность дифференциации уголовной ответственности и пенализации наказаний за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или совершение антиобщественных действий не выявлена.

Список источников

1. Рарог А. И. Об обязательности разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 5. С. 104—112.
2. Рарог А. И. Ошибка законодателя: виды, причины, пути исправления // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4. С. 95—103.
3. Тыдыкова Н. В. Проблемы квалификации половых преступлений, совершенных в отношении двух или более несовершеннолетних // Уголовное право. 2024. № 1. С. 35—50.

Improving the criminal law protection of minors (scientific and practical commentary to the Federal Law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation" dated December 28, 2024 No. 514-FZ)

© Ermolovich Ya.N.,
Doctor of Legal Sciences, Professor of the
Department of Criminal Law and Criminology
Moscow Academy of the Investigative
Committee of the Russian Federation named
after A.Ya. Sukharev

Annotation. The article analyzes the latest changes in criminal legislation, according to which Articles 150, 151 of the Criminal Code of the Russian Federation were set out in a new version, providing for the differentiation of criminal liability for these crimes. The author identifies the positive and negative sides of changes in criminal legislation.

Keywords: criminal law, criminal liability, crimes against the family and minors, minors, involvement of a minor in the commission of a crime, involvement of a minor in the commission of antisocial acts.

For citation: Ermolovich Ya.N. Improving the Criminal Law Protection of Minors (Scientific and Practical Commentary to Federal Law No. 514-FZ dated December 28, 2024 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation") // Military Law. 2025. No. 3. pp. 147-153.

The article was received by the editorial office on March 18, 2025.

Сложные вопросы субъективной стороны «корыстного» убийства

© **Иванов Андрей Львович,**

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного права и
криминологии Московской академии
Следственного комитета Российской
Федерации имени А.Я. Сухарева

© **Ермолович Ярослав Николаевич,**

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права и
криминологии Московской академии
Следственного комитета Российской
Федерации имени А.Я. Сухарева

Аннотация. В статье рассматриваются возникающие в правоприменении вопросы, связанные с субъективной стороной преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Обозначена позиция Верховного Суда Российской Федерации по вопросам квалификации т.н. «корыстных» убийств, приведены материалы следственно-судебной практики, доктринальные взгляды и предложения, проанализированы квалификационные ошибки, связанные с неправильной юридической оценкой содеянного. Авторы приходят к мнению о необходимости периодического обобщения Верховным Судом Российской Федерации практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Ключевые слова: убийство, квалификация, мотив и цель, корыстные побуждения.

Для цитирования: Иванов В.Л., Ермолович Я.Н. Сложные вопросы субъективной стороны «корыстного» убийства // Военное право. 2025. № 3. С. 154—157.

Статья поступила в редакцию 14 апреля 2025 г.

Сложные вопросы квалификации преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ — убийство из корыстных побуждений или по найму, а равно сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом, достаточно часто становились предметом изучения и обсуждения в научном сообществе. Среди обсуждаемых вопросов субъективной стороны т.н. «корыстных» убийств, объединенных в одних части и пункте уголовно-правовой нормы, есть несколько наиболее актуальных и значимых для правоприменительной практики проблем, о чем свидетельствует анализ принимаемых следственными и судебными органами процессуальных решений. Это подтверждается также множественными запросами о правовой помощи, поступающими от следователей и криминалистов на занятиях по повышению их профессиональной квалификации.

Вопросы уголовно-правовой характеристики убийства, совершенного из корыстных побуждений или по найму, а равно сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом и его отграничение от смежных преступлений не остались и без внимания Верховного Суда Российской Федерации, обеспечивающего правильное и единообразное применение законодательства. Следует сразу обозначить, что авторы статьи к т.н. «корыстным» убийствам относят все виды убийств, указанные в п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, за исключением сопряженных с бандитизмом (мы согласны с мнением большинства ученых, которые не связывают цель бандитизма

исключительно с корыстью¹). Аналогичные цели, не обязательно связанные с корыстью, виновные преследуют и при совершении убийства, сопряженного с бандитизмом, из-за чего его нельзя отнести к только корыстным преступлениям.

Во многих практикообразующих документах высшего судебного органа содержится разъяснение понятия корыстных побуждений, в том числе применительно к убийству и другим преступлениям против личности. Например, Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» разъяснено, что при определении корыстных побуждений необходимо исходить из направленности умысла на получение материальной выгоды. Верховный Суд приводит и соответствующие примеры, указывая на получение денег, имущества или прав на их получение либо избавление от материальных затрат — возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств. Аналогичное пояснение дано в п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве», где указано, что корыстное убийство совершается в целях получения материальной выгоды для виновного или других лиц или избавления от материальных затрат.

Например, Т. признан виновным в умышленном причинении смерти Ч. из корыстных побуждений. Виновный взял взаймы у Ч. крупную денежную сумму.

Встретившись с последним через несколько лет, Т. отказался возвращать долг и нанес удары ножом потерпевшему, причинив смерть. Как указал Верховный Суд Российской Федерации, Т. законно и обоснованно признан виновным в совершении убийства Ч. из корыстных побуждений².

В доктрине корыстные побуждения связываются с мотивом и целью как признаками субъективной стороны преступления. Стоит указать, что в уголовном законе для обозначения мотива применяются и другие формулировки, например, «заинтересованность», «цель», «побуждения» и др. Всего в УК РФ связанные с мотивацией термины используются более 300 раз (с учетом повторений), при этом собственно слово «мотив» имеет лишь немногим более 40 упоминаний³. Как правильно отметил В.Н. Кудрявцев, в теории права общепринятого определения мотива нет⁴. В юридической психологии он определяется как «механизм внутреннего формирования образа действия, которое, проявившись вовне, дает объективный результат»⁵. А.Н. Попов, отвечая на вопрос, почему виновный совершает преступление, пишет, что «именно мотив является той движущей силой, которая толкает виновного на совершение преступления. Если имеются разные мотивы, значит, имеются и разные преступления. Особенно это касается убийств»⁶. Одной из проблем установления признаков субъективной стороны «корыстных» убийств стало то, что в практике при их квалификации нередко приходится делать выбор между несколькими выявленными в ходе расследования и судебного разбирательства мотивами (целями). При этом виновному, как правило, вменяется лишь один

¹ См. напр.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Особенная часть. Раздел IX (постатейный). Т. 3 / отв. ред. В.М. Лебедев. М.: «Юрайт», 2017. С. 37; Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / В.А. Блинников, А.В. Бриллиантов, О.А. Вагин и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. С. 59 и др.

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 12 ноября 2007 г. № 12-О07-22 // СПС «Консультант Плюс».

³ Иванов А.Л. Конкуренция мотивов и (или) целей при квалификации убийства двух или более лиц // Уголовное право. 2016. № 6. С. 2.

⁴ Кудрявцев В.Н. Борьба мотивов в преступном поведении. М., 2012, С. 48.

⁵ Еникеев М.И. Юридическая психология. М., 2004. С. 83.

⁶ Попов А.Н. Посягательство на жизнь двух и более лиц (пп. "а", "н" ч. 2 ст. 105 УК РФ). СПб., 2001. С. 11.

из них, т.н. основной или доминирующий. В правовой науке правило вменения основного мотива из нескольких выявленных в ходе расследования получило название правила конкуренции мотивов и (или) целей¹. Порядок взаимодействия различных поведенческих линий, в том числе и преступных мотивов, строится на основе открытого А.А. Ухтомским принципа доминанты² и является стержнем соответствующего правила квалификации преступлений против личности.

Правило квалификации конкуренции мотивов в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации в виде общей дефиниции отсутствует и приводится в них применительно к составам ряда преступлений, содержащим мотив (цель) в качестве обязательного признака субъективной стороны. Например, данное правило «адресно» сформулировано в п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» и п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»). Суды, руководствуясь разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации и корректируя изменяющуюся время от времени практику, исключают из обвинения виновных в совершении преступлений против личности неосновные (сопутствующие) мотивы или цели. Данное обстоятельство относится не в последнюю очередь и к т.н. «корыстным» убийствам, в которых корыстный мотив конкурирует с одним или несколькими другими мотивами (целями).

¹ См., напр.: Иванов А.Л. Конкуренция мотивов и (или) целей при квалификации убийства двух или более лиц // Уголовное право. 2016. № 6. С. 27—36; Кудрявцев В.Н. Борьба мотивов в преступном поведении. М., 2012; Толкаченко А.А. Мотив и цель воинских преступлений по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990; Иншаков С.М. Негативный опыт в мотивации преступного поведения военнослужащих : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990 и др.

Например, по делу в отношении Х.А. приговор изменен Верховным Судом Российской Федерации, из обвинения исключен п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Как указал суд, так как в ходе судебного следствия установлено, что основным мотивом преступных действий Х.А. был экстремистский, квалификация его действий, как совершенных «из корыстных побуждений» является неверной, и данный признак подлежит исключению из приговора³.

И в другом случае суд не согласился с вменением виновным корыстной мотивации, руководствуясь данным правилом и разъяснением высшей судебной инстанции. Двое братьев В. по «экстремистскому мотиву» решили убить человека неславянского происхождения, после чего завладеть его имуществом. Исполняя задуманное, они причинили смерть гражданину Республики Грузия Г., завладели его автомашиной и иным имуществом. Органом следствия действия братьев В. квалифицированы по п. «а», «ж», «з» и «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Иркутский областной суд исключил из обвинения квалифицирующий признак «сопряженное с разбоем», признав основным «мотив национальной ненависти» и расценив корыстную мотивацию как сопутствующую, лишь подталкивающую к совершению убийства⁴.

Учитывая разъяснения Верховного Суда Российской Федерации о необходимости выбора между корыстным и иными мотивами, следует все же признать, что следственно-судебной практике известны и факты отклонения от данного правила. Органы следствия и суды иногда квалифицируют убийство одного лица, одновременно вменяя корыстную мотивацию и иные мотивы (цели). Например, по делу в отношении Ш., который решил совершить

² Ухтомский А.А. Доминанта. Статьи разных лет. 1887—1939. СПб., 2002.

³ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 12 мая 2003 г. № 19/1-кп002-100 // СПС «Консультант Плюс».

⁴ Приговор Иркутского областного суда от 4 апреля 2012 г. по уголовному делу № 2-19/2012 // Архив Иркутского областного суда.

разбойное нападение и убить не всякого, а именно нерусского человека, орган следствия и суд выявили в его действиях корыстный мотив («сопряженное с разбоем») и мотив национальной ненависти и вражды, вменив одновременно соответствующие квалифицирующие признаки ч. 2 ст. 105 УК РФ. Верховный Суд Российской Федерации, рассматривая дело в порядке надзора, также согласился с квалификацией содеянного одновременно и по п. «з», и по п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ¹.

Практика знает и случаи, когда суды, нарушая требования п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», неправомерно квалифицируют одно и то же убийство, как совершенное из корыстных побуждений и с целью скрыть другое преступление. Так, по делу Г. Верховный Суд Российской Федерации признал верной квалификацию органа следствия и суда, которые определили деяние как убийство из корыстных побуждений, с целью скрыть другое преступление — похищение человека. Виновный совершил похищение малолетнего и причинил последнему смерть, а затем вымогал денежные средства у матери убитого, обещая возвратить похищенного².

Приведенные примеры отклонений от обсуждаемого правила квалификации в практике Верховного Суда Российской Федерации в какой-то степени согласуются с мнением некоторых ученых, которые, не усматривая в ряде убийств конкуренции, соглашались с вменением одновременно нескольких признаков ч. 2 ст. 105 УК РФ, содержащих разные мотивы (цели)³.

Анализируя сложные случаи квалификации корыстных убийств, не можем не упомянуть о практических случаях, когда в преступлении выявлены два мотива (цели), одни из которых свойственен т.н. «простому» убийству, другой же предусмотрен квалифицирующим признаком убийства, в том числе и корыстным. Приведенное правило применяется и в таких сложных для квалификации преступлений случаях: для разрешения конкуренции определяется основной (доминирующий мотив), который фигурирует в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и приводится в обвинительном заключении. Так, по делу в отношении М. Верховный Суд Российской Федерации указал, что поскольку умысел на убийство потерпевшей, связанный с личной неприязнью, является основным, квалифицирующий признак убийства, предусмотренный ч. 2 ст. 105 УК РФ, подлежит исключению как излишне вмененный⁴.

В практике при расследовании корыстных убийств встречаются и другие сложные ситуации, рекомендации по разрешению которых отсутствуют как в доктрине, так и в практикообразующих документах Верховного Суда Российской Федерации. Например, убийство по найму, как правило, совершается исполнителем из корыстных побуждений (следует заметить, что в науке присутствуют и иные взгляды на мотивы убийства по найму, включающие идейные соображения, корпоративную солидарность, месть, страх и др.⁵). Что же касается преступного соучастия, то у лица, оплатившего убийство (организатора), помимо корыстного, могут быть выявлены и иные мотивы, свя-

¹ Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 6 сентября 2006 г. № 394П06 // Официальный сайт Верховного Суда РФ // СПС «Консультант Плюс».

² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 1 полугодие 1995 г. // СПС «Консультант Плюс».

³ См. напр.: Побегайло Э.Ф. Умышленные убийства и борьба с ними. Воронеж, 1965. С. 122; Бородин С.В. Квалификация убийств по советскому уголовному праву. М., 1963.

⁴ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 июля 2010 г. № 45-О10-72 // СПС «Консультант Плюс».

⁵ См. напр.: Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник / А.А. Арямов, Т.Б. Басова, Е.В. Благов и др.; отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. М.: КОНТРАКТ, 2017.

занные с мстостью, ревностью, карьеризмом, неприязнью и др. Возникает вопрос о правовой оценке выявленной сопутствующей мотивации организатора, выходящей за рамки п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ. В некоторых случаях органы следствия и суд при квалификации преступлений в соответствии с приведенным правилом не учитывают сопутствующие мотивы (цели), но при назначении наказания со ссылкой на ч. 1 ст. 63 УК РФ принимают их в качестве обстоятельств, отягчающих наказание. Очевидно, что такой практический подход неприемлем, поскольку противоречит ч. 2 этой же статьи уголовного закона. Таким образом, неосновные (сопутствующие) мотивы, не являющиеся корыстными, в соответствии с правилом конкуренции мотивов (целей) значения для квалификации убийства по найму не имеют и не могут учитываться при назначении наказания.

Существует и иная проблема квалификации «корыстных» убийств, возникающая в случаях, когда причиняется смерть нескольким лицам и такие убийства не объединены единым умыслом. В литературе высказано несколько различных точек зрения о возможности квалификации убийства двух или более лиц по нескольким пунктам ст. 105 УК РФ, предусматривающим разные мотивы или цели. Однако большинство ученых сходятся во мнении, что если смерть каждому из них причиняется по разным мотивам или с различными целями, все они подлежат вменению виновному в качестве квалифицирующих признаков¹. Например, виновный, совершив убийство по найму предпринимателя и его охранника, причиняет им смерть, руководствуясь различными мотивами (целями). Предприниматель,

стало быть, лишается жизни по корыстному мотиву (п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ), а смерть охраннику причиняется с целью скрыть убийство предпринимателя или облегчить его совершение (п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Следственно-судебная практика также придерживается позиции, в соответствии с которой если преступник одновременно или в разное время совершил убийство нескольких человек с разным для каждого мотивом (целью), отбор основной (доминирующей) мотивации не производится и все они вменяются виновному. Так, Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации, согласившись с квалификацией действий виновного одновременно по нескольким пунктам ч. 2 ст. 105 УК РФ, предусматривающим корыстную мотивацию (сопряженное с разбоем) и цель — скрыть другое преступление, указала: «К. лишил жизни четверых потерпевших, в том числе женщину, с учетом мотивов ... суд правомерно назначил ему наказание по пп. «а», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ»².

И в другом подобном случае Верховный Суд Российской Федерации заключил: «М. совершено убийство Г., сопряженное с разбоем, ... затем с целью сокрытия этого преступления в тот же день он совершил убийство М. С учетом требований закона действия М. правильно квалифицированы по п.п. «а», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство, т.е. умышленное причинение смерти двум и более лицам, сопряженное с разбоем, совершенное с целью скрыть другое преступление³. Следует подчеркнуть, что такой подход является универсальным и в практике распространен не только на убийства, но и на вообще все преступления против личности.

¹ См. напр.: Кондрашова Т.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. Екатеринбург, 2000. С. 53; Андреева Л.А. Квалификация убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах. СПб., 1998. С. 4—5; Борзенков Г.Н. Комментарий к Уголов-

ному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. В.М. Лебедева, 2013 // СПС «Консультант Плюс» и др.

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 сентября 2012 г. № 48-о12-89СП // СПС «Консультант Плюс».

³ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 21 июня 2012 г. № 88-о12-24 // СПС «Консультант Плюс».

При квалификации корыстных убийств нескольких лиц, однако, все же возможно возникновение конкуренции преступной мотивации, требующей выбора основного мотива (цели). Это могут быть случаи, когда виновный принимает решение об убийстве двух и более потерпевших, руководствуясь несколькими одинаковыми неотделенными мотивами в отношении каждого из них. Например, виновный причиняет смерть гражданам иной национальности по мотиву национальной ненависти и из корысти завладевает принадлежащим им имуществом. В подобных случаях наряду с п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ необходимо выбрать и вменить п. «з» либо п. «л» этой же части статьи, содержащий выявленный при расследовании основной (доминирующий) мотив в отношении каждого из потерпевших. Если же виновный задумал совершить убийство двух лиц по разным мотивам, например, одного — из экстремистских, а другого — из корыстных побуждений, то при таких условиях выявить доминирующий мотив не удастся и неправомерно даже ставить вопрос о таком выборе.

Подобным образом решается вопрос о квалификации содеянного, когда умысел на убийство второго лица возник в процессе убийства первого, например, когда в ходе убийства из корыстных побуждений неожиданно для преступника появляется нежелательный для того очевидец преступления. В литературе даны рекомендации по квалификации убийства, совершенного при указанных обстоятельствах¹.

Е. и О. решили попросить без оплаты самогон у К. Следуя к его домовладению, они договорились, что в случае несогласия убьют его и заберут самогон. Войдя в дом потерпевшего, виновные потребовали дать им в долг самогон, но получив отказ с целью убийства стали избивать его ногами и коромыслом. В ходе избивания из

комнаты выбежала сожительница К., о существовании которой преступники не знали. Е. произнес слово «убрать», и они вместе с О. стали избивать и женщину, продолжая одновременно нанесение ударов К. Убив обоих, они забрали самогон и ушли. В ходе расследования они показали, что К. убили, чтобы завладеть самогоном, а его сожительнице причинили смерть, чтобы та не заявила в правоохранительные органы о преступлении, т.е. с целью его скрыть.

В данном случае невозможно разграничить роль каждого преступника в причинении смерти каждой из жертв, а также отделить разные мотив и цель одно от другого в рамках единого преступления. Поэтому, несмотря на то, что разные мотив и цель, хотя и направлялись отдельно на убийство каждого из потерпевших, должны быть распространены на это сложное единичное составное преступление в целом. С учетом этого Е. и О. предъявлено обвинение в совершении единого преступления, предусмотренного п. «а», «ж», «з» и «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а суд в приговоре согласился с такой квалификацией.

При квалификации «корыстных» убийств возникает также проблема, связанная с тем, что органы следствия и суды иногда вменяют одновременно квалифицирующие признаки п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ — «сопряженное с разбоем» и «из корыстных побуждений». Верховный Суд Российской Федерации пресекает такую практику и изменяет приговоры, исключая из пункта «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ признак «из корыстных побуждений». В качестве аргумента Верховный Суд указывает на то, что убийство, сопряженное с разбоем, само по себе является корыстным. Поэтому квалификация с вменением квалифицирующего признака «из корыстных побуждений» будет излишней².

¹ Андреева Л.А. Квалификация убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах. СПб., 1998. С. 6.

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2005 г. № 425п05; Определение

Верховного Суда Российской Федерации от 3 ноября 2010 г. № 34-о10-28сп; Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от

При квалификации убийств, связанных с завладением имуществом, нередко возникают вопросы, связанные с конкуренцией преступной мотивации, характерной для «простого» убийства и мотивов (целей), закрепленных в квалифицированных составах ч. 2 ст. 105 УК РФ. Например, когда убийство лица совершается в результате конфликта, возникшего в ходе спора о способе распоряжения совместными денежными средствами, либо убийство совершается с целью возврата виновным своего имущества, изъятого у него потерпевшим неправомерно (украдено, изъято в результате самоуправства и т. д.). Или смерть потерпевшему причиняется с целью удержания либо завладения денежными средствами, иными материальными ценностями, распределение которых законом не регулируется («дележ» имущества, добытого преступным путем, истребование карточного долга и т. д.). Органы следствия и суды, как правило, квалифицируют такие убийства по ч. 1 ст. 105 УК РФ, ссылаясь на то, что мотивом явились личные неприязненные отношения, а не корысть, а также, что убийство совершено в результате противоправных действий обеих сторон, как осужденного, так и потерпевшего.

Практике известны и иные ситуации, связанные с причинением смерти из-за имущественных (финансовых) споров, например, убийство должника кредитором (заимодателем). В таких случаях следственные органы и суды считают определяющим фактором совершение преступления по мотиву

мести, так как, убивая должника, кредитор (заимодатель) лишается возможности возратить долг, и при отсутствии других отягчающих обстоятельств квалифицируют содеянное по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Поднятые в статье вопросы, обусловленные различными позициями ученых и отсутствием единообразной следственно-судебной практики по оценке субъективной стороны т.н. «корыстных» убийств, свидетельствуют о важности деятельности Верховного Суда Российской Федерации по обобщению судебной практики по делам данной категории.

Список источников

1. Андреева Л.А. Квалификация убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах. Санкт-Петербург, 1998. 56 с.
2. Борзенков Г.Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья : учебно-практическое пособие Москва: Зерцало-М, 2005. 143 с.
3. Бородин С.В. Квалификация убийств по советскому уголовному праву. Москва, 1963. 221 с.
4. Иванов А.Л. Конкуренция мотивов и (или) целей при квалификации убийства двух или более лиц // Уголовное право. 2016. № 6. С. 27—36.
5. Коробеев А.И., Чекулаев С.С. Проблемы квалификации убийств из корыстных побуждений, а также сопряженных с разбоем и бандитизмом // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2015. № 1 (3). С. 121—125.
6. Краев Д.Ю. Квалификация убийства, сопряженного с бандитизмом // Законность. 2023. № 8. С. 40—46.
7. Кудрявцев В.Н. Борьба мотивов в преступном поведении. Москва, 2012. 126 с.
8. Побегайло Э.Ф. Умышленные убийства и борьба с ними. Воронеж, 1965. 205 с.

Complex issues of the subjective side of "mercenary" murder

© **Ivanov A.L.**,

Head of the Department of Criminal Law and Criminology Candidate of Law, Associate Professor Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A.Ya. Sukhare

© **Ermolovich Ya.N.**,

Professor of the Department of Criminal Law and Criminology Doctor of Law, Associate Professor Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A.Ya. Sukharev

Abstract. The article examines the issues arising in law enforcement related to the subjective side of the crime provided for in paragraph "z" of Part 2 of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation. The position of the Supreme Court of the Russian Federation on the problems of qualification of the so-called "mercenary" murders is outlined, materials of investigative and judicial practice, doctrinal views and proposals are provided, qualification errors related to an incorrect legal assessment of the act are analyzed. The authors come to the conclusion that it is necessary for the Supreme Court of the Russian Federation to periodically summarize the practice in criminal cases on crimes provided for in Part 2 of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: murder, qualification, motive and purpose, mercenary motives.

For citation: Ivanov V.L., Ermolovich Ya.N. Complex issues of the subjective side of "Mercenary" murder // Military law. 2025. No. 3. pp. 154-161.

The article was received by the editorial office on April 14, 2025.

Уголовная ответственность за оставление погибающего военного корабля

© Шмелев Иван Романович,
курсант прокурорско-следственного
факультета Военного университета имени
князя Александра Невского Министерства
обороны Российской Федерации

© Коршунов Юрий Алексеевич,
кандидат юридических наук, преподаватель
кафедры уголовного права Военного
университета имени князя Александра
Невского Министерства обороны
Российской Федерации

Аннотация. Статья посвящена уголовной ответственности за оставление российскими военными морями погибающего корабля. Сделан акцент на тонкую грань, которая отделяет преступление от действий в условиях крайней необходимости, преступное малодушие от необходимости выполнения приказа, боевой задачи и обеспечения тактического преимущества над противником. Аргументировано, что подобные ситуации могут быть предметом рассмотрения командования флотом и военным судом, но во всех случаях необходим индивидуальный подход к проблеме и тщательное исследование всех обстоятельств произошедшего. Обращено внимание на необходимость соблюдения военнослужащими своих обязанностей, а со стороны соответствующих государственных органов и иных организаций — на уголовно-правовую охрану прав военных моряков.

Ключевые слова: война, военнослужащие, военно-морской флот, военный корабль, командир, права военнослужащих, правила эксплуатации военного корабля, специальная военная операция.

Для цитирования: Шмелев И.Р., Коршунов Ю.А. Уголовная ответственность за оставление погибающего военного корабля // Военное право. 2025. № 3. С. 162—165.

Статья поступила в редакцию 4 апреля 2025 г.

Современный этап развития человечества характеризуется повышением интенсивности освоения Мирового океана, в том числе расширением научной и экономической деятельности по изучению и использованию его ресурсов.

Значение океана для нашей страны и других государств в долгосрочной перспективе будет неуклонно возрастать в связи с истощением природных ресурсов суши и обусловленной этим необходимостью восполнения ресурсной базы, обеспечивающей экономическое развитие государств, воздействием хозяйственной и иной деятельности человека на окружающую среду, таянием арктических льдов, миграцией населения и иными процессами.

Развитие морской деятельности и морского потенциала является одним из решающих условий устойчивого социально-экономического развития России в XXI в. Направления такого развития определяются характером национальных интересов страны в Мировом океане и необходимостью их гарантированного обеспечения и защиты.

Национальные интересы Российской Федерации как великой морской державы распространяются на весь Мировой океан и Каспийское море. Они формируются с учетом вызовов и угроз национальной безопасности государству в Мировом океане, общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров, а также с учетом суверенитета и

национальных интересов других государств¹.

Данное положение обуславливает важность Военно-Морского Флота страны (ВМФ) для защиты интересов государства в океане. Именно на флот возлагаются отдельные задачи реализации национальной морской политики Российской Федерации².

При защите интересов Российской Федерации и ее граждан, особенно в ходе военного конфликта, может возникнуть ситуация, связанная с гибелью военного корабля и его неправомерным оставлением личным составом. Данная ситуация может поставить под угрозу военную безопасность государства, в связи с чем в УК РФ введена норма об уголовной ответственности за оставление погибающего корабля (ст. 345).

Непосредственным объектом данного преступления выступают военная безопасность и установленный порядок действий командира и личного состава военного корабля при возникновении ситуации, угрожающей гибелью корабля. Этот порядок установлен Корабельным уставом ВМФ и руководствами борьбы за живучесть³.

Объективная сторона преступления включает в себя два вида деяний, совершаемых:

- командиром корабля;
- лицами из числа его экипажа.

Деяние командира корабля выражается в оставлении погибающего военного корабля и неисполнении до конца своих служебных обязанностей. К числу обязанностей, неисполнение которых образует преступление, относятся те, которые обеспечивают живучесть корабля, выполнение

экипажем поставленных задач, предупреждение гибели людей, военного имущества и пр.

Обязательным условием ответственности за неисполнение названных обязанностей является наличие возможности их выполнить. Командир обязан применить все свои навыки и умения для повышения живучести корабля или его спасения, например, посадить на отмель или завести в порт (бухту), а в случаях невозможности достижения вышеперечисленных результатов принять меры по его организованному оставлению. Если же командир в особенно сложной ситуации предвидел наступление общественно-опасных последствий, но в силу трусости, некомпетентности или несоответствия своих психофизических качеств экстремальным условиям или нервно-психическим перегрузкам оставил погибающий корабль, не приняв никаких мер к его спасению, то он безусловно подлежит ответственности в соответствии с уголовным законом.

Деяние лиц из состава экипажа выражается в оставлении ими погибающего корабля без надлежащего распоряжения командира. Под оставлением понимается любая форма ухода с корабля. Это может быть переход на другое судно, использование спасательных или эвакуационных средств (шлюпок, вертолетов и др.), бегство вплавь и пр.

Преступление с формальным составом считается оконченным с момента оставления корабля командиром или лицами из экипажа. Фактическая гибель корабля, людей, военного имущества не является обязательным признаком состава преступления.

Обязательным признаком объективной стороны является обстановка совер-

¹ Морская доктрина Российской Федерации (разд. II), утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 июля 2022 г. № 512.

² Основы государственной политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2030 г., утв. Указом Президента Российской Федерации от 20 июля 2017 г. № 327.

³ Корабельный устав Военно-морского флота, утв. Указом Президента Российской Федерации от 31

июля 2022 г. № 511; Руководство по борьбе за живучесть надводного корабля, утв. заместителем главнокомандующего ВМФ — начальником Главного технического управления (РБЖ-НК-81); Руководство по борьбе за живучесть подводной лодки, утв. заместителем главнокомандующего ВМФ — начальником Главного технического управления (РБЖ-ПЛ-82).

шаемого преступления — гибнущий военный корабль, то есть всякий корабль, входящий в состав ВМФ, находящийся под ответственным военным командованием.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом, субъекты преступления специальные — командир корабля либо лица из состава экипажа¹.

Преступление относится к категории средней тяжести, санкция ст. 345 УК РФ предусматривает наказание в виде ограничения по военной службе на срок до двух лет, либо содержание в дисциплинарной воинской части на срок до двух лет, либо лишение свободы на срок до пяти лет.

Во все времена и во всех флотах мира оставление погибающего корабля являлось позором для командира и экипажа, ложилось несмываемым пятном на весь военный флот государства. Моряки российского ВМФ являются красой и гордостью Вооруженных Сил, они славятся своими морально-волевыми качествами и в новейшей истории без приказа никогда не покидали своих гибнущих кораблей, негативных фактов их поведения не имеется.

Вызывает уважение борьба за живучесть пораженного ракетным оружием противника флагмана Черноморского флота гвардейского ракетного крейсера «Москва» во время специальной военной операции на Украине в 2022 г. Командир корабля и экипаж боролись до конца и с честью выполнили свой воинский долг, но ввиду повреждений, несовместимых с нахождением на плаву, были вынуждены покинуть корабль, в соответствии с приказом эвакуировавшись на другие корабли

флота, крейсер затонул недалеко от побережья Крыма².

И наоборот, в 1922 г. в ходе одного из эпизодов Гражданской войны на Дальнем Востоке деморализованные военные моряки белой Сибирской флотилии без борьбы за живучесть самовольно бросили свои поврежденные военные корабли возле побережья Кореи и убежали за границу³.

При расследовании преступлений, связанных с оставлением военных кораблей необходимо учитывать тонкую грань, которая отделяет преступление от действий в условиях крайней необходимости, преступное малодушие от необходимости выполнения приказа, боевой задачи и обеспечения тактического преимущества над противником. Подобные ситуации могут быть предметом рассмотрения командования флотом и военным судом, но во всех случаях необходим индивидуальный подход к проблеме и тщательное исследование всех обстоятельств произошедшего. Обращается внимание на необходимость соблюдения военнослужащими своих обязанностей, а со стороны соответствующих государственных органов и иных организаций — на уголовно-правовую охрану прав военных моряков. Данное положение только укрепит военную безопасность России и будет способствовать достижению национальных интересов государства в Мировом океане.

Список источников

Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / И.Ю. Белый, А.Н. Заказнова, О.К. Зателепин и др. Москва: Издательский дом «Граница», 2024.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» (п. 76—79); Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / И.Ю. Белый, А.Н. Заказнова, О.К. Зателепин и др. М.: Издательский дом «Граница», 2024. С. 679—680.

² Петров И. Крейсер «Москва» затонул в Черном море при буксировке. URL: <https://rg.ru/2022/04/14/krejser-moskva-zatonul-v-chernom-more> (дата обращения: 2 апреля 2025 г.).

³ Кузнецов Н.А. Эвакуация Приморья. URL: <https://history.reading.ru/177> (дата обращения: 2 апреля 2025 г.).

Criminal liability for abandoning a sinking warship

© **Shmelev I.R.**

cadet of the prosecutorial and investigative faculty of the Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation

© **Korshunov Yu.A.**

PhD in Law, Lecturer, Department of Criminal Law, Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Abstract. The article is devoted to criminal liability for abandonment of a sinking ship by Russian military sailors. Emphasis is placed on the fine line that separates a crime from actions in conditions of extreme necessity, criminal cowardice from the need to carry out an order, a combat mission and ensure a tactical advantage over the enemy. It is argued that such situations can be the subject of consideration by the fleet command and a military court, but in all cases an individual approach to the problem and a thorough investigation of all the circumstances of the incident are necessary. Attention is drawn to the need for military personnel to comply with their duties, and on the part of the relevant state bodies and other organizations, to the criminal law protection of the rights of military sailors.

Keywords: war, military personnel, navy, warship, commander, rights of military personnel, rules for the operation of a warship, special military operation.

For citation: Shmelev I.R., Korshunov Yu.A. Criminal liability for abandoning a sinking warship // Military Law. 2025. № 3. P. 162-165.

The article was received by the editorial office on April 4, 2025.

Уголовный процесс и криминалистика

Наложение военным судом денежного взыскания за нарушение порядка в судебном заседании

© Корчагина Инна Викторовна,
соискатель кафедры уголовно-
процессуального права имени Н.В.Радутной
Российского государственного университета
правосудия

Аннотация. статья посвящена анализу правовых оснований для наложения военным судом иной меры уголовно-процессуального принуждения в виде денежного взыскания, рассмотрению условий правомерности применения такой принудительной меры, а также содержит предложения по совершенствованию и развитию уголовно-процессуального законодательства в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: иная мера уголовно-процессуального принуждения; денежное взыскание; военный суд; уголовное судопроизводство; уголовно-процессуальная ответственность.

Для цитирования: Корчагина И.В. Наложение военным судом денежного взыскания за нарушение порядка в судебном заседании // Военное право. 2025. № 3. С. 166—170.

Статья поступила в редакцию 28 февраля 2025 г.

В соответствии со ст. 117 действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) одной из иных мер уголовно-процессуального принуждения является денежное взыскание, которое может быть наложено судом в случаях неисполнения участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей, а также нарушения ими порядка в судебном заседании. Таким образом, исходя из законодательной дефиниции, следует вывод, что денежное взыскание как мера процессуального принуждения может применяться к субъектам уголовного процесса в двух случаях: за неисполнение уголовно-процессуальных обязанностей, а также за нарушение порядка судебного заседания.

Рассмотрим более подробно второй случай.

В ч. 1 ст. 258 УПК РФ закреплено положение, развивающее и конкретизирующее указанную выше норму, согласно которому при нарушении порядка в судебном заседании, неподчинении распоряжениям председательствующего или сотруд-

ника органов принудительного исполнения Российской Федерации лицо, участвующее в судебном заседании, предупреждается о недопустимости такого поведения, либо удаляется из зала судебного заседания, либо отключается от видео-конференц-связи на все время судебного заседания или на его часть, либо на него налагается денежное взыскание в порядке, установленном ст. 117 и 118 УПК РФ.

Таким образом, система мер, принимаемых в отношении нарушителей порядка в судебном заседании, построена так, что первоначально закреплено предупреждение председательствующего или судебного пристава о недопустимости соответствующего поведения. И лишь в случае, если нарушитель не реагирует на это предупреждение, что равносильно неподчинению распоряжениям соответствующих должностных лиц, следует применение иных, более строгих процессуальных мер воздействия. Причем указанные меры принуждения дифференцированы в зависимости от процессуального положения нарушителя порядка в судебном заседании.

Для применения санкции уголовно-процессуальной ответственности¹, одной из разновидностей которой выступает денежное взыскание, в рассматриваемом случае следует прежде всего определить, что понимается под нарушением порядка в судебном заседании.

По буквальному содержанию ч. 1 ст. 258 УПК РФ нарушение порядка в судебном заседании и неподчинение распоряжениям председательствующего или судебного пристава можно было бы истолковать как самостоятельные основания для применения указанных в данной норме мер воздействия, в том числе и денежного взыскания как иной меры процессуального принуждения.

Вместе с тем представляется, что было бы неправильно употреблять эти меры лишь при неподчинении распоряжениям председательствующего, если это неподчинение никак не связано с нарушением общественного порядка (например, неоднократное заявление однотипных ходатайств, повторная постановка допрашиваемым лицам вопросов, отклоненных председательствующим и т.п.). Нарушение порядка в судебном заседании является более общим понятием по отношению к невыполнению распоряжений, поскольку вся рассматриваемая ст. 258 УПК РФ посвящена мерам воздействия именно за нарушение порядка в судебном заседании².

В этой связи представляется, что нарушение порядка в судебном заседании — это, во-первых, несоблюдение установленных ст. 257 УПК РФ правил поведения в зале (регламент судебного заседания), во-вторых, любое другое действие, которое мешает нормальному ходу судебного разбирательства, демонстрирует неуважение к суду или к участникам уголовного судопроизводства, противоречит этическим нормам или распоряжениям предсе-

дательствующего (например: выкрики, перебивание показаний, другие нарушения судебного регламента и общепринятых норм поведения и т.п.).

Следующий важный аспект при применении военным судом денежного взыскания в качестве иной меры процессуального принуждения и санкции за нарушение порядка в судебном заседании заключается в определении круга лиц, на которых оно может быть наложено.

Так, согласно положениям общей нормы ст. 117 УПК РФ денежное взыскание налагается на участников уголовного судопроизводства. В соответствии с ч. 2 ст. 111 УПК РФ (в редакции Федерального закона от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ) мера уголовно-процессуального принуждения в виде денежного взыскания может быть применена только к следующему кругу участников уголовного судопроизводства: потерпевшему, свидетелю, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, эксперту, специалисту, переводчику, понятому. В свою очередь ч. 1 ст. 258 УПК РФ (в редакции Федерального закона от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ) предусматривает возможность наложения денежного взыскания только на лицо, участвующее в судебном заседании.

В предыдущей редакции рассматриваемой статьи содержалось указание на лицо, «присутствующее в зале судебного заседания», предусматривающее применение денежного взыскания к любому участнику, присутствующему при рассмотрении уголовного дела. Поскольку разбирательство уголовного дела по общему правилу за исключением указанных в законе случаях во всех судах открытое и присутствовать в судебном разбирательстве может любой желающий, то и применить денежное взыскание до внесения указанных выше изменений в ч. 1 ст. 258 УПК РФ ра-

¹ Вепрев В.С. Основания уголовно-процессуальной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск: Южно-Уральский государственный университет, 2006. С. 13.

² Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под науч. ред. Г.И. Загорского. М.: Проспект, 2023. С. 821.

нее возможно было лишь на лиц, присутствующих в зале судебного заседания, но не на участников уголовного процесса.

Таким образом, несмотря на то, что нарушителями порядка в судебном заседании могут быть не только участники уголовного судопроизводства, но и иные лица, тем не менее, на таких нарушителей порядка (не участников уголовного процесса) денежное взыскание в настоящее время налагаться не может. В этой связи представляется нецелесообразным смешивать противоправные деяния лиц, наделенных уголовно-процессуальным статусом, и лиц без процессуального статуса, присутствующих в судебном заседании.

Назначению уголовного судопроизводства отвечает наделение лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальные отношения, соответствующим процессуальным положением и совокупностью прав и обязанностей. Следовательно, за невыполнение ими своих обязанностей, регламентированных соответствующими нормами УПК РФ, должна наступать уголовно-процессуальная ответственность в виде денежного взыскания. Для иных же лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства, нарушивших порядок в судебном заседании, необходимо привлечение их к ответственности за административное правонарушение, предусмотренное статьей 17.3 КоАП РФ. При этом во втором случае суд при наложении штрафа выполняет административную, а не судебную функцию с возможностью отхода от состязательного процесса¹.

В связи с выявленными несоответствиями рассмотренных выше статей УПК РФ следует вывод, что в настоящее время в уголовно-процессуальном законе не определен конкретный исчерпывающий

круг участников уголовного судопроизводства, на которых может быть наложено денежное взыскание за нарушение порядка в судебном заседании². Представляется необходимым законодателю четко закрепить в ч. 1 ст. 258 УПК РФ перечень лиц, к которым данная мера процессуального принуждения может быть применена.

На основании ст. 118 УПК РФ денежное взыскание налагается судом, в том числе и военным. Если соответствующее нарушение допущено в ходе судебного заседания, то взыскание налагается военным судом в том судебном заседании, где это нарушение было установлено, о чем выносятся определение или постановление суда. В настоящее время в систему военных судов входят кассационный военный суд, апелляционный военный суд, окружные (флотские) военные суды и гарнизонные военные суды³.

Представляется, что при совершении уголовно-процессуальных правонарушений в виде нарушения порядка в судебном заседании, неподчинении распоряжениям председательствующего или сотрудника органов принудительного исполнения Российской Федерации (судебного пристава) фактическим основанием наложения денежного взыскания является непосредственное наблюдение судом (судьей) неправомерных действий участников судебного разбирательства. В силу того, что указанные обстоятельства непосредственно воспринимаются судом (судьей), то для наложения денежного взыскания не требуется каких-либо других доказательств неправомерного поведения⁴.

Если же соответствующее нарушение допущено в ходе досудебного производства, то следователь военных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации составляет протокол о

¹ Тутынин И.Б. Некоторые проблемы применения денежного взыскания как меры уголовно-процессуального принуждения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 2. С. 26.

² Шараева Я.В. Проблемные вопросы применения меры принуждения в виде денежного взыскания в

уголовном процессе // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 2 (93). С. 150—151.

³ Ст. 8 Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации».

⁴ Кузовенкова Ю.А. Фактические и формальные основания применения денежного взыскания // Вестник СамГУ. 2009. № 5 (71). С. 191—192.

нарушении, который направляется в гарнизонный военный суд, приравненный по статусу к районному суду, и подлежит рассмотрению судьей в течение 5 суток с момента его поступления в суд. Следует заметить, что ч. 3 ст. 118 УПК РФ указывает только районный суд как полномочный орган по назначению денежного взыскания в указанном случае. В этой связи представляется необходимым распространение действия названной нормы также и на гарнизонный военный суд путем внесения соответствующего дополнения в уголовно-процессуальный закон.

Таким образом, действующий УПК РФ закрепляет необходимость представления всего лишь одного документа, подтверждающего право гарнизонного военного суда наложить денежное взыскание, — протокола о процессуальном нарушении, составленного следователем (дознавателем) в случае неисполнения своих обязательств участниками уголовного судопроизводства. Вместе с тем содержание указанного протокола в законе не оговаривается, что вызывает дополнительные вопросы и трудности в правоприменительной практике следственных органов.

В этой связи отдельные процессуалисты выступали с предложениями о закреплении в уголовно-процессуальном законодательстве права органов, осуществляющих предварительное расследование, накладывать денежное взыскание на участников уголовного судопроизводства самостоятельно¹. Кроме того, в целях обеспечения законности принятого решения предлагается закрепить в уголовно-процессуальном законе право обжалования такого решения в судебном порядке².

Алгоритм реализации денежного взыскания как иной меры процессуального принуждения военным судом следующий.

В судебное заседание вызываются лицо, на которое может быть наложено денежное взыскание, и лицо, составившее протокол. Неявка нарушителя без уважительных причин не препятствует рассмотрению протокола. К протоколу о нарушении, который направляется в гарнизонный военный суд, прилагается информация, необходимая в соответствии с правилами заполнения расчетных документов на перечисление суммы денежного взыскания, предусмотренными законодательством Российской Федерации о национальной платежной системе³.

Таким образом, формальным или юридическим основанием для принятия решения о наложении денежного взыскания следует считать процессуальный акт, в котором соответствующий властный субъект фиксирует факт правонарушения и свое решение о применении денежного взыскания.

Судья гарнизонного военного суда по результатам рассмотрения представленного протокола в течение 5 суток с момента его поступления в суд выносит постановление о наложении денежного взыскания или об отказе в его наложении. Копия указанного постановления направляется лицу, составившему протокол, и лицу, на которое наложено денежное взыскание.

Военный суд вправе отсрочить или рассрочить исполнение постановления о наложении денежного взыскания в размере до на срок до 3 месяцев.

По итогам рассмотрения порядка применения денежного взыскания как иной меры процессуального принуждения за нарушение порядка в судебном заседании следует констатировать наличие серьезных пробелов в части нормативно-правового регулирования указанной меры. В частности, необходимо устранить суще-

¹ Каримова С.С. Полномочие по наложению денежного взыскания должно быть предоставлено дознавателю и следователю // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3 (33). С. 113.

² Кудрина Е.В. Денежное взыскание в уголовном судопроизводстве России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 3 (47). С. 84.

³ Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе».

ствующие противоречия между положениями ст. 111, 117, 258 УПК РФ и закрепить в действующем уголовно-процессуальном законе конкретный исчерпывающий перечень лиц, к которым может быть применено денежное взыскание за нарушение порядка в судебном заседании.

Представляется, что практическая реализация указанных теоретических рекомендаций будет служить реализации целей обеспечения установленного законом порядка уголовного судопроизводства и всемерному достижению его назначения.

Список источников

1. Вепрев В.С. Основания уголовно-процессуальной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Челябинск: Южно-Уральский государственный университет, 2006. 26 с.
2. Каримова С.С. Полномочие по наложению денежного взыскания должно быть предоставлено

дознавателю и следователю // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3 (33). С. 111—119.

3. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под науч. ред. Г.И. Загорского. Москва: Проспект, 2023. 1216 с.

4. Кудрина Е.В. Денежное взыскание в уголовном судопроизводстве России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 3 (47). С. 82—85.

5. Кузовенкова Ю.А. Фактические и формальные основания применения денежного взыскания // Вестник СамГУ. 2009. № 5 (71). С. 189—194.

6. Тутьнин И.Б. Некоторые проблемы применения денежного взыскания как меры уголовно-процессуального принуждения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 2. С. 23—29.

7. Шараева Я.В. Проблемные вопросы применения меры принуждения в виде денежного взыскания в уголовном процессе // Юристы-Правоведь. 2020. № 2 (93). С. 149—153.

The imposition of a monetary penalty by a military court for violating the order in a court session

© **Korchagina I.V.**,
applicant for the Department of Criminal
Procedure Law named after N.V. Radutnoy
Russian State University of Justice (Moscow)

Annotation. The article is devoted to the analysis of the legal grounds for imposing on a juror another measure of criminal procedural coercion in the form of a monetary penalty, consideration of the conditions for the legality of using such a coercive measure, and also contains proposals for improving criminal procedural legislation in the area under consideration.

Keywords: another measure of criminal procedural coercion; monetary recovery; military court; criminal proceedings; criminal procedural liability.

For citation: Korchagina I.V. Imposition of a monetary penalty by a military court for violating the order in a court session // Military law. 2025. No. 3. Pp. 166-170.

The article was received by the editorial office on February 28, 2025.

Криминалистические методы отождествления личности при проверке документов у лиц, следующих через государственную границу

© Некрасов Александр Анатольевич,
доктор военных наук, профессор, ведущий
научный сотрудник Центра анализа
проблем пограничной безопасности

Аннотация. В статье исследуется опыт оперативно-служебной деятельности подразделений пограничного контроля по отождествлению личности при проверке документов у лиц, следующих через государственную границу. В ней анализируются теория криминалистических методов идентификации и верификации, их сходство и различие. В работе обоснована необходимость замены метода идентификации личности при проверке документов у лиц, следующих через государственную границу, на метод верификации.

Ключевые слова: проверка документов в пунктах пропуска через границу, криминалистические методы отождествления личности, идентификация, верификация, биометрические технологии, габитоскопия.

Для цитирования: Некрасов А.А. Криминалистические методы отождествления личности при проверке документов у лиц, следующих через государственную границу // Военное право. 2025. № 3. С. 171—178.

Статья поступила в редакцию 20 марта 2025 г.

Российская Федерация, занимающая обширную территорию и являющаяся одним из крупнейших государств мира, обладает интенсивными международными связями. Ежегодный пассажиропоток через её государственную границу составляет приблизительно 130 млн. человек¹. Основанием для их пропуска через границу является наличие действительных документов². Одним из критериев действительности документа является его принадлежность предъявителю³, то есть человек, въезжающий в Российскую Федерацию или выезжающий из нее должен предъявить на проверку документ, который принадлежит ему. Подтверждением этой принадлежности является фотография в документе, которая должна соответствовать личности заявителя.

¹ Официальный сайт Пограничной службы ФСБ России. URL: <http://ps.fsb.ru> (дата обращения: 21.10.2024).

² О Государственной границе Российской Федерации : Закон Рос. Федерации от 1 апр. 1993 г. № 4730-I.

³ О порядке применения средств и методов контроля при осуществлении пропуска лиц, транс-

Процедура установления данного соответствия называется отождествлением личности, которая является составной частью установления действительности документов на право пересечения государственной границы и осуществляется в ходе пограничного контроля в пункте пропуска через границу⁴.

В последние годы наблюдается тревожная тенденция к росту числа случаев использования поддельных или чужих документов при пересечении государственной границы. В 2024 г. в пунктах пропуска было выявлено около 26 тыс. таких случаев, что на 15 % больше, чем в 2023 г.⁵ Усложняется ситуация и повышением качества подделок. Современные технологии позволяют создавать поддельные документы, практически неотличимые от

портных средств, грузов, товаров и животных через государственную границу Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 2 февраля 2005 г. № 50.

⁴ Закон о Государственной границе Российской Федерации. Ст. 11.

⁵ Официальный сайт Пограничной службы ФСБ России. URL: <http://ps.fsb.ru> (дата обращения: 21.10.2024).

настоящих. Подбор чужих документов также достигает высокого уровня схожести фотографий, что требует от сотрудников пограничного контроля высокой квалификации и применения самых современных криминалистических методов в процессе отождествления.

Процедура отождествления регламентирована российскими нормативными правовыми актами. Например, в п. 8 постановления Правительства Российской Федерации от 2 февраля 2005 г. № 50 отмечено, что «Проверка документов осуществляется в целях установления подлинности документов и достоверности содержащихся в них сведений, правильности их оформления, *отождествления личности* (выделено автором) ...»¹.

Вместе с тем, несмотря на правовое закрепление дефиниции «отождествление личности», теория обоснования ее содержания имеет существенные недостатки. Это связано с недостаточностью научных работ по теоретическому обоснованию применяемых пограничными органами в процессе проверки документов терминов, характеризующих процесс отождествления личности человека по его фотографии в документе.

Для того, чтобы правильно понимать сущность мероприятий по отождествлению личности, необходимо уяснить значение слова «тождественный». Согласно Толковому словарю русского языка этот термин означает «такой же, вполне сходный»². В криминалистике понятие «отождествление» означает идентификацию, приравнивание, уподобление. Согласно теоретическим основам криминалистики идентификация – это процесс установления тождества *объекта* (выделено автором) или личности по совокупности об-

щих и частных признаков, осуществляемый с целью решения вопроса о том, является ли данный объект искомым. Идентифицировать объект — это значит выделить его из множества ему однородных, установить его тождественность с самим собой, используя для этих целей оставленные им отображения³. Следовательно, можно предположить, что в криминалистике отождествление личности есть синоним идентификации личности⁴.

Это утверждение нашло свое отражение во всех правовых актах, регламентирующих отождествление личности пограничными органами при проверке документов.

Исследуем, насколько оно обосновано и правомерно?

Криминалистическая идентификация представляет собой важный процесс, направленный на установление конкретного объекта, оставившего определённые следы или отображения. Этот процесс охватывает широкий спектр объектов, которые могут варьироваться от человека и его одежды до орудий преступления и транспортных средств. Однако, что такое «отображение»? Это могут быть не только физические следы, но и различные виды документов, а также фото-, аудио- и видеоизображения. Кроме того, в криминалистике учитываются мысленные образы, которые могут быть зафиксированы в памяти свидетелей или участников событий.

Криминалистическая идентификация, как правило, рассматривается в контексте оперативно-розыскной деятельности, что подразумевает её применение в рамках расследования преступлений. Е.Н. Яковец определяет оперативно-розыскную идентификацию как непроцессуальную деятельность, направленную на сопоставле-

¹ О порядке применения средств и методов контроля при осуществлении пропуска лиц, транспортных средств, грузов, товаров и животных через государственную границу Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 2 февраля 2005 г. № 50.

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М., 1994.

³ Криминалистика : учебник / под общ. ред. К.И. Сотникова. Изд-во СПб ун-та МВД России. СПб.: ООО «Р-КОПИ», 2020. 284 с.

⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка : ок. 60 000 слов и фразеологических выражений / под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 25-е изд., испр. и доп. М.: Оникс, 2008.

ние информации, получаемой в ходе оперативно-розыскных мероприятий. Это включает в себя идентификацию объектов, которые имеют значение для выявления, предупреждения и раскрытия преступлений, а также установления личности преступников, без вести пропавших граждан и неопознанных трупов.

Важным аспектом криминалистической идентификации является необходимость соотнесения данных о различных объектах с их характерными устойчивыми признаками. К таким объектам могут относиться не только люди и предметы, но также животные, сооружения, помещения и даже участки местности. Например, следы обуви на месте преступления могут помочь установить личность подозреваемого, если они будут сопоставлены с известными образцами¹. То есть для криминалистической идентификации в качестве объектов могут рассматриваться множество предметов, подлежащих отождествлению (люди, предметы, животные, трупы, сооружения, помещения, участки местности, явления и события, отображаемые в виде следов).

В отличие от криминалистической идентификации для подразделений пограничного контроля отождествление будет заключаться в сличении фотографий в документах на право пересечения государственной границы с личностью предъявителя с целью выявления различий (рисунок 1).

Поиск различий при проведении идентификации личности имеет свою логику. Если контролер подразделения пограничного контроля (далее — контролер) будет искать сходство, то он скорее всего его найдет и убедит себя, что на фотографии изображен владелец документа. В то время, как это решение должно строиться на поиске различий и исключении противоречий.

Рисунок 1. Отождествление личности при проверке документов на право пересечения государственной границы

Систематический подход к детальному описанию внешних характеристик личности с целью отождествления, известный как «словесное описание», активно используется в практической деятельности правоохранительных структур. основополагающими принципами данной методологии являются утверждения о сравнительной стабильности, уникальности комбинации множества черт, определяющих специфику внешнего облика человека, и точность их воспроизведения. Существование двух полностью идентичных индивидов невозможно. Несмотря на то, что внешняя форма человека претерпевает постоянные изменения, уникальность сочетания черт его внешнего вида характерна для каждого конкретного этапа существования². В области криминалистики изучением и документированием физических характеристик личности занимается специальный научный раздел.

В 1973 г. В. А. Снетков предложил данную науку именовать габитоскопией, так как данное определение наиболее точно определяет его предмет. Это название состоит из двух слов: латинского «габитус», что означает «внешность человека» и греческого «скопия» — «рассматривать». Таким образом, габитоскопия —

¹ Яковец Е. Н. Оперативно-розыскная идентификация : дис. ... канд. юрид. наук. М.: Академия управления МВД России, 2002. С. 85; Яковец Е.Н. Проблемы аналитической работы в оперативно-

розыскной деятельности органов внутренних дел : монография. М.: Изд. дом Шумиловой И. И., 2005. ² Криминалистика : учебник / Е.П. Ищенко, А.А. Топорков. Под ред. Е.П. Ищенко. М.: МГЮА им. О.Е. Кутафина, 2010. С. 142.

это наука, которая изучает внешний вид человека, его признаки, элементы, свойства. «Данная отрасль криминалистической техники – являясь одним из разделов науки криминалистики, включает теоретические положения и основанные на них научно-технические средства и методы собирания, изучения и использования данных о внешнем облике человека в криминалистической практике. Так же, основополагающим в данной отрасли является понятие внешнего облика человека» — отмечал В.А. Снетков¹.

Раскрывая содержание габитоскопии, А.М. Зимин указывал: «Криминалистическое учение о внешнем облике — это отрасль криминалистической техники, изучающая закономерности запечатления внешнего облика человека в различных отображениях и разрабатывающая технико-криминалистические методы и средства собирания, исследования и использования данных о внешнем облике человека в целях раскрытия и предупреждения преступлений»².

В основе габитоскопии лежит использование биометрических технологий для идентификации личности по ее различным характеристикам (рисунок 2).

Применение данных технологий описали ученые Н.Н. Китаев, М.Б. Негреева, А.В. Шендеров. В своем труде они отмечали, что криминалистическая габитоскопия фокусируется как на внешнем облике человека, так и на его изображениях, которые являются ее объектом. Основным предметом данного направления являются закономерности, которые описывают природу внешности человека, а также принципы исследования и применения информации о его внешнем виде с использованием специально разработанных методов и средств³.

Рисунок 2. Применение биометрических методов отождествления (идентификации) личности человека по его различным признакам

Доктрина биометрической идентификации личности в современном научном понимании находится на ранней стадии своего развития и пока не занимает устойчивое положение в юридической науке⁴. Вероятно, именно поэтому в криминалистике любое определение личности, основанное на сопоставлении биометрических характеристик, называется идентификацией. В то же время, в биометрии, как области науки, существует четкое разделение на два типа сравнения: «один к одному», что называется биометрической верификацией, и «один ко многим», известное как биометрическая идентификация (рисунок 3).

В контексте проверки документов у лиц, пересекающих государственную границу, процесс биометрической верификации служит для определения: «Принадлежит ли документ предъявителю?», выполняя тем самым функцию проверки. В этом случае осуществляется сопоставление в формате «один к одному».

¹ Снетков В.А. Габитоскопия. Волгоград, 1979. с. 57;

² Зимин А.М. Габитоскопия и портретная экспертиза. М.: Мысль, 2002. С. 14;

³ Китаев Н.Н., Негреева М.Б., Шендеров В.А. Идентификационные возможности биомеханической экспертизы в криминалистике // Вестник криминалистики. 2017. № 2 (22). С. 61—63.

⁴ Хазиев Ш.Н. Криминалистические и судебно-экспертные основы современных биометрических технологий // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. Т. 18. № 1. С. 16—21.

Тем не менее, в практике пограничного контроля устоялось понятие идентификации личности. Ошибочное восприятие идентификации как единственного процесса отождествления закрепилось и в обучении сотрудников, занимающихся

проверкой документов. Однако процессы идентификации и верификации, связанные с исследованием отождествления личности, значительно различаются. Основное отличие заключается в целях, которые мы перед собой ставим.

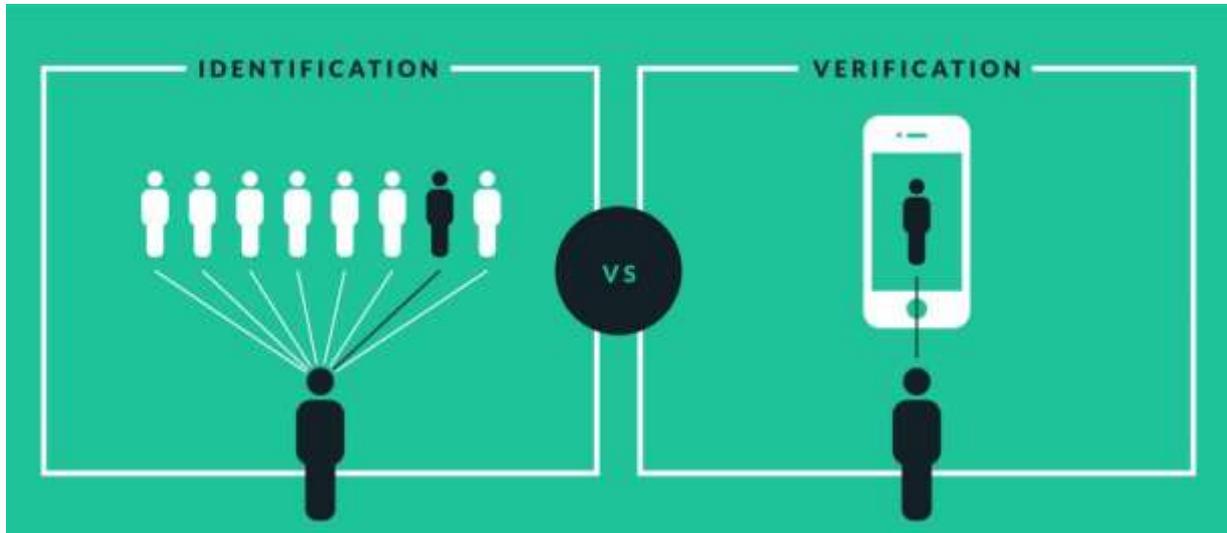

Рисунок 3 – Отличие биометрической идентификации от верификации

Так, в процессе верификации мы имеем образец, с которым необходимо сравнить объект (то есть верификация фокусируется на сопоставлении данных для их совпадения). Идентификация, с другой стороны, предполагает наличие критерия, по которому следует найти объект в базе данных. При этом механизм поиска включает сравнение результатов по принципу «один со всеми», после чего происходит проверка корректности распознавания.

В целом следует выделить ряд критериев, по которым эти понятия отличаются (таблица 1).

Таким образом, в результате анализа данных таблицы 1 следует выделить два ключевых процесса в биометрии:

Идентификация — это доминирующая технология среди прочих методов распознавания личности, основанная на многократном сравнении («1 ко многим»). Чаще всего её применяют системы видеонаблюдения для выявления подозреваемых или преступников из предварительно сформированных «стоп-листов». Алгоритмы идентификации сканируют лица и сопоставляют их с

данными в базе, цель — определить конкретного человека среди множества.

Верификация — не менее распространенная процедура, отличающаяся подходом «1 к 1». Здесь алгоритм сравнивает два набора данных (например, фотографию из документа и реальное лицо) для подтверждения принадлежности одному индивидууму. Классический пример – проверка паспорта контролером: сопоставление фото в документе с лицом человека перед ним. Аналогично используется при разблокировке гаджетов по биометрическим данным, где принцип «1 к 1» является основополагающим.

Таким образом, для осуществления отождествления личности в ходе пограничного контроля следует применять только верификационный принцип.

Сравнение понятий идентификация и верификация

Параметр сравнения	Идентификация	Верификация
Цель	Установить, что представленная личность является тождественной одной из представленной группы лиц	Проверить путем сравнения, что предоставленная личность тождественная представленной фотографии
Предмет определения	Объект и достоверность распознанного признака	Данные идентичны: Да/Нет
Процесс	Установление тождества выполняется на основе определенных признаков внешности для поиска аналогичных признаков в группе лиц (выбор разыскиваемого лица из группы лиц)	Установление тождества проводится с использованием фотографии в представленном документе с личностью предъявителя для заключения о том принадлежит ли ему предъявленный документ.

Ведущие ученые в области криминалистики Ю.И. Галкин, Д.В. Гребельский, В.А. Снетков, Ю.Г. Корухов, Е.Н. Яковец и др. обосновали следующие формы криминалистической идентификации¹:

— непроцессуальная (оперативная), например: оперативный поиск; использование криминалистических и оперативных учетов; исследование вещественных доказательств и др.;

— процессуальная, например: проведение экспертиз, предъявление для опознания, идентификация, как часть других следственных действий.

По аналогии верификацию личности при проверке документов у лиц, следующих через государственную границу, можно классифицировать по следующим формам (рисунок 4):

— непроцессуальная (оперативная);

— процессуальная (административно-процессуальная и уголовно-процессуальная).

Непроцессуальная (оперативная) форма верификации личности применяется при общей проверке документов у граждан, следующих через государственную границу, которая проводится должностными лицами в установленных местах (кабинах паспортного контроля, помещениях подразделений пограничного контроля либо непосредственно в транспортных средствах заграничного следования). Результатом применения данной формы верификации является пропуск через государственную границу гражданина с действительными документами.

Процессуальная форма (административно-процессуальная или уголовно про-

¹ Галкин Ю.И. Оперативно-техническое обеспечение документирования в профессиональной деятельности оперативно-поисковых бюро органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. М.: МосУ МВД России, 2012. С. 22—23; Гребельский Д. В. Теоретические основы и организационно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : дис. ... докт. юрид. наук. М.: Академия МВД СССР, 1974. С. 146—147; Снетков В.А. Проблемы криминалистической диагностики // Труды ВНИИ МВД СССР.

Вып. 23. М., 1972. С. 103; Корухов Ю.Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений: Научно-практическое пособие. М.: Изд. НОРМА-ИНФРА-М, 1998; Яковец Е.Н. Теоретические основы аналитической работы в сфере оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : дис. ... докт. юрид. наук. М.: Московский университет МВД России, 2006. С. 25.

цессуальная) верификации личности применяется при выявлении в ходе проверки документов лиц с чужими или поддельными документами. Результатом приме-

нения данной формы верификации является возбуждение дела об административной правонарушении или уголовного дела.

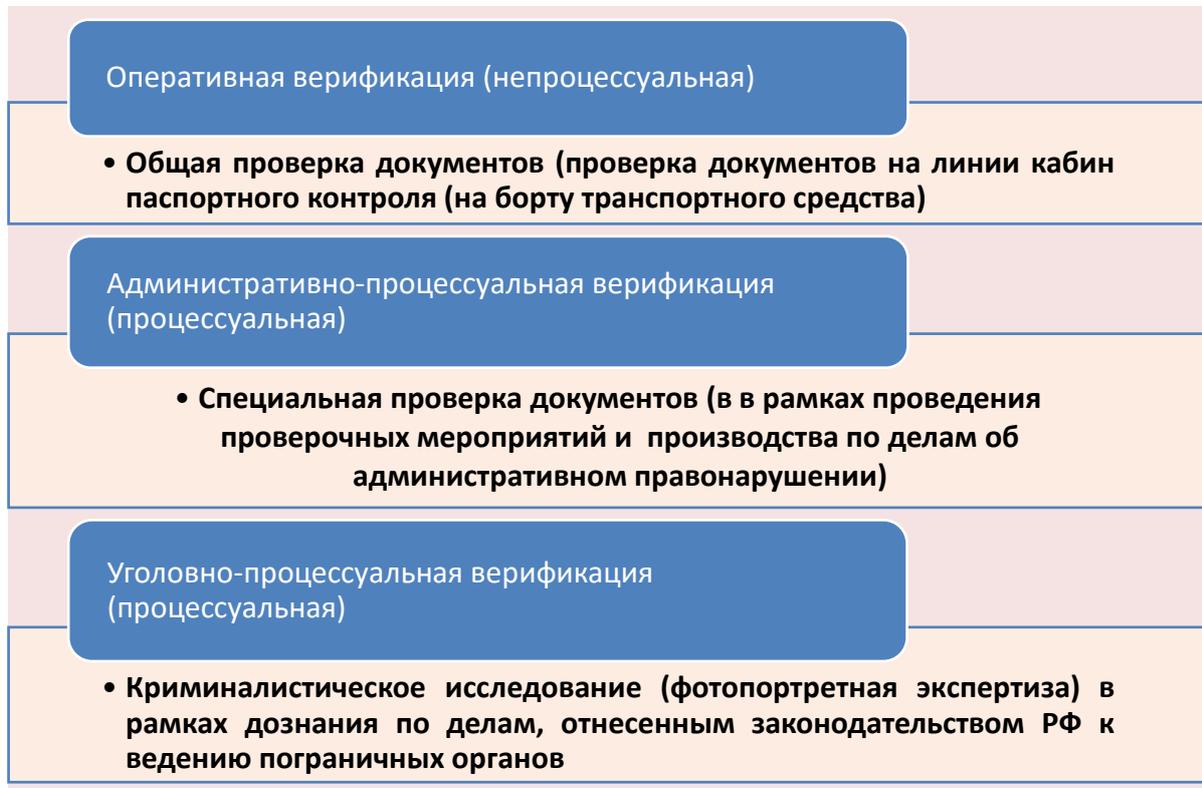

Рисунок 4. Нормы верификации личности при проверке документов у лиц, следующих через государственную границу

В рамках производства по делу об административном правонарушении осуществляется специальная проверка документов, в ходе которой составляется сравнительная фототаблица фотографии в документе и фотографии предъявителя документа, а при проведении дознания по уголовному делу, отнесенному законодательством Российской Федерации к ведению пограничных органов, может проводиться фотопортретная экспертиза.

Таким образом, можно утверждать, что в ходе отождествления личности при проверке документов подразделениями пограничного контроля в пунктах пропуска через границу проводится не идентификация, а верификация.

Соответственно, исходя из этого, должна строиться теория отождествления личности и методика подготовки сотрудников подразделений пограничного кон-

троля к проверке документов у лиц, следующих через государственную границу. Также необходимо внести соответствующие изменения в правовые акты, регламентирующие порядок отождествления личности при проверке документов у лиц, следующих через государственную границу.

Список источников

1. Галкин Ю.И. Оперативно-техническое обеспечение документирования в профессиональной деятельности оперативно-поисковых бюро органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. М.: МосУ МВД России, 2012.
2. Гребельский Д.В. Теоретические основы и организационно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : дис. ... докт. юрид. наук. М.: Академия МВД СССР, 1974.
3. Зинин А.М. Габитоскопия и портретная экспертиза. М.: Мысль, 2002.

4. Китаев Н.Н., Негреева М.Б., Шендеров В.А. Идентификационные возможности биомеханической экспертизы в криминалистике // Вестник криминалистики. 2017. № 2 (22). С. 61—63.
 5. Корухов Ю.Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений : научно-практическое пособие. М. : Изд. НОРМА-ИНФРА-М, 1998. 288 с.
 6. Криминалистика : учебник / Е.П. Ищенко, А.А. Топорков. Под ред. Е.П. Ищенко. М.: МГЮА им. О. Е. Кутафина, 2010. 962 с.
 7. Криминалистика : учебник / под общ. ред. К.И. Сотникова, изд-во СПб ун-та МВД России. СПб.: ООО «Р-КОПИ», 2020. 284 с.
 8. Снетков В.А. Габитоскопия. Волгоград: Изд. Восход, 1979.
 9. Снетков В.А. Проблемы криминалистической диагностики // Труды ВНИИ МВД СССР. Вып. 23. 1972.
 10. Хазиев Ш.Н. Криминалистические и судебно-экспертные основы современных биометрических технологий // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. Т. 18. № 1. С. 16—21.
 11. Яковец Е.Н. Оперативно-розыскная идентификация : дис. ... канд. юрид. наук. М. : Академия управления МВД России, 2002.
 12. Яковец Е. Н. Проблемы аналитической работы в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : монография. М.: Изд. дом Шумиловой И.И., 2005. 219 с.
 13. Яковец Е.Н. Теоретические основы аналитической работы в сфере оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : дис. ... докт. юрид. наук. М.: Московский университет МВД России, 2006.
-

Forensic methods of identification when checking documents from persons crossing the state border

© Nekrasov A.A.,

Doctor of Military Sciences, Professor, Leading Researcher at the Center for Analysis of Border Security Problems

Annotation: The article examines the experience of operational and official activities of border control units for identification of identity when checking documents from persons traveling across the state border. It analyzes the theory of forensic identification and verification methods, their similarities and differences. The paper substantiates the need to replace the method of identification of an individual when checking documents from persons traveling across the state border with the verification method.

Keywords: document verification at border checkpoints, forensic identification methods, identification, verification, biometric technologies, habitoscopy.

For citation: Nekrasov A.A. Criminalistic methods of identification when checking documents of persons traveling across the state border // Military law. 2025. No. 3. pp. 171-178.

The article was received by the editorial office on March 20, 2025.

О некоторых вопросах реализации конституционных прав военнослужащих при проведении специальной военной операции и контртеррористической операции

© Селюков Владимир Алексеевич,
кандидат юридических наук,
преподаватель 24 кафедры Военного
университета

Аннотация. В данной статье рассматриваются проблемы деятельности органов военной юстиции в ходе специальной военной операции и контртеррористической операции, связанные с соблюдением конституционных прав граждан, и даются предложения по повышению эффективности этой работы. Автор предлагает увеличить численность военной полиции, изменить форму предварительного расследования ряда преступлений, уголовные дела о которых расследуются военными следственными органами, с предварительного следствия на дознание, проводимое дознавателями военной полиции. В статье предлагается наделить органы военной полиции правом осуществлять оперативно-розыскную деятельность в целях борьбы с преступностью в Вооруженных Силах и создать для этой цели оперативные подразделения военной полиции. В целях обеспечения конституционного права на защиту военнослужащих в боевых условиях предлагается рассмотреть вопрос о наделении военных юрисконсультов правами военных защитников, что позволит обеспечить право на защиту в ходе специальной военной операции и контртеррористической операции.

Ключевые слова: конституционные права военнослужащих; право на защиту; специальная военная операция; контртеррористическая операция; органы военной юстиции; военная полиция; подследственность уголовных дел; дознание; оперативно-розыскная деятельность.

Для цитирования: Селюков В.А. О некоторых вопросах реализации конституционных прав военнослужащих при проведении специальной военной операции и контртеррористической операции // Военное право. 2025. № 3. С. 179—185.

Статья поступила в редакцию 5 марта 2025 г.

Президент Российской Федерации Владимир Путин 24 февраля 2022 г. принял решение о проведении специальной военной операции на территории Украины, ДНР и ЛНР (СВО). Совет Федерации, в свою очередь, дал разрешение на использование Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами страны (Постановление Совета Федерации Федерального Собрания от 22 февраля 2022 г. № 35-СФ «Об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации»).

Указ Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» определил мобилизацию как частичную, поскольку в нем не содержится указаний на конкретные категории граждан, пребывающих в запасе и

подпадающих под частичную мобилизацию. Само объявление мобилизации на основании ранее не применявшегося в этой части Федерального закона от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» говорит о том, что для ведения СВО необходимо было пополнить Вооруженные Силы личным составом, которого на время объявления частичной мобилизации оказалось недостаточно. Принятие в дальнейшем законодателем изменений в УК РФ и УПК РФ, направленных на участие в СВО лиц, освобожденных в связи с поступлением на военную службу от уголовной ответственности и наказания, обусловлено необходимостью пополнения Вооруженных Сил в условиях СВО лицами, которые ранее не могли проходить военную службу.

С начала СВО можно с осторожностью говорить о росте количества преступлений, совершенных в вооруженных силах. Несмотря на отсутствие в открытом доступе соответствующей статистики, рост преступности в войсках косвенно подтверждается тем, что приняты новые законы, изменяющие нормы УК РФ применительно к новым условиям СВО.

Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ усилена уголовная ответственность за совершение действий в целях подрыва основ конституционного строя, обороноспособности страны и безопасности государства.

Установлена уголовная ответственность за:

— нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации сети «Интернет» и сети связи общественного пользования;

— сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной либо иностранной организацией;

— публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства;

— нарушений требований по защите государственной тайны;

— неоднократные пропаганду либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики.

К государственной измене отнесено совершение действий, связанных с переходом на сторону противника в условиях вооруженного конфликта или военных действий против Российской Федерации.

Усилена ответственность за участие наёмника в вооруженном конфликте или военных действиях (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 208 УК РФ). Деяние наказывается лишением свободы на срок от 7 до 15 лет (ранее — от 3 до 7 лет).

Федеральным законом от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ в число обстоятельств,отягчающих наказание за преступления, включена новая редакция п. «л» ч. 1 ст. 63

УК РФ, дополняющая ранее действовавшую норму новыми условиями: совершенные преступления в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий; усилена уголовная ответственность за отдельные преступления против военной службы и введены новые составы воинских преступлений как через указание на ранее предусмотренные в соответствующей статье УК РФ деяния, но совершенные в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий, так и дополнением УК РФ ранее отсутствовавшими в уголовном законе составами преступлений: ст. 352.1 — добровольная сдача в плен и ст. 356.1 — мародерство.

Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ закрепил порядок освобождения от уголовной ответственности и наказания, а также погашения судимости в связи с прохождением военной службы в периоды мобилизации, военного положения или в военное время, предусмотрел возможность участия в СВО как осужденных, так лиц, уголовные дела в отношении которых не закончены вступившим в силу приговором суда.

Федеральным законом от 2 октября 2024 г. № 340-ФЗ для мобилизованных и военнослужащих-контрактников установлена возможность освобождения от уголовной ответственности на стадии рассмотрения уголовного дела судом.

Федеральными законами от 28 декабря 2024 г. № 507-ФЗ и № 510-ФЗ для граждан, пребывающих в добровольческих формированиях, введена ответственность за преступления против военной службы; дополнены нормы об ответственности за отдельные преступления против основ конституционного строя и безопасности государства.

Помимо положительных последствий принятия и действия указанных законов следует признать, что при их применении в ходе частичной мобилизации и в добровольном порядке по контракту в Вооруженные Силы попадают лица, объективно

склонные к совершению преступлений, которые могут в силу различных обстоятельств вновь совершить преступление на военной службе. В результате нагрузка, связанная с поддержанием воинской дисциплины, правопорядка, борьбой с преступностью, которая ложится на военное командование, органы военной полиции, военную прокуратуру, военно-следственные органы, военные суды, существенно возрастает, и эта тенденция при проведении СВО сохранится в ближайшем будущем.

Одной из мер, которая позволит свести к минимуму указанные отрицательные явления, по мнению автора, могло бы быть увеличение численности и роли военной полиции, передача ряда составов преступлений, уголовные дела по которым расследуют военно-следственные органы, или преступлений, совершенных на линии боевого соприкосновения, из такой формы предварительного расследования, как предварительное следствие, в дознание, проводимое дознавателями военной полиции, что позволит снять часть нагрузки с военно-следственных органов, обеспечить быстроту и эффективность расследования уголовных дел в боевых условиях.

Органы военной полиции как участники уголовного судопроизводства были впервые предусмотрены Федеральным законом от 3 февраля 2014 г. № 7-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам деятельности военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации», которым были внесены следующие изменения в ст. 40 и 157 УПК РФ:

— ст. 40 УПК РФ предусмотрено, что к органам дознания относятся начальники органов военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации;

— ст. 157 УПК РФ установлено, что начальники органов военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации производят неотложные следственные действия по преступлениям, совершенным военными служащими в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей или лицами гражданского персонала, совершенными в расположении части, соединения, учреждения, гарнизона¹.

Эти формулировки УПК РФ имеют очевидные недостатки, о которых ранее высказывались мнения в научной литературе². Дополнительно автор считает необходимым обратить внимание на то, что эти формулировки не только не соответствуют условиям СВО, но и логике и юридической технике как УПК РФ, так и других законов, которые регулируют отношения в части уголовного судопроизводства. Так, указание в законе, что начальники органов военной полиции являются органами дознания, не позволяет передавать полномочия по производству неотложных и других следственных действий от начальника органа военной полиции его подчиненным, которые эти неотложные следственные действия и должны проводить. Это также касается выполнения органами военной полиции отдельных поручений следователя. Также актуальным становится введение в военной полиции очевидно необходимой должности начальника подразделения дознания, который осуществлял бы непосредственное руководство дознавателями наряду с начальником органа дознания, в подчинении которого находятся и другие подразделения.

Кроме того, в связи с увеличением количества совершаемых воинских преступлений и количества уголовных дел, расследуемых военно-следственными органами, а также в связи с новыми составами

¹ Более подробно об этом см.: Корякин В.М. Деятельность военной полиции в Российской Федерации узаконена (обзорный комментарий к Федеральному закону от 3 февраля 2014 года № 7-ФЗ) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2014. № 3. С. 2—5.

² Качалов В.И. Виды органов дознания в современном уголовном судопроизводстве // Право в Вооруженных силах. 2022. № 5. С. 76—86; Ермолович Я.Н. Проблемы правового регулирования деятельности военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 3. С. 26—35.

воинских преступлений, появившихся в законе в связи с СВО, по мнению автора, будет правильным передать часть составов преступлений, уголовные дела по которым расследуют военно-следственные органы, из предварительного следствия в дознание, проводимое дознавателями военной полиции. Это позволит снять часть нагрузки с военного следствия, наработать опыт производства в ходе дознания следственных действий органами военной полиции, добиться за счет сокращенных сроков дознания по сравнению со сроками предварительного следствия быстроты расследования дознавателями уголовных дел и в конечном итоге — справедливости и неотвратимости наказания с учётом презумпции невиновности.

К составам преступлений, которые по мнению автора можно передать для производства предварительного расследования в форме дознания, относятся все составы преступлений против военной службы, которые являются преступлениями небольшой и средней тяжести.

Понимая, что при возбуждении таких уголовных дел о преступлениях против военной службы не всегда дается правильная или окончательная квалификация содеянного, автор полагает, что военные прокуроры в соответствии с п. 11, 12 ч. 2 ст. 37 УПК РФ могут исправить допущенные ошибки. В ходе досудебного производства по уголовному делу прокурор вправе изъять и передать уголовное дело у органа дознания — военной полиции и передать его следователю военно-следственного отдела с обязательным указанием оснований такой передачи. Указанные нормы УПК РФ позволяют передавать в таких случаях не только уголовное дело, но и материалы проверки сообщения о преступлении.

Раскрытие преступлений, в том числе отнесённых к подследственности военно-следственных органов, является более успешным и быстрым при условии проведения оперативно-розыскных мероприятий. Это подтверждается наличием и успешной работой оперативных подразделений в МВД России, ФСБ России и дру-

гих правоохранительных органов, указанных в ст. 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Оперативно-розыскную деятельность в Вооруженных Силах в настоящее время проводят на постоянной основе органы военной контрразведки, основные задачи которых согласно ст. 10 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» имеют только частичное совпадение с задачами органов военной юстиции (военное следствие и военные суды) и военной полиции. Для решения большинства задач оперативно-розыскной деятельности, предусмотренных в ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», связанных с борьбой с преступностью в Вооруженных Силах, особенно в условиях военного положения, контртеррористической операции и СВО, представляется необходимым расширить круг органов, наделенных правом осуществлять оперативно-розыскную деятельность в указанных условиях независимо от места проведения такой деятельности. Логичным, по мнению автора, является наделение органов военной полиции правом осуществлять оперативно-розыскную деятельность в целях борьбы с преступностью в Вооруженных Силах и создание для этого оперативных подразделений военной полиции. Это положительно скажется на раскрываемости преступлений, совершаемых в вооруженных силах, эффективности их расследования, общем состоянии законности в вооруженных силах, особенно в условиях военного положения, КТО и СВО. Также это позволит избежать распыления сил и средств органов военной контрразведки на несвойственные им функции, сконцентрировать усилия контрразведчиков на самых важных своих задачах.

Соответственно эти изменения повлекут необходимость изменения работы, а, возможно, и увеличения численности не только органов военной полиции, но и военных прокуроров, надзирающих за проводимым органами военной полиции дознанием.

Согласно ст. 48 Конституции Российской Федерации каждый задержанный, заключённый под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения. Часть 2 ст. 123 Конституции Российской Федерации устанавливает, что судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон.

Очевидно, что в условиях боевых действий, СВО и контртеррористических операций реализация права на защиту и состязательного рассмотрения дел в суде затруднена объективно в силу самой боевой обстановки. Не решает всех проблем, связанных с отсутствием защитника в силу невозможности его присутствия в зоне боевых действий, СВО, контртеррористической операции практика отказа обвиняемых, подозреваемых, задержанных от защитника на основании ст. 52 УПК РФ. Кроме того, адвокаты, которые обладают всей полнотой полномочий защитника (представителя потерпевшего и представителя, оказывающего юридическую помощь на стадии проверки сообщения о преступлении) не присутствуют в достаточном количестве на линии боевого соприкосновения. Численность адвокатских палат в регионах, где проводится СВО и контртеррористические операции, явно недостаточна для обеспечения права на защиту адвокатами, которые, в свою очередь, также не имеют достаточных социальных гарантий при выполнении своих задач в боевых условиях. Есть проблемы с обеспечением права на защиту при участии будущих обвиняемых, подозреваемых в неотложных следственных действиях, первоначальных допросах после предъявления обвинения, задержании и применении мер пресечения, проверках сообщений о преступлениях, которые

проводятся непосредственно в боевых порядках войск.

В связи с этим для обеспечения конституционного права на защиту военнослужащих (а возможно и иных лиц, совершивших преступления в соучастии с военнослужащими или в местностях, где действуют только органы военной юстиции) в условиях боевых действий требуется увеличение количества адвокатов, которые могут оказать юридическую помощь при задержании аресте или предъявлении обвинения.

Проблема обеспечения права на защиту при уголовном судопроизводстве в военное время рассматривалась в военной науке¹. Выдвигалось предложение о наделении сотрудников ФССП России правом предоставления квалифицированной юридической помощи в качестве адвоката в особые периоды². Несмотря на согласие с мнением о существовании и нерешенности до сих пор этой проблемы, автор не может полностью согласиться с предложением о наделении правами военных адвокатов сотрудников ФССП Минюста России, поскольку в особых условиях боевых действий, СВО, контртеррористических операций сотрудники ФССП Минюста России не будут иметь тесной связи с войсками и доступность их будет мало отличаться от обычных адвокатов, не имеющих воинских и специальных званий.

Можно также для улучшения доступности защиты в боевых условиях наделить адвокатов, имеющих такой статус по действующему ныне закону, социальными гарантиями при осуществлении ими адвокатской деятельности в условиях военного положения, СВО и контртеррористической операции по аналогии с порядком, установленным Указом Президента Российской Федерации от 17 октября 2022 г. № 752 «Об особенностях командирования отдельных категорий лиц на территории Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской

¹ Титов В.В. Обеспечение военными судами реализации конституционных принципов правосудия в военное время // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. №4 (285). 2021. С. 90—96.

² Аулов В.К. Квалифицированная юридическая помощь в особые периоды: варианты совершенствования // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 10 (327). С. 116—123.

области и Херсонской области». Однако, по мнению автора, такой способ предоставления гарантий адвокатам может оказаться более дорогим и не столь эффективным по сравнению с другим путем решения этой проблемы, который уже испытан на практике и в нашей стране, и за рубежом. Речь идет о наделении правами защитника (адвоката) военнослужащих — офицеров, имеющих юридическое образование, присутствующих в боевых порядках войск. Такой порядок использовался в группах советских войск за границей, во время нахождения советских войск в Афганистане¹. Институт военных защитников успешно работает у наших вероятных противников, в частности в США². Единый кодекс военной юстиции США (UCMJ) закрепляет право обвиняемого на бесплатное представительство военного адвоката при рассмотрении его дела в Особом военном трибунале и Общем военно-полевом суде³.

Если следовать по этому проверенному пути, то возникает ряд вопросов, которые не представляются неразрешимыми. Так, необходимо обеспечить самостоятельность и независимость военного защитника при осуществлении им защиты от административного влияния. Кадры военных защитников можно готовить из военных юрисконсультов, наделив их полномочиями военных защитников и выведя их из подчинения командования на время осуществления ими защиты. При этом компетентность и авторитет среди военнослужащих у военных юрисконсультов,

их квалификация, качество уголовного судопроизводства только повысятся.

Порядок приобретения статуса военных защитников можно предусмотреть по аналогии с порядком, предусмотренным Федеральным законом от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», внося в него соответствующие изменения с учетом специфики Вооруженных Сил, военного положения, СВО и контртеррористической операций.

Список источников

1. Аулов В.К. Квалифицированная юридическая помощь в особые периоды: варианты совершенствования // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 10 (327). С. 116—123.
2. Григорьев О.В. Деятельность военных трибуналов в период ввода ограниченного контингента советских войск в республику Афганистан // Общество и право. 2013. № 3. С. 42—45.
3. Ермолович Я.Н. Проблемы правового регулирования деятельности военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 3. С. 26—35.
4. Качалов В.И. Виды органов дознания в современном уголовном судопроизводстве // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 5. С. 76—86.
5. Корякин В.М. Деятельность военной полиции в Российской Федерации узаконена (обзорный комментарий к Федеральному закону от 3 февраля 2014 года № 7-ФЗ) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2014. № 3. С. 2—5. EDN: SYBNHXV
6. Титов В.В. Обеспечение военными судами реализации конституционных принципов правосудия в военное время // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. № 4 (285). 2021. С. 90—96.

¹ Григорьев О.В. Деятельность военных трибуналов в период ввода ограниченного контингента советских войск в республику Афганистан // Общество и право. 2013. № 3. С. 44.

² <https://www.justice.gov/usao>
<https://pentagonus.ru/publ/3-1-0-631>

³ Title 10. United States code. — Armed forces. Chapter 47. Uniform Code of military justice. Washington, 2000.

On some issues of the implementation of the constitutional rights of military personnel during a special military operation and a counter-terrorism operation

© **Selyukov V.A.**,
Candidate of Law, lecturer of 24 departments
Military University

Abstract. This article examines the problems of the activities of military justice authorities in the context of a special military operation and provides suggestions for improving the effectiveness of this work. Thus, the author proposes to increase the number of military police, to transfer a number of crimes, the criminal cases of which are being investigated by military investigative authorities, from the preliminary investigation as a preliminary investigation to the inquiry conducted by military police interrogators. The author suggests that the military police authorities should be given the right to carry out operational investigative activities in order to combat crime in the armed forces and create operational units of the military police for this purpose. In order to ensure the constitutional right to defend military personnel in combat situations, it is necessary to increase the number of lawyers who can provide legal assistance during detention, arrest or indictment. The author believes that providing additional guarantees to lawyers may turn out to be more expensive and not so ineffective compared to another way of solving this problem: granting the rights of a defender (lawyer) to military officers with legal education who are present in the combat formations of the military troops.

Keywords: constitutional rights of military personnel; the right to protection; special military operation; counter-terrorism operation; military justice authorities; military police; investigation of criminal cases; inquiry; operational search activities.

For citation: Selyukov V.A. On some issues of the implementation of the constitutional rights of military personnel during a special military operation and a counter-terrorism operation // Military law. 2025. No. 3. pp. 179-185.

The article was received by the editorial office on March 5, 2025.

Преступления, совершенные в прошлые годы: некоторые факторы, влияющие на их раскрытие

© Харченко Сергей Владимирович,
доктор юридических наук, профессор,
проректор по учебной и научной работе
Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета Российской
Федерации

© Гирько Сергей Иванович,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской
Федерации, директор Центра исследования
проблем безопасности РАН

© Скиба Андрей Петрович,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник научно-
исследовательской лаборатории
факультета подготовки научно-
педагогических кадров и организации
научно-исследовательской работы Санкт-
Петербургской Академии Следственного
Комитета Российской Федерации

Аннотация. Учитывая положения уголовно-процессуального и иного законодательства, в статье рассмотрен ряд факторов, влияющих на раскрытие преступлений, совершенных в прошлые годы. Дан перечень основных объективных и субъективных факторов, влияющих на организацию рассматриваемой деятельности: совершение преступления в обстановке, исключающей возможность наблюдения и восприятия преступного деяния; продолжительный временной фактор, влияющий на утрату и на изменение доказательственной информации; отсутствие должного взаимодействия между различными службами и подразделениями как в органах внутренних дел, так и со следственными органами Следственного комитета Российской Федерации; недостатки в планировании раскрытия преступления; необоснованное приостановление предварительного следствия без выполнения всех необходимых следственных действий и т.д. Сформулированы некоторые меры по повышению эффективности работы по раскрытию преступлений, совершенных в прошлые годы.

Ключевые слова: раскрытие преступлений, совершенных в прошлые годы; объективные и субъективные факторы; оперативно-розыскная деятельность; органы внутренних дел; Следственный комитет Российской Федерации.

Для цитирования: Харченко С.В., Гирько С.И., Скиба А.П. Преступления, совершенные в прошлые годы: некоторые факторы, влияющие на их раскрытие // Военное право. 2025. № 3. С. 186—189.

Статья поступила в редакцию 19 марта 2025 г.

В юридической литературе советского времени (например, В.П. Лаврова)¹ и современного этапа (А.И. Бастрыкина, А.А.

Бессонова, О.П. Грибунова и др.)² вопрос о факторах, влияющих на раскрытие преступлений, совершенных в прошлые

¹ См.: Быков В.М. Расследование нераскрытых преступлений прошлых лет. Лекция. Ташкент: НИиРИО Ташк. ВШ МВД СССР, 1984; Лавров В.П. Особенности расследования нераскрытых

преступлений прошлых лет : Учеб. пособие. М.: Высш. школа МВД СССР, 1972.

² См., например: Бастрыкин А.И. Раскрытие преступлений прошлых лет: теоретический и практи-

годы, является одним из наиболее обсуждаемых. Он рассматривается с различных точек зрения: организации оперативно-розыскной деятельности (ОРД), в частности, органов внутренних дел (ОВД), проблем взаимодействия оперативных сотрудников, криминалистов и следователей и т.д. Вне зависимости от вышеуказанных и других мнений специалистов, очевидно, что при исследовании проблем по разрытию преступлений, совершенных в прошлые годы, целесообразно опираться на идею давно оправданного многофакторного подхода в этой области¹.

Раскрытие преступления в уголовно-процессуальной и криминалистической литературе — это обычно установление «всех общественно опасных действий и других, относящихся к предмету доказывания обстоятельств, выявление и изобличение всех лиц, виновных в совершении преступления, установление всех эпизодов их преступной деятельности, выявление причин и условий, способствовавших преступлению». С процессуальной точки зрения для полного раскрытия преступления в равной степени важно доказывание всех обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ (событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); ви-

новность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы; обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого; характер и размер вреда, причиненного преступлением; обстоятельства, способствовавшие совершению преступления; и др.).

Содержание термина «нераскрытое преступление» изложено в межведомственном приказе «О едином учете преступлений»² (п. 2.11 Приложения № 2 к указанному приказу), а деятельности по раскрытию преступлений прошлых лет — в приказе Следственного комитета Российской Федерации (СК России) «Об организации работы по раскрытию и расследованию уголовных дел о преступлениях прошлых лет»³ (к сожалению, этот приказ распространяется только на следственные органы указанного ведомства — *прим. авт.*).

Традиционно к числу преступлений рассматриваемой категории относятся две структурные *группы*:

1) преступления, предварительное следствие по которым приостановлено по различным основаниям, предусмотренным в ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Речь идет о следующих обстоятельствах, при которых преступление считается нераскрытым:

— лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено;

ческий аспекты // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2016. № 1 (7). С. 21—25; Бессонов А.А. Некоторые наиболее перспективные способы раскрытия и расследования преступлений прошлых лет // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2017. № 4 (18). С. 118-121; Грибунов О.П., Кравцова И.А. Правовые аспекты совершенствования деятельности по раскрытию и расследованию нераскрытых преступлений прошлых лет, совершенных на транспорте // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 3 (25). С. 62—69; Драпкин Л.Я. Особенности расследования нераскрытых преступлений прошлых лет // Российский юридический журнал. 2014. № 4 (97). С. 105—113; Зиньковский В.В. Актуальные вопросы раскрытия преступлений "прошлых лет" // Вестник СевКавГТИ. 2015. № 1 (20). С. 93—96.

¹ См.: Волинкин Е.Н. О некоторых мерах по раскрытию преступлений, совершенных в прошлые годы // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 4 (86). С. 154—159; Ку-

леева И. Ю. Правовое регулирование и криминалистическое обеспечение расследования нераскрытых преступлений прошлых лет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011; Кучерявый А.Ю. Взаимодействие органов дознания и следователей при раскрытии преступлений против личности, совершенных в прошлые годы // Предварительное следствие. 2009. № 4 (6). С. 48—53; Морозов А. В. Использование экспертно-криминалистических учётов в расследовании преступлений прошлых лет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016; Стукалов В.В. Проблемы раскрытия преступлений прошлых лет // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 251—255.

² См.: Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 г. «О едином учете преступлений».

³ См.: приказ Следственного комитета Российской Федерации от 31 июля 2014 г. № 65 «Об организации работы по раскрытию и расследованию уголовных дел о преступлениях прошлых лет».

— подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия либо место его нахождения не установлено по иным причинам;

— место нахождения подозреваемого или обвиняемого известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует;

— призыв подозреваемого или обвиняемого на военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации либо заключение ими в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а также прохождение ими военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время;

— временное тяжелое заболевание подозреваемого или обвиняемого, удостоверенное медицинским заключением, препятствует его участию в следственных и иных процессуальных действиях;

2) преступления, совершающиеся длительное время (обычно серийные преступления — *прим. авт.*), предварительное следствие по которым не приостановлено.

Обе эти группы преступлений (хотя в количественном отношении первая группа более значительна — *прим. авт.*) требуют постоянного внимания со стороны руководителей правоохранительных органов, особенно ОВД, следственных органов СК России и пр. Это обычно категория *нераскрытых* преступлений, совершенных в прошлые годы, предварительное следствие по которым приостановлено, но не истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности. При этом и после приостановления пред-

варительного следствия следователь должен принимать меры по установлению лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого или обвиняемого, а также устанавливает место нахождения подозреваемого или обвиняемого, и если он скрылся, принимает меры по его розыску (ч. 1 ст. 208 и ч. 2 ст. 209 УПК РФ).

На раскрытие преступлений, совершенных в прошлые годы, влияют многочисленные организационные и иные факторы.

Традиционно в юридической литературе¹ они классифицируются по различным основаниям (критериям):

а) по степени зависимости от деятельности самих правоохранительных органов: *объективные* и *субъективные*;

б) по степени влияния на организацию борьбы с преступностью: *основные* и *не основные*;

в) по времени воздействия: *стабильные* и *динамичные*;

г) по степени распространенности: *общие* (касающиеся организации указанной деятельности ОВД и других правоохранительных органов) и *частные* (определяющие особенности организации такой деятельности по отдельным направлениям).

Изучение следственной и оперативно-розыскной практики показало, что применительно к рассматриваемой проблеме основное значение имеют *объективные* и *субъективные факторы*, что в наибольшей степени отражает характер управленческого и организационного воздействия на деятельность оперативных сотрудников, следователей и иных участников раскрытия преступлений, совершенных в прошлые годы.

К *объективным* факторам, влияющим на деятельность оперативных сотрудни-

¹ См.: Расследование преступлений прошлых лет: науч.-практ. пособие / под ред. докт. юрид. наук А.И. Бастрыкина. М.: Юрлитинформ, 2021; Криминалистика : в 3 ч. Часть III: Криминалистическая методика / под. Ред В.В. Бычкова, С.В. Харченко. М.: Проспект, 2021; Харченко С.В. О факторах, влияющих на организацию оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел по борьбе с криминальным автобизнесом // Право и государство: теория и практика. 2015. № 4(124). С.

133—136; Билоус Е.Н. Организация и тактика борьбы с противоправной деятельностью лидеров криминальной среды в исправительных учреждениях: учеб. пособие. М., 1997. С. 60—62; Горяинов К.К. Оперативно-розыскная деятельность в системе исполнения и отбывания уголовных наказаний // Общество и право. 2013. № 4 (46). С. 154—157; Хомколов В.П. Организация управления оперативно-розыскной деятельностью: системный подход. М., 1999. С. 8—9.

ков, следователей и иных участников раскрытия рассматриваемых преступлений, например, относятся следующие:

– совершение преступления в обстановке, исключающей возможность наблюдения и восприятия преступного деяния (ввиду безлюдности места происшествия, отсутствия телевизионных камер наблюдения и т.п.) и создающей серьезные помехи для обнаружения и изъятия следов преступления (неблагоприятные погодные условия, особенности грунта и пр.);

– наличие у лиц, совершающих преступления, значительного преступного опыта, позволяющего им предпринимать эффективные меры по подготовке, совершению и сокрытию как самого преступления, так и следов своего участия в нем (в частности, инсценировка, маскировка, уничтожение и фальсификация следов, вещественных доказательств)¹;

– отсутствие связи между преступником и потерпевшим, усложняющее выявление подозреваемого;

– совершение преступления в месте, к которому преступник обычно не имеет никакого отношения, т.е. вне места своего проживания или работы, места проживания родных и близких и т.д. (наиболее ярким проявлением этого негативного фактора является совершение преступлений т.н. «гастролерами» — *прим. авт.*);

– продолжительный временной фактор, влияющий не только на утрату, но и на изменение доказательственной информации;

– несвоевременное обнаружение самого факта совершения конкретного пре-

ступления, запоздалое заявление или сообщение о преступлении, а также не выявление признаков преступления сотрудниками правоохранительных органов либо ошибочный анализ исходных данных на стадии возбуждения уголовного дела.

К субъективным факторам относятся ошибки, неточности, субъективизм и иные недостатки деятельности участников раскрытия преступлений, в частности:

– отсутствие должного взаимодействия между различными службами и подразделениями как в самом ОВД, так и со следственными органами СК России;

– недостатки в планировании раскрытия и расследования преступления, которые привели к бессистемности оперативно-розыскной и следственной деятельности, ошибочному распределению сил и средств, отвлечению внимания на несущественные детали без акцентирования внимания на основных вопросах;

– выбор неправильной организационной формы раскрытия и расследования преступления (например, когда вместо создания следственной группы сотрудник оперативного подразделения единолично проводит оперативно-розыскные мероприятия по сложному и дящемуся преступлению, характеризующемуся проблемностью и конфликтностью);

– имевшиеся ранее ограниченные в прошлые годы возможности проведения судебных экспертиз;

– несвоевременное информирование правоохранительных органов о возможном передвижении преступников по конкретным маршрутам, а также неоптимальный выбор мер по розыску скрывшегося лица и их неэффективная реализация²;

¹ Так, в августе 1996 г. на территории Ирафского района Республики Северная Осетия—Алания А.А.Х., А.Р.Х. и Б.А.Г. совершили покушение на кражу имущества гр. Е., а А.Р.Х., кроме того, его убийство. А.А.Х. и Б.А.Г. были осуждены по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ. А.Р.Х. после совершения преступления скрылся, уехав на территорию Чеченской Республики, где в то время велись боевые действия. Подобрал в одном из брошенных домов свидетельство о рождении С., А.Р.Х. впоследствии обратился с ним в ОВД под видом местного жителя, где получил паспорт со

своей фотографией и анкетными данными С., после чего, освоив строительные специальности, до 2015 г. работал в различных фирмах на территории Южного и Северо-Кавказского федеральных округов.

² Так, по уголовному делу, возбужденному следственным управлением по Орловской области по ч. 1 ст. 105 УК РФ по факту обнаружения трупа Ш., предварительное следствие приостанавливалось в связи с розыском подозреваемого П. В материалах уголовного дела имелись соответствующие процессуальные документы, а также сопроводитель-

- неэффективное использование оперативных, оперативно-справочных, криминалистических и иных учетов, экспертно-криминалистических коллекций информационно-аналитических центров и экспертно-криминалистических подразделений правоохранительных органов;
- не выдвижение всех фактически возможных оперативно-розыскных и криминалистических версий и контрверсий, а также их неправильная, бессистемная и неполная проверка;
- низкий уровень использования в процессе раскрытия и расследования специальных знаний экспертов и специалистов, а также оперативно-розыскных, технико-криминалистических и иных специальных средств, в том числе оперативно-розыскной информации со стороны следователя;
- отсутствие оперативной инициативы, неиспользование всех возможностей негласной и гласной деятельности органов, осуществляющих ОРД (например, иногда имеют место факты волокиты при заведении розыскного или возбуждении уголовного дела¹);

- неумение применять эффективные тактические приемы и тактические комплексы, особенно без учета конкретных следственных ситуаций;
- узкий круг выдвигаемых версий и неполнота их дальнейшей проверки²;
- необоснованное приостановление предварительного следствия без выполнения в отсутствие обвиняемого всех необходимых следственных действий³, в том числе недостаточность волевой сферы следователей и сотрудников оперативных подразделений, которые при появлении сложностей не могут выбрать четкую линию поведения, теряются и фактически выбирают «пораженческую» позицию, преждевременно приостанавливая предварительное следствие вместо целенаправленного поиска оптимальных решений и их эффективной реализации;
- проведение в не полном объеме экспертных исследований, в том числе молекулярно-генетических экспертиз, и не по

ные письма и поручения о необходимости организации розыска, направленные в ОВД. При очередных контрольных мероприятиях установлено, что розыск П. фактически не осуществлялся. В связи с выявленными нарушениями приняты меры по усилению ведомственного контроля за организацией розыска.

¹ Например, в УВД г. Твери 20 мая 2004г. обратилась жительница Х. с заявлением о розыске малолетнего сына Ильи, 1989 г. рождения, пропавшего на Ленинградском вокзале г. Москвы. Однако вместо заведения розыскного дела и организации розыска Х. материалы вплоть до февраля 2005 г. пересылались между территориальным органом внутренних дел и ЛОВД. Аналогичный факт имел место в МВД Республики Северная Осетия-Алания. В марте 2004 г. в УВД Моздокского района с заявлением о розыске мужа обратилась Ф. В течение 3-х месяцев розыскное дело не заводилось, а его материалы пересылались между органами внутренних дел Северной Осетии и Волгоградской области.

² Следственным отделом по г. Барнаулу Алтайского края было возобновлено производство по уголовному делу о безвестном исчезновении предпринимателя О. В течение длительного времени последним местонахождением пропавшего считали автостоянку перед торговым центром города,

поскольку супруга О., просмотрев видеозапись с камеры видеонаблюдения торгового центра, в мужчине, припарковавшем автомобиль у торгового центра, опознала мужа. Была выдвинута версия о последующем выезде О. за рубеж с целью невыполнении долговых обязательств. По возобновленному уголовному делу версия о нахождении потерпевшего в машине была поставлена под сомнение в виду низкого качества видеозаписи и выдвинута новая версия: автомашину припарковал не пропавший О., а мужчина, причастный к его исчезновению. Эта версия нашла свое подтверждение — убийство О. действительно совершено мужчиной, который припарковал автомобиль. В ходе дальнейшего расследования установлено, что преступление совершил бригадир строителей из-за возникшего конфликта по поводу качества строительных работ при возведении дачного дома О.

³ Справочно: В 2018 г. установлено совпадение генотипа спермы неизвестного мужчины, полученного в ходе молекулярно-генетической экспертизы по факту изнасилования С., с генотипом некоего Б., прошедшего обязательную государственную генетическую регистрацию как лицо, осужденное в Псковской области по ст. ст. 131 и 132 УК РФ. Однако еще в декабре 2008 г. уголовное дело было прекращено в связи с истечением срока давности без установления лица.

всем объектам, изъятым с места преступления¹;

– неквалифицированное производство следственных действий и ненадлежащее качество проведенных первоначальных оперативно-розыскных и следственных мероприятий, обычно проводимых на месте происшествия (неоправданное ограничение территории места происшествия, непрофессиональное проведение обыска или выемки, некачественный осмотр места происшествия или документов, несвоевременное установление свидетелей (очевидцев) и их поверхностный опрос (допрос), неудовлетворительный поиск и фиксация следов и других вещественных доказательств и т.д.);

– несвоевременный выезд или прибытие следственно-оперативных групп на осмотр места происшествия, а также запоздалое принятие необходимых мер оперативно-дежурными ОВД по преследованию и задержанию преступников «по горячим следам» после получения сообщения о преступлении или по организации т.н. «заслонов»;

– отсутствие организации надлежащего контроля или наблюдения за местами вероятного сбыта или хранения похищенного имущества; и т.п.

Вместе с тем очевидно, что при оценке как отдельных факторов, так и всей их совокупности нужно принимать во внимание их содержательную сторону, механизм воздействия, непосредственный и опосредствованный характер, длительность и масштабы действия.

Представляется, что для повышения эффективности работы по раскрытию преступлений, совершенных в прошлые годы, целесообразно более активно осуществлять такие меры, как:

— привлекать к работе специалистов в области психологи, психиатрии и др., а также взаимодействовать с учреждениями здравоохранения, в том числе содержащими сведения о наличии психических расстройств и иных заболеваний у конкретных лиц;

— анализировать результаты оперативно-розыскной деятельности того времени, особенно с учетом прошедшего времени и изменившейся жизненной ситуации различных лиц, в том числе очевидцев, и др.;

— использовать данные геномного и иных учетов (самодельных взрывных устройств; самодельного огнестрельного оружия; пуль, гильз и патронов со следами нарезного ручного стрелкового огнестрельного оружия; микрообъектов (микроволокон и пр.); портретов разыскиваемых лиц; и др.), в том числе активно развивающихся в последнее время;

взаимодействовать с оперативными подразделениями Федеральной службы исполнения наказаний России, поскольку некоторые лица спустя определенное время попадают в места лишения свободы, совершая иные преступления (не говоря уже об аналогичных — *прим. авт.*);

организовывать следственную и оперативно-розыскную работу, включая проведение негласных оперативно-розыскных мероприятий, с учетом временного фактора, возможного притупления бдительности преступников, которые могут проговориться о совершенном преступлении знакомым или случайно опубликовать оперативно значимую информацию в социальных сетях, начать реализовывать похищенное имущество или деньги; и т.п.

¹ В Борисоглебском районе Воронежской области в 2006 г. совершено изнасилование несовершеннолетней И. На ее брюках обнаружена сперма, судебно-медицинской экспертизой установлена группа крови преступника. Молекулярно-генетическая экспертиза по этим биологическим объектам не проводилась. После ревизии вещественных доказательств, проведенной сотрудниками отдела криминалистики, брюки потерпевшей направлены на молекулярно-генетическую экспертизу, был выделен ДНК-профиль преступника и проверен по

базе данных ГУК СК России. В результате установлено совпадение со следами Н., проверяемого на причастность совершения серии нападений на девочек в лифтах домов г. Воронежа. Преступление было раскрыто через шесть лет после его совершения.

Примеры приведены из научно-практического пособия: Расследование преступлений прошлых лет / под ред. докт. юрид. наук А.И. Бастрыкина. М.: Юрлитинформ, 2021.

Таким образом, анализ соответствующих факторов может повысить эффективность раскрытия преступлений, совершенных в прошлые годы, что, безусловно, требует активизации взаимодействия между оперативными, следственными и иными подразделениями различных правоохранительных органов.

Список источников

1. Бастрыкин А.И. Раскрытие преступлений прошлых лет: теоретический и практический аспекты // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2016. № 1 (7). С. 21—25.
2. Бессонов А.А. Некоторые наиболее перспективные способы раскрытия и расследования преступлений прошлых лет // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2017. № 4 (18). С. 118—121.
3. Билоус Е.Н. Организация и тактика борьбы с противоправной деятельностью лидеров криминальной среды в исправительных учреждениях: учеб. пособие. Москва, 1997.
4. Быков В.М. Расследование нераскрытых преступлений прошлых лет : Лекция. Ташкент: НИиРИО Ташк. ВШ МВД СССР, 1984. 38 с.
5. Вольнкин Е.Н. О некоторых мерах по раскрытию преступлений, совершенных в прошлые годы // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 4 (86). С. 154—159.
6. Горяинов К.К. Оперативно-розыскная деятельность в системе исполнения и отбывания уголовных наказаний // Общество и право. 2013. № 4 (46). С. 154—157.
7. Грибунов О.П., Кравцова И.А. Правовые аспекты совершенствования деятельности по раскрытию и расследованию нераскрытых преступлений прошлых лет, совершенных на транспорте // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 3 (25). С. 62—69.
8. Драпкин Л.Я. Особенности расследования нераскрытых преступлений прошлых лет // Российский юридический журнал. 2014. № 4 (97). С. 105—113.
9. Зиньковский В.В. Актуальные вопросы раскрытия преступлений "прошлых лет" // Вестник СевКавГТИ. 2015. № 1 (20). С. 93—96.
10. Криминалистика: в 3 ч. Часть III: Криминалистическая методика / под. ред. В.В. Бычкова, С.В. Харченко. Москва: Проспект, 2021. 635 с.
11. Кулеева И. Ю. Правовое регулирование и криминалистическое обеспечение расследования нераскрытых преступлений прошлых лет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. 23 с.
12. Кучерявый А.Ю. Взаимодействие органов дознания и следователей при раскрытии преступлений против личности, совершенных в прошлые годы // Предварительное следствие. 2009. № 4 (6). С. 48—53.
13. Лавров В.П. Особенности расследования нераскрытых преступлений прошлых лет : учеб. пособие. Москва: Высш. школа МВД СССР, 1972. 87 с.
14. Морозов А.В. Использование экспертно-криминалистических учётов в расследовании преступлений прошлых лет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2016. 25 с.
15. Расследование преступлений прошлых лет : науч.-практ. пособие /под ред. докт. юрид. наук А.И. Бастрыкина. Москва: Юрлитинформ, 2021. 182 с.
16. Стукалов В.В. Проблемы раскрытия преступлений прошлых лет // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 251—255.
17. Харченко С.В. О факторах, влияющих на организацию оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел по борьбе с криминальным автобизнесом // Право и государство: теория и практика. 2015. № 4(124). С. 133—136.
18. Хомколов В.П. Организация управления оперативно-розыскной деятельностью: системный подход. Москва, 1999. 189 с.

Crimes committed in previous years: some factors influencing their detection

© **Kharchenko S.V.**,

Vice-Rector for Academic and Scientific Affairs of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor;

© **Girko S.I.**,

Director of the Center for Security Research of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

© **Skiba A.P.**,

Chief Researcher at the Research Laboratory of the Faculty of Scientific and Pedagogical Training and Organization of Scientific Research at the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

Abstract. Taking into account the provisions of criminal procedure and other legislation, the article considers a number of factors influencing the detection of crimes committed in previous years. A list of the main objective and subjective factors influencing the organization of the activity in question is given: the commission of a crime in an environment that excludes the possibility of observing and perceiving a criminal act; a long-term time factor affecting the loss and change of evidentiary information; lack of proper interaction between various services and divisions both in the internal affairs bodies and with the investigative bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation; shortcomings in planning the disclosure of a crime; unjustified suspension of the preliminary investigation without performing all necessary investigative actions in the absence of the accused; etc. Some measures have been formulated to improve the efficiency of work on solving crimes committed in previous years.

Keywords. disclosure of crimes committed in previous years; objective and subjective factors; operational investigative activities; internal affairs bodies; Investigative Committee of the Russian Federation.

For citation: Kharchenko S.V., Dirko S.I., Skiba A.P. Crimes committed in Previous Years: some factors influencing the Disclosure // Military Law. 2025. No. 3. pp. 186-193.

The article was received by the editorial office on March 19, 2025.

Зарубежное военное законодательство. Военные проблемы международного права

Военное право Республики Армения на современном этапе развития (с 1991 г. по настоящее время)

© **Каккцян Арсен Сейранович**,
Генеральный Штаб Вооруженных Сил
Республики Армения

Аннотация. Статья посвящена формированию военного права Республики Армения на современном этапе развития. Историческая хронология ограничена периодом с 1991 г. по настоящее время. Автор приходит к выводу, что именно на данном историческом этапе происходит комплексное формирование такой отдельной отрасли права, как военное право, что обуславливается принятием соответствующих нормативных правовых актов, содержащих прямо или опосредованно военно-правовые нормы. По итогам исследования автор делает соответствующие историко-правовые выводы, имеющие теоретическое значение.

Ключевые слова: военное право, оборона, военная служба, Республика Армения, военно-уголовные нормы.

Для цитирования: Каккцян А.С. Военное право Республики Армения на современном этапе развития (с 1991 г. по настоящее время) // Военное право. 2025. № 3. С. 194—202.

Статья поступила в редакцию 23 марта 2025 г.

После изменения Конституции СССР в 1988 г. попытки изменить сложившиеся отношения между центральными органами государственной власти СССР и советскими республиками не удалось. Идея перестройки привела к смягчению тоталитарного режима, что в свою очередь привело к возможности советских республик бороться за реализацию идеи независимости. В мае 1990 г. состоялись выборы в Верховный Совет Армении. Выборы проходили по 100-процентной мажоритарной системе (260 депутатов). В основном предвыборная борьба проходила между Коммунистической партией и основной оппозиционной силой — Армянским Общенациональным движением. Большинство избранных депутатов были коммунистами.

На тот момент первостепенное значение приобретает вопрос создания сильной и боеспособной национальной армии Армении, способной обеспечить защиту независимости, суверенитета и территори-

альной целостности государства, обеспечить безопасность своих граждан и других жизненно важных интересов государства.

В 1992—1993 гг. путем объединения добровольческих отрядов «Еркрапа» и призывников, которые должны были пройти срочную военную службу, образовалась армянская национальная армия (Айкакан банак). В свою очередь, Правительство Республики Армении постановлением от 28 января 1992 г. № 62 принимает историческое для государственных и национальных интересов решение о создании Министерства обороны Республики Армении, которое *de jure* провозгласило создание Армянской национальной армии (Айкакан банак, Вооруженные Силы).

Регулярные воинские части Вооруженных Сил Республики Армении образовывались в основном на базе оставшихся на территории Армении воинских частей Советской Армии. Сотни армян-

ских офицеров, до этого служивших в разных воинских частях Советской Армии, в том числе за границей, вернулись в Армению и пополнили ряды вновь созданной национальной армии. Военно-политическим руководством государства особое внимание уделялось боевой подготовке, техническому и тыловому обеспечению, воинской дисциплине, а также созданию нового военного законодательства (так как в то время действовало законодательство Армянской ССР).

После распада СССР в 1992 г. представители государств-членов СНГ подписали Соглашение «Об объединённых вооруженных силах на переходный период». В соответствии со ст. 2 данного Соглашения все вооруженные силы были объединены в один блок, который должен был решать вопросы транснационального характера. Между тем созданная коалиция оказалась не в полной мере работоспособной, что стало причиной формирования национальных вооруженных сил. Вновь созданные государства на постсоветском пространстве стали отчуждать в свою пользу вооружение Советской Армии. При этом Республика Армения оказалась в самом невыгодном положении, так как на ее территории осталось меньше всего ресурсов Закавказского военного округа Советской армии. Однако военные формирования остались довольно внушительные. Так, было оставлено все имущество 7-й гвардейской армии и 15-й мотострелковой дивизии Советской Армии, которое было передано Республике Армения с 1992 по 1996 г. на основе международных актов.

Знаменательной датой является 5 июля 1995 г., когда одновременно с парламентскими выборами в Армении была принята также и Конституция Армении, положения которой обстоятельно рассматривались и разрабатывались на сессиях Верховного Совета. Все это было первыми шагами на пути установления новых экономических и общественных

отношений¹, в том числе и военно-правовых отношений. Можно выделить ряд норм, которые напрямую и опосредованно можно отнести к военному праву.

Так, ст. 14 Конституции напрямую посвящена вопросам Вооруженных Сил и обороне: Вооруженные силы Республики Армения обеспечивают защиту, безопасность, территориальную целостность и неприкосновенность границ Республики Армения (ч. 1); Вооруженные силы Республики Армения соблюдают нейтралитет в политических вопросах и находятся под гражданским контролем (ч. 2); каждый гражданин обязан в установленном порядке участвовать в защите Республики Армения (ч. 3). Частью 4 ст. 41 Конституции РА предусмотрена возможность заменить военную на альтернативную службу в установленном законом порядке в случаях, когда военная служба противоречит вероисповеданию или его религиозным убеждениям. В ч. 3 ст. 44 Конституции предусмотрено, что законом могут устанавливаться ограничения на осуществление права на свободу служащих вооруженных сил, национальной безопасности, полиции и других военизированных органов.

Согласно Основному закону Республики Армении военная служба не считается обязательным или принудительным трудом (п. 2 ч. 5 ст. 57). Вместе с тем содержатся положения об ограничении основных прав и свобод человека во время чрезвычайного или военного положения (ст. 76). В Основном законе (ст. 119) также раскрывается, что следует понимать под военным положением, а также закреплены действия, которые государство вправе осуществлять в целях обороны страны. Например, ч. 1 ст. 119 гласит, что в случае вооруженного нападения на Республику Армения, наличия непосредственной угрозы нападения или объявления войны Правительство объявляет военное положение, обращается с посланием к народу и может объявить общую

¹ Манасян А.А. Развитие Конституции Республики Армения как важнейшая предпосылка укреп-

ления армянского конституционализма // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 3. С. 141—146.

или частичную мобилизацию. В случае объявления военного положения немедленно созывается специальное заседание Национального Собрания (ч. 2). Национальное Собрание большинством голосов от общего числа депутатов может отменить военное положение или объявить недействительным осуществление мер, предусмотренных правовым режимом военного положения (ч. 3). Правовой режим военного положения устанавливается законом, который принимается большинством голосов от общего числа депутатов (ч. 4).

В Конституции Республики Армения также содержатся нормы об объявлении войны и установлении мира. К примеру, ст. 118 определяет, что Национальное Собрание по предложению Правительства может принять большинством голосов от общего числа депутатов постановление об объявлении войны или установлении мира (ч. 1). В случае невозможности созыва заседания Национального Собрания вопрос объявления войны решает Правительство (ч. 2). Предусмотрена также возможность ратификации, приостановления или денонсации международных договоров, которые носят военный характер (п. 2 ч. 1 ст. 116). Особый интерес заслуживает отдельная правовая норма, посвященная исключительно Вооруженным Силам Республики Армении. Так, согласно ст. 155 Вооруженные Силы находятся в подчинении Правительства. Постановление о применении Вооруженных Сил принимает Правительство. В случае безотлагательной необходимости постановление о применении Вооруженных Сил по предложению министра обороны выносит Премьер-министр и немедленно сообщает об этом членам Правительства (ч. 1).

В то же время основные направления политики в области обороны устанавливает Совет безопасности. Министр обороны осуществляет руководство Вооруженными Силами в рамках этих основных

направлений (ч. 2). Высшим военным должностным лицом Вооруженных Сил является начальник Генерального штаба, которого по предложению Премьер-министра назначает Президент Республики на срок, установленный законом. В невоенное время начальник Генерального штаба подчиняется министру обороны (ч. 3). Во время войны Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами является Премьер-министр (ч. 4). Подробности подчиненности Вооруженных Сил, руководства ими, а также иные подробности устанавливаются законом (ч. 5). Из приведенной статьи Основного закона усматриваются основные положения и место Вооруженных Сил в Республике Армения, обобщенные вопросы военного устройства, а детализирующие нормы содержатся в специальных законах, о которых будет идти речь ниже.

Нормы военного законодательства определяют устройство Вооруженных Сил, организацию и полномочия органов военного управления, порядок комплектования кадров и запаса Вооруженных Сил личным составом, порядок прохождения военной службы, правовое положение военнослужащих и военнообязанных, организацию и ведение войскового хозяйства, правила материального и финансового обеспечения военнослужащих, права военных властей в местностях, объявленных на военном положении, основы мобилизации Вооруженных Сил, иные вопросы обеспечения обороны страны. Исходя из этого, под военным законодательством понимается система нормативных правовых актов, объединяемых предметно-функциональными связями в целях определения правил подготовки и урегулирования войны (вооруженных конфликтов), правил ведения боевых действий, правового положения (статуса) участников военной деятельности, а также правовых основ военной деятельности государства по обеспечению его военной безопасности¹.

¹ Военное право : учебник / А.В. Кудашкин, В.М. Корякин, В.В. Кудашкин [и др.]. М.: ИГПАН, 2021. С. 174.

Основным источником права в структуре военного законодательства Республики Армения является Закон от 15 ноября 2017 г. № ЗР-196-Н «Об обороне», который регулирует правовые основы организации обороны Республики Армения, деятельность государственных органов и органов местного самоуправления, должностных лиц, организаций — независимо от их правовой формы, Вооруженных Сил и других войск в области обороны, права и обязанности граждан в процессе участия в обороне Республики Армения, а также отношения, связанные с мобилизационной подготовкой и проведением мобилизации¹. В данном нормативном правовом акте раскрываются следующие вопросы:

— основные понятия в области обороны (ст. 3);

— принципы организации и осуществления обороны (ст. 4);

— вопросы организации обороны (ст. 5);

— полномочия государственных органов и органов территориального управления и местного самоуправления должностных лиц в области обороны (ст. ст. 6—12);

— обязанности организаций и граждан в области обороны (ст. ст. 13—14);

— структура и руководство Вооруженными Силами (ст. ст. 15—18);

— воинская обязанность, военный учет, приписной резерв граждан и их бронирование при мобилизации (ст. ст. 19—23);

— вопросы, связанные с мобилизационной подготовкой и обеспечения моби-

лизации, военно-транспортная обязанность и мобилизационный призыв (ст. ст. 24—29).

29 мая 1997 г. принимается Закон Республики Армения «О военном положении», где уделяется внимание мероприятиям, осуществляемым во время военного положения, определяется компетенция Правительства Республики Армения, республиканских, территориальных органов государственного управления и органов местного самоуправления, а также устанавливаются обязанности предприятий, учреждений, организаций, граждан и должностных лиц в условиях военного положения. Детализация военно-правовых норм в рассматриваемой области содержится в Законе Республики Армения от 5 декабря 2006 г. № ЗР-258 «О правовом режиме военного положения». Немаловажным стало принятие в 1996 г. общевойсковых уставов².

В дальнейшем принимается Закон Республики Армения от 16 октября 1998 г. № ЗР-250 «О воинской обязанности», который регулировал отношения, связанные с организацией и проведением в Республике Армения воинского учета граждан, их подготовкой к военной службе, призывом и прохождением военной службы, подготовкой в резерве³. Данный закон утратил силу 16 декабря 2017 г. в связи с принятием нового Закона № ЗР-195 «О военной службе и статусе армейского военнослужащего», которые более подробно также регулирует социальные аспекты военнослужащих, членов их семей⁴.

¹ До этого действовали законы Республики Армения «Об обороне» от 29 мая 1997 г. (утратил силу 25 декабря 2008 г.), а также от 27 ноября 2008 г. (утратил силу 9 апреля 2018 г.). С точки зрения юридической техники данные нормативные правовые акты были менее интересны, поскольку содержали не совсем однозначные формулировки, без конкретизации многих аспектов, которые содержатся в нынешнем законе. К примеру, отсутствовали легальные дефиниции основных понятий военного права.

² См.: Закон Республики Армения от 3 декабря 1996 г. № ЗР-99 «Об утверждении Устава внутренней службы Вооруженных Сил Республики Армения».

³ Ранее действовал одноименный закон Республики Армения от 9 декабря 1991 г. «О воинской обязанности».

⁴ До этого схожие вопросы регулировались законами от 3 июля 2002 г. «О прохождении военной службы» (утратил силу 16 декабря 2017 г.); от 15 ноября 2017 г. «О военной службе и о статусе во-

Немаловажное значение в рассматриваемом контексте имеет Закон Республики Армения от 1 июля 2004 г. № ЗР-6-Н «Об альтернативной службе», позволяющий претворить в реальность соответствующие конституционные нормы.

Понятие, задачи, принципы деятельности, полномочия и структура военной полиции, государственные гарантии и социального обеспечения служащего военной полиции, а также порядок финансирования, материально-технического обеспечения и контроля деятельности военной полиции закреплены в Законе Республики Армения от 13 января 2017 г. № ЗР-13 «О военной полиции».

В определенный период действовали такие нормативные правовые акты, как законы Республики Армения от 29 марта 1999 г. № ЗР-289 «О мобилизационной подготовке и мобилизации»¹, от 25 ноября 1998 г. № ЗР-258 «О социальном обеспечении военнослужащих и членов их семей»², от 10 августа 1992 г. № С-0673-1-ЗР-38 «Об образовании Военного суда (трибунала) в судебном системе Республики Армения». Согласно последнему из названных законов военные суды действовали вплоть до 12 января 1999 г., но в связи с принятием 18 июля 1998 г. Закона Республики Армения № ЗР-233 «О судебном устройстве» они были полностью упразднены.

Правовое положение органов военной юстиции было закреплено в законах Республики Армения от 17 ноября 2017 г. № ЗР-198 «О прокуратуре»³, а также от 19 мая 2014 г. № ЗР-25 «О Следственном комитете Республики Армения». Данные законы регулирует порядок прохождения службы в органах прокуратуры и следственных органах, классификацию должностей и званий, права и ответственность,

правовые и социальные гарантии служащих и другие связанные со службой отношения в указанных органах юстиции.

С 1991 г. Республикой Армения заключается множество международных договоров на военную тему. К примеру, правовое положение курсантов и офицеров, которые проходят обучение в зарубежных военных учебных заведениях (России, США, Италии, Греции и др.), военнослужащих, проходящих военную службу в различных дипломатических представительствах, участвующих в миротворческих миссиях, определяется в международных соглашениях. С Российской Федерацией заключились соглашения относительно российских военных баз на территории Армении. Об этом свидетельствует, например, Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Армения по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с нахождением российской военной базы на территории Республики Армения от 29 августа 1997 г.

Таким образом, можно констатировать, что в Республике Армения военной политике уделяется существенное внимание. Ее объектами, как подчеркивают специалисты, являются территориальная целостность, национальный суверенитет, договорные военные обязательства, миротворческая деятельность. Все это оговорено в специальных нормативных правовых актах, о которых шла речь выше. Одновременно, субъектами такой военной политики являются Президент Республики Армения – Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами, который координирует деятельность государственных органов в области обороны, назначает и освобождает высший командный состав Вооруженных Сил и других войск, безопасности; Правительство Рес-

еннослужащих» и от 27 октября 1998 г. «О социальном обеспечении военнослужащих и членов их семей».

¹ Утратил силу с 9 апреля 2018 г.

² Документ утратил силу с 16 декабря 2017 г.

³ Первоначально 10 августа 1992 г. был принят Закон № С-0671-1-ЗР-38 «Об образовании военной прокуратуры в системе прокуратуры Республики Армения», который действовал до 4 января 2007 г. и утратил силу в связи с принятием в 2007 г. Закона «О прокуратуре».

публики Армения ведает вопросами обеспечения безопасности страны; Министерство обороны Республики Армения, несет непосредственную ответственность за обеспечение обороны республики, за развитие и боевую готовность Вооруженных Сил; Генеральный штаб Вооруженных Сил Республики Армения является основным органом оперативного управления Вооруженными Силами¹.

Немаловажным документом является Стратегия национальной безопасности Республики Армения, одобренная на заседании Совета национальной безопасности при Президенте Республики Армения 26 января 2007 г. В ней подчеркивается, что для Армении стратегическим приоритетом является развитие военно-промышленного комплекса в качестве ключевого фактора непрерывного наращивания мощи вооруженных сил, экономического роста, научного и технологического процесса. В этом направлении Армения намерена акцентировать осуществление в военно-промышленной сфере государственных инвестиций и заказов, поощрение частных инвестиций, диверсификацию и рост объемов продукции военно-промышленного комплекса, глубокое проникновение в военно-промышленную сферу новейших и высоких технологий. Это позволит снизить зависимость Армении от импорта вооружений и военной техники, а также резко повысить конкурентоспособность отечественной военной и высокотехнологичной продукции на международном рынке.

В это же время принимается Военная доктрина Республики Армения, утвержденная Указом Президента Республики Армения от 25 декабря 2007 г. № УП-308-Н, которая представляет собой совокупность официальных концептуальных взглядов, включающих военно-политиче-

ские, военно-стратегические, военно-экономические и военно-технические основы военной безопасности, оборонную стратегию, систему обеспечения военной безопасности Республики Армения и координирует деятельность государственных органов по обеспечению военной безопасности государства.

Данный документ основывается на анализе:

- региональной и международной военно-политической обстановки;
- стратегических прогнозов;
- текущих и перспективных задач обеспечения военной безопасности;
- потребностей системы военной безопасности и реальных возможностей экономики;
- современных вызовов и угроз военной безопасности;
- характера вооруженных конфликтов;
- международных обязательств Республики Армения и возможностей, предоставленных сотрудничеством в этой сфере;
- отечественного и зарубежного опыта военного строительства и военного искусства².

Верно подчеркивается, что на современном этапе происходит использование опыта вооруженных сил дружественных государств по вопросам воспитания военнослужащих на героических традициях, осуществляется реализация программы «Нация-Армия» в Вооруженных Силах Республики, сотрудничество государственных, общественных организаций и армянской церкви в целях актуализации героических традиций в воспитании армянского народа³.

Согласимся, что военная политика Армении, как и ее внешняя политика, строится на принципе комплиментарности, а этот принцип взят на вооружение,

¹ Арустамян А.А. Военная политика Республики Армения: политико-правовые основы, сущность и содержание // Вестник военного университета. 2008. № 2 (14). С. 67.

² Подробнее об этом см.: Бабаджанов А.Я. Анализ военных доктрин государств-участников ОДКБ //

Вестник МГИМО-Университета. 2008. № 3. С. 60—66.

³ Саргсян А.Н. Воспитание военнослужащих Вооруженных Сил Республики Армения на героических традициях : дис. ... канд. пед. наук. М., 2017. С. 11.

исходя из взвешенного политического, в том числе военно-политического учета характеристик безопасной среды жизнедеятельности Республики Армения и в целом армянского народа, проживающего во многих странах¹. Заметим, что Стратегия национальной безопасности включает в себя как внешнеполитические и военные, так и другие — социальные, экономические, энергетические, здравоохранительные, научные, информационно-технологические компоненты обеспечения безопасности.

Еще одним важным нормативным правовым актом рассматриваемого периода является Уголовный кодекс Республики Армения от 1 августа 2003 г. № НО-528-Н² (УК РА 2003 г.), который содержал напрямую военно-уголовные нормы. К примеру, в Общей части в ст. 53.1 УК РА 2003 г. было предусмотрено наказание в виде ограничения по военной службе, применяемое в отношении военнослужащего, имеющего звание офицера или прапорщика, за совершение направленных против порядка военной службы небольшой или средней тяжести. Это вид наказания, согласно которому данное лицо не может быть назначено на должность выше занимаемой им должности (в том числе — на более высокооплачиваемую) на срок от трех месяцев до трех лет, ему не может быть присвоено очередное более высокое звание, а также приостанавливается установленный законом срок присвоения очередного звания с удержанием до 20 процентов из суммы денежного довольствия. Предусмотрено также и содержание в дисциплинарном батальоне (ст. 58).

К обстоятельствам, отягчающим уголовную ответственность и наказание (ч. 1 ст. 63), относится среди прочего также, если преступление совершено лицом, которое тем самым нарушило военную или профессиональную клятву (п. 10), а также

если оно учинено в условиях военного или чрезвычайного положения и т.д. (п. 13).

Особое место занимал раздел 12 «(Преступления против порядка военной службы)» УК РА 2003 г., который предусматривал ответственность за неисполнение приказа (ст. 356), сопротивление начальнику или принуждение его к неисполнению или ненадлежащему исполнению обязанностей военной службы (ст. 357), совершение насильственных действий в отношении начальника или угроза их совершения (ст. 358), совершение насильственных действий или угроза их совершения в отношении подчиненного (ст. 358.1), нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности (субординации) (ст. 359), оскорбление военнослужащего (ст. 360), самовольное оставление воинской части или места службы (ст. 361), дезертирство (ст. 362), прекращение военной службы или исполнения ее отдельных обязанностей путем членовредительства, симуляции болезни или иным незаконным способом (ст. 363), отказ от исполнения обязанностей военной службы (ст. 364), организация военнослужащим азартных игр или участие в них (ст. 364.1), незаконное употребление военнослужащим наркотика или психотропного вещества (ст. 364.2), нарушение правил несения боевого дежурства или боевой службы (ст. 365), нарушение правил несения пограничной службы (ст. 366), нарушение уставных правил караульной или гарнизонной службы (ст. 367), нарушение уставных правил внутренней службы (ст. 368), нарушение правил несения службы во время охраны общественного порядка или обеспечения общественной безопасности (ст. 368.1), умышленное уничтожение или повреждение военного имуще-

¹ Арустамян А.А. Военная политика Республики Армения и ее влияние на безопасность в Закавказье: дис. ... канд. полит. наук. М., 2008. С. 12.

² Утратил силу 1 июля 2022 г. в связи с принятием нового уголовного закона. В советский период

действовал Уголовный кодекс, принятый пятой сессией Верховного Совета Армянской ССР пятого созыва от 7 марта 1961 г., который действовал вплоть до принятия рассматриваемого закона от 18 апреля 2003 г.

ства (ст. 369), уничтожение или повреждение военного имущества по неосторожности (ст. 370), присвоение или растрата военного имущества (ст. 371), утрата или порча военного имущества (ст. 372), нарушение правил обращения с оружием, боеприпасами и представляющими повышенную опасность для окружающих предметами, веществами (ст. 373), передача другому лицу оружия, боеприпасов, иного военного имущества, а также вещей или предметов, представляющих повышенную опасность для окружающих (ст. 374), злоупотребление властью, превышение власти или бездействие власти (ст. 375), халатное отношение к службе (ст. 376), нарушение правил вождения или эксплуатации машин (ст. 377), нарушение правил полетов или подготовки к ним (ст. 378), сдача или оставление противнику средств ведения боя (ст. 379), самовольное оставление боя или отказ действовать оружием (ст. 380), добровольная сдача в плен (ст. 381), преступные деяния, совершенные военнослужащим, находящимся в плену (ст. 382), мародерство (ст. 383). В нынешнем уголовном законе данные составы преступления также нашли свое отражение.

В юридической литературе подчеркивается, что объединение воинских преступлений в одну главу объясняется их общим родовым объектом — общественные отношения, возникающие в процессе жизни и боевой деятельности Вооруженных Сил, закрепленные в Конституции Республики Армения, законах Республики Армения «Об обороне», «О воинской обязанности», «О прохождении военной службы», воинских уставах и других актах о военной службе как особом виде государственной службы¹.

Некоторые военно-уголовные процессуальные нормы закреплены в Уго-

ловно-процессуальном кодексе Республики Армения от 12 января 1999 г. № НО-248² (УПК РА 1999 г.). В частности, следует выделить норму, которая относит к органам дознания командиров воинских частей, войсковых соединений и начальников воинских учреждений — по делам о воинских преступлениях, а также по делам о деяниях, совершенных на территории воинской части или приписываемых военнослужащим срочной службы (п. 2 ч. 1 ст. 56). Кроме того, предусмотрена такая мера пресечения, как передача под наблюдение командования (ст. 149 УПК РА 1999 г.), под которой понимается возложение на командира воинской части, соединения, начальника военного учреждения, где служит или проходит военные сборы подозреваемый или обвиняемый, обязанности обеспечить его надлежащее поведение, его явку по вызову органа, осуществляющего уголовное производство, и исполнение иных процессуальных обязанностей.

Таким образом, следует сделать вывод, что с 1991 г. в Республике Армения происходит принятие различного массива военно-правовых норм, начиная с положений Конституции Республики Армения и кодексов различного уровня, заканчивая опубликованием специальных нормативных правовых актов, посвященных вопросам обороны и армиестроительства. Немаловажное значение играет Военная доктрина Республики Армения, которая определяет, что ее принципы и подходы уточняются и воплощаются посредством документов планирования и соответствующих правовых актов, относящихся к обеспечению военной безопасности. Многие военные нормы закреплены и в различных подзаконных нормативных правовых актах. Все это свидетельствует о возможности обсуждения о начале формировании такой комплексной отрасли

¹ Багратян А.Л. Система преступлений против военной службы по уголовному законодательству Республики Армения // Бизнес в законе. 2008. № 1. С. 117.

² Кодекс частично утратил силу 1 июля 2022 г., за исключением пунктов, указанных в 438-й статье

Кодекса от 30 июня 2021 г. № ЗР-306-Н. В советское время действовал Уголовно-процессуальный кодекс, принятый пятой сессией Верховного Совета Армянской ССР пятого созыва 7 марта 1961 г., действовавший вплоть до принятия рассматриваемого закона от 1 июля 1998 г.

права, как военное право Республики Армения.

Список источников

1. Арустамян А.А. Военная политика Республики Армения и ее влияние на безопасность в Закавказье : дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2008. 201 с.

2. Арустамян А.А. Военная политика Республики Армения: политико-правовые основы, сущность и содержание // Вестник Военного университета. 2008. № 2 (14). С. 64—69.

3. Бабаджанов А. Я. Анализ военных доктрин государств-участников ОДКБ // Вестник МГИМО-Университета. 2008. № 3. С. 60—66.

4. Багратян А.Л. Система преступлений против военной службы по уголовному законодательству Республики Армения // Бизнес в законе. 2008. № 1. С. 117—118.

5. Военное право : учебник / А.В. Кудашкин, В.М. Корякин, В.В. Кудашкин [и др.]. Москва: Институт государства и права РАН, 2021. 968 с. EDN IZIVOG

6. Манасян А.А. Развитие Конституции Республики Армения как важнейшая предпосылка укрепления армянского конституционализма // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 3. С. 141—146.

7. Саргасян А.Н. Воспитание военнослужащих Вооруженных Сил Республики Армения на героических традициях : дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2017. 271 с.

Military law of the Republic of Armenia at the present stage of development (from 1991 to the present)

© **Kakhktsyan A.S.**,

General Staff of the Armed Forces of the Republic of Armenia

Annotation. The article is devoted to the formation of the military law of the Republic of Armenia at the present stage of development. The historical chronology is limited to the period from 1991 to the present. The author comes to the conclusion that it is at this historical stage that the complex formation of such a separate branch of law as military law takes place, which is conditioned by the adoption of relevant normative legal acts containing directly or indirectly military legal norms. Based on the results of the research, the author draws relevant historical and legal conclusions of theoretical importance.

Keywords: military law, defense, military service, Republic of Armenia, military criminal norms.

For citation: Kakhktsyan A.S. The Military Law of the Republic of Armenia at the Present Stage of Development (from 1991 to the present) // Military law. 2025. No. 3. pp. 194-202.

The article was received by the editorial office on March 23, 2025.

О необходимости учета законодательства об обороне сопредельных государств в российских условиях

© Редкоус Владимир Михайлович,
доктор юридических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник сектора
административного права и
административного процесса Института
государства и права РАН

Аннотация. В современных условиях сферы обороны и обеспечения национальной безопасности стали приоритетными сферами государственной деятельности в связи с необходимостью практической реализации мер по защите нашей страны от угроз безопасности со стороны сопредельного государства, которые могут быть пресечены только путем применения средств вооруженной борьбы. Несмотря на предпринимаемые попытки начала переговорного процесса по мирному урегулированию конфликта с учетом законных национальных интересов нашей страны и потребности денацификации и демилитаризации сопредельного государства, вооруженное противостояние продолжится. Это актуализирует внимание ученых к правовой регламентации вопросов обороны и обеспечения национальной безопасности как в России, так и сопредельных государствах, большинство из которых являются государствами-участниками СНГ. Данная тема актуальна не только для нашей страны, но и для других государств Содружества, так как в последнее время конфликты с применением национальных вооруженных сил, а также пограничных органов на пространстве СНГ возникают все чаще.

Потребности совершенствования законодательства об обороне требуют проведения систематического сравнительного анализа законодательных и иных нормативных правовых актов государств Содружества в области обороны и обеспечения национальной безопасности чисто с формально-юридической точки зрения, без условностей, вызванных характером политических и иных взаимоотношений России с конкретным государством Содружества. Необходимо знать и представлять, каким образом регламентированы те или иные виды деятельности в сопредельных государствах, чтобы адекватно оценивать уровень урегулированности тех или иных общественных отношений, и использовать эту информацию в аналитических, правотворческих и правоприменительных целях уже в российских условиях.

В рамках данной статьи рассмотрены основные положения Закона Украины от 6 декабря 1991 г. № 1932-ХІІ «Об обороне Украины», позволяющие с юридической точки зрения оценить происходящие в области обороны сопредельного государства процессы, а также позволяющие сделать ряд практических выводов для использования в правотворческой деятельности в российских условиях.

Ключевые слова: государственное управление; оборона; национальная безопасность; вооруженные силы; министерство обороны; генеральный штаб; воинские формирования; гражданская оборона; военное положение; мобилизация; территориальная оборона; добровольческие формирования; средства вооруженной борьбы; Содружество Независимых государств; сравнительное правоведение.

Для цитирования: Редкоус В.М. О необходимости учета законодательства об обороне сопредельных государств в российских условиях // Военное право. 2025. № 3. С. 203—216.

Статья поступила в редакцию 21 апреля 2025 г.

Развитие публично-правового управления неизменно связано с совер-

шенствованием общественных отношений в сфере обороны и национальной безопасности¹. На правовом пространстве

¹ Виноградова Е.В., Кобзарь-Фролова М.Н. Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы науки административного

права и административного процесса («Лазаревские чтения — 2022») // Административное право и процесс. 2022. № 5. С. 79—88.

Содружества Независимых Государств, образовавшихся после распада СССР, законодательство об организации обороны является одним из самых трансформируемых, что связано не столько с потребностями его совершенствования для условий мирного времени, сколько потребностями совершенствования для условий военного времени, действий национальных вооруженных сил в условиях различных конфликтов военного и невоенного характера, чрезвычайных ситуаций, выполнения международных обязательств и т.п.

В Российской Федерации действует Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне», содержащий следующие разделы: I. Основы и организация обороны; II. Полномочия органов государственной власти Российской Федерации в области обороны; III. Функции органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций, обязанности должностных лиц, права и обязанности граждан Российской Федерации в области обороны; IV. Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы; V. Состояние войны. Военное положение. Мобилизация. Гражданская оборона. Территориальная оборона. Добровольческие формирования; VI. Заключительные положения.

Состояние проведения специальной военной операции в отношении сопредельного государства в целях его денацификации и демилитаризации вызвало к жизни изменения в законодательстве Российской Федерации, которые коснулись, в том числе, и Федерального закона «Об обороне». В частности, названный Федеральный закон был дополнен ст. 22.1

«Добровольческие формирования», установленной, что добровольческие формирования могут создаваться Министерством обороны Российской Федерации по решению Президента Российской Федерации. Их численность, организация, районы их действий, стоящие перед ними задачи, порядок управления ими, срок использования, а также порядок прекращения и иные вопросы их деятельности определяются Министерством обороны Российской Федерации исходя из задач, стоящих перед Вооруженными Силами Российской Федерации¹.

Таким образом, законодательство об обороне должно всегда адекватно реагировать на изменения в политической и военной обстановке, на возникающие угрозы безопасности, решение которых возможно военным путем, с применением средств вооруженной борьбы². Этот вывод подкреплен событиями последних лет, когда военные угрозы в отношении нашей страны со стороны сопредельного государства, подталкиваемого коллективным Западом, переросли из потенциальных в реальные, о чем и сказал Президент Российской Федерации от 24 февраля 2022 г. в обращении к гражданам нашей страны, приняв решение о начале специальной военной операции³.

Расширению правовых средств, используемых в целях обороны, совершенствованию форм и методов деятельности государственных органов и иных структур в названных целях, реализации государственной политики в области обороны в целом способствует проведение сравнительно-правовых исследований, о чем говорится в работах автора⁴.

В сравнительно-правовом аспекте

¹ Федеральный закон от 4 ноября 2022 г. № 419-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

² Корякин В.М. Военное право в XXI веке: фундаментальное исследование современных проблем военного права // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 10 (291). С. 2—10.

³ Обращение Президента РФ от 24 февраля 2022 г. // Рос. газета. 2022. 25 февраля.

⁴ Редкоус В.М. О необходимости актуализации сравнительно-правовых исследований законодательного обеспечения национальной безопасности в государствах-участниках СНГ // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвящённой памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации

рассматривать Закон Украины от 6 декабря 1991 г. № 1932-ХІІ «Об обороне Украины» можно в различных целях и с различных позиций: политической, идеологической, военной, экономической и т.д. Мы ограничимся формально-логическим анализом основных положений названного Закона Украины, который является важнейшей составляющей правовой основы деятельности сопредельного государства в области обороны, и который претерпел целый ряд изменений и дополнений после 22 февраля 2022 г.

Структурно Закон Украины от 6 декабря 1991 г. № 1932-ХІІ «Об обороне Украины» включает следующие разделы: I. Основы обороны Украины и подготовки государства к обороне; II. Полномочия органов государственной власти, основные функции и задачи органов военного управления, местных государственных администраций, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений и организаций, обязанности должностных лиц, права и обязанности граждан Украины в сфере обороны; III. Территориальная оборона. Гражданская защита; IV. Ответственность за нарушение законодательства об обороне Украины; V. Заключительные положения.

Наибольший интерес представляет содержание ст. 1 Закона Украины об обороне — «Определение основных терминов».

Оборона Украины рассматривается как «система политических, экономических, социальных, военных, научных, научно-технических, информационных, правовых, организационных, других мер государства по подготовке к вооруженной защите и его защита в случае вооруженной агрессии или вооруженного конфликта». План обороны Украины — это «составная часть оборонного планирования, содержащая совокупность документов, которые определяют содержание, объемы, исполнителей, порядок и сроки

осуществления политических, экономических, социальных, военных, научных, научно-технических, информационных, правовых, организационных, других мероприятий государства по подготовке к вооруженной защите и ее защите в случае вооруженной агрессии или вооруженного конфликта». Обороноспособность государства — это «способность государства к защите в случае вооруженной агрессии или вооруженного конфликта. Она состоит из материальных и духовных элементов и является совокупностью военного, экономического, социального и морально-политического потенциала в сфере обороны и надлежащих условий для его реализации».

Вооруженная агрессия — это «применение другим государством или группой государств вооруженной силы против Украины. Вооруженной агрессией против Украины считается какое-либо из следующих действий: вторжение или нападение вооруженных сил другого государства или группы государств на территорию Украины, а также оккупация или аннексия части территории Украины; блокада портов, побережья или воздушного пространства, нарушение коммуникаций Украины вооруженными силами другого государства или группы государств; нападение вооруженных сил другого государства или группы государств на военные сухопутные, морские либо воздушные силы или гражданские морские либо воздушные флоты Украины; засылка другим государством или от его имени вооруженных групп регулярных или нерегулярных сил, которые совершают акты применения вооруженной силы против Украины, имеющие настолько серьезный характер, что это равнозначно перечисленным в абзацах пятом-седьмом настоящей статьи действиям, в том числе значительное участие третьего государства в таких действиях; действия другого государства (госу-

Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации Аврутина Юрия Ефремовича в связи с 75-летием со дня рождения. Санкт-Петербург, 25 марта 2022 г. / Санкт-Петербургский университет

МВД России. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 613—620.

дарств), позволяющего, чтобы его территория, которую оно предоставило в распоряжение третьего государства, использовалась этим третьим государством (государствами) для совершения действий, указанных в абзацах пятом-восьмом настоящей статьи; применение подразделений вооруженных сил другого государства или группы государств, пребывающих на территории Украины в соответствии с заключенными с Украиной международными договорами, против третьего государства или группы государств, иное нарушение условий, предусмотренных такими договорами, или продление пребывания этих подразделений на территории Украины после прекращения действия указанных договоров».

Особый период — это «период, наступающий с момента объявления решения о мобилизации (кроме целевой) или доведения его до исполнителей относительно скрытой мобилизации или с момента ввода военного положения в Украине или в отдельных ее местностях и охватывающий время мобилизации, военное время и частично восстановительный период после окончания военных действий».

Военное положение — это «особый правовой режим, который вводится в Украине или в отдельных ее местностях в случае вооруженной агрессии или угрозы нападения, опасности государственной независимости Украины, ее территориальной целостности и предусматривает предоставление соответствующим органам государственной власти, военному командованию и органам местного самоуправления полномочий, необходимых для предотвращения угрозы и обеспечения национальной безопасности, а также временное, обусловленное угрозой, ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина и прав и законных интересов юридических лиц с указанием срока действия этих ограничений».

Воинское формирование — это «созданная в соответствии с законодательством Украины совокупность войсковых

соединений и частей и органов управления ими, которые комплектуются военнослужащими и предназначены для обороны Украины, защиты ее суверенитета, государственной независимости и национальных интересов, территориальной целостности и неприкосновенности в случае вооруженной агрессии, вооруженного конфликта или угрозы нападения путем непосредственного ведения военных (боевых) действий».

Военное командование — это «Главкомандующий Вооруженных Сил Украины, Командующий объединенных сил Вооруженных Сил Украины, командующие видов и отдельных родов войск (сил) Вооруженных Сил Украины, командующие (начальники) органов военного управления, командиры соединений, воинских частей Вооруженных Сил Украины и других образованных согласно законам Украины военных формирований».

Органы военного управления — это «Министерство обороны Украины, другие центральные органы исполнительной власти, осуществляющие руководство воинскими формированиями, образованными в соответствии с законами Украины, Генеральный штаб Вооруженных Сил Украины, другие штабы, командования, управления, постоянные или временно образованные органы в Вооруженных Силах Украины и иных воинских формированиях, предназначенные для выполнения функций по управлению, в пределах их компетенции, войсками (силами), соединениями, воинскими частями, военными учебными заведениями, учреждениями и организациями, которые относятся к сфере управления центральных органов исполнительной власти, а также территориальные центры комплектования и социальной поддержки, обеспечивающие исполнение законодательства по вопросам воинской обязанности и военной службы, мобилизационной подготовки и мобилизации».

Военная стандартизация — это «деятельность, которая заключается в установлении положений для всеобщего и неоднократного использования в отношении

существующих или потенциальных задач и направлена на достижение оптимальной степени упорядочения в сфере обороны». Военный стандарт — это «стандарт, который принят органом военной стандартизации, устанавливающий для всеобщего и неоднократного использования правила и наставления о деятельности в сфере обороны и направлен на достижение оптимальной степени упорядочения в указанной сфере. Для целей настоящего Закона к военным стандартам относятся стандарты НАТО и стандарты в сфере обороны государства-члена НАТО». Стандарт НАТО — это «стандарт, разработанный, принятый и опубликованный Организацией Североатлантического договора». Стандарт в сфере обороны государства-члена НАТО — это «стандарт, разработанный, принятый и опубликованный государством-членом Организации Североатлантического договора». Орган военной стандартизации — это «орган военного управления, к функциям которого отнесены разработка, принятие, внесение изменений, отмена, возобновление действия, обнаружение, введение и применение военных стандартов».

Военные действия — это «организованное применение сил обороны и сил безопасности для выполнения задач по обороне Украины». Район военных (боевых) действий — это «определенная решением Главнокомандующего ВСУ часть сухопутной территории Украины, воздушного или водного пространства, на которой в течение определенного времени ведутся или могут вестись военные (боевые) действия». Боевые действия — это «форма применения соединений, воинских частей, подразделений (других сил и средств) ВСУ, других составляющих сил обороны, а также полиции особого назначения Национальной полиции Украины для решения боевых (специальных) задач в операциях или самостоятельно во время отпора вооруженной агрессии против Украины или ликвидации (нейтрализа-

ции) вооруженного конфликта, выполнения других задач с применением любых видов оружия (вооружения)».

Вышеназванные понятия в том или ином виде встречаются в нормативных правовых актах России¹. Следует обратить внимание на понятия, которые в отечественных нормативных правовых актах не встречаются, или их употребление фрагментированное.

Закон Украины об обороне предлагает определения «боевого иммунитета», «подразделения вооруженных сил другого государства», «специальной операции».

Так, боевой иммунитет — это «освобождение военного командования, военнослужащих, полицейских полиции особого назначения Национальной полиции Украины, добровольцев и Сил территориальной обороны ВСУ, сотрудников правоохранительных органов, которые в соответствии со своими полномочиями принимают участие в обороне Украины, лиц, определенных Законом Украины «Об обеспечении участия гражданских лиц в защите Украины», от ответственности, в том числе уголовной, за потери личного состава, боевой техники или другого военного имущества, последствия применения вооруженной и другой силы во время отпора вооруженной агрессии против Украины или ликвидации (нейтрализации) вооруженного конфликта, выполнения других задач по обороне Украины с применением любых видов оружия (вооружения), наступление которых с учетом разумной осмотрительности невозможно было предвидеть при планировании и выполнении таких действий (задач) или которые охватываются оправданным риском, кроме случаев нарушения законов и обычаев войны или применения вооруженной силы, определенных международными договорами, согласие на обязательность которых предоставлено Верховной Радой Украины».

Подразделение вооруженных сил другого государства — это «воинское

¹ Правовое обеспечение национальной безопасности : учеб. пос. / Ю.Н. Туганов, В.И. Баронов, С.И.

Журавлев [и др.]. 2-е изд., пер. и доп. М.: Изд-во «Юрайт», 2023.

формирование иностранного государства, имеющее постоянную либо временную организацию, входящее в сухопутные (наземные), морские, воздушные или специальные войска (силы) этого государства, оснащенное легким оружием либо тяжелой боевой техникой, которая подпадает под действие Договора об обычных вооруженных силах в Европе, находящееся под командованием лица, ответственного перед своим государством и законами Украины за поведение своих подчиненных, которые обязаны соблюдать внутреннюю дисциплину, законы Украины, нормы международного права, и направляющееся в Украину с конкретной целью, определенной международным договором Украины».

Специальная операция — это «совокупность согласованных и взаимосвязанных по цели, задачам, месту и времени специальных действий подразделений Сил специальных операций ВСУ, направленных на создание условий для достижения стратегических (оперативных) целей, которые проводятся по единому замыслу самостоятельно или во взаимодействии с воинскими частями, другими подразделениями ВСУ, других военных формирований, правоохранительных органов Украины и других составляющих сил обороны для выполнения задач».

Закон Украины об обороне устанавливает, что оборона Украины базируется на готовности и способности органов государственной власти, всех составляющих сектора безопасности и обороны Украины, органов местного самоуправления, единой государственной системы гражданской защиты национальной экономики к переводу, при необходимости, с мирного на военное положение и отпору вооруженной агрессии, ликвидации вооруженного конфликта, а также готовности населения и территории государства к обороне.

Подготовка государства к обороне в мирное время включает: прогнозирование и оценку военной опасности и военной угрозы; проведение разведывательной и

информационно-аналитической деятельности в интересах подготовки государства к обороне; осуществление мер во внешнеполитической сфере, направленных на предупреждение вооруженного конфликта и отпор вооруженной агрессии; формирование и реализацию военной, военно-экономической, военно-технической и военно-промышленной политики государства; совершенствование структуры, уточнение задач и функций ВСУ и иных воинских формирований, обеспечение необходимой численности их личного состава, а также их развитие, подготовку и поддержание на надлежащем уровне боеспособности, боевой и мобилизационной готовности к обороне государства, планирование их применения; развитие военно-промышленного комплекса, создание благоприятных условий для мобилизационного развертывания отраслей национальной экономики с целью производства вооружения, военной техники и имущества в необходимых объемах; обеспечение на особый период Оперативно-спасательной службы гражданской защиты подготовленными кадрами, спасательной и другой техникой, продовольствием, вещевым имуществом, другими материальными и финансовыми ресурсами; осуществление мероприятий по планированию и подготовке движения сопротивления; обеспечение готовности органов государственной власти, органов местного самоуправления, единой государственной системы гражданской защиты объектов критической инфраструктуры к выполнению задач гражданской защиты в особый период в том числе в военное время, с учетом норм международного гуманитарного права; обеспечение ВСУ, иных воинских формирований, образованных в соответствии с законами Украины, и правоохранительных органов подготовленными кадрами, вооружением, военной и иной техникой, продовольствием, вещевым имуществом, другими материальными и финансовыми ресурсами; развитие военно-технического сотрудничества с другими государствами с целью обеспечения

ВСУ, иных воинских формирований, образованных в соответствии с законами страны, и правоохранительных органов вооружением, военной техникой и имуществом, которые не производятся в государстве; подготовку национальной экономики объектов критической инфраструктуры, территории, органов государственной власти, органов военного управления, органов местного самоуправления, а также населения к действиям в особый период; создание государственного материального резерва и резервных фондов денежных средств; осуществление охраны государственной границы страны и ее усиление в случае обострения обстановки, возникновения реальной угрозы осуществления вооруженных и других провокаций на государственной границе страны; военно-патриотическое воспитание граждан страны, подготовку молодежи к службе в ВСУ, обеспечение престижа военной службы; обеспечение развития военной науки, формирование научно-технического и технологического потенциала для создания высокоэффективных средств вооруженной борьбы; защиту информационного пространства страны и ее вхождение в мировое информационное пространство, создание развитой инфраструктуры в информационной сфере; осуществление военной стандартизации; обеспечение открытого и демократического гражданского контроля в сфере обороны в порядке, определенном законодательством, и соблюдение требований по сохранению государственной тайны; осуществление мер относительно киберобороны (активной киберзащиты) для защиты суверенитета государства и обеспечения ее обороноспособности, предотвращения вооруженного конфликта и отпора вооруженной агрессии; другие меры, влияющие на состояние обороноспособности государства.

Следует обратить внимание, что в Законе Украины об обороне достаточно подробно систематизированы и прописаны основные функции Министерства обороны страны и Генерального штаба ВСУ.

Так, Минобороны Украины как центральный орган исполнительной власти обеспечивает проведение в жизнь государственной политики в сфере обороны, функционирование, боевую и мобилизационную готовность, боеспособность и подготовку ВСУ к осуществлению возложенных на них функций и задач.

Минобороны Украины: принимает участие в формировании и реализации государственной политики по вопросам национальной безопасности в военной сфере обороны и военного строительства, подготовке проектов законодательных и иных нормативных актов в сфере обороны, обеспечивает их выполнение в ВСУ, в установленном порядке координирует деятельность государственных органов и органов местного самоуправления по подготовке государства к обороне; проводит разведывательную и информационно-аналитическую деятельность в интересах национальной безопасности и обороны государства, принимает участие в анализе военно-политической обстановки, прогнозировании, выявлении и определении уровня военной угрозы национальной безопасности страны; обеспечивает надлежащий уровень боеспособности, укомплектованности, боевой и мобилизационной готовности и подготовки ВСУ; принимает участие в формировании оборонного бюджета, отчитывается перед Кабинетом Министров страны об использовании выделенных средств; проводит государственную военную кадровую политику, обеспечивает развитие военного образования и науки, укрепление дисциплины и правопорядка, военно-патриотическое воспитание личного состава, осуществляет мероприятия по военно-патриотическому воспитанию граждан страны в пределах компетенции; принимает участие в обеспечении функционирования национальной экономики и государственного управления в особый период, в планировании мобилизационной подготовки ее отраслей и контроле за подготовкой предприятий, учреждений и организаций всех форм собственности к выполнению

мобилизационных задач и за их выполнением; выступает, в соответствии с определенными Генеральным штабом ВСУ потребностями, требованиями и приоритетами, государственным заказчиком при осуществлении оборонных закупок, а также на поставку материальных ценностей в мобилизационный резерв ВСУ; осуществляет управление переданным Министерству обороны страны военным имуществом и имуществом предприятий, учреждений и организаций, относящихся к сфере его управления; организует накопление вооружения, военной техники, других материальных ресурсов в неприкосновенном запасе и мобилизационном резерве, а также создание резерва военно-обученных людских ресурсов; обеспечивает комплектование ВСУ, иных воинских формирований и соответствующих правоохранительных органов личным составом, осуществляет совместно с другими государственными органами и органами местного самоуправления мероприятия по подготовке граждан к военной службе, их призыву на военную службу или принятию на военную службу по контракту, при мобилизации, увольнению в запас военнослужащих, которые выслужили установленные сроки службы и при демобилизации, а также обеспечивает их соответствующие права и свободы; осуществляет мероприятия, направленные на реализацию социально-экономических и правовых гарантий военнослужащим, членам их семей и работникам ВСУ, лицам, уволенным в запас или отставку, а также членам семей военнослужащих, погибших (умерших), пропавших без вести, ставших лицами с инвалидностью при прохождении военной службы или попавших в плен в ходе боевых действий (войны) либо во время участия в международных операциях по поддержанию мира и безопасности; обеспечивает реализацию мер демократического гражданского контроля за ВСУ; обеспечивает нормативно-правовое регулирование отношений в сфере военной стандартизации; устанавливает порядок разработки, принятия,

внесения изменений, отмены, возобновления действия, обнародования, введения и применения военных стандартов; определяет орган военной стандартизации из числа подчиненных органов военного управления; осуществляет в пределах своей компетенции международное сотрудничество по военно-политическим, военно-техническим и другим направлениям, а также по вопросам гражданско-военных отношений с соответствующими органами других государств и международными организациями; обеспечивает выполнение решений об участии подразделений ВСУ в международных операциях по поддержанию мира и безопасности и оказании военной помощи другим государствам, направлении подразделений ВСУ в другие государства, допуске и условиях пребывания подразделений вооруженных сил других государств на территории страны; в порядке, установленном Кабинетом Министров страны, разрабатывает и утверждает отраслевые и/или целевые профили безопасности для информационных, электронных коммуникационных и информационно-коммуникационных систем, владельцем (распорядителем) которых является Минобороны Украины и/или ВСУ; утверждает на основе стандартов Организации Североатлантического договора и/или стандартов, утвержденных отдельными государствами-членами Организации Североатлантического договора, для сил безопасности и сил обороны таблицы материально-технического оснащения, стандарты, объемы предоставления домедицинской помощи и медицинской помощи на догоспитальном этапе, которые предоставляются во время ведения боевых действий и подготовки сил безопасности и сил обороны по назначению в тактических условиях, а также осуществляет контроль за их соблюдением; утверждает по согласованию с центральным органом исполнительной власти, обеспечивающим формирование и реализует государственную политику в сфере здравоохранения, перечень, минимальные требования и/или стандарты ка-

чества медицинских изделий (изделий медицинского назначения) и вспомогательных средств к ним, применяемых силами безопасности и силами обороны для оказания домедицинской помощи во время ведения боевых действий, на основе соответствующих требований, стандартов качества, рекомендаций или других соответствующих документов, решений Организации Североатлантического договора или отдельных государств-членов Организации Североатлантического договора (при наличии).

Положение о Министерстве обороны Украины утверждает Президент Украины. Порядок организации разведывательной деятельности в интересах обороны государства определяется законом.

Рассмотрим основные функции ГШ ВСУ.

ГШ ВСУ является главным органом военного управления по планированию обороны государства, стратегического планирования применения ВСУ и определенных сил и средств других составляющих сил обороны, координации и контроля за выполнением задач в сфере обороны органами исполнительной власти, органами местного самоуправления и силами обороны в рамках, определенных законами страны, актами Президента Украины и Кабинета Министров государства. ГШ ВСУ в особый период является рабочим органом Ставки Верховного Главнокомандующего.

ГШ ВСУ: прогнозирует тенденции развития форм и способов военных действий и средств вооруженной борьбы, принимает участие в формировании и реализации государственной политики в сфере обороны, стратегии военной безопасности, обосновывает направления развития ВСУ; осуществляет стратегическое планирование применения ВСУ, иных воинских формирований, образованных в соответствии с законами страны,

и правоохранительных органов для обороны государства; участвует в планировании Государственной пограничной службой страны мероприятий по усилению охраны государственной границы, суверенных прав страны в ее исключительной (морской) экономической зоне и организует совместно с центральным органом исполнительной власти, реализующим государственную политику в сфере охраны государственной границы, привлечения воинских частей и подразделений ВСУ к осуществлению таких мероприятий; определяет потребности в личном составе, вооружении, военной технике, материально-технических, энергетических, финансовых, информационных ресурсах, продовольствии, земельных и водных участках, коммуникациях, фондах и имуществе, необходимых для надлежащего выполнения задач ВСУ и иными воинскими формированиями, контролирует полноту и качество их получения; осуществляет руководство в сфере обороны и обеспечения общественной безопасности и порядка в стране или в отдельных ее местностях, где введено военное положение в пределах, определенных соответствующим законом¹; принимает участие в создании и контролирует состояние системы управления государством в особый период; доводит до ВСУ, иных воинских формирований, образованных в соответствии с законами страны, и правоохранительных органов, а в особый период — и до иных субъектов директивы и приказы Верховного Главнокомандующего ВСУ по вопросам обороны, организует их исполнение и осуществляет контроль за их реализацией; принимает участие в организации и контролирует подготовку системы связи, коммуникаций и в целом территории государства к обороне; принимает участие в разработке мобилизационного плана государства, контролирует состояние мобилизационной подготовки

¹ Организация охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности : учебник: в 2 частях. Ч. 1 / В.А. Милехин, Ю.Н. Носатов, А.В. Шевцов [и др.]. М.: Академия управления

МВД России, 2023; Организация охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности : Учебник: в 2 частях. Ч. 2 / В.А. Милехин, Ю.Н. Носатов, А.В. Шевцов [и др.]. М.: Академия управления МВД России, 2023.

государственных органов, органов местного самоуправления, отраслей экономики, предприятий, учреждений, организаций всех форм собственности и выполнение ими мобилизационных задач в особый период; организует стратегическое развертывание ВСУ и иных воинских формирований, взаимодействие с иными органами государства при выполнении задач обороны государства; принимает участие в организации использования и контроля за воздушным, водным и информационным пространством государства и осуществляет его в особый период; осуществляет контроль за состоянием боевой и мобилизационной готовности и боеспособности органов управления, соединений, частей, учреждений и организаций воинских формирований, образованных в соответствии с законами страны, и правоохранительных органов, предназначенных для подчинения органам военного управления в особый период и для выполнения задач территориальной обороны; организует комплектование ВСУ, иных воинских формирований и соответствующих правоохранительных органов военнослужащими, призыв граждан на срочную военную службу, учебные (или проверочные) и специальные сборы, накопление военно-обученных людских ресурсов; осуществляет военное руководство органами военного управления разведки и военными частями разведки ВСУ, проводит информационно-аналитическую деятельность в интересах применения ВСУ; организует подготовку ВСУ к выполнению возложенных на них задач, осуществляет координацию и контроль подготовки иных воинских формирований, образованных в соответствии с законами страны, и правоохранительных органов к выполнению задач по обороне государства; организует использование национальной системы связи в интересах обороны, осуществляет в соответствии с законом управление и регулирование в сфере использования радиочастотного ресурса, выделенного для целей обороны; организует применение средств государственного распознавания в государственных

органах, ВСУ, иных воинских формированиях, образованных в соответствии с законами страны, использование этих средств на предприятиях, в учреждениях и организациях всех форм собственности; планирует и осуществляет контроль за военными перевозками всех видов в государстве в особый период, а также перевозками, осуществляемыми для ВСУ в мирное время; осуществляет в пределах своей компетенции международное военное сотрудничество с вооруженными силами других государств, принимает участие в международном сотрудничестве по военно-политическим, военно-техническим и другим направлениям, обеспечивает подготовку и участие национального контингента и национального персонала ВСУ в международных операциях по поддержанию мира и безопасности; разрабатывает и применяет военные стандарты в пределах своих полномочий; организует привлечение в соответствии с законом ВСУ к ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, вооруженных конфликтов или террористических актов, проведению восстановительных работ, оказанию гуманитарной помощи гражданскому населению; обеспечивает согласно международным договорам в области разоружения и контроля над вооружениями инспекционную деятельность на территории страны и за ее пределами, собирает, обрабатывает информацию и сообщения в соответствии с этими международными договорами независимо от подчиненности объектов инспектирования; реализует иные полномочия, вытекающие из настоящего и других законов страны, а также иных нормативных правовых актов.

Законодательство Российской Федерации достаточно полно устанавливает задачи и функции как Минобороны России, так и Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации. Также действуют Указ Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082 «Вопросы Министерства обороны Российской Федерации» и Указ Президента РФ от 23 июля 2013 г. № 631 «Вопросы Гене-

рального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации».

Здесь необходимо поставить вопрос об уровне нормативно-правовой регламентации тех или иных полномочий как Минобороны России, так и Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации — законодательной или указной. Нельзя сказать, что Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» делает это системно и однозначно, что открывает направления его совершенствования в будущем. В системном виде основные функции и полномочия данных органов целесообразно однозначно закрепить в Федеральном законе «Об обороне».

Продолжая рассматривать положения Закона Украины об обороне, отметим, что в нем, кроме вышерассмотренных положений, определены: задачи иных воинских формирований, образованных в соответствии с законами страны, и правоохранительных органов; деятельность центральных и других органов исполнительной власти в сфере обороны; деятельность местных государственных администраций в сфере обороны; деятельность органов местного самоуправления в сфере обороны; задачи предприятий, учреждений и организаций и обязанности их должностных лиц в сфере обороны; права и обязанности граждан Украины в сфере обороны.

Раздел III Закона Украины об обороне называется «Территориальная оборона. Гражданская защита». Его нормы носят бланкетный характер и отсылают к иным законодательным актам страны. Так, территориальная оборона Украины организуется и осуществляется в соответствии с Законом Украины «Об основах национального сопротивления» с учетом особенностей, определенных законодательством об обороне, мобилизации и правовом режиме военного положения.

Гражданская защита Украины в мирное время осуществляется в соответствии с Кодексом гражданской защиты Украины, а в особый период, в том числе в военное время и с целью подготовки к нему — с учетом особенностей, определенных

нормами международного гуманитарного права законодательством об обороне, мобилизации и правовом режиме военного положения.

Хотя и достаточно трудно с политической и жизненной точек зрения предлагать учитывать в российских условиях опыт правового регулирования в области обороны государства, в отношении которого проводится специальная военная операция, однако с формально-юридической точки зрения это возможно, так как право отражает наиболее существенные, важнейшие нормативно урегулированные связи в области обороны любого современного государства.

Кроме информационной составляющей анализа положений Закона Украины о обороне, используемой в аналитических целях, есть еще и практическая правовая составляющая, включающая те моменты, которые могут быть учтены в российских условиях правотворчества и правоприменения.

Так, в Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» целесообразно внести статью, содержащую определения основных понятий в области обороны и обеспечения военной безопасности государства.

Необходимо более пристально рассмотреть содержание таких понятий, выработанных украинским законодателем, как «боевой иммунитет», «подразделение вооруженных сил другого государства», «специальная операция» в контексте их возможной применимости в российских условиях.

Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне», несмотря на достаточную разработанность его положений, все же не в полной мере учитывает современный характер складывающихся общественных отношений. В частности, следует рассмотреть применимость в российских условиях таких мер в области подготовки государства к обороне в мирное время и уже прописанных в Законе Украины о обороне, как: проведение разведывательной и информационно-анали-

тической деятельности в интересах подготовки государства к обороне; защиту информационного пространства страны и ее вхождение в мировое информационное пространство, создание развитой инфраструктуры в информационной сфере; осуществление военной стандартизации; обеспечение открытого и демократического гражданского контроля в сфере обороны в порядке, определенном законодательством, и соблюдение требований по сохранению государственной тайны; осуществление мер относительно киберобороны (активной киберзащиты) для защиты суверенитета государства и обеспечения ее обороноспособности, предотвращения вооруженного конфликта и отпора вооруженной агрессии. Несомненно, в российских условиях данные меры существуют и реализуются, однако уточнение порядка из применения в Федеральном законе «Об обороне» не помешает. Необходимо обобщение и воплощение в практику опыта правового обеспечения СВО¹.

Подчеркнем, что в Законе Украины об обороне достаточно подробно систематизированы и прописаны основные функции Министерства обороны страны и Генерального штаба. Целесообразно поставить вопрос об уровне нормативно-правовой регламентации полномочий как Минобороны России и Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации. Федеральный закон «Об обороне» в этом аспекте не отличается системностью, что открывает направления его совершенствования. По нашему мнению, основные функции и полномочия данных органов целесообразно однозначно закрепить в Федеральном законе «Об обороне».

В Законе Украины об обороне более

полно прописаны вопросы участия органов, входящих в военную организацию государства, в обеспечении национальной безопасности, употребляется понятие «правоохранительные органы», что не принято в российской законодательной практике. Поэтому необходимо продолжить исследование взаимодействия военной организации государства и органов обеспечения национальной безопасности², что вполне осуществимо с позиции методологии военного права³.

Интересен вопрос о кодификации законодательства в области гражданской обороны. Пример – действие на Украине Кодекса гражданской защиты Украины от 2 октября 2012 г. № 5403-VI.

Поэтому непредвзятое, отбрасывающее политические и идеологические установки объективное сравнительно правовое исследование законодательств государств участников СНГ в области обороны и национальной безопасности, просто необходимо⁴.

Список источников

1. Виноградова Е.В. Кобзарь-Фролова М.Н. Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса («Лазаревские чтения — 2022») // Административное право и процесс. 2022. № 5. С. 79—88.
2. Корякин В.М. Военная организация государства: структура, предназначение и перспективы развития // Вестник военного права. 2016. № 1. С. 47—54. EDN: ХНОСIP
3. Корякин В.М. Военное право в XXI веке: фундаментальное исследование современных проблем военного права // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 10 (291). С. 2—10. EDN: WFHXJU
4. Корякин В.М. Военное право как наука // Военное право. 2021. № 5(69). С. 9—21. EDN: JQLDJG
5. Корякин В.М. Правовое обеспечение специ-

¹ Корякин В.М. Правовое обеспечение специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины : монография. М.: «Юрлитинформ», 2025.

² Корякин, В.М. Военная организация государства: структура, предназначение и перспективы развития // Вестник военного права. 2016. № 1. С. 47—54.

³ Корякин В.М. Военное право как наука // Военное право. 2021. № 5(69). С. 9—21.

⁴ Редкоус В.М. Сравнительному правоведению в области обеспечения национальной безопасности — новые грани развития // Актуальные вопросы применения норм административного права («Кореневские чтения») (к 20-летию образования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя) : сб. науч. тр. VI Межд. науч.-практ. конф. Москва, 28 апреля 2022 г. / сост. Г.Н. Василенко. Москва: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2022. С. 329—336.

альной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины : Серия: Теория и история государства и права. Москва: Издательский дом «Юрлитинформ», 2025. 360 с. ISBN 978-5-605-22287-3. EDN KYVIBT.

6. Организация охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности : учебник : в 2 частях. Ч. 1 / В.А. Милехин, Ю.Н. Носатов, А.В. Шевцов [и др.]. Москва : Академия управления МВД России, 2023. 360 с.

7. Организация охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности : учебник : в 2 частях. Ч. 2 / В.А. Милехин, Ю.Н. Носатов, А.В. Шевцов [и др.]. Москва : Академия управления МВД России, 2023. 312 с.

8. Правовое обеспечение национальной безопасности: учеб. пос. / Ю.Н. Туганов, В.И. Баронов, С.И. Журавлев [и др.]. 2-е изд., пер. и доп. Москва: Изд-во Юрайт, 2023. 180 с.

9. Редкоус В.М. О необходимости актуализации сравнительно-правовых исследований законодательного обеспечения национальной безопасности в государствах-участниках СНГ // Актуальные проблемы административного и администра-

тивно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвящённой памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации Аврутина Юрия Ефремовича в связи с 75-летием со дня рождения. Санкт-Петербург, 25 марта 2022 г. / Санкт-Петербургский университет МВД России. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 613—620.

10. Редкоус В.М. Сравнительному правоведению в области обеспечения национальной безопасности — новые грани развития // Актуальные вопросы применения норм административного права («Корневские чтения») (к 20-летию образования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя) : сб. науч. тр. VI Межд. науч.-практ. конф. Москва, 28 апреля 2022 г. / сост. Г.Н. Василенко. Москва: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2022. С. 329—336.

11. Туганов Ю.Н., Журавлев С.И. Военная администрация : учеб. пос. для вузов / 2-е изд., испр. и доп. Москва: Изд-во Юрайт, 2022. — 197 с.

On the need to take into account the defense legislation of neighboring states in Russian conditions

© Redkous V.M.,

Doctor of Law, Professor, leading researcher of the sector administrative law and administrative process Institute of State and Law RAS

Resume. In modern conditions, the spheres of defense and national security have become priority areas of state activity due to the need for practical implementation of measures to protect our country from security threats from a neighboring state, which can only be stopped by using armed struggle. Despite the attempts being made to begin a negotiation process for a peaceful settlement of the conflict, taking into account the legitimate national interests of our country and the need for denazification and demilitarization of the neighboring state, armed confrontation will continue. This actualizes the attention of scientists to the legal regulation of defense issues and national security both in Russia and neighboring states, most of which are CIS member states. This topic is relevant not only for our country, but also for other Commonwealth states, since recently conflicts with the use of national armed forces, as well as border agencies in the CIS space have been occurring more and more often

The need to improve defense legislation requires a systematic comparative analysis of legislative and other regulatory legal acts of the Commonwealth states in the field of defense and national security from a purely formal legal point of view, without the conventions caused by the nature of political and other relations between Russia and a specific Commonwealth state. It is necessary to know and imagine how certain types of activity are regulated in neighboring states in order to adequately assess the level of regulation of certain public relations, and to use this information for analytical, law-making and law enforcement purposes already in Russian conditions.

This article will examine the main provisions of the Law of Ukraine of December 6, 1991 No. 1932-XII "On the Defense of Ukraine", which allow us to assess from a legal point of view the processes taking place in the area of defense of a neighboring state, as well as allow us to draw a number of practical conclusions for use in lawmaking in Russian conditions.

Key words: public administration; defense; national security; armed forces; ministry of defense; general staff; military formations; civil defense; martial law; mobilization; territorial defense; volunteer formations; means of armed struggle; Commonwealth of Independent States; comparative law.

For citation: Redkous V.M. On the need to take into account the legislation on the defense of neighboring states in Russian conditions // Military law. 2025. No. 3. pp. 203-216.

The article was received by the editorial office on April 21, 2025.

Общее состояние договорных обязательств Российской Федерации в области методов и средств ведения войны

© Синяева Нателла Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры конституционного
(государственного) и международного
права, Военный университет имени князя
Александра Невского Министерства
обороны Российской Федерации

Аннотация. В статье автором исследуется состояние договорных обязательств Российской Федерации в области средств и методов ведения войны. Анализируется существующий международно-правовой режим ограничения методов и средств ведения войны, классифицируются договоры по юридической силе, кругу лиц и пространству действия; оценивается уровень имплементации международных договоров в национальное законодательство России, стран ближнего и дальнего зарубежья; выявлены случаи избирательного применения и нарушения договоров различными государствами; выдвигаются предложения по разработке доктрины оптимизации договорных обязательств России в соответствии с национальными интересами, предлагаются критерии пересмотра существующих обязательств и участия в новых договорах.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, международные договоры в области методов и средств ведения войны, избирательное применение.

Для цитирования: Синяева Н.А. Общее состояние договорных обязательств Российской Федерации в области методов и средств ведения войны // Военное право. 2025. № 3. С. 217—230. Статья поступила в редакцию 22 марта 2025 г.

Исследование общего состояния договорных обязательств Российской Федерации в области методов и средств ведения войны приобретает особую актуальность в условиях фундаментальной трансформации международного правопорядка и формирования новой модели мироустройства. Современная международная обстановка характеризуется нарастающей геополитической конфронтацией, разрушением системы глобальной безопасности и попытками западных держав использовать международное право в качестве инструмента политического и экономического давления на Россию и другие независимые государства. В этих условиях критический анализ существующих договорных обязательств с точки зрения их соответствия национальным интересам России становится не просто академической задачей, но и вопросом обеспечения национальной безопасности.

Особую остроту данной проблематике

придает беспрецедентное по своим масштабам применение двойных стандартов со стороны западных государств, которые, декларируя приверженность нормам международного гуманитарного права, систематически нарушают эти нормы в ходе многочисленных военных операций, одновременно выдвигая необоснованные обвинения в адрес России. В условиях специальной военной операции и нарастающего военно-политического давления со стороны коллективного Запада переоценка договорных обязательств России в области методов и средств ведения войны и разработка доктрины их оптимизации в соответствии с национальными интересами страны приобретает характер стратегического императива.

Современный международно-правовой режим регулирования методов и средств ведения войны представляет собой сложную и многоуровневую систему договорных обязательств, сформировав-

шуются преимущественно во второй половине XX в. Данный режим базируется на ключевых принципах международного гуманитарного права, которые в значительной степени ограничивают суверенное право государств на выбор методов и средств ведения военных действий. При этом объективный анализ существующей системы международно-правовых ограничений выявляет её внутренние противоречия, асимметричный характер и очевидную геополитическую ангажированность в пользу коллективного Запада.

Исторически формирование международно-правового режима ограничения методов и средств ведения войны берет начало с Гаагских конференций 1899 и 1907 годов, результатом которых стало принятие комплекса конвенций, в том числе IV Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны¹. Данный документ заложил основу кодификации правил ведения войны, однако его практическое применение было крайне ограниченным в условиях мировых войн первой половины XX в. После окончания Второй мировой войны, в период 1949—1977 годов, были приняты Женевские конвенции и Дополнительные протоколы к ним, которые значительно расширили сферу правового регулирования вооруженных конфликтов, включив в неё защиту жертв войны². Параллельно с этим развивался режим ограничения конкретных видов вооружений, представленный договорами о

запрещении химического³, бактериологического⁴ и других видов оружия массового поражения.

Существующий международно-правовой режим регулирования методов и средств ведения войны можно условно разделить на несколько взаимосвязанных направлений.

Первое направление — система универсальных конвенций высшей юридической силы, включающая Женевские конвенции 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним 1977 г., а также Гаагские конвенции 1899 и 1907 годов. Эти документы устанавливают базовые правила ведения военных действий, запрещая нападения на гражданское население, использование средств, причиняющих излишние страдания, а также регулируя статус комбатантов и некомбатантов. Однако применение этих норм на практике часто сталкивается с проблемой избирательной интерпретации, когда западные державы трактуют их положения в выгодном для себя ключе.

Второе направление — договоры об ограничении оружия массового поражения, включающие Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г.⁵, Кон-

¹ Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 г. (IV Гаагская конвенция) и приложение к ней: Положение о законах и обычаях сухопутной войны (правопреемство от Российской империи).

² Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12 августа 1949 г. (ратифицирована СССР 17.04.1954); Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море от 12 августа 1949 г. (ратифицирована СССР 17.04.1954); Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г. (ратифицирована СССР 17.04.1954); Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г. (ратифицирована СССР 17.04.1954); Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов

(Протокол I) от 8 июня 1977 г. (ратифицирован СССР 04.08.1989); Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II) от 8 июня 1977 г. (ратифицирован СССР 04.08.1989).

³ Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении от 13 января 1993 г. (ратифицирована Российской Федерацией 05.11.1997).

⁴ Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении от 10 апреля 1972 г. (ратифицирована СССР 26.03.1975).

⁵ Договор о нераспространении ядерного оружия от 1 июля 1968 г. (ратифицирован СССР 24.11.1969).

венцию о запрещении бактериологического оружия 1972 г.¹ и Конвенцию о запрещении химического оружия 1993 г.² Данные международные договоры, декларируемые как направленные на обеспечение глобальной безопасности, фактически закрепляют дискриминационное разделение государств на «ядерный клуб» и остальные страны, лишённые права на обладание определенными видами вооружений. Подобная асимметрия является одним из инструментов сохранения военного доминирования западных держав в мировой политике.

Третье направление — договоры об ограничении конкретных видов вооружений, в том числе Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия 1980 г.³ и протоколы к ней⁴, Оттавская конвенция о запрещении противопехотных мин 1997 г.⁵, Конвенция по кассетным боеприпасам 2008 г.⁶ Примечательно, что Российская Федерация не является участником Оттавской конвенции и Конвенции по кассетным боеприпасам, что отражает избирательный подход нашего государства к участию в международных договорах, потенциально ограничивающих оборонный потенциал страны.

Анализ существующих международно-правовых ограничений методов и средств ведения войны с точки зрения их юридической силы выявляет неоднородность и фрагментированность данного режима. Универсальные конвенции, такие как Женевские конвенции 1949 г., ратифицированы практически всеми государствами мира и формально обладают высшей юридической силой, закрепляя минимальные стандарты гуманности в условиях вооруженных конфликтов. Однако их имплементация в национальное законодательство и практическое применение значительно различаются в разных странах. Существенным недостатком данных конвенций является отсутствие эффективных механизмов принуждения к их соблюдению, что позволяет государствам, особенно таким, как США и их союзники, безнаказанно нарушать их положения в ходе многочисленных военных операций.

Договоры в области ядерного оружия⁷ образуют отдельную правовую систему, фактически закрепляющую монополию ядерных держав на обладание наиболее разрушительным оружием современности. Ключевой договор в этой сфере — Договор о нераспространении ядерного

¹ Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении от 10 апреля 1972 г. (ратифицирована СССР 26.03.1975).

² Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении от 13 января 1993 г.

³ Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие от 10 октября 1980 г. (ратифицирована СССР 10.06.1982).

⁴ Протокол о необнаруживаемых осколках (Протокол I к Конвенции 1980 г.) от 10 октября 1980 г. (ратифицирован СССР 10.06.1982); Протокол о запрещении или ограничении применения мин, миноловушек и других устройств (Протокол II к Конвенции 1980 г.) от 10 октября 1980 г. с поправками от 3 мая 1996 г. (ратифицирован Российской Федерацией 02.03.2005); Протокол о запрещении или ограничении применения зажигательного оружия (Протокол III к Конвенции 1980 г.) от 10 октября

1980 г. (ратифицирован СССР 10.06.1982); Протокол об ослепляющем лазерном оружии (Протокол IV к Конвенции 1980 г.) от 13 октября 1995 г. (ратифицирован Российской Федерацией 08.07.1999); Протокол по взрывоопасным пережиткам войны (Протокол V к Конвенции 1980 г.) от 28 ноября 2003 г. (ратифицирован Российской Федерацией 21.07.2008).

⁵ Конвенция о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении от 18 сентября 1997 г. (Оттавская конвенция) (Россия не является участником).

⁶ Конвенция по кассетным боеприпасам от 30 мая 2008 г. (Россия не является участником).

⁷ Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой от 5 августа 1963 г. (ратифицирован СССР 25.09.1963); Договор о нераспространении ядерного оружия от 1 июля 1968 г. (ратифицирован СССР 24.11.1969); Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний от 24 сентября 1996 г. (подписан Российской Федерацией 24.09.1996, ратифицирован 27.05.2000, не вступил в силу).

оружия 1968 г.¹ — устанавливает дискриминационный режим, разделяющий государства на «ядерные» и «неядерные», что противоречит принципу суверенного равенства государств, закрепленному в Уставе ООН. При этом западные ядерные державы активно используют данный договор как инструмент давления на другие государства, препятствуя развитию их оборонного потенциала.

Особую категорию составляют договоры об ограничении вооружений и разоружении, заключенные между Россией и США², такие как Договор СНВ-III³ и ныне не действующий Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД)⁴. Данные договоры оказывают непосредственное влияние на стратегический баланс между ведущими ядерными державами, однако их эффективность была серьезно подорвана в результате односторонних действий США по выходу из Договора по ПРО и фактическому саботажу ДРСМД. В настоящее время, после приостановки Россией участия в Договоре СНВ-III⁵, стратегический диалог с США фактически прекращен, что отражает общую деградацию режима контроля над вооружениями в условиях нарастающей конфронтации.

С точки зрения пространственного действия международно-правовые ограничения методов и средств ведения войны номинально имеют универсальный характер, однако их реальное применение значительно варьируется в зависимости от геополитического контекста. Особо показательным является избирательное приме-

нение норм международного гуманитарного права в зонах специальных военных операций, где западные государства и подконтрольные им международные организации систематически предъявляют необоснованные претензии к действиям России, игнорируя при этом массовые нарушения со стороны поддерживаемых ими режимов.

В новых субъектах Российской Федерации правовой режим ограничения методов и средств ведения войны также имеет специфику, связанную с необходимостью обеспечения безопасности гражданского населения в условиях продолжающихся вооруженных провокаций со стороны киевского режима. При этом Россия неукоснительно соблюдает основополагающие принципы международного гуманитарного права, в то время как западные «партнеры» закрывают глаза на систематические нарушения этих принципов со стороны ВСУ, включая использование запрещенных методов ведения войны и террористические атаки на гражданскую инфраструктуру.

Действие международно-правовых ограничений по кругу лиц охватывает различные категории участников вооруженных конфликтов, включая комбатантов, некомбатантов, частные военные компании и нерегулярные формирования. Однако в условиях современных гибридных войн разграничение между этими категориями становится все более размытым, что создает дополнительные правовые коллизии. Западные государства активно используют частные военные компании и прокси-силы для проведения операций в

¹ Договор о нераспространении ядерного оружия от 1 июля 1968 г. (ратифицирован СССР 24.11.1969).

² Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-III) от 8 апреля 2010 г. (ратифицирован Российской Федерацией 28.01.2011, действие приостановлено Россией с 28.02.2023); Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) от 8 декабря 1987 г. (прекратил действие 02.08.2019).

³ Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических

наступательных вооружений (СНВ-III) от 8 апреля 2010 г. (ратифицирован Российской Федерацией 28.01.2011, действие приостановлено Россией с 28.02.2023).

⁴ Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) от 8 декабря 1987 г. (прекратил действие 02.08.2019).

⁵ Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-III) от 8 апреля 2010 г. (ратифицирован Российской Федерацией 28.01.2011, действие приостановлено Россией с 28.02.2023).

обход международно-правовых ограничений, тем самым подрывая сам принцип ответственности государств за соблюдение норм международного гуманитарного права.

Региональные соглашения, такие как Соглашение о первоочередных мерах по защите жертв вооруженных конфликтов 1993 г.¹ и ныне приостановленное Соглашение об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ)², дополняют универсальные договоры, адаптируя их положения к специфике конкретных регионов. Однако их эффективность также ограничена из-за политизированного подхода западных государств к их имплементации. Показательным примером является ДОВСЕ, который был фактически похоронен в результате расширения НАТО на восток и отказа альянса учитывать законные интересы безопасности России.

Характерная черта современного международно-правового режима ограничения методов и средств ведения войны — его избирательное применение в зависимости от геополитических интересов ведущих мировых держав. США и их союзники систематически нарушают нормы международного гуманитарного права в ходе военных операций в Ираке, Афганистане, Ливии, Сирии и других странах, прикрываясь риторикой о «гуманитарных интервенциях» и «борьбе с терроризмом». При этом те же страны выступают с обвинениями в адрес России и других независимых государств, игнорируя очевидный двойной стандарт в своих подходах.

Двойственность западной интерпретации международно-правовых ограничений особенно ярко проявляется в отношении новых видов вооружений и методов ведения войны, таких как кибероружие, автономные боевые системы, оружие направленной энергии и др. Западные державы активно развивают данные технологии, одновременно предпринимая попытки ограничить доступ к ним России и других потенциальных конкурентов через

механизмы экспортного контроля и политического давления.

Таким образом, критический анализ существующего международно-правового режима ограничения методов и средств ведения войны выявляет его принципиальную ангажированность и использование в качестве инструмента политического давления на Россию и другие независимые государства. В условиях формирования многополярного мира требуется кардинальный пересмотр этого режима с учетом реального баланса сил и законных интересов безопасности всех участников международных отношений. Российская Федерация, как одна из ведущих военных держав, заинтересована в формировании справедливой и недискриминационной системы международно-правового регулирования методов и средств ведения войны, основанной на принципах равноправия и взаимного учета интересов безопасности.

Имплементация и практическое соблюдение международно-правовых обязательств в области методов и средств ведения войны представляет собой многоаспектный процесс, требующий детального анализа как нормативно-правовой базы государств, так и их реального поведения в контексте военных конфликтов. Российская Федерация традиционно демонстрирует системный и последовательный подход к внедрению международных стандартов в национальное законодательство, что контрастирует с избирательной и политически мотивированной практикой западных государств. Сравнительный анализ имплементации договорных обязательств Россией, странами ближнего и дальнего зарубежья позволяет выявить существенные различия в подходах к соблюдению международного гуманитарного права.

Имплементация международно-правовых ограничений методов и средств ведения войны в российском законодательстве осуществляется через комплексную

¹ Соглашение о первоочередных мерах по защите жертв вооруженных конфликтов от 24 сентября 1993 г. (в рамках СНГ).

² Соглашение об обычных вооруженных силах в Европе от 19 ноября 1990 г. (ДОВСЕ) (участие России приостановлено с 12.12.2007).

систему нормативных актов, включающую федеральные законы, подзаконные акты, а также доктринальные и стратегические документы. Ключевым элементом этой системы является Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне», который определяет основы оборонной политики России и устанавливает принципы применения Вооруженных Сил Российской Федерации. Данный закон прямо указывает на необходимость соблюдения норм международного права при ведении военных действий, что свидетельствует о приверженности России базовым принципам международного гуманитарного права.

Важнейшим механизмом имплементации международных договоров в российское законодательство является процесс ратификации, примером которого служит Федеральный закон от 5 ноября 1997 г. № 138-ФЗ «О ратификации Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении». Данный закон не только ввел в действие соответствующую международную конвенцию на территории России, но и стал основой для создания национальной системы контроля за уничтожением химического оружия, которая эффективно функционировала вплоть до полной ликвидации арсеналов химического оружия в 2017 г.

Стратегические документы, такие как Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976) и Концепция внешней политики Российской Федерации¹, также играют важную роль в имплементации международно-правовых ограничений методов и средств ведения войны, определяя конкретные принципы и подходы к применению военной силы в современных условиях. Военная доктрина прямо указывает на обязательность соблюдения международного гуманитарного права российскими вооруженными силами, что находит отражение в боевых уставах и инструкциях Вооруженных Сил Российской Федерации.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 27

Практика применения международно-правовых ограничений в ходе военных операций России демонстрирует последовательное стремление к минимизации жертв среди гражданского населения и соблюдению базовых гуманитарных принципов. Это наглядно проявилось в ходе конфликта в Сирии, где российские ВКС осуществляли точечные удары по позициям террористических группировок, избегая поражения гражданских объектов. Аналогичный подход реализуется и в рамках специальной военной операции, где российские вооруженные силы предпринимают беспрецедентные меры по эвакуации гражданского населения из зоны боевых действий и обеспечению его безопасности.

Принципиально иная картина наблюдается при анализе практики имплементации международно-правовых ограничений в постсоветских государствах, особенно тех, которые выбрали путь конфронтации с Россией. Украина, декларируя приверженность международному гуманитарному праву, систематически нарушает его базовые нормы, что проявляется в целенаправленных обстрелах гражданских объектов, использовании запрещенных методов ведения войны, включая размещение военных объектов в жилых районах, и откровенном терроре против населения Донбасса. При этом украинское законодательство в данной сфере характеризуется избирательностью и политической ангажированностью, что находит отражение в официальной военной доктрине Украины, фактически ориентированной на конфронтацию с Россией.

Страны Прибалтики, несмотря на формальное принятие большинства международных конвенций в области международного гуманитарного права, последовательно искажают их нормы в угоду интересам НАТО. Это проявляется в активном участии данных государств в программах военного перевооружения альянса, включая размещение на своей территории аме-

октября 2023 г. № 788 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации».

риканских систем ПРО и других стратегических вооружений. Кроме того, страны Прибалтики создают нормативно-правовую базу для дискриминации русскоязычного населения, что фактически подрывает базовые гуманитарные принципы, закрепленные в международном праве.

Военные доктрины и соответствующее законодательство большинства стран СНГ и ЕАЭС в целом согласуются с российскими подходами к имплементации международно-правовых ограничений методов и средств ведения войны. Это обусловлено общими историческими традициями военного строительства, а также сохраняющимися связями в сфере военного образования и подготовки кадров. Однако в ряде случаев наблюдаются попытки отдельных государств, таких как Азербайджан и Грузия, адаптировать свое законодательство к стандартам НАТО, что создает потенциальные риски для региональной безопасности.

Особую обеспокоенность вызывает нарастающая милитаризация формально нейтральных государств постсоветского пространства, таких как Молдова, а также развитие биологических программ двойного назначения на территории соседних с Россией государств, в первую очередь Украины и Грузии. Эти программы, финансируемые США и реализуемые под эгидой Пентагона, представляют прямую угрозу для биологической безопасности России и других стран региона, фактически нарушая Конвенцию о запрещении бактериологического оружия¹.

Имплементация международно-правовых ограничений методов и средств ведения войны западными государствами и их союзниками характеризуется вопиющим двойным стандартом и избирательным применением норм международного гуманитарного права. США и страны НАТО, декларируя приверженность международным конвенциям, систематически

нарушают их положения в ходе многочисленных военных операций по всему миру. Это наглядно проявилось в ходе агрессии против Югославии, Ирака, Ливии, Сирии и других суверенных государств, где западная коалиция целенаправленно уничтожала гражданскую инфраструктуру, использовала запрещенные виды оружия, включая кассетные боеприпасы и обедненный уран, и совершала многочисленные военные преступления против мирного населения.

Законодательство США и стран НАТО в области методов и средств ведения войны характеризуется двойственностью и избирательностью, что проявляется в наличии многочисленных оговорок к ключевым международным конвенциям, а также в создании параллельной системы «правил ведения войны» (Rules of Engagement), фактически легализующей нарушения международного гуманитарного права. Кроме того, военные доктрины западных держав открыто предусматривают возможность превентивного применения военной силы, в том числе ядерного оружия, что противоречит базовым принципам неприменения силы и мирного разрешения споров, закрепленным в Уставе ООН.

Особую опасность представляет использование западными государствами правовых механизмов в рамках гибридной войны против России и других независимых государств. США и их союзники активно используют международные организации, включая специализированные органы ООН, для политизированной интерпретации норм международного гуманитарного права и выдвижения необоснованных обвинений в адрес России. При этом те же международные структуры систематически игнорируют очевидные нарушения со стороны украинского режима и других прозападных сил.

¹ Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их

уничтожении от 10 апреля 1972 г. (ратифицирована СССР 26.03.1975).

Сравнительный анализ имплементации и соблюдения договорных обязательств в области методов и средств ведения войны

Критерий	Российская Федерация	Постсоветские государства	Западные государства (США и НАТО)
Законодательная база	Комплексная система нормативных актов, основанная на принципе добросовестного выполнения международных обязательств. Федеральные законы, Указы Президента	Разнородная система с элементами как советской, так и западной правовой традиции. Значительные различия между странами СНГ и Прибалтики.	Избирательный подход с многочисленными оговорками к международным конвенциям. Параллельная система «правил ведения войны» (Rules of Engagement).
Военные доктрины	Оборонительный характер, четкое следование нормам международного права при применении военной силы	От оборонительных (страны ОДКБ) до агрессивных (Украина, страны Прибалтики)	Концепции превентивных ударов, включая возможность первого применения ядерного оружия. Доктрина «гуманитарных интервенций»
Соблюдение Женевских конвенций	Последовательное соблюдение в ходе военных операций, включая СВО. Внедрение норм в боевые уставы и подготовку военнослужащих	От полного соблюдения (Беларусь, Казахстан) до систематических нарушений (Украина)	Избирательное применение. Многочисленные задокументированные нарушения в Ираке, Афганистане, Ливии, Сирии
Отношение к договорам об ограничении оружия массового уничтожения	Полное соблюдение Конвенций о запрещении химического и биологического оружия. Уничтожение всех запасов химического оружия к 2017 г.	Формальное соблюдение большинством государств. Риски создания биологического оружия под эгидой США в Украине и Грузии	Формальное соблюдение при одновременном развитии программ двойного назначения. Сохранение программ модернизации ядерного оружия
Участие в договорах об ограничении конкретных видов оружия	Избирательный подход с учетом национальных интересов. Неучастие в Оттавской конвенции и Конвенции по кассетным боеприпасам	Разнородный подход. Многие страны присоединились под давлением Запада	Избирательное присоединение. США не участвуют в Оттавской конвенции. Фактическое применение запрещенных видов оружия
Отношение к двусторонним договорам с США	Приостановка участия в Договоре СНВ-III в ответ на недобросовестное поведение США.	Неприменимо.	Односторонний выход из ключевых договоров (ПРО, ДРСМД). Игнорирование обязательств по СНВ-III
Реакция на нарушения МГП другими государствами	Последовательная и принципиальная позиция, основанная на международном праве. Требование объективного расследования.	От солидарности с Россией (страны ОДКБ) до обвинений в адрес России (Украина, Прибалтика).	Политизированный подход. Двойные стандарты в зависимости от геополитических интересов.
Использование правовых механизмов в гибридной войне	Отсутствует. Правовые механизмы используются исключительно по назначению	От нейтральной позиции до активного участия в информационной войне против России.	Активное использование международных организаций и судебных инстанций для давления на Россию.

Анализ приведенной таблицы наглядно демонстрирует принципиальные различия в подходах к имплементации и соблюдению договорных обязательств в области методов и средств ведения войны

между Россией, постсоветскими государствами и западными державами. Российская Федерация последовательно придерживается принципа добросовестного выполнения международных обязательств,

что находит отражение как в национальном законодательстве, так и в практике применения военной силы. В то же время западные государства демонстрируют избирательный подход, фактически подрывающий универсальный характер норм международного гуманитарного права.

Особую обеспокоенность вызывает использование западными державами правовых механизмов в качестве инструмента гибридной войны против России. Манипулируя нормами международного права и контролируя деятельность ключевых международных организаций, США и их союзники создают параллельную реальность, в которой обвинения в адрес России выдвигаются без каких-либо объективных доказательств, а очевидные нарушения со стороны западных протеев, таких как киевский режим, полностью игнорируются.

Принципиальное значение в данном контексте имеет вопрос о контроле за соблюдением обязательств Российской Федерации по международным договорам, регулируемый соответствующим постановлением Правительства Российской Федерации¹. Данный документ устанавливает четкий порядок взаимодействия федеральных органов исполнительной власти в процессе мониторинга выполнения международных обязательств России, что свидетельствует о системном подходе нашего государства к данному вопросу.

В целом, сравнительный анализ имплементации и соблюдения договорных обязательств в области методов и средств ведения войны Россией, постсоветскими государствами и западными державами позволяет сделать вывод о необходимости кардинального пересмотра существующей системы международно-правового регулирования данной сферы. Двойные стандарты, политизированный подход и использование правовых механизмов в качестве инструмента гибридной войны подрывают саму идею универсальности международного гуманитарного права и

требуют от России разработки собственной доктрины оптимизации договорных обязательств, основанной исключительно на защите национальных интересов.

В условиях кардинальной трансформации системы международных отношений и формирования многополярного мира происходит фундаментальный пересмотр подходов к международному праву в целом и к договорным обязательствам в области методов и средств ведения войны, в частности. Российская Федерация, столкнувшись с беспрецедентным давлением со стороны коллективного Запада и системным нарушением базовых принципов международного права западными государствами, вынуждена разрабатывать собственную доктрину оптимизации договорных обязательств, основанную исключительно на приоритете национальных интересов. Подобная доктрина должна не только отвечать современным вызовам и угрозам, но и создавать правовую основу для эффективного применения военной силы в условиях гибридных войн XXI в.

Концептуальной основой пересмотра договорных обязательств России в области методов и средств ведения войны должен стать приоритет национальной безопасности и суверенное право на защиту национальных интересов. Данный принцип, закрепленный в Концепции внешней политики Российской Федерации и Военной доктрине, означает, что Россия при оценке целесообразности участия в международных договорах и соблюдения их положений будет исходить исключительно из соображений обеспечения собственной безопасности, а не абстрактных гуманитарных идеалов, манипулятивно используемых Западом.

Современная геополитическая ситуация требует реалистического подхода к международному праву, учитывающего его глубокую политизацию и использование в качестве инструмента давления на независимые государства. Как было продемонстрировано в предыдущих главах данного исследования, западные державы

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 15 января 2022 г. № 10 «О порядке взаимодействия федеральных органов исполнительной

власти при осуществлении контроля за соблюдением обязательств Российской Федерации по международным договорам».

систематически нарушают базовые нормы международного права, включая запрет на применение силы и принцип невмешательства во внутренние дела других государств, одновременно обвиняя Россию в нарушении тех же норм. В этих условиях слепое следование международным обязательствам без учета их реального применения другими участниками международных отношений является стратегически опасным и политически наивным.

Доктрина оптимизации договорных обязательств России должна базироваться на четких критериях, позволяющих определить целесообразность участия в тех или иных международных договорах в области методов и средств ведения войны. К числу таких критериев следует отнести соответствие договорных обязательств современным вызовам и угрозам, их влияние на оборонный потенциал страны, а также баланс между гуманитарными ограничениями и эффективным ведением военных действий в условиях гибридных конфликтов.

Ключевым элементом предлагаемой доктрины должна стать дифференцированная оценка различных категорий международных договоров с точки зрения их влияния на национальную безопасность России. Базовые нормы международного гуманитарного права, закрепленные в Женевских конвенциях 1949 г. и Дополнительных протоколах к ним, следует рассматривать как минимальный стандарт гуманности, соблюдение которого отвечает не только международным обязательствам России, но и ее историческим традициям ведения войны. В то же время договоры, направленные на ограничение конкретных видов вооружений, такие как Оттавская конвенция и Конвенция по касетным боеприпасам, требуют критической оценки с точки зрения их влияния на оборонный потенциал страны.

Отдельного внимания заслуживают двусторонние договоры с США в области контроля над вооружениями, такие как приостановленный Договор СНВ-III и прекративший действие Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД). Систематическое нарушение

данных договоров американской стороной и одностороннее разрушение режима контроля над вооружениями свидетельствуют о необходимости выработки принципиально новых подходов к стратегическому диалогу с США, основанных на жестком отстаивании российских интересов и отказе от уступок в критически важных для национальной безопасности вопросах.

Стратегия пересмотра и денонсации невыгодных договоров должна включать в себя как юридические механизмы выхода из международных соглашений, так и политические меры по нейтрализации негативных последствий таких действий. Международное право предоставляет государствам различные возможности для прекращения участия в международных договорах, включая денонсацию, приостановление действия договора в связи с его существенным нарушением другими участниками, а также ссылку на коренное изменение обстоятельств (*clausula rebus sic stantibus*). Россия может и должна использовать эти механизмы для выхода из договоров, противоречащих ее национальным интересам.

Примером эффективного применения данного подхода может служить решение России о приостановлении участия в Договоре СНВ-III, принятое в ответ на недобросовестное поведение США и использование договора для одностороннего давления на Россию. Аналогичный подход может быть применен и к другим международным соглашениям, если их участники демонстрируют нежелание учитывать законные интересы безопасности России или используют эти соглашения в качестве инструмента политического давления.

Важным аспектом стратегии пересмотра договорных обязательств является разработка комплекса мер по нейтрализации негативной международной реакции на подобные действия России. Западные государства и подконтрольные им международные организации неизбежно будут обвинять Россию в «подрыве международного правопорядка» и «нарушении гу-

манитарных принципов», игнорируя собственные систематические нарушения тех же принципов. В этих условиях необходима комплексная информационная кампания, разъясняющая истинные причины пересмотра договорных обязательств России и вскрывающая лицемерие западного подхода к международному праву.

При принятии решения о выходе из конкретных международных договоров необходимо также учитывать возможные контрмеры со стороны западных государств, включая введение новых санкций, дипломатическую изоляцию и усиление военного давления. Данные риски требуют разработки комплексной стратегии противодействия, включающей как политико-дипломатические, так и военно-технические меры. Россия должна быть готова к тому, что оптимизация договорных обязательств в национальных интересах неизбежно приведет к обострению отношений с Западом, однако альтернатива в виде слепого следования невыгодным обязательствам является стратегически неприемлемой.

Параллельно с пересмотром существующих договорных обязательств необходимо выработать критерии присоединения к новым международным инициативам в области методов и средств ведения войны. В условиях формирования многополярного мира Россия должна проявлять избирательный подход к участию в новых договорах, исходя из принципа «не навреди» применительно к национальной безопасности. Любые новые договорные обязательства должны проходить жесткую экспертизу с точки зрения их влияния на оборонный потенциал страны и способность России эффективно отвечать на современные военные угрозы.

Особое внимание следует уделить активному формированию новых правовых режимов с союзниками России, в первую очередь в рамках ОДКБ, ШОС и БРИКС. Создание региональных систем коллективной безопасности, основанных на принципах взаимного уважения и учета интересов всех участников, является эффективной альтернативой западнцентричным международным организациям,

таким как НАТО. В рамках данных объединений Россия может продвигать собственные подходы к регулированию методов и средств ведения войны, направленные на обеспечение реальной, а не декларативной безопасности всех участников международных отношений.

Формирование нового правового пространства регулирования вооруженных конфликтов должно основываться на российской концепции справедливого миропорядка, ключевыми элементами которой являются многополярность, равная безопасность и отказ от западнцентричной модели регулирования международных отношений. Эта концепция, последовательно отстаиваемая Россией на различных международных площадках, исходит из признания многообразия путей развития государств и недопустимости навязывания единой модели общественно-политического устройства или системы ценностей.

В области регулирования методов и средств ведения войны данный подход означает отказ от западной интерпретации международного гуманитарного права, основанной на двойных стандартах и политическом манипулировании гуманитарными принципами. Вместо этого Россия должна продвигать реалистичный подход, учитывающий как базовые гуманитарные соображения, так и законные интересы безопасности государств, включая право на защиту от внешних угроз с использованием всех доступных средств.

Практические рекомендации по модернизации военно-правовой политики России должны включать конкретные шаги по оптимизации договорных обязательств в национальных интересах. В краткосрочной перспективе необходимо завершить инвентаризацию всех международных договоров в области методов и средств ведения войны, участником которых является Россия, с целью выявления тех из них, которые противоречат национальным интересам или используются западными державами для оказания давления на Россию.

На следующем этапе необходимо разработать комплексную стратегию выхода

из невыгодных договоров, включающую как юридические обоснования таких действий, так и меры по минимизации негативных последствий. Ключевое значение имеет правильная последовательность действий – в первую очередь следует денонсировать договоры, оказывающие наиболее негативное влияние на оборонный потенциал России, при этом учитывая международную реакцию и готовность к возможным контрмерам.

Параллельно с пересмотром существующих обязательств необходимо активизировать работу по созданию альтернативных механизмов регулирования методов и средств ведения войны с союзниками России. В рамках ОДКБ целесообразно разработать собственную концепцию допустимых средств и методов ведения боевых действий, учитывающую современные реалии гибридных войн и необходимость эффективного противодействия террористическим угрозам. Данная концепция может стать основой для формирования региональной системы коллективной безопасности, альтернативной НАТО.

В долгосрочной перспективе Россия должна стремиться к формированию новых военно-правовых принципов для справедливого миропорядка, основанных на реальном, а не декларативном равенстве государств и взаимном учете интересов безопасности. Это потребует системной работы на различных международных площадках, включая ООН, ОБСЕ и другие многосторонние форматы, а также активного продвижения российских подходов к регулированию вооруженных конфликтов через научно-экспертное сообщество и средства массовой информации.

Особое внимание следует уделить развитию международно-правового регулирования новых сфер ведения военных действий, таких как киберпространство, космос, информационное пространство и др. В этих областях правовой режим находится в стадии формирования, что дает России возможность активно участвовать в выработке соответствующих норм и правил, продвигая подходы, учитывающие ее национальные интересы. При этом

необходимо противодействовать попыткам западных держав монополизировать регулирование данных сфер и использовать его для сдерживания технологического развития России и других независимых государств.

Реализация предложенной доктрины оптимизации договорных обязательств России в области методов и средств ведения войны потребует координированных усилий различных государственных органов, включая Министерство иностранных дел, Министерство обороны, Совет Безопасности и профильные комитеты Федерального Собрания. Необходимо также активное привлечение научно-экспертного сообщества для разработки теоретических оснований новой доктрины и анализа возможных последствий ее реализации.

Важным аспектом реализации доктрины является также информационно-пропагандистское обеспечение предпринимаемых шагов, направленное на формирование понимания их необходимости как внутри страны, так и на международной арене. Россия должна последовательно разъяснять, что пересмотр договорных обязательств не означает отказа от базовых гуманитарных принципов, а является вынужденной реакцией на систематические нарушения международного права западными державами и использование ими международных договоров в качестве инструмента давления на независимые государства.

Таким образом, доктрина оптимизации договорных обязательств Российской Федерации в области методов и средств ведения войны представляет собой комплексную стратегию, направленную на обеспечение национальных интересов России в условиях формирования многополярного мира и обострения геополитической конфронтации с коллективным Западом. Основанная на принципах реализма, приоритета национальной безопасности и отказа от западнцентричной модели международного права, данная доктрина создает правовую основу для эффективного применения военной силы

Россией в условиях современных конфликтов и проведения активной внешней политики, направленной на защиту российских интересов во всех регионах мира.

Проведенное исследование договорных обязательств Российской Федерации в области методов и средств ведения войны позволяет сделать ряд значимых выводов относительно их состояния, имплементации и перспектив оптимизации.

Массив международных договоров в рассматриваемой сфере представляет собой многоуровневую систему, включающую:

По юридической силе:

— универсальные конвенции высшей юридической силы (Женевские конвенции 1949 г. и Дополнительные протоколы 1977 г., Гаагские конвенции 1907 г.);

— договоры о запрещении оружия массового поражения (Конвенции о запрещении бактериологического и химического оружия);

— договоры о запрещении конкретных видов обычного оружия (Конвенция 1980 г. и протоколы к ней);

— договоры об ограничении ядерных вооружений (Договор о нераспространении ядерного оружия, Договор СНВ-III);

— национальное законодательство Российской Федерации.

По кругу лиц (субъектов):

— многосторонние универсальные договоры в рамках ООН (Женевские и Гаагские конвенции, договоры о запрещении отдельных видов вооружений);

— региональные соглашения (в рамках СНГ, ОДКБ, ранее действовавшее ДОВСЕ);

— двусторонние договоры (в первую очередь с США по стратегическим вооружениям).

По пространству действия:

— договоры универсального действия (Женевские конвенции, конвенции о запрещении оружия массового поражения);

— договоры регионального характера (ДОВСЕ, соглашения в рамках СНГ и ОДКБ);

— договоры с ограниченным территориальным применением (двусторонние

соглашения с отдельными государствами).

По предмету регулирования:

— договоры, ограничивающие методы ведения войны (защита жертв вооруженных конфликтов, запрет на определенные тактические приемы);

— договоры, ограничивающие средства ведения войны (запрет или ограничение конкретных видов вооружений);

— договоры комплексного характера, регулирующие как методы, так и средства ведения войны.

Анализ имплементации указанных договоров выявил существенные различия в подходах России, государств ближнего и дальнего зарубежья. Российская Федерация демонстрирует последовательную политику добросовестного соблюдения основополагающих норм международного гуманитарного права при одновременном избирательном подходе к участию в договорах, потенциально ограничивающих ее оборонный потенциал (неучастие в Оттавской конвенции и Конвенции по кассетным боеприпасам).

Государства ближнего зарубежья демонстрируют гетерогенные подходы к имплементации международных договоров: от полного соблюдения в рамках союзнических отношений с Россией (Беларусь, государства ОДКБ) до систематических нарушений и избирательного применения (Украина, страны Прибалтики). Западные государства, декларируя приверженность международному гуманитарному праву, фактически используют его нормы в качестве инструмента политического давления на Россию, игнорируя собственные нарушения в ходе многочисленных военных операций.

В сложившихся условиях единственно верной стратегией для Российской Федерации является разработка и реализация доктрины оптимизации договорных обязательств, основанной исключительно на приоритете национальных интересов и обеспечении национальной безопасности.

Данная доктрина должна включать:

1) критический пересмотр всей системы международных договоров в области методов и средств ведения войны с

точки зрения их соответствия современным национальным интересам России;

2) выход из договоров, налагающих необоснованные ограничения на оборонный потенциал России или используемых в качестве инструмента политического давления;

3) создание альтернативной системы регулирования вооруженных конфликтов с союзными государствами, основанной на принципах многополярности и равной безопасности;

4) активное формирование новых правовых норм в сферах, не охваченных существующими договорами (киберпространство, космос, информационное пространство).

Реализация данной доктрины должна осуществляться без особого учета желаний государств, демонстрирующих враждебность по отношению к России и стремящихся использовать международное право в качестве инструмента сдерживания ее суверенного развития. Только такой подход позволит обеспечить реальную, а не декларативную защиту национальных интересов России в современной системе международных отношений, характеризующейся нарастающей геополитической конфронтацией и разрушением традиционных механизмов международной безопасности.

The general state of the contractual obligations of the Russian Federation in the field of methods and means of warfare

© Sinyaeva N.A.,

Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional (State) and International Law, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Abstract. In this article, the author examines the state of the contractual obligations of the Russian Federation in the field of means and methods of warfare. The existing international legal regime of restrictions on methods and means of warfare is analyzed, treaties are classified according to their legal force, range of persons and scope of action; the level of implementation of international treaties into the national legislation of Russia, CIS and far abroad is assessed; cases of selective application and violation of treaties by various states are identified; Proposals are put forward to develop a doctrine for optimizing Russia's contractual obligations in accordance with national interests, and criteria for reviewing existing obligations and participating in new agreements are proposed.

Keywords: international humanitarian law, international treaties in the field of methods and means of warfare, selective application.

For citation: Sinyaeva N.A. The General state of the Contractual Obligations of the Russian Federation in the Field of Methods and Means of Warfare // Military Law. 2025. No. 3. pp. 217-230.

The article was received by the editorial office on March 22, 2025.

Нюрнбергский процесс: историческое значение и влияние на международное уголовное право

© Шестак Виктор Анатольевич,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры криминалистики
Московской академии Следственного
комитета Российской Федерации имени
А.Я. Сухарева

© Нахатакян Валерий Тигранович,
военнослужащий, Министерство обороны
Российской Федерации

Аннотация. Нюрнбергский процесс (1945—1946) стал первым в истории международным судебным разбирательством над лидерами нацистской Германии за преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности. Этот процесс заложил правовые основы международного уголовного правосудия, введя принцип индивидуальной ответственности за международные преступления. Судебные решения и разработанные принципы впоследствии легли в основу деятельности Международного уголовного суда и трибуналов по бывшей Югославии и Руанде. В статье рассматривается организация, ход процесса, вынесенные приговоры и их последствия для развития международного права.

Ключевые слова: Нюрнбергский процесс, международное уголовное право, преступления против человечности, международный трибунал.

Для цитирования: Шестак В.А., Нахатакян В.Т. Нюрнбергский процесс: историческое значение и влияние на международное уголовное право // Военное право. 2025. № 3. С. 231—237.

Статья получена 21 апреля 2025 г.

Нюрнбергский процесс, начавшийся 20 ноября 1945 г., стал первым в истории международным судебным разбирательством, направленным на привлечение к ответственности лидеров нацистской Германии за преступления, совершенные в ходе Второй мировой войны. Его значение выходит далеко за пределы конкретных судебных приговоров, так как он заложил основы современного международного уголовного права и стал отправной точкой для последующих судебных процессов над военными преступниками. Процесс возник в условиях разрушенной войной Европы, когда мировое сообщество осознало необходимость создания правового механизма, предотвращающего безнаказанность за военные преступления, агрессию и геноцид. Он стал ответом на ужасы Холокоста, массовые убийства,

насильственные депортации и преступления против человечности, совершенные нацистским режимом. Четыре ведущие державы-победительницы — СССР, США, Великобритания и Франция — разработали правовую основу для трибунала, который впервые признал преступными действия не только отдельных лиц, но и целых организаций¹. Судебное разбирательство в Нюрнберге стало важной вехой в развитии международного права, закрепив концепцию индивидуальной ответственности за международные преступления, включая преступления против человечности. Введение принципа неприменимости служебного положения в качестве оправдания за совершенные преступления стало значительным шагом в формировании будущих механизмов международного правосудия.

¹ Асабин А.М. Нюрнбергский процесс // Конституционализм, его принципы и их роль в развитии и защите прав человека : Материалы VII Молодежных образовательных чтений, Уфа, 26 апреля 2023

г. Уфа: Научно-исследовательский институт проблем правового государства, 2023. С. 18—20.

Организация Нюрнбергского процесса стала беспрецедентной как с точки зрения международного права, так и в контексте судебной практики того времени. Международный военный трибунал (МВТ) был учрежден 18 октября 1945 г. на заседании в Берлине, где были утверждены его устав, порядок работы и состав участников. Главной задачей суда стало рассмотрение преступлений, совершенных лидерами нацистской Германии, а также преступных организаций, таких как Генеральный штаб и Верховное командование вермахта, гестапо, СА, СС, СД, руководство НСДАП и правящий кабинет правительства¹.

Процесс был тщательно подготовлен. Доказательная база начала формироваться задолго до капитуляции Германии: союзники собирали свидетельства преступлений нацистов, анализировали трофейные документы, проводили допросы военнопленных. В ходе процесса были представлены многочисленные доказательства преступлений нацистского режима. Обвинение опиралось на обширную документальную базу, включая официальные нацистские документы, приказы и переписку. Были заслушаны показания свидетелей, переживших концлагеря, а также признания некоторых обвиняемых. Особое внимание уделялось доказательствам, подтверждающим планирование и осуществление агрессивных войн, массовые убийства, депортации и другие преступления против человечности. Важную роль в разработке обвинительного заключения сыграл советский юрист Арон Трайнин, который подготовил теоретико-правовые основания для обвинения в преступлениях против мира, что стало ключевой инновацией трибунала².

Судебное разбирательство проходило под эгидой четырех ведущих держав-победительниц: СССР, США, Великобритании и Франции. Каждая страна направила своих судей и обвинителей, что

обеспечило баланс в процессе и предотвратило обвинения в предвзятости. Судьи представляли государства из разных правовых систем, что также требовало поиска компромиссов между континентальной и англоамериканской моделями правосудия. Судебные заседания проходили в здании Дворца юстиции в Нюрнберге, которое было выбрано не только из-за сохранившейся инфраструктуры, но и в силу символического значения: именно в этом городе проходили партийные съезды НСДАП, укреплявшие идеологию нацизма. В зале суда разместились представители обвинения, защиты, подсудимые, их адвокаты, свидетели, журналисты и наблюдатели. Союзники стремились обеспечить максимальную публичность разбирательств, что особенно подчеркивал американский обвинитель Роберт Джексон. На каждом заседании присутствовали сотни журналистов, обеспечивавших оперативное освещение событий в мировых СМИ.

Состав суда включал восемь судей (по два от каждой страны) и столько же их заместителей. От Советского Союза судьями были генерал-майор Иона Никитченко, известный своей жесткой позицией по отношению к подсудимым, и его заместитель Александр Волчков. США представляли Френсис Биддл, бывший генеральный прокурор, и его заместитель Джон Паркер. От Великобритании в трибунале участвовали лорд Джеффри Лоуренс, который был назначен председателем суда, и его заместитель сэр Норман Биркетт. Францию представляли профессор уголовного права Анри Доннедье де Вабр и его заместитель Робер Фалько, принимавший участие в разработке устава трибунала³. Выбор председателя трибунала стал предметом дискуссий. Американцы рассматривали кандидатуру Биддла, но в итоге он сам предложил эту должность Лоуренсу. Лоуренс, обладав-

¹ Бердников О.В., Книга М.Д. Нюрнбергский процесс // Столица науки. 2020. № 7. С. 77—82.

² Тулупова Е.О. и др. Нюрнбергский процесс как проявление международной солидарности в борьбе с нацизмом // Вестник Института права

Башкирского государственного университета. 2022. Т. 5. № 4 (16). С. 110—118.

³ Сафонов М.А. Правовые основы Нюрнбергского процесса: нормы и источники права // Пролог: журнал о праве. 2020. № 4 (28). С. 3—9.

ший репутацией уравновешенного и беспристрастного судьи, сумел организовать процесс таким образом, чтобы соблюсти баланс между различными правовыми подходами союзников и поддерживать порядок в зале заседаний¹.

Судебные слушания проводились в условиях строгой дисциплины. Все участники трибунала следовали установленным регламентам, в том числе требованиям к языковому переводу. Процесс стал одним из первых, где применялся синхронный перевод, что потребовало привлечения высококвалифицированных переводчиков. Однако в начальный период союзники сталкивались с проблемами нехватки специалистов, особенно в советской делегации. В целом организация Нюрнбергского процесса стала образцом международного правосудия, продемонстрировав, что преступления против человечности не могут оставаться безнаказанными, а главные виновники агрессии должны понести заслуженное наказание независимо от их положения и заслуг перед государством.

Основные обвинения.

Нюрнбергский процесс стал первым случаем в истории, когда международный суд предъявил обвинения не только отдельным лицам, но и организациям, действовавшим от имени государства. Обвинительное заключение, официально принятое 18 октября 1945 г., включало три ключевых пункта: преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности. Эти категории охватывали широкий спектр действий, совершенных нацистскими лидерами как до, так и во время Второй мировой войны. Так, нацистский режим обвинялся в сознательной подготовке и развязывании агрессивных войн в нарушение международных соглашений. Согласно материалам

обвинения, Германия планомерно использовала свою политическую и военную мощь для агрессии против соседних государств, начиная с Австрии и Чехословакии, а затем продолжая войну против Польши и других стран Европы².

Одним из ключевых эпизодов, фигурировавших в обвинении, было нападение на Польшу 1 сентября 1939 г., ознаменовавшее начало Второй мировой войны. Обвиняемые были признаны виновными в планировании и ведении агрессивных военных действий против Франции, Бельгии, Нидерландов, Дании, Норвегии и других стран. Отдельное внимание было уделено нарушению Германией пакта о ненападении с СССР. Вторжение немецких войск 22 июня 1941 г. на территорию Советского Союза стало еще одним доказательством обвинения агрессивной политики Третьего рейха³. В ходе процесса также рассматривались вопросы сотрудничества Германии с Италией и Японией, в том числе в контексте подписанного в 1936 г. Антикоминтерновского пакта. Обвинение доказывало, что эти альянсы служили инструментом подготовки к войне против США и Великобритании, а нападение на Перл-Харбор стало прямым следствием координации действий нацистского руководства и их союзников.

Ключевой частью обвинения стали также и многочисленные случаи нарушения законов и обычаев ведения войны. В судебных документах подробно описывались преступления против мирного населения на оккупированных территориях, массовые убийства, жестокое обращение с военнопленными и разрушение населенных пунктов без военной необходимости⁴. Нацистские лидеры были обвинены в систематических расправах над гражданским населением, включая геноцид еврейского народа, массовые убийства славян,

¹ Горохов В.М. К вопросу об искажении текста приговора Международного военного трибунала в сборниках материалов «Нюрнбергский процесс» // Власть истории — История власти. 2024. Т. 10. № 51. С. 119—129.

² Грачева Ю.В., Есаков Г.А. Нюрнбергский процесс и современное уголовное право (по мотивам

книги А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира») // Государство и право. 2022. № 4. С. 42.

³ Сафонов М.А. Указ. соч.

⁴ Бердников О.В., Книга М.Д. Указ. соч.

цыган, политических противников и других категорий граждан, которых нацистская идеология считала «нежелательными». Огромное количество людей было насильственно депортировано с оккупированных территорий в Германию для принудительного труда, что также квалифицировалось как военное преступление¹.

Отдельным пунктом обвинения стала политика германизации оккупированных территорий. Насильственное изменение этнического состава, уничтожение национальных культур, насаждение немецкого языка и административного устройства были признаны грубыми нарушениями международного права. Особенно жестко обвинение выступало в отношении условий содержания военнопленных. Десятки тысяч советских и западных солдат погибли в плену от голода, болезней и жестокого обращения. Суд рассматривал свидетельства массовых казней военнопленных, осуществляемых как в лагерях, так и в ходе боевых действий.

Выдвинутое обвинение в преступлениях против человечности охватывало репрессии, уничтожение миллионов людей и другие бесчеловечные действия, совершенные как на территории Германии, так и в оккупированных странах. Судебное разбирательство подтвердило, что нацистская политика строилась на преследовании, порабощении, пытках и убийствах целых народов и социальных групп. Трибуналу были представлены доказательства функционирования концлагерей и лагерей смерти, таких как Освенцим, Треблинка, Дахау и Майданек, где миллионы людей были подвергнуты массовым казням, медицинским экспериментам и жесточайшим пыткам. Впервые в истории

суд признал, что уничтожение целых этнических и социальных групп — не просто военное преступление, а преступление против человечности, не имеющее срока давности². Кроме геноцида евреев и цыган, обвинение включало проведение политики террора против гражданского населения в оккупированных странах. Аресты без суда, массовые расстрелы, насильственная депортация людей в лагерь, уничтожение политических оппонентов — все это квалифицировалось как сознательная государственная политика нацистского режима.

Приговоры Международного военного трибунала.

Приговоры, постановленные Международным военным трибуналом 1 октября 1946 г., стали кульминацией Нюрнбергского процесса и имели далеко идущие последствия как для международного права, так и для исторической памяти о преступлениях нацизма. Впервые в истории международный суд осудил не только военных преступников, но и политических лидеров, а также признал преступными и основные организации Третьего рейха³. Из двадцати четырех первоначально обвиненных лиц, трое выбыли из процесса еще до его начала. Так, Мартин Борман отсутствовал, его судили заочно. Финансист Густав Крупп избежал суда по состоянию здоровья. Роберт Лей, руководитель Германского трудового фронта, покончил с собой в камере, что вызвало неоднозначную реакцию среди других заключенных.

Трибунал приговорил к смертной казни через повешение 12 обвиняемых, среди которых были ключевые фигуры нацистского режима: Герман Геринг (рейхсмаршал, командующий

¹ Храмов С.М. Нюрнбергский процесс как инструмент правосудия и справедливого возмездия за совершенные военные преступления против человечества // Нюрнбергский процесс: история и современность : Материалы научно-практической конференции V Международного научного форума. Ялта, 26—27 ноября 2020 г. Симферополь, 2021. С. 249—253.

² Шаронова Е.А. Нюрнбергский процесс и его приговор // Вторая мировая война в лицах и докумен-

тах: проблемы развития права и государства : Материалы II межвузовской студенческой научной конференции / Под общ. ред. С.В. Ширяевой. М., 2022. С. 71—75.

³ Герасимова В.С. Нюрнбергский процесс: главный суд XX века // Конституционализм, его принципы и их роль в развитии и защите прав человека : Материалы VII Молодежных образовательных чтений. Уфа, 2023. С. 50—52.

Люфтваффе); Иоахим фон Риббентроп (министр иностранных дел); Вильгельм Кейтель (начальник ОКВ, верховного командования вермахта); Эрнст Кальтенбруннер (начальник Главного управления имперской безопасности); Альфред Розенберг (главный идеолог нацистской партии); Ганс Франк (генерал-губернатор оккупированной Польши); Вильгельм Фрик (министр внутренних дел, один из разработчиков расовых законов); Юлиус Штрейхер (издатель антисемитского журнала «Der Stürmer»); Фриц Заукель (уполномоченный по принудительному труду); Артур Зейсс-Инкварт (рейхскомиссар оккупированных Нидерландов); Мартин Борман (личный секретарь Гитлера, заочно); Альфред Йодль (начальник штаба ОКВ, посмертно оправдан при пересмотре дела в 1953 г.).

Смертные приговоры были приведены в исполнение в ночь на 16 октября 1946 г. в здании Нюрнбергской тюрьмы. Однако Геринг за несколько часов до казни отравился, приняв капсулу с цианистым калием, что позволило ему избежать повешения, которое он считал недостойным казнью для военного.

Некоторые из обвиняемых избежали смертной казни, получив пожизненное или длительные сроки заключения: Рудольф Гесс (заместитель Гитлера по партии) — пожизненное лишение свободы; Вальтер Функ (министр экономики) — пожизненное лишение свободы; Карл Дёниц (гросс-адмирал, глава Кригсмарине, преемник Гитлера на посту Рейхспрезидента) — 10 лет лишения свободы; Бальдур фон Ширах (лидер Гитлерюгенда, гауляйтер Вены) — 20 лет лишения свободы; Альберт Шпеер (министр вооружений и военной промышленности) — 20 лет лишения свободы; Константин фон Нейрат (бывший министр иностранных дел) — 15 лет лишения свободы. Позже Функ и Редер были помилованы в 1957 г. по состоянию здоровья. В 1966 г. на свободу вышли Шпеер и Ширах. Единственным оставшимся в тюрьме осужденным остался Гесс, который провел в заключении более

40 лет. В 1987 г. он был найден повешенным в своей камере, что породило версии о его возможном убийстве. Кроме того, трибунал оправдал трех обвиняемых, что вызвало протест советской стороны: Ганса Фриче (один из руководителей пропагандистского ведомства Геббельса); Франца фон Папена (бывший вице-канцлер и посол Германии в Турции); Ялмара Шахта (финансист, бывший глава Рейхсбанка)¹. Советские представители выразили несогласие с этими оправданиями, особенно с освобождением Ф. Папена, который активно способствовал приходу Гитлера к власти.

Трибунал признал преступными следующие организации: СС (включая Ваффен-СС), Гестапо, СД (служба безопасности), СА (штурмовые отряды), Руководящий состав нацистской партии. Вместе с тем избежали такого признания Генеральный штаб и Верховное командование вермахта, что вызвало протест советской стороны. Несмотря на отдельные спорные моменты, такие, как отказ признать преступным руководство вермахта, Нюрнбергский процесс заложил основу для современной системы международного уголовного правосудия, подтвердив, что преступления против человечности не имеют срока давности.

Заключение

Нюрнбергский процесс стал важнейшей вехой в истории международного права, задав новые стандарты судебного разбирательства и юридической ответственности за преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности. Впервые в мировой практике был создан механизм международного правосудия, который позволил привлечь к суду высшее руководство государства за преступления, совершенные против человечества.

Одним из главных итогов процесса стало установление принципа персональной ответственности, который опроверг концепцию коллективной вины и указал на недопустимость безнаказанности для лидеров государств, военных командиров

¹ Грачева Ю.В., Есаков Г.А. Указ. соч.

и идеологов преступных режимов. Это имело далеко идущие последствия: принципы Нюрнбергского процесса легли в основу международных правовых актов, включая Конвенцию о геноциде (1948 г.), Женевские конвенции (1949 г.) и последующие механизмы международного уголовного судопроизводства.

Судебные решения Нюрнберга сформировали не только правовой, но и исторический прецедент, определивший отношение мирового сообщества к преступлениям против человечности и нацизму. Они подтвердили, что военные преступления и агрессия не могут оставаться безнаказанными, даже если их совершают главы государств и высшие военные чины. Нюрнбергский процесс оказал значительное влияние на формирование исторической памяти о преступлениях Второй мировой войны. Он не только зафиксировал документальные свидетельства ужасов нацистского режима, но и сформировал морально-этическую основу для осуждения тоталитарных идеологий, пропагандирующих расовую ненависть, насилие и дискриминацию. Его наследие продолжает оставаться актуальным, напоминая миру о недопустимости повторения подобных трагедий в истории человечества.

Список источников

1. Асабин А.М. Нюрнбергский процесс // Конституционализм, его принципы и их роль в развитии и защите прав человека : Материалы VII Молодежных образовательных чтений, Уфа, 26 апреля 2023 г. Уфа: Научно-исследовательский институт проблем правового государства, 2023. С. 18—20.
2. Бердников О.В., Книга М.Д. Нюрнбергский процесс // Столица науки. 2020. №. 7. С. 77—82.
3. Герасимова В.С. Нюрнбергский процесс: главный суд XX века // Конституционализм, его принципы и их роль в развитии и защите прав человека : Материалы VII Молодежных образовательных чтений, Уфа, 26 апреля 2023 г. Уфа: Научно-исследовательский институт проблем правового государства, 2023. С. 50—52.
4. Горохов В.М. К вопросу об искажении текста приговора Международного военного трибунала в сборниках материалов «Нюрнбергский процесс» // Власть истории — История власти. 2024. Т. 10. №. 51. С. 119—129.
5. Грачева Ю.В., Есаков Г.А. Нюрнбергский процесс и современное уголовное право (по мотивам книги А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира») // Государство и право. 2022. №. 4. С. 42—46.
6. Сафонов М.А. Правовые основы Нюрнбергского процесса: нормы и источники права // Пролог: журнал о праве. 2020. №. 4 (28). С. 3—9.
7. Тулупова Е.О. и др. Нюрнбергский процесс как проявление международной солидарности в борьбе с нацизмом // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2022. Т. 5. №. 4 (16). С. 110—118.
8. Храмов С.М. Нюрнбергский процесс как инструмент правосудия и справедливого возмездия за совершенные военные преступления против человечества // Нюрнбергский процесс: история и современность : Материалы научно-практической конференции V Международного научного форума. Ялта, 26—27 ноября 2020 г. Симферополь, 2021. С. 249—253.
9. Шаронова Е.А. Нюрнбергский процесс и его приговор // Вторая мировая война в лицах и документах: проблемы развития права и государства : Материалы II межвузовской студенческой научной конференции / Под общ. ред. С.В. Ширяевой. Москва, 2022. С. 71—75.

The Nuremberg trials: historical significance and impact on international criminal law

© Shestak V.A.,

Doctor of Juridical Science, Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics, A.Ya. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

© Nakhatkanyan V.T.,

Military personnel, The Ministry of Defense of the Russian Federation

Abstract. The Nuremberg Trials (1945–1946) were the first international judicial proceedings against the leaders of Nazi Germany for crimes against peace, war crimes, and crimes against humanity. This trial established the legal foundations of international criminal justice, introducing the principle of individual accountability for international crimes. The tribunal's rulings and developed principles later influenced the International Criminal Court and the tribunals for the former Yugoslavia and Rwanda. This article examines the organization, proceedings, verdicts, and their consequences for the evolution of international law.

Keywords: Nuremberg Trials, international criminal law, crimes against humanity, international tribunal.

For citation: Shestak V.A., Nakhatkanyan V.T. The Nuremberg Trials: Historical Significance and Impact on International Criminal Law // Military Law. 2025. No. 3. pp. 231-237.

The article was received on April 21, 2025.
